

№ 6 (64). 2024

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Декабрь 2024 № 6 (64)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк
Дата выхода номера в свет: 27 декабря 2024. Тираж: по востребованности. Заказ № 4901.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Виктор Аксютин. Президент России о войне и мире	5
Галина Хэндус. Почему тупеют нации	8
Сухейль Фарах. О декларации БРИКС-20. Россия – Казань 2024. Может ли новая планетарная философия стать реальной альтернативой?	12

Проза

Иван Привалов. Звёзды, рождённые горами. <i>Документальная повесть. Начало.</i> <i>Продолжение в следующем номере</i>	13
Лидия Довыденко. Рассказы о СВО	34
Юрий Угроватый. Петропуло. <i>Рассказ</i>	42
Станислав Федотов. День Надежды. <i>Рассказ</i>	54
Геннадий Сазонов. Мечты напрасные. <i>Публицистическая повесть</i>	61
Вера Сытник. В Китае звуки русской балалайки. <i>Рассказ</i>	85

Поэзия

Владимир Скиф. Пророчица. <i>Стихи</i>	90
Юрий Баранов. Душа всегда живёт в полёте... <i>Стихи</i>	93
Александр Лобанов. Счастливый удел. <i>Стихи</i>	96
Каспарс Димитерс. Военная сказка. <i>Стихи</i>	101
Виктор Коноплёв. «Время вырвалось из рук...» <i>Стихи</i>	104
Светлана Леонтьева. Волонтёрства зёрна золотые. <i>Стихи</i>	107
Валентина Дробышевская. Под звёздной иконой. <i>Стихи</i>	109

Берега юбилеев

Лидия Довыденко. Крылья доброго ангела Сибири. К 30-летию благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» и о человеке «длинной воли» Аркадии Елфимове	113
Екатерина Фёдорова. Мир чувств в русском романе: А. С. Пушкин и творчество композиторов. К 225-летию А. С. Пушкина	118
Александр Сидоров. Посвящается 210-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова	125
Юрий Москаленко. Колодец. <i>Повесть.</i> К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне	129

Берега истории

Роксолана Жигон. Масонство и идеи просвещения в России. Н. И. Новиков	138
--	-----

Берега культуры и искусства

Никола Р. Казански. Душа Петербурга: Бакст и Гумилёв	148
---	-----

Берега Новороссии

Юрий Хоба. Пядь земли. <i>Рассказ</i>	152
--	-----

Берега переводов

Алави Аль-Хашими. Выход из круга обморока. <i>Поэма</i>	160
--	-----

Берега прочтения

Валентина Семёнова. «Сибирская эпопея» Валентина Распутина. <i>О превратностях жанра</i> книги «Сибирь, Сибирь...»	162
Махмуд Мухаммед Али. Сухейль Фарах и теория альянса цивилизаций	171
Наталья Нефёдова. Рецензия на повесть С. Собакина «Выбор(ы)» // Берега. № 5-2024	177
Эляна Суодене. «В России Пушкин длится...» Русская поэзия в журнале «Берега»-№5- 2024	179

Бережок

Валерий Герланец. Сказ об астероиде и третьей планете	182
--	-----

Наши друзья

О приобретении журнала	186
------------------------------	-----

Виктор Аксючиц

Виктор Владимирович Аксючиц – российский философ, богослов, политик, государственный советник I-го класса. В 1978 году окончил философский факультет МГУ. Самостоятельно изучал русскую религиозную философию. С 1987 года с Глебом Анищенко издавал литературно-философский журнал русской христианской культуры «Выбор». В 1990–1997 годах лидер Российского христианского демократического движения. В 1990–1993 годах народный депутат РФ, председатель Подкомитета по связям с зарубежными организациями Комитета Верховного Совета РФ по свободе совести. Создал и возглавлял депутатскую группу «Российское единство». Инициатор и соавтор закона РСФСР 1990 года «О свободе вероисповеданий», – отменены ленинские и сталинские декреты о религии, распущен Совет по делам религий (орган режима государственного атеизма), предоставлены свободы религиозной деятельности, утверждён в качестве выходного день Рождества Христова, религиозная деятельность освобождена от налогов. В 1997–1998 годах советник первого вице-премьера Правительства России, курировал работу правительственной Комиссии по идентификации и захоронению останков российского императора Николая II и членов его семьи. По своим убеждениям монархист. Женат, восемь детей, много внуков и правнуков.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

На юго-западном фронте России сошлись во вселенской брани несколько эшелонов: **навязанная нам гражданская война, защита русских от укронацизма, борьба русской цивилизации с русофобской экспансией Запада. Глубинный же фронт – битва за образ будущего мироустройства.** Именно об этом эпохальном вызове высказался на **Валдайском** форуме в ноябре 2024 года лидер России: *«Наступает в некотором смысле момент истины. Прежнее устройство мира безвозвратно уходит, можно сказать, уже ушло, а за формирование нового разворачивается серьёзная, непримиримая борьба. Непримиримая прежде всего по той причине, что это даже не схватка за власть или за геополитическое влияние. Это столкновение самих принципов, на которых будут строиться отношения стран и народов на следующем историческом этапе. От его исхода зависит, сможем ли мы все вместе, совместными усилиями построить мироздание, которое позволит развиваться всем, решать возникающие противоречия на основе взаимного уважения культур и цивилизаций, без принуждения и применения силы. Наконец, сможет ли человеческое общество остаться обществом с его этическими гуманистическими началами, а человек – остаться человеком»* (В. В. Путин). Такого уровня и качества **историсофского осмысления не достигал никогда и никто из лидеров стран,** и в России тоже, хотя этот подход основан на ценностях русской цивилизации. Это *«исторически присуще характеру нашего народа, его традициям, системе ценностей, духовно-нравственных координат»* (В. В. Путин).

От русской победы зависит судьба и спасение человечества. Война всё более приобретает измерения **борьбы с инфернальной бездной.** Русская цивилизация в борьбе за суверенитет опирается и возрождает собственные традиционные ценности, христианские в своей основе.

Для спасения христианскому человечеству необходима духовная мобилизация, очищение от накопившихся в веках заблуждений. Наиболее близки к этому Российское государство и Русская Церковь. Очередной раз **Россия, спасая себя, преобразует мироустройство.** Это и продекларировал на «Валдае» президент России: *«Мы не только за свою свободу боремся, не только за свои права, не только за свой суверенитет, а защищаем всеобщие права и свободы, возможности для существования и развития абсолютного большинства государств. В этом в известной степени мы видим и миссию*

нашей страны... Само существование России – гарантия того, что мир сохранит свою многоцветность, многообразие, сложность, и это залог успешного развития... Тот, кто уважает свою культуру и традиции, не имеет права не относиться с таким же уважением к другим. А тот, кто пытается заставлять других вести себя неподобающим образом, неизменно втаптыкает в грязь и собственные корни, свою цивилизацию и культуру, что мы отчасти и наблюдаем... Мы руководствуемся своими ценностями, интересами и представлениями о должном, которые укоренены в нашей идентичности, истории и культуре. И конечно, мы всегда готовы к конструктивному диалогу со всеми» (В. В. Путин).

Россия в войне с мировым злом, в противостоянии однополюсному гегемону, в отношении к странам и народам декларирует новую форму мироустройства – **единство многообразия**. **Что являет древний русский архетип православной соборности, солидарного человечества**. Уже третье десятилетие президент России прояснял для себя и для России, отчасти руководствовался в политике этой универсальной мировоззренческой установкой. И вот он сформулировал её всецело. И предложил мировому сообществу на грани самоуничтожения в качестве пути к спасению. Из выступления на Валдайском форуме:

«Шесть принципов, которые, на наш взгляд, должны быть положены в основу отношений на новом историческом этапе развития.

***Первое. Открытость к взаимодействию** является важнейшей ценностью для подавляющего большинства стран и народов...*

***Второе.** Мы всегда говорили о **многообразии мира как обязательном условии его устойчивости**... Не должно быть ситуации, когда модель одной страны или относительно небольшой части человечества берётся за что-то универсальное и навязывается всем остальным. И, второе, никакой условный, даже вполне демократически выработанный кодекс невозможно взять [и] раз и навсегда приписать как директиву, как неоспоримую истину другим. Международное сообщество – это **живой организм, ценность и уникальность которого в его цивилизационном многообразии**... Новое устройство возможно только на принципах **многоголосия, гармоничного звучания всех музыкальных тем**. Если угодно, мы движемся к мироустройству не столько полицентрическому, сколько к **полифоническому**, в котором слышны и, главное, должны быть услышаны все голоса. Тем, кто привык и хочет исключительно солировать, придётся привыкать к новой мировой партитуре...*

***Третье.** Мы не раз говорили, что новый мир может успешно развиваться только на **принципах максимальной представительности**... Наступающий мир не будет простым именно в силу своего **многообразия**. Чем больше полноправных участников процесса, тем сложнее, конечно, найти оптимальный, устраивающий всех вариант. Зато, когда он найден, есть надежда, что решение окажется устойчивым и долгосрочным. А ещё это позволяет избавиться от самодурства и импульсивных шараханий и, напротив, сделать политические процессы осмысленными и рациональными, руководствуясь принципом разумной достаточности...*

***Четвёртое.** Ключевой принцип безопасности для всех без исключения. Безопасность одних не может быть обеспечена за счёт безопасности других... Дух уважения и учёта интересов – на этом основана и будущая система евразийской безопасности, которая начинает формироваться на нашем огромном материке. И это **не только подлинно многосторонний подход, но ещё и многогранный**...*

***Пятое. Справедливость для всех**... Это поиск гармонии интересов, чтобы каждый мог достичь самого важного для себя, но не в ущерб интересам других. «Я выигрываю, но и ты выигрываю». Да и русские люди всегда в России, все народы России всегда, когда это было возможно, исходили из того, что главное – не продавить своё мнение любыми путями и средствами, а постараться убедить, заинтересовать в честном партнёрстве и равноправном взаимодействии. Наша история, в том числе история отечественной дипломатии, не раз показывала, что значит **честь, благородство, миротворчество, снисхождение**... (О БРИКС:) Дипломатам и другим государственным деятелям пришлось приложить максимум сил, такта, на деле показать **умение слышать, слушать друг друга**, чтобы добиться желаемого результата. Немало сил на это ушло. Зато именно так рождается **уникальный дух сотрудничества, он основан не на принуждении, а на взаимопонимании**... Встречи предпринимателей, учёных, интеллектуалов наших стран могут стать пространством для глубокого философского, фундаментального осмысления современных процессов мирового развития с учётом особенностей каждой цивилизации с её культурой, историей,*

идентичностью традиций... **Дух уважения и учёта интересов** – на этом основана и будущая система евразийской безопасности, которая начинает формироваться на нашем огромном материке. И это не только подлинно многосторонний подход, но ещё и многогранный...

Шестое. Любое устойчивое международное устройство может базироваться только на **принципах суверенного равенства**... Особенность современного мира, тесно связанного и целостного, как раз и заключается в том, что государства не самые могучие, большие, зачастую играют даже большую роль, чем гиганты, хотя бы потому, что они способны более рационально и целенаправленно использовать свой человеческий, интеллектуальный, природный и экологический потенциал, гибко и разумно подходят к решению сложных вопросов, задают высокие стандарты в качестве жизни, в этике, в эффективности управления, в **создании возможностей для самореализации каждого**, в формировании условий, благоприятной психологической атмосферы в обществе для взлёта науки, предпринимательства, искусства, творчества, раскрытия таланта молодёжи. Всё это сегодня становится факторами глобального влияния. Перефразируя физические законы: проигрывая в смысле, можно выиграть в результативности... Неравноправие – будь то в обществе, государстве, на международной арене – обязательно ведёт к дурным последствиям... Современный мир не терпит не только высокомерия, но и глухоты к особенностям, самобытности других. Чтобы выстраивать нормальные отношения, нужно прежде всего прислушаться к собеседнику, понять его логику, культурную основу, а не приписывать ему то, что думаешь о нём сам... Надо не забывать, что все равны в том смысле, что **все имеют право на своё видение, которое не лучше и не хуже других, оно просто своё, и нужно это по-настоящему уважать**. Именно на этой базе формулируется **взаимное понимание интересов, уважение, эмпатия, то есть способность сопереживать, чувствовать проблемы других, способность воспринять чужую точку зрения и аргументы**. И не только воспринять, но и действовать в соответствии с этим, выстраивать свою собственную политику в соответствии с этим. Воспринимать не значит принять и во всём согласиться. Это, конечно, не так. Это прежде всего значит **признать право собеседника на собственное мировоззрение**. По сути, это первый необходимый шаг к тому, чтобы начать находить **гармонию этих мировоззрений**. **Различие, разнообразие надо научиться воспринимать как богатство и возможности, а не как повод к конфликту**. В этом тоже состоит диалектика истории».

Конечно же, эта позиция совершенно не соответствует никаким политическим подходам и традициям. Ибо она религиозна и высоконравственна, а политика и нравственность, как принято, несовместимы. Религия и нравственность – для самосознания человека, меньше – в культурной деятельности, ещё меньше – в общественной, тем более меньше – в экономической. А внутренняя и внешняя политика – это борьба всех против всех. Впервые в истории искренне, ибо в соответствии со своей деятельностью, декларирована универсальная политическая позиция, основанная на фундаментальных религиозных ценностях. Это, безусловно, эпохальное событие. Всемерно укрепляя экономическую и военную мощь для защиты России, наш президент выносит борьбу в запредельное духовное измерение. Ибо нынешняя всемирная брань прежде всего духовная, это впервые **глобальный конфликт идеалов и ценностей** – религиозных в своей основе. «Ныне наша брань **не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против правителей мира тьмы века сего, против духов злобы в поднебесной**» (Еф. 6: 12).

Это, конечно, по законам мира сего невиданный риск, но и единственный путь к победе и спасению, ибо основан на основаниях бытия, на уповании в Боге: «**Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем**» (2 Кор. 4). И потому победим, ибо мы с Богом!

Берега актуальности

Галина Хэндус

Галина Хэндус – прозаик, публицист. Публикуется в журналах, альманахах и электронных порталах: «Берега», «Наша молодёжь», «Русский Вестник», «Русская народная линия», и на её «малой Родине» – газете «Копейский рабочий». Её статьи посвящены актуальным темам: санкции, экономика, русофобия в Европе, «пятая колонна» в России. Интервью с автором и её публицистику печатают интернет-журналы России, Нидерландов, США. В каждой книге Галины Хэндус обязательно присутствует реальный исторический факт, реальный герой, реальный город. Тем интересней взять в руки книгу, где каждое событие обычной жизни проникнуто богатым воображением и неуёмной фантазией автора.

ПОЧЕМУ ТУПЕЮТ НАЦИИ

Наверняка многие из нас задумывались, почему в последнее время люди стали писать с ошибками, делать непозволительные недосмотры в работе, порой просто молотить чепуху, невозможную слушать. Трудно не согласиться, что в массе своей люди становятся менее образованной, скучней, менее эрудированной и культурней. Всё это связано с человеческим мозгом, а для примера возьмём всем известное заболевание деменцию. Согласно статистике, деменция резко помолодела, и это доказанная целенаправленная тенденция. Если раньше это заболевание диагностировали у людей 65+, 70+, то сегодня болезнь затрагивает вполне работоспособных людей в возрасте 45+, 50+. К чему этот пример? Деменция – заболевание, оказывающее негативное влияние на память и мышление, то есть на тот же мозг.

К этой прямой связи вернёмся чуть позднее, а сейчас посмотрим на молодёжь. М. Задорнов как-то подсмотрел, что пишут в СМСках друг другу молодые люди, и очень неприятно удивился уровню общения:

Он: «Ну ты чё?»

Она: «Я ничё, а ты чё?»

Он: «И я ничё».

Она: «Ну тогда ничё...»

И это уровень общения в стране, где родилась мировая литература, А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский. По данным ООН 2022 года, Россия заняла по уровню образования 29-е место после США, Германии, Прибалтийских республик. Даже Новая Зеландия, Исландия и Греция стоят на первых местах. Это как? Согласно тем же данным ООН, по уровню человеческого развития Россия занимает 52-е место после вышеперечисленных стран и даже после Кувейта и Брунея. И ещё одна удивительная цифра. По уровню продолжительности жизни Россия занимает 165-е место (в среднем 69,4 года). Есть страны, о которых я, честно говоря, даже не слышала – Гернси (82,2), Реюньон (81,6), Джерси (80,7) и другие. Не уверена, что природные ресурсы всех вышеперечисленных стран по богатству можно сравнить с российскими, но ведь ресурсы надо осваивать, разрабатывать, внедрять новые технологии, а что может сделать молодёжь с их «чё»? Да ничё!

Да, российские школьники всё ещё занимают первые места в мировых олимпиадах по математике, физике и прочих предметах, но ведь это – единицы! Слишком мало, чтобы двигать страну вперёд. Нужно ориентироваться на средний уровень народа, а он, к сожалению, с каждым годом оставляет желать лучшего.

Но не всё так мрачно. Есть и ложка мёда на бочку дёгтя, которая обязательно должна превратиться в бочку мёда. Сейчас хорошая новость, о которой, вероятно, знают не все. Отчего человек глупеет и у него развивается та же деменция? От нетренированности мозга. Только вдумайтесь – оказывает-

ся, мозг можно тренировать! Человеческая память может самосохраняться, то есть мозг не дряхлеет с возрастом быстрыми темпами, как тело, как мышечная ткань. В любом возрасте и развитии интеллекта можно сохранить функции мозга, мудрость и опыт. Конечно, если в детстве ребёнок учил стихи, а не тупо нажимал на клавиши смартфона. Хотя если и так, но есть желание самосовершенствоваться, возможно, не всё для этого человека потеряно. Это вопрос вопросов. Мозгом надо правильно пользоваться, и чем раньше человек это осознает, тем лучше для него. Не для соседа дяди Васи, не для учителей в школе, не для родителей, а для себя лично.

Как лучше всего активировать мозг? Можно начать учить иностранный язык, заучивать стихи, средней сложности тексты, есть также масса других способов, нужно не полениться и найти подходящий. Необходимо дать мозгу нагрузку, чтобы именно эта нагрузка доставляла удовольствие, — учёные давно знают возможности мозга и говорят об этом разве что не из каждого утюга. Конечно, эта тема для тех, кто интересуется вопросами развития мозга и хочет дожить до старости с вполне адекватным мышлением. Послушайте хотя бы откровения известных учёных Натальи Бехтеревой или Татьяны Черниговской — у вас точно прояснится в голове.

Как стало известно совсем недавно, память — не хранилище, не склад, не подвал, у неё нет объёма, нет ячеек. Сам мозг — сложнейшая машина, интеллектуальный сервер, который работает, как работает набор элементов, как, например, кубики лего, из которых он может собрать любой образ. Мозг состоит из нервных клеток, которые чем больше работают, тем становятся лучше и активней, нужно только научиться правильно мозг эксплуатировать (про тренировку мозга читайте выше). Технически объём мозга увеличить нельзя, но можно его тренировать, то есть медленно, но верно количество нейронов перепрограммировать в их качество. Память — это траектория, сборка и подборка нужных человеку образов. Мозг не понимает слов, он понимает образы, созданные человеком.

Теперь мы подошли близко к причине омоложения деменции и всеобщего оглушения людей. Что вместо тренировки мозга впаривает школьникам либерально-западная система образования? Ведь именно эта система успешно похоронила самое лучшее в мире образование, существовавшее в СССР. Речь идёт не только о России, но о ней — в первую очередь. Вместо заучивания стихов, чтения книг и потом написания грамотных и талантливых сочинений дети тупо ставят крестики на одном из трёх или четырёх ниже написанных под вопросами ответов. Такой подход к обучению усыпляет мозг, лишает его логического и аналитического мышления, не развивает, а делает ленивым и пассивным к новым знаниям. Для чего всё это делается? Не думай, читатель, что для облечения обучения. На дне системы западного массового образования (не путать с частными школами) лежат вполне определённые причины. Приведу слова Гюнтера Андерса (Günther Anders), немецко-австрийского философа, поэта и писателя, написанные в 1956 году:

«Чтобы подавить любое свободомыслие... достаточно... формировать людей с рождения, ограничивая их врождённые биологические навыки.

После этого мы продолжили бы кондиционирование, резко сократив образование, сведя его к усвоению профессиональных навыков. Необразованный человек имеет ограниченный кругозор...

Мы должны сделать так, чтобы доступ к науке становился всё более трудным и элитарным, чтобы существовал разрыв между людьми и наукой и чтобы информация для широкой публики не имела подрывного содержания.

Мы также должны использовать силу убеждения, а не прямое насилие: мы будем массово транслировать по телевидению развлекательные программы, затрагивающие только эмоции или инстинкты.

Умы будут заняты бесполезным и игривым. Удерживать ум от размышлений можно непрерывными разговорами и музыкой. Мы поставим сексуальность на первое место в списке интересов человека. Нет лучшего социального транквилизатора. В общем, мы будем делать это таким образом, чтобы устранить серьёзную часть существования, высмеивать всё ценное, постоянно поддерживать легкомыслие, чтобы эйфория публичности стала эталоном человеческого счастья и образцом свободы.

С массовым человеком, сформированным таким образом, нужно обращаться как с тем, кто он есть: как с коровой, и за ним нужно следить, как за стадом. Всё, что ведёт к апатии его ясномыслия, является общественным благом, и то, что могло бы его разбудить, нужно высмеивать, подавлять, бороться с ним. Любая доктрина, которая ставит под сомнение систему, должна быть обозначена как подрывная и террористическая, а с теми, кто её поддерживает, будут затем обращаться как с террористами».

Умнее и яснее не скажешь. Пророческие слова, написанные 70 лет назад, сегодня сбываются во всей красе. Хотите по пунктам? Да пожалуйста!

1. Доступ к науке становится на самом деле привилегией элиты. Посмотрите на детей богатых бизнесменов, депутатов, прочих денежных мешков – это их дети получают знания в закрытых интернатах за границей, где жёсткая дисциплина, никаких телевизоров и газет, а только актуальные и нужные знания. Всё это стоит безумных денег, которых у среднего класса просто нет.

2. Все развлекательные программы по телевидению направлены на отупление среднего зрителя и слушателя. Об этом говорят многочисленные отклики трезво думающих зрителей, многие из которых вообще отказались от зомби-ящика в доме.

3. Сексуальность – отдельная песня в программе отупления наций. Сегодня активно проталкиваются на любые площадки трансвеститы, гомосексуалисты, детей ненавязчиво, а то и навязчиво призывают к смене пола, фильмы и спектакли либеральной направленности заполнены голыми или полуголыми телами, сексуальными вождениями и прочими атрибутами очень личной жизни человека. Всё выставляется напоказ: цвет, размер, движения, прочие составляющие того, что касается интимной жизни мужчины и женщины.

4. Традиционные ценности высмеиваются, унижаются, сводятся на нет. Вспомните во времена СССР песни о профессиях, о любви, о жизни: «Учительница первая моя», «А мы монтажники-высотники и с высоты вам шлём привет», «Есть одна у лётчика мечта – высота, высота», «Крепись, геолог, держись, геолог, ты ветру и солнцу – брат», «Чтобы не пришлось любимой плакать, крепче за баранку держись, шофёр...». А что сегодня, кроме «Зайка моя», «Каждый день бегу я по краю, что сегодня жрать, я не знаю...», «Я повисла на проводах... в одних трусах...», «Кабы, кабы мужика бы, чтобы мог свести с ума», «Тем, кто за нас в ответе, давно пора понять, – мы маленькие дети, нам хочется гулять», «Я на горшке сижу, ааааа, и в потолок гляжу, ааааа, а во всём виноват круглый оранжевый гад...»?

Можно бесконечно приводить такого рода похабщину и безвкусицу, но зачем? И так всё ясно. Всякие Киркоровы и Милаевские имеют свою публику, которой наплевать на смысл услышанного – мозг их после тупых программ телевидения остаётся девственно-чистым, не отягощённым ни современными реалиями, ни собственной жизнью, ни интеллектом и знаниями. Среднестатистический слушатель-зритель бредёт на поводу своих так называемых кумиров, не задумываясь, а есть ли свет в конце туннеля. Для большинства из них света нет и не будет. Они, ущербно-зомбированные дешёвой пропагандой, так и будут до конца жизни брести в потёмках, завидовать удачливым, ненавидеть успешных. Хорошо сказал Михаил Задорнов: «Рахманинов и Шопен “испортили” мой вкус – не могу слушать Стаса Михайлова».

Ещё два слова к теме кино и телевидения. Знающие люди говорят, что Голливуд – фабрика пропаганды: вся тупая бессмыслица, ужастики и прочие пустые фильмы делают в Голливуде, но не показывают в Америке, их делают только на экспорт, чтобы манипулировать людьми в нужных им странах, в том числе в России. Обратите также внимание на детские мультики с монстрами, одноглазыми чудовищами и прочими ужастиками для детей, которые постоянно присутствуют на голубых экранах, и сравните с добрыми фильмами «Союзмультфильма». Знайте это и берегите детей от низкопробной диснеевской и голливудской пропаганды!

Два слова на тему алкоголя, который тоже активно оглушает нацию. Когда в СССР запустили первый спутник в 1957 году, мир ахнул. Американцы перепугались: Советский Союз, который по представлениям западного мира щипал лаптем хлебал, первый вышел в космос и запустил туда человека. Выяснилось, что в трезвой России, – а Россия была до Хрущёва трезвой, – интеллект школьников был самым высоким в мире! Сегодня школьники на переменах дуют пиво в сквериках, дымят сигаретами и находятся в конце первой тридцатки по уровню интеллекта. Хотя, на мой незамутнённый пропагандой взгляд, цифра явно завышена и интеллект современного молодого человека намного ниже. Кроме сожаления, эта картина не вызывает других чувств. Но если есть алкоголь, то обязательно есть люди, заинтересованные в большом количестве его продаж. Что интересно, крупные продавцы алкоголя свою продукцию практически не употребляют. Вот и делай вывод, читатель, для кого и для чего продаётся алкогольная продукция.

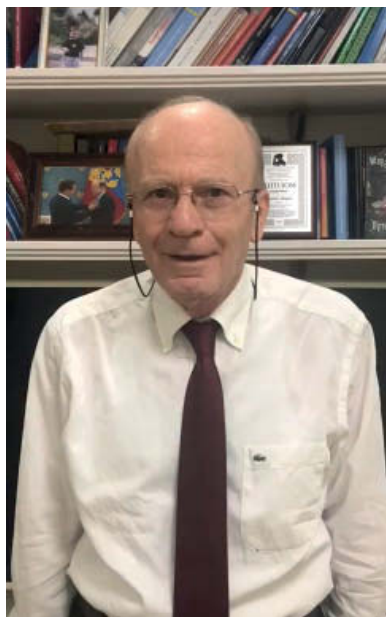
Немногие из нас готовы сражаться за свои идеалы, да даже за собственную жизнь. Вот для таких придумали и внедрили в школьное образование ЕГЭ, – в моём вольном переводе – Единую Годовую Эпидерсию. Для того чтобы школьники не напрягали себе мозги, на раздумывали много, а получали со всех сторон подсказки. Здесь же возникает риторический вопрос: а почему в школьные программы до сих пор включены произведения А. Солженицына и С. Алексиевич? Да, оба получили Нобелевские премии, но не за литературные труды, а за свои антироссийские взгляды. Как писатели, оба не дотягивают даже до среднего уровня этой когда-то уважаемой и почитаемой профессии. Их, этих прозападных патриотов, изучают в российских школах. Почему? Почему бы не сделать упор на А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского? Может быть, потому что Министерство образования и науки Российской Федерации, осуществлявшее функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, успешно похоронили в 2018 году, разделили надвое и, согласно известной фразе Аркадия Райкина, с тех пор «за дикцию никто не отвечает...».

Реформы, которые проводили в 90-е рыжие чубайсы под чутким руководством западно-либеральных сатанистов, были направлены против народа, в первую очередь – против талантливого государствообразующего русского народа. Сегодня проводится та же самая политика относительно наполнения страны мигрантами, в массе своей не говорящими, не читающими по-русски, не принимающими российских ценностей и традиций. Как сказал великий Уильям Шекспир: «Подгнило что-то в Датском королевстве...» Сегодня СВО пытается убрать эту гниль с поверхности земли русской. Не всё получается быстро и сразу, но кое-какие подвижки есть и наверняка продолжатся. Речь идёт в данном случае о выживании такой великой страны, как Россия.

Жизнь человека в его руках. Как он её построят, так и проживёт. Конечно, сорной травой жить намного проще, чем вырастать из гадкого утенка в прекрасного лебедя – этот рост стоит невероятных усилий. Но у русского народа остался большой потенциал. Нам нужно сплотиться, чтобы победить гидру либералов-сатанистов, чтобы они даже забыли смотреть в сторону России! Нужно вернуть веру в себя, вернуть прекрасное советское образование, подстроив его под современные реалии, чтобы стать сильней, умней, лучше. Необходимо поставить крепкие препоны тем, кто пытается сделать из россиян тупое глупое стадо.

Сухейль Фарах

Выдающийся философ и деятель культуры ливано-арабского происхождения в России и в арабском мире, профессор, доктор философских наук, академик РАО и ведущий редактор арабской версии сайта Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир».

О ДЕКЛАРАЦИИ БРИКС-20. РОССИЯ – КАЗАНЬ 2024

***Может ли новая планетарная философия
стать реальной альтернативой?***

На этот судьбоносный вопрос, несомненно, требуются подробные и коллективные подходы с разных сторон, но, отвечая на него, я беру на себя смелость – выделить некоторые тезисы в очень сжатом варианте:

1. Справедливый, многополярный мир как альтернатива несправедливому, однополярному миру.
2. Новый мировой порядок, стабильный для всех, как альтернатива миру войн и хаоса.
3. Равенство в правах и обязанностях как альтернатива миру неравенства и отсутствия обязательств.
4. Отказ от западной неолиберальной философии, отражённой, например, в трудах Фукуямы, и путь к человеческой мудрости, основанной на новой многообразной и разумной философии, которая без дискриминации служит интересам как Востока, так и Запада.
5. Новая историческая возможность активизировать и обновить значение и миссию Организации Объединённых Наций.

Это моё первое прочтение итогового заявления, представленного в документе БРИКС-20 в Казани (Россия) 2024 года, разработанном представителями 35 стран Востока и Запада.

В нём я вижу проблеск света и пространство для оптимизма, доступное каждому хотя бы на теоретическом уровне.

Коллективная воля БРИКС, судя по всему, серьёзно намерена воплотить этот план в реальную положительную энергию.

И важно, что к позитивному взаимодействию также готовы страны, не входящие в БРИКС.

Тем, кто хочет узнать детали Декларации БРИКС, можно обратиться к полному тексту, опубликованному на разных языках на сайте группы БРИКС: <https://brics-expert.info/documents/dokumenty-esvu-briks/kazanskaya-deklaratsiya-briks-23-oktyabrya-2024-goda/?ysclid=m2ofw4cdtn432585942>

Проза

Иван Привалов

Иван Привалов – прозаик, член Союза писателей Луганской Народной Республики. Выполнил служебно-боевые задачи по восстановлению конституционного порядка и разоружению незаконных вооружённых формирований на территории Северного Кавказа. Награждён орденом Мужества, медалями «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й и 2-й степени, а также другими государственными и ведомственными медалями.

ЗВЁЗДЫ, РОЖДЁННЫЕ ГОРАМИ

Документальная повесть

Начало. Продолжение в следующем номере

Люди...

Рождаются, живут, уходят...

Одни незаметно, а кто-то остаётся в памяти газетной статьёй, заметкой, работой, добротой и мыслями, застывшими в сердцах близких и родных. Другие, те, которые в деньгах и власти, остаются скандалами, делами, репортажами и сплетнями. Разными. Кто-то идёт вверх, а кто-то незаметен. Кто-то машет флагом, обращая внимание, а кто-то стоит в сторонке, чтобы не зацепило.

У каждого своё.

Под названием жизнь.

Та самая, что с самого начала переплетено в одно. Целое. Когда каждый шаг – это кропотливая учёба и каждодневный бой для ста пятидесяти миллионов человек. Труд, который называют защитой Отечества. Работа, видимая на парадах, на войне, в городах, сёлах. Слышимая с ревущих успехами трибун, самолётов, дорог, перестуком поездов. Та, что видна, осязаема и слышна. А есть и другая. Каждодневная и незаметная. Та, которую не видно, но которая железобетонным монолитом объединяет в одно целое страну. Людей...

Жизнь...

Живёт человек, живёт, и потом раз – и не стало. Вот ещё вчера он был рядом, дышал с тобой воздухом, что-то где-то делал, а сегодня идёшь по городу, и он снова с тобой, и вот она – пропажа! Вспыхиваешь радостью встречи... Но только останавливает он тебя не радостным весёлым окриком, а холодным пронизывающим до дрожи взглядом. Мемориальной доской. Названием улицы, школы, турнира. Смотришь в гранит, в знакомое лицо, в орден Мужества, выбитый на том же камне, и понимаешь, что не знаешь его. Видишь то, что раньше не замечал в этом улыбчивом человеке, в душе компании – страну. Добрую и сильную. В сердце ёкает, что это знакомый незнакомец. Человек, которого знал не знал на протяжении многих лет. Друг, полжизни стоявший на страже мира и людей. Тебя. Твоей семьи...

Тихо и незаметно.

Защитивший и шагнувший в холодный мир памяти.

А ведь как-то неправильно, что, когда был, жил и в секунды становится застывшим портретом, жизнью, уместившейся на половине стандартного белого листа, где большую часть пространства занимает три фотографии, четыре предложения биографии, два описания гибели, одно о награждении орденом. Ну, и о том, что о нём помнят и чтут.

Время...

Вот вроде есть – и тут же его нет. Вроде было вчера, позавчера... Но что-то заполнило, забило, наполнило. Какая-то суэта, дела, быт... И всё. И нет ничего. Снова одно и то же. Каждый день в каких-то непонятных движениях, разговорах, делах и ничего неделаньях, важностях и необходимости... А времени что? Оно было вчера, есть сегодня... Оно будет завтра... Ему всё равно, что его наполняет. Оно вечно. А мы? Мы-то кто? Кто мы в этом необъятном и несокрушимом потоке? Мелькающие или управляющие? Что нам стоит, каких усилий остановиться в этом яростном беге. Сказать себе: Стоп! Зацепиться за кусочек своей земли и позвонить. Папе. Маме. Другу. Позвонить тем, кто тебе дорог и кого ты любишь. С кем тебе легко и интересно. Поговори. Наполни это несущееся вокруг тебя своей любовью. Останови время. Выбери десяток минут: на бросание камушков в воду, на подсчёт разбегающихся кругов, на кормление вконец обнаглевших голубей и чаек в парке, на молчаливый стук каблучков по старой брусчатке в окружении готики прошлых веков, на чай с блинами или дурманящий аромат сваренного тобой кофе у запорошённого снегом окна... С любимыми. С родными. Эти минуты и есть то, что называется вечностью. Именно и только на них держится вселенная. И ничего нет важнее этих остановленных минут жизни. Всё время соткано и пронизано ими. Моментов, которые идут с тобой всю жизнь. Среди мира и войны. Любви и радости. Год и невзгод... Всё остаётся на огромном полотнище сотворённом нами... И прошлое, и настоящее, и будущее. С будущим всё легко – это наш посаженный сад, выстроенный дом, повзрослевшие дети. Наши мечты, которые скоро или не скоро, но застроены и засажены мечтаниями и планами. Прошлое – обычный театр, кино, где в каждой главной роли ось земли – сам. С радостями и терзаниями сделанного и несделанного, сказанного и промолчавшего. С декорациями и сценами... Как вспомнишь – так и было. И между этими двумя куда-то девается, исчезает, растворяется, ускользает настоящее... Зачем-то недовольство жизнью сменяется раздражением, жалобами на жизнь, судьбу, долю, желанием лучшего, достойного... А всего-то надо добавить чуточку себя из прошлого и чуточку из желаемого завтра. Смешать, но не взбалтывать. Никто это не сделает за нас. Никто. Надо разобраться с собой. И сделать это сегодня сейчас. И будет счастье. Будет замечательно и здорово...

Здорово – это когда среди ночи раздаётся звонок и кто-то радостный и смеющийся кричит тебе раздражённому и ещё спящему:

– Здорово, дружище! Как ты там?!

И ты сдерживаешь себя, чтобы не отправить его куда-нибудь, а, положив трубку, ещё, но уже не спящий, улыбнёшься:

– Вспомнил, чертяка!

Хоть так...

Вспомнил...

А время идёт, бежит, и всё чаще хочется вспомнить.

Вспомнить сегодня и сейчас. А то ведь иногда складывается впечатление, чтобы помнили и наградили, нужно умереть. Словно из песни, по тем или иным причинам, выбросили всё, кроме первой и заключительной строчки. А ведь хочется спеть. От начала до конца. Полностью и во весь голос.

Романтика – как стиль жизни.

Возвышенность чувств и дел.

Во всём.

И хоть не знаешь слов всей песни. Рифмы и слов. Хочется спеть песню о нём, о тех, кто был и есть рядом. И в горе и радости, и в мире и войне. Вырвать припев или куплет о маленьком кусочке их жизни в сто восемьдесят суток. Как из гимна. Чтобы встали и, сняв шапки, отдали долг памяти тем, кто ушёл ради жизни всех нас...

Пусть по-детски, а кто не мечтал стать космонавтом, лётчиком?!

В Балтийске ребята, большинство, знают, что они будут, как их отцы и деды, защищать Родину. Так сложилось. Дух тут такой. Здесь нет семей, в которых нет военных, – все служат Родине. Так или иначе. Когда сызмальства крутишь пальцами папины звёздочки, с трепетом протираешь кокарду с Российским флагом на фуражке и гордишься музыкой его медалей; когда бежишь на пирс и встречаешь провожаешь кричащие и дымящие корабли; когда на День Военно-морского флота стоишь у самой кромки, обдаваемый брызгами солёной воды, и ждёшь, что тебя накроет волной от проходящего военного гиганта; когда мимо тебя с рёвом и плачем несутся яркохвостые ракеты, выпрыгивают из

десантного корабля бронетранспортёры, трещащие пулемётами; когда машут лопастями вертолёты над головой; когда заходятся вальсом катера и морпехи сходятся в рукопашном бою – то нет других мыслей и призвания.

В Балтийске.

В городе, древним маяком провожающим солнышко в море, где жизнь каждого живущего здесь сливается с жизнью страны. С жизнью России...

Пора?

Холодное утро вырывает из тепла дома. Блеском чёрных окон озирается на вспыхнувший не ко времени свет. Пугает тёмными тоннелями пустоты, в конце которых мерцают маленькие одинокие светлячки фонарей.

Пора.

Надо в управление. Получить оружие – и в путь. Тем более что машина, увозящая в другую жизнь, моргнула фарами и замерла в ожидании у подъезда.

Пора!

Всё как-то быстро, что даже по старинному русскому обычаю на дорожку не присели. Не помолились. Схватили вещи – и бегом. Зацепив что-то, грохотнувшее уже за спиной, в прихожей, дорожной сумкой. А машина, видимо, решила, что никто сегодня никуда не поедет. И остановилась она, чтобы стоять, фыркать и кочевряжиться. Вроде всё было нормально, а тут, как норовистый конь, – упёрлась и никак. Но уговорили. Поехала. Теперь осталось затормозиться в дежурке на получение оружия и опоздать на самолёт. И полный комплект последствий, сопровождающийся сдерживаемыми слезами дрожащей жены, и внезапно нахлынувших суеверий.

В дежурке всё прошло на удивление быстро. Уже ждали. Не спят там. Не положено им. Работа такая. Подписи в журнале. Бронежилет на тело, бронекаска на голову, автомат на спину, пистолет в кобуру, подсумок с патронами под мышку – и в аэропорт.

Вот, собственно, и всё.

Просто пришла пора...

Огни аэропорта, как чистилище.

Тут остаются все волнения, страхи, мысли и заботы. А ещё, по совету тех, кто уже побывал и вернулся, – бронежилет и каска. Уже сейчас тяжело, неудобно и всё время по ногам. Двадцать килограммов ненужного веса.

Мишка. Друг Садовый. Он перед вылетом рассказал-проинструктировал, что нужно брать, а что не надо. Что пригодится, а что будет ненужным балластом. Он-то там был не раз. Он знает. И поэтому лишний вес, хоть и полученный как оружие, остаётся на Калининградской земле, чтобы по возвращении встретить его тут же. С друзьями, взявшими их на безопасное хранение. На этом самом месте. Неправильно это, но Михаилу верить и можно, и нужно. А время покажет, кто прав и как надо.

Хлопнул по плечу и рассмеялся:

– Всё, что тебе надо, добудешь в бою. Ещё половину того, что взял, – не пригодится. Домой привезёшь. Самое главное – это газеты местные и чёрный хлеб... И берёзовый веник...

– Да взял, конечно...

И не оглядываясь, из Калининградского слезливого и слякотного ночного января. Под светящимися над темнотой облаками, ещё днём метавшимися по небу, а сейчас застывшими и выстроившимися в сияющий торжеством ряд. В наступившую ночь. В будущее утро.

А за стеклянными прозрачными стенами аэропорта стуком каблуков любимая жена считает секунды до расставания. Без слёз. Слёзы будут завтра. Слёзы были вчера. Слёзы будут за закрытыми дверями опустевшего дома. Без свидетелей. Не нужны они никому. Ни на глаза. Ни на языки. Ни сейчас. Ни потом. А утонувшее в них сердце не увидать...

С силой ещё здесь. С шутками и прибаутками. Объятиями и поцелуями. Друзья рядом. Ждут секунды, чтобы пожать руку и хлопнуть по плечу. Все и всё тут. Только мысли уже там. Там, где идёт война. За спокойное слякотное тут. Вчера ещё был Новый год и праздник, а сегодня, уже через несколько дней, новая жизнь. Новый мир. Новая неизвестная страна.

Рёв турбин. Дрожь взлётки. Взмах крылами, и за окном исчезающий аэропорт, поля, дороги, дома, ставшие обычным лоскутом карты, пробивающейся в иллюминатор сквозь толщу порванных облаков. Холод и красота высоты. Улыбающиеся стюардессы.

И дальше всё в обратном порядке. Со стуком колёс по бетону...

В аэропорту встретили, отвезли, проинструктировали, дали секретный пакет, отвезли, посадили и отправили. Это в Москве.

В Грозном так же просто. Встретили. Посадили в замаскированный временем, грязью и пылью уазик. Отвезли. Встретили. Забрали пакет. Поговорили, распределили и предложили поискать-подождать попутный транспорт, идущий в Ведено. Попутку.

А пока её нет – ждать!

Ни лезгинки, ни пирогов, ни красной ковровой дорожки. Всё просто и надёжно – спасение утопающих дело их рук. И только их.

Ждать.

Неопределённость хуже суеты.

Сидишь на качающейся, скрипящей, стонущей и пищущей, повидавшей транзитной железной кровати, чего-то ждёшь неведомого.

А этого неведомого нет и нет. И накатывает тихий внутренний рокот оттого, что не можешь ничего сделать, чтобы завершить эти переходные терзания и наконец-то обрести свой маленький уголок. Свой маленький кусочек крепости. Бросить свои сумки и определиться. Получить фронт работы и пахать на благо Родины. До этого – ещё в пути. В дороге.

Бездействие – это путь к сумасшествию.

Надписи на стенах: «Посещение рынка – прямая дорога на кладбище», «Солдат! Ничего не поднимай с земли! Опасно!», «Жить опасно – можно умереть», «Удачи Вам, опера!». Плюс четыре стены, и «сиди и никуда не ходи». Радости не добавляют. Особенно сейчас, когда ещё не развеялись по времени дым, пыль, гарь, кровь, крики, стоны предновогоднего теракта. Ещё висит в воздухе рвущий лёгкие смрад пороха и селитры. Ещё в памяти заложники на Дубровке. Ещё всё живо и кровоточит...

Машина пришла. Загрузилась продуктами. Взяла на борт. И умчала в новый путь. Через слякотный, разбитый Грозный. Кутающийся, прячущийся, скрывающийся, утаивающийся в непонятный, неприятный, облизывающий ознобом, стесняющий дыхание утренний зимний туман. Сквозь улицы, перекрёстки, мимо людей и машин. В простор промежутков между посёлками, мечетями, мостами и указателями, раскиданными воронками и ямами. В изъеденный грязными шрамами уходящий стеной горизонт гор.

Настроение, как погода – вроде и зима, а тепло; тепло, а морозит; вроде день, а темно; под колёсами и от колёс – разлетающаяся чвакающая серо-песочная грязь, а на обочинах куски снежных остатков заблудившейся зимы.

Впереди всё понятно – неизвестность.

А чем ближе, тем трепетней. И это не страх. Это детский восторг от красоты. От надвигающейся мощи гор. Одно дело, когда на картинке и издалека, а совсем другое, когда мутная полоска на горизонте ширится и становится чёрной громадой, раскинувшей руки и нависшей со всех сторон. И у тебя два пути: по тоненькой ниточке дороги вверх или камнем вниз. Когда летишь на скорости, выжатой из замученного УАЗа, по малюсенькому карнизу, проложенному аккуратно посередине земли. Несёшься по просыпающемуся серебру вчерашней грязи, а сверху, на высоте, уже столько же, сколько снизу. Тянет вниз, но до неба можно дотронуться рукой. Ближе оно тут. И если бы не то, что машина идёт фактически вперикурку с горой, царапая её зеркалами, и если бы открывались окна...

А вниз лучше не смотреть. Там пустота. Скалы, скалы и туман. И где-то в разрывах бело-серой мглы выглядывает, пробивается и пульсирует голубая ниточка реки. Солнышко бы сюда, да подсветить. Но оно, может, и есть, но не тут... А может, не сейчас... Там, за высотой гор. Выползающее багряными лентами на фиолетово-свинцовое небо. А может, время не пришло.

Чем выше, тем...

В одно из первых дежурств.

На обеспечение безопасности важного мероприятия пришёл по сердцу: белоснежная рубашка, галстук, костюм, блестящие туфли и итальянские очки. Джеймс, который Бонд, отдыхает нервно в сторонке.

Ну а почему не одеться так, как велит сердце? Сердце, которое стучит и гордится тем, что судьба распорядилась и стал служить Родине в одном из самых главных подразделений страны – в контрразведке. Сначала думал, что повезло. Оказалось, что несколько не так. Кто-то наверху оценил внутреннее состояние и решил наградить... или наказать... или испытать...

Отбор начался ещё со школы. С улицы. С общения. Кто-то смотрел, сравнивал, оценивал. Училище. Флот. Характеристики и отзывы. Дела и поступки. Взлёты и падения. И только потом предложение служить. То, от чего сложно отказаться. Хотя и волнительно. Хотя и страшно. Согласился. Хотя за спиной уже сотни миль на боевом корабле и офицерские морские погоны. Повезло?

Погоны оставили родные. Так тут заведено. Хотя и неизвестно, кем. Под одной крышей, в одном кабинете могут служить и лётчики, и пехотинцы, и моряки. Разные. С погонами всех родов войск. Это одно крыло разведки. В другом крыле погоны васильковые. Это кадровые сотрудники, которые окончили специальные высшие заведения и на службе с семнадцати лет. Со школьной скамьи или из семьи...

После мероприятия, уже в кабинете, проводя разбор ситуации, наставник сказал:

– Константин! Мне нравится твой романтический настрой. Но что было не так? Ты вёл себя, как светофор на нерегулируемом перекрёстке, и даже ленивый увидел в тебе работника ФСБ в образе агента ноль-ноль-семь. Ты засветился. Но в этом была и польза – ты отвлёк внимание от всех. Фо-нариком в глаза. Показал, что мы присутствуем, вызвал огонь на себя и дал возможность спокойно работать другим. Огромный минус, что несанкционированная инициатива всегда чревата побочными эффектами. И эти эффекты иногда превышают допустимую грань. А на будущее – одеваться и вести себя в соответствии с обстановкой. Не выделяться. Можно сказать: сливаться, но не скажу. Вы не должны сливаться – вы должны быть частью. Вы должны дышать толпой и вместе с ней. Только тогда вы будете незаметны и сможете выполнить поставленную задачу. И это касается не только работы. Всего. Будьте собой. Откиньте в сторону принадлежность к конторе. А то идёшь по улице, а перед тобой идут... Словно боги, с нимбами над головой и костюмами из не знаю каких магазинов и фирм. Наверное, тоже, небесных. Походка бойцов на ринге. В раскачку. Идут себе не спеша. Плечами, как вёслами-кормыслами, в разные стороны. Не обогнать. Не перепрыгнуть. А ещё более смешно, когда один из них всё время оборачивается, проверяет – есть ли за ним слежка. Изучает всех идущих за ними. Словно рентгеновским аппаратом. Сузит глаза, сделает каменным лицо, задержит внимание на каждом – снимок сделал. А вот то, что они своими костюмами и широкими плечами закрыли весь тротуар и никому не дают обогнать себя, неспешащих, сытых и гордых, это им невдомёк. И идут люди первомайской колонной за ними, с раздражением, до самых дверей управления. И когда они туда заходят, то никто из идущих сзади даже не догадывается, что они сотрудники ФСБ. Время, конечно, с них эту спесь сойдёт... Это урок. Характер человека можно определить одним простым таким эпизодом. Посмотрите, как ведёт себя человек с теми, кто не может по различным причинам дать сдачи, или с теми, кто ему не нужен, не пригодится. И всё становится на свои места. Но не надо уподобляться этим выпускникам вчерашних школ. Вы капельки в море. Вы её волна. Вы её штитьль и шторм. Внешний блеск и лоск – это ничто по сравнению с тем, что у тебя внутри. Снаружи – это до первого порыва ветра и дождя. Самое главное – это огонь внутри. Если он есть, то это навсегда. Все красивые слова, избитые фразы, бородастые анекдоты – всё, что прилипло к тебе за годы предыдущей жизни, просто наборы слов. Самое главное – та истина, к которой пришёл сам, та истина, которую прочувствовал на своей шкуре. И ещё... Не знаю, пригодится ли, но на всякий случай, если встретите на своём пути доброго человека... Не думайте, что он слабый... Зачастую многие ошибочно воспринимают нежность, ласку, вежливость, уступчивость и доброту слабостью... Будьте предельно уважительны, внимательны и осторожны... Зачастую это признаки огромной внутренней энергии и силы... А наглость, беспардонность, хамство, как правило, пустоты... Это от ущербности, бессилия, нереализованности, внутренней ненависти. И всё это они пытаются переложить на плечи других. Не будьте такими. Будьте сильными и счастливыми. Счастливый человек неуязвим. Запомните это.

Ох уж эти наставники.

Приходишь, а они умничают. Поучают. Что-то там растолковывают. А... Слушаешь, конечно, пытаешься всё ухватить, запомнить... Ну что они такого расскажут? Нового и неизведанного. Всё ведь просто – задача получена, задача должна быть выполнена... Всё просто, как всегда... Да вот только в жизни чуточку по-другому. Если поначалу хочется разогнаться и со всего размаху броситься

в новый океан. С головой. Не обращая ни на кого внимания... А нет... Понимание того, что произошла революция сознания, приходит позже. Осознание своих действий в работе огромной, чётко выстроенной и отлаженной системе. Время, когда перестаёшь строить воздушные замки, придумывать и приукрашивать. Когда остаётся здесь и сейчас. Сухие, скупые, чёткие. Факты. Выводы. Решения. Осознание новой жизни благодаря терпению, опыту и мудрости наставников. И с каждым днём всё больше и сильнее тянет к ним. Посоветоваться. Поделиться. Подискутировать... Просто посмотреть старый добрый фильм. Вместе...

Идёшь с ним вместе на встречу с агентом, сидишь в сторонке, слушаешь, запоминаешь, участвуешь. Понимаешь, что такое искусство общения, культура и такт... Ключики, ключики, ключики... а где и кувалда... Всё зависит от собеседника... Но ведь увидеть, понять, оценить нужно в секунду... А в голове только одно – восхищение и страх того, что сам так никогда не сможешь...

Наставники...

Отцы...

Старшие...

Подарившие другой мир...

С теми, кто в ответе за сделанное и несделанное нами... С кем по одной дороге. Уже всегда. В одном направлении...

Навеяло...

Капелька в бушующем войной море. А как теперь себя вести среди этих горных подъёмов, разрывов и спусков, поворотов, заворотов и разгонов?! Одно дело работать среди... а тут без автомата и пистолета никуда.

Кто подскажет направление?

Кто протянет руку?

Разберёмся...

Перелистываем страницу и делаем шаг в другой мир...

«...02 января 2003 г. “Международное французское радио”: ...Французские власти возбудили уголовное дело в отношении группы исламистов, задержанных под г. Парижем в конце прошедшей недели. По данным следствия, исламисты готовили теракт с использованием взрывного устройства. Арестованы они были в ходе операции под кодовым названием “Чеченский след”. Французская контрразведка считает боевиков, прошедших подготовку в Чечне, самыми опасными в Европе. Они профессионально подготовлены к проведению терактов не только с применением взрывчатки, но и химического и бактериологического оружия. На допросе двое из арестованных уже признали, что тренировались в лагерях чеченских боевиков в Панкисском ущелье в Грузии. У задержанных обнаружено оборудование для изготовления поддельных документов, различные электронные компоненты, списки химикатов и запасы химической жидкости в стеклянных флаконах. По оценке экспертов, это – составляющие взрывоопасных материалов...»

А дорога, как мышеловка. Ящиком из длинных досок. Снизу серая. Сверху серая. Сзади концы уже сомкнулись, а впереди ещё никак. Держит их то ли что-то тёмное стоящей стеной, то ли дымка перед ней белёсая... Зазевался, и щелчком упадёт небо на землю, и всё. Кирдык. Нет ни дымки впереди, ни темноты сзади. Тягостное такое настроение. Картина, достойная кисти Куинджи. Это, конечно, не «Ночь на Днепре» с её завораживающей магией из чёрных и зелёных фантазий реальности. Это обычный Кавказ с его суровой магией бытия, с его смертельной красотой, с его притягательным нагромождением вершин и глубин.

Грозный восторг.

На месте всё просто:

– Товарищ полковник! Капитан третьего ранга Покров для дальнейшей службы прибыл! Константин, – и протянул руку для рукопожатия.

– Добрый день, капитан третьего ранга. Начальник отдела по району Казанцев Дмитрий Викторович.

Пожали руки, и всё.

Час на бросить вещи.

Определиться, где стол, стул, кровать.
Где работать, кушать, спать.
Место, куда бежать при нападении.
И всё. Долгожданное – работать.

Первый инструктаж.

Как обычно, как везде. Новичок, ступивший на чужую, в профессиональном плане, землю обязан услышать требования и правила. Границы и трампины. Задачи и всё, всё, всё. От одежды до еды.

Где-то рядом и далеко – Казанцев. Теперь он начальник, наставник и учитель. Медленно и устало рассказывает о требованиях и реалиях. Где-то далеко и рядом...

– Времени для раскачки нет. Тут всё по-другому. Минута промедления может стоить кому-то жизни. От нас. А значит, и от вас зависит многое. Только вчера, во время задержаний боевиков в соседних районах, не стало наших двух коллег. А час назад, уже после того, как ты добрался до места назначения, у Ца-Ведено – обстрел колонны. Вы проскочили, а военным не повезло. Чтобы вы, Константин, понимали – все передвижения по территории республики только в составе колонны и с боевым распоряжением. С обязательной огневой защитой. Это приказ, который мы все обязаны исполнять. Поэтому сегодня уже на вас будет оформлено боевое распоряжение сроком на месяц. Его будешь продлевать постоянно. Без напоминаний. А всё остальное...

Казанцев замолчал, прошёл по комнате, до стены, стукнул еле слышно кулаком по ней:

– Не будет у тебя колонны, бэтээров и сопровождающих вертолётов. Максимум два-три человека из специально-сводной группы военной комендатуры. Все эти приказы и указания, учитывая наши задачи и специфику, – бумажки, предназначенные для того, чтобы кто-то на верхах спал спокойно. С чистой совестью читая сводки о потерях. Они не могут быть исполнены только потому, что оперативная работа не может осуществляться в составе огромных колонн. Даже на встречу с агентом не пойдёшь вдвоём. Это в американских боевиках все по двое ходят. У нас опер – это всегда одиночка. А колонна в условиях нашего района – это красная тряпка и лакомый кусочек для боевиков. Так что всё, как всегда, – опер может надеяться только на себя, на свои ноги и простую солдатскую удачу. Перемещения по району и республике – это наши внутренние вопросы, которые не волнуют никого кроме нас. Если коротко по обстановке, то самые напряжённые и опасные места – это везде. Обстановка в республике, мягко сказать, сложная. Вполне вероятно, что скоро мы передадим свои полномочия по руководству контртеррористической операцией сотрудникам МВД, но сейчас это лежит на наших плечах, и эту работу у нас, даже после передачи, никто не отнимет. Для понимания – тут нам противостоят хорошо организованные и обученные кадровые сотрудники спецслужб других стран. Которые методично проводят мероприятия по уничтожению России. По чуть-чуть. Местные жители – марионетки в их руках. Можно сказать, что сейчас тут идёт осуществление комплексного плана по уничтожению России. Сначала провели обработку мозгов населения, выращивая и подогревая национальную религиозную тему, затем уничтожили нормальную экономику и заменили её другой. Военной. Что сейчас происходит – накачка Чечни оружием и деньгами. Они превратили разбой и убийства в бизнес. Убил солдата-федерала – сто баксов. Милиционера – двести. Сотрудника ФСБ – пятьсот. Узик взорвали – вот тебе тысяча. Ну а о резонансных обстрелах колонн, мест дислокаций федеральных сил, зданий органов власти – тут совсем другой ценник. Эти оплачиваются особо. А с учётом местного менталитета, обычаев и всего прочего... Со всех сторон за нами глаза и уши. Цель одна. Если по-умному, то это звучит как подготовка и проведение диверсионно-террористических акций с применением минно-взрывных устройств. Также сейчас проводятся активные мероприятия по объединению всех бандгрупп для координации действий по оказанию вооружённого сопротивления, организованной подготовке к наступательной диверсионно-террористической деятельности. Уже сейчас идёт масштабная работа по оборудованию схронов с оружием и боеприпасами. Основная цель, конечно, Грозный, но после недавних событий наблюдается некоторое затишье. В город прибывают и легализуются под видом мирных жителей боевики. В том числе из других стран. Наёмники и прочий сброд со всего мира. Проводятся отвлекающие от центра нападения на федеральные силы, расположенные в других районах. Чтобы нанести удар там, где расслабились. И чтобы было совсем понятно, то, по нашим данным, разведки, других служб, основные силы бандформирований сосредоточены в Ножай-Юртовском и Веденском районах. Тут они дома и, соответственно, набирают силу,

восстанавливают боеспособность и численность. Готовят новые базы для размещения и обучения боевиков. В последнее время участились случаи проведения так называемых зачисток боевиками, переодетыми в форму наших спецподразделений, во время которых они убивают, сжигают, похищают своих земляков, желающих мира, работающих в федеральных структурах, администрациях. В ночное время осуществляют патрулирование в посёлках. В дневное время выставляют ложные пункты проверки с целью выявления сотрудников правоохранительных органов.

– Дмитрий Викторович! А это как?

– А это нахалка. Стоит такой пост на дороге. Ты, соответственно, останавливаешься, ибо он ничем не отличается от других, наших. Показываешь удостоверение или пропуск, а тебе вежливо предлагают зайти в машину, стоящую неподалёку, зарегистрироваться. В соответствии с новым указанием руководства. А там – подошедших режут, как скот. Это, Константин, для понимания того, что ты попал на самое остриё ножа. В эпицентр всего. И здесь надо быть готовым ко всему. Это война, как бы её не назвали наши руководители. Что скажешь?

Константин пожал плечами:

– Всё понятно. Всё, как всегда. Мы снова впереди. За всех. И за себя. Не привыкать. Будем работать.

– Всё, как всегда... С маленьким дополнением, что тут несколько чаще взрывают и стреляют. Так что задачи прежние: выявление боевиков и их пособников, противостояние работе иностранных спецслужб. И всё это возможно, если мы переломим ситуацию и заставим работать гражданский механизм. Наша задача – уничтожить рельсы войны, а поезд с врагами сам кувыркнётся в пропасть. Наша основная цель – вернуть мир на эту землю! Пусть хрупкий и относительный, но мир. Победить мы можем только вместе. Сейчас тут уже растёт поколение, которое не знает другой, нормальной жизни. Многие даже читать не умеют толком. Зато стреляют и взрывают неплохо. Поэтому сначала помогать и ещё раз помогать. А чтобы помогать, нужно знать. Посему – вам три дня на изучение оперативных сводок за год. Об изучении местных обычаев, национальной особенности молчу – это само собой разумеющееся. А то, что местность вы должны знать лучше, чем местная вездесущая и всюду проникающая пацанва, то азбука контрразведчика. Вперёд! Времени очень и очень мало... И ещё... Вечером встречаемся в бане. Это у нас такой обычай – встречать вновь прибывших жареной картошкой с луком, хорошим, за неимением берёзового, эвкалиптовым веником. В общем, знакомиться будем. Вливаться в коллектив.

– Есть вливаться в коллектив! – Константин встал по стойке смирно и добавил с улыбкой: – А берёзовый веник я из дому захватил...

Сводки... Сводки... Сводки...

Первые строчки читаются долго и медленно. Необычно, но, наверное, со времён Великой Отечественной войны не сильно-то они и изменились. Структура одна. А цифры и события текут, бегут, бьют. Районы, районы, города. Горы и равнины. Судьбы и люди...

– Что скажешь?

– Товарищ полковник! Что тут сказать? Есть задача минимум и есть задача максимум. Будем работать.

– Не страшно?

– Страшно. А что делать? Работать-то надо.

– Это хорошо, что правду говоришь. Сработаемся. И то, что боишься, – тоже правильно. Без страха нельзя. Ни тут, ни дома. Страх – это красная лампочка в твоей голове. Без неё никуда. Она добрый помощник, главное, чтобы глаза не застила. А пока собирайся. Поедешь работать в специальную сводную группу. ССГ. Это подразделение военной комендатуры. Для противодействия... Эффективного противодействия бандам... В основном в горной части республики, чтобы быстро реагировать на ситуацию. Чтобы максимально быстро прийти на помощь, максимально быстро заблокировать пути нападений и отходов. В ней в основном военные и милиционеры. И наши. От рядового до полковника. От простого бойца до сотрудника спецназа. Следователи, дознаватели, стрелки, гранатомётчики. Хотя, какая на войне градация по должностям? Как кого ни назови, все защищают Родину! Любыми доступными способами. Начальник ССГ – позывной «Голландец». Его зам наш, Глазков Виктор Павлович. Ты поступаешь в его распоряжение. Опытнейший наш сотрудник. На месте всё объяснит, расскажет, покажет. Удачи тебе, солдат!

Группу расположили на месте какого-то позаброшенного, разбитого завода. Обычный армейский палаточный городок, с буржуйками, походными кухнями, техникой и жидким месивом из жёлто-серой грязи. Внутри – железные двухъярусные кровати, где на нижней спишь, а наверху место для складирования нужных и необходимых вещей. Разгрузки с боеприпасами – на крючках из проволоки – на спинках кроватей. Там же и верхняя одежда. Большой, сбитый из досок стол, обтянутый вместо скатерти полиэтиленовой плёнкой. Вместо стульев – длинные и тяжёлые деревянные скамьи.

На столе бумаги, книги, ручки, линейки.

На столе алюминиевая солдатская миска с сахаром, кружки, ложки, банка с чаем, банка с кофе.

На столе – работа.

В центре палатки – печь-буржуйка. У стены дрова и уголь в большой дырявой кастрюле. Всё как обычно. За много лет службы на суше ничего не поменялось. На флоте палаток нет. На флоте порядок. Обычен и всегда. Да и здесь так же. А где нет – там будет.

А времени нет. Это в приказах год за три. На войне. А тут час за месяц. И спешить нельзя, но и быть в ритме должно.

– Очень рад, что прибыли, Константин. С сегодня позывной у вас – «Балтика». Мой – «Глаз». Без званий и подробностей. Или Палыч, – протянул руку худощавый, с залысиной, холодными глазами человек в камуфлированном костюме без знаков различия.

– Рад знакомству, и приступаем к работе. Сейчас. В палатке вы уже разместились. Палатка наша. Если обратили внимание, то стоит она чуть в сторонке от других. Для конспирации. Чтобы никто и ничего не услышал. Ни специально, ни случайно. Нахождение кого бы то ни было рядом – категорически запрещено. Все находящиеся в отряде это знают. Я являюсь заместителем начальника группы. В группе кроме нашего отдела – два отряда милиции особого назначения из Красноярска и Калуги. Коротко – «Соболя». Старший у них из Красноярска. Имя-отчество не скажу, потому что сразу ты не запомнишь, но ребята зовут «Степаныхем», а значит, и позывной тот же. Также подразделение отдельной бригады особого назначения внутренних войск МВД. Вот и всё. Задачи знаешь. Наша – добывать информацию, их – реализовывать. От нашей работы зависят их жизни. Поэтому прошу и требую вспомнить всё, чему учили и учились. Только помните, что тут всё должно быть на пределе. От тебя в кратчайшие сроки: знание местных особенностей, как людей, так и местности. От тебя наблюдательность, память и мысли. От тебя основа нашей работы – отбор людей, привлечение их к сотрудничеству, руководство их работой. Про конспирацию: тут это не игра в молчанку – тут это вопрос выживания. Не время от времени, а постоянно и везде. Не одежда, а кожа. Если хотите, то это образ жизни. Любая информация кому-либо, невзирая на отношения, звания и должности, даже касающаяся местоположения вашей зубной щётки в палатке, только через меня и от меня. Надеюсь, это понятно. И если понятно, то это то, что требовать буду всегда. Помните, что за каждым вашим словом – жизни людей. Сейчас займитесь материалами сообщений от агентов «Хасан» и «Дауд». Дела у меня возьмёте. Проанализируйте.

– Есть!

– Пользоваться закрытым телевизионным каналом получения информации из центра знаете как?

– Обучение прошёл. Второй канал «Россия». Умею.

– Ну вот и хорошо. Посмотрите, насколько она бьёт с имеющейся информацией по другим источникам. Доклад через час. И ещё... Дома вы, конечно, прошли курс боевой подготовки...

– Товарищ полковник! Я кадровый офицер!

– То, что вы кадровый, это хорошо, не надо учить стратегии и прочей военной премудрости... надо, чтобы вы стали боевым офицером. Таким, чтобы не страшно с вами и в бой, и в разведку, да и в засаду... Поэтому прежде к ребятам, в палатку. К «соболям». Чаю с ними попейте. А у нас в подразделении есть майор Смирнов. Алексей. Позывной «Сумрак». Он будет вашим наставником по боевой работе в местных условиях. От того, как и что вы узнаете и усвоите, зависит ваша жизнь и ваших товарищей. А по оперативной работе все вопросы ко мне.

Наставник по боевой оказался ровесником.

А может, даже и моложе.

Обычная «горка» цвета «хаки». Только стиранная-перестиранная. В меру грязная. В солёных разводах пота. Тёмные кроссовки. Смуглое лицо. То ли загорелое, то ли подкопчённое. Худенькое. Короткая стрижка, жилистые руки. Вот и всё.

Только походка. Странная. Вразвалочку, что ли. И ноги как циркули. Очень похож на цаплю. Поднимет ногу вверх, а потом всем телом перемещает её вперёд. Со второй так же. Неуклюже, но быстро. Отличается от парадного шага, отличается. По минному полю строевым не ходят, а так и растяжки целые и здоровье не подорванное.

– Смотри. Всё очень просто. Первое и самое главное, что ты должен знать о местных, их обычаях и прочем, то, что это сильный, смелый и мужественный народ. Если ты это не усвоишь и не будешь учитывать, то тебе будет трудно, а может, совсем невозможно здесь работать.

– Не понял? Ты меня должен научить совсем другому, а не лекции по местному менталитету вычитать... Так говори. По делу...

– Давай так. Я говорю – ты слушаешь. Будешь перебивать или выступать – можешь смело идти к себе. Повторять не буду. Слушаешь и запоминаешь! Без комментариев. Всё понятно?

– Понятно...

– Ну, тогда начинаем с начала. На Кавказе всегда и во все времена ценилось мужество. У них это в крови. Как считают чеченцы, и я, тот, кто лишён мужества, вряд ли может быть твёрдым в исполнении своего долга. Как перед Родиной, так и семьёй. Что, на мой взгляд, одно и то же. Потому везде и всегда уважай своего оппонента, противника и врага. Ну и, конечно, наставников! Это понятно?

– Можно было и не говорить, – улыбнулся Константин, отметив про себя про наставников.

– Тогда, когда мы построили основание, залили фундамент, начнём строить дом. Смотри. Из опыта, вы все опера начинаете с контрольно-пропускных пунктов. На этих пунктах, под видом проверки документов у проезжающих, встречаетесь со своими агентами и прочими жителями. А значит, вы должны быть незаметны плюс обязаны работать в команде как рядовые бойцы. А это значит, при работе на КПП отходить от огневых точек, а мы в основном работаем с двумя, сильно далеко не стоит. С другими по группе ближе трёх метров тоже не рекомендую сходить. Помни, что в кучке вся досмотровая группа – отличная групповая мишень. Прежде чем выйдешь на досмотр, побудь с часок в укрытии, у пулемёта. Покури, воздухом горным подыши, пропитайся окружающим, почувствуй дорогу, послушай, как шумят деревья и о чём шепчет трава. Матушка-земля поможет, подскажет, предупредит. После иди. Досмотр – три человека. Один смотрит, второй страхует, а третий всегда на стороже, с автоматом. Понятно?

– Да.

– Поехали дальше. Самое страшное в нашей работе, знаешь, что?

– Уже нет.

– Однообразие. Внимание притупляется. И тогда всё. Должен постоянно двигаться и вести себя, словно прогуливаешься по полю, нафаршированному минами. На КПП всё предельно просто. Основные правила соблюдаешь, риск уйти в другой мир минимален.

– Говори.

– Никого не подпускать со спины. Это раз. К тебе подходят только по твоему приказу. Это два. Любая нештатная, подозрительная ситуация – это начало боя.

– Например?

– Например... Например... Ну, допустим обед. Машин обычно гражданских много, а тут пусто. Никого, и вдруг едет одна такая из себя.

– И что тут подозрительного и опасного?

– А то, что боевики перекрывают дороги на подъездах к блокпосту вне пределов видимости. И пускают вперёд машину, начинённую взрывчаткой, со смертником. Заезжает она на пост, все пошли её досматривать, и привет родителям.

– А зачем им перекрывать дорогу другим? Ехали бы и ехали.

– Ну, это ведь местные. А на посту могут оказаться женщины, дети, старики. Представляешь, если они погибнут от рук единоверца? Так у них борьба с неверными, а тут свои. Совсем другой коленкор получается. Это когда арабы или кто из наёмников что организует, для показа за рубежом о своей работе, о наших зверствах, так они специально создают затор на посту и производят взрыв. Тот, кто едет с миной, даже не догадывается, что у него и как. А этой братии далеко всё равно, кто и как уйдёт от их бомбы.

– Ясно...

– А если по-дружески... И по жизни... Хочешь выжить тут, что равносильно победе – постоянно ставь себе вопросы и ищи на них ответы, продумывай даже самые фантастические ситуации. Помни, что иногда самое простое решение может оказаться самым эффективным и правильным. Здесь, в группе, на блокпостах, там, где бываешь, – всегда смотри, где укрыться, куда бежать, что делать. Прошагивай маршруты мозгами, ногами, смотри. Где не можешь мысленно, отрабатывай. И всегда, слышишь, всегда ставь себя на место врага. Думай, как он. Двигайся, как он. Это твой успех и твоя жизнь. Во всём.

– Понятно...

– Следующий момент – движение в колонне. Вам это не грозит. Вы тут сами по себе, и тут как повезёт. Поэтому если после подрыва живы, то повезло. Дальше обычно добивают. Из автоматов... Чтобы ты знал, вопреки всему известному – стрельба из автомата – это психологическая штука. Поэтому – упал, вжался в землю, по возможности, если определил, откуда бьют, – спрятался. Спокойно подышал, определил, сколько и что, а уж потом начинай отбиваться или по тапкам. Тут по ситуации. Ещё один маленький момент. Девяносто процентов, что отойти не дадут, а потому слушай. Автомат молчит – значит, ищет цель. Лежи! Начал стрелять – беги, ползи, лети к нему. Сокращай дистанцию, выискивай удобное место для его ликвидации. Это коротко.

– Лёш! Давай чайку заварим. А то у меня от твоей науки скоро мозги закипят.

– Чай. Давай. Чай не пил, какая сила!? Сладенького. Конечно, давай попьём. Нам ещё не один час учиться.

– Ты меня замучить решил?

– Да нет. Самое основное. Понемногу. Мы же с тобой теперь тоже по горам будем бегать. И в снег и в дождь, и вверх и вниз... Фундаментальную подготовку ты прошёл в армии. Правильно?

– На флоте!

– Не суть. Поэтому особенности национальной охоты в боевых условиях и рассказываю. Остальное доберёшь в пути... Что-то не так? – Алексей посмотрел на Костю, на его изменившееся лицо: – Что не так? Ты говори. Не молчи. Тут за пазухой ничего и никогда держать нельзя. Что думаешь, так и скажи. Это дома ты можешь промолчать и уехать к себе в квартирку пивка попить. Тут твоё молчание может оказаться страшнее фугаса. И для нас, и для тебя. Понял?! Как на подводной лодке. Потому, что тебе не понравилось?

Костя посмотрел своему учителю в глаза:

– Про национальную охоту. Мы тут, что, сафари-клуб на людей открыли? Мы здесь для восстановления конституционного порядка...

– Всё! Всё! Всё! Можешь не продолжать! – Смирнов засмеялся: – К словам-то не придирайся. А то вон, пятнами пошёл.

И уже серьёзно:

– Как хочешь назови. Можешь стрелковый клуб, можешь квест, можешь и сафари. Не ошибёшься ни на секунду. Тут всё в одном. В том числе и охота. И чтобы ты понимал чётко и в дальнейшем без вопросов: мы охотимся на них, а они на нас. Тут кто кого. Я вот тебе сейчас рассказываю. Учю, потому что немного побегал по планете. Насмотрелся. Но и ты через пару месяцев со мной будешь если не профи, то асом. И ты главный ловец и охотник, а я с ребятами – это твои автоматы, ружья и ножи. Голова ты. И от тебя тоже будут зависеть наши жизни. Твоя ошибка – и нам кирдык. И ещё. Про ту самую охоту. И ты и я для них важнее денег. Нас пытаются взять живыми. Особенно коллеги из-за кордона. Потому и смотри. Если тебе голову отпилят тупым ножом, то это молокососы, а не боевики...

– Хватит страсти нагонять, давай дальше...

– А что? Чаю не попьём?

– Давай пить и учиться.

– Как скажешь... Помни, то, что свистит, дребезжит, шёлкает – не твоё. Своё не услышишь, а потому учитывай, корректируй себя в пространстве, но не бойся. Чуть не забыл. На темноту не шибко надейся. Сейчас столько разного напридумали, что для них ночь лучше дня. Плюс ориентируются они тут лучше, как ни крути. Одно дело с детства бегать по этим буеракам, а другое, как мы, – понаехали. Бронежилет, он нужен, но в окопах. Нам это обуза. Но это дело каждого. Для некоторых приехавших сюда, если надеть броник и разгрузочный жилет на живот, смысла падать при обстреле

нет. Как колобок. Большой и неуклюжий. Он что стоит, что лежит. Одна высота. А из машины не то что не вылезет, его оттуда домкратом вырывать надо. Так что у каждого свой выбор.

– Ясно...

– А теперь правило левой руки. Движение нужно выбирать против часовой стрелки. Особенно при осмотре домов и зданий. В тебя стреляют – ползи влево. Стреляешь, старайся, чтобы твоё укрытие было слева от тебя. Сверху, над укрытиями, не стреляй. Не поднимайся. Идёшь в группе, близко к другим не подходи, только в пределах видимости. Атаковали – не вздумай бежать – только вперёд. Автомат у бедра. И стрелять до посинения. Пока патроны есть. Веером. Можно в никуда. Пока стреляешь, присматривай укрытие. Отстрелял магазин – новый, и опять побежал, к другому. Двигайся, двигайся, двигайся. Используй всё, что есть для победы, – скорость, ветер, солнце, камни. Не забывай, чтобы один магазин с патронами был в запасе как неприкосновенный запас. Всегда. Его расстреливать будешь уже по чуть-чуть. Когда стреляешь, нужно начинать слева. С оружием не расставаться никогда! Ты на войне, а поэтому оно должно быть готово всегда! Всё.

– С патронами понятно, а солнце тут при чём?!

– При том. Займи место между солнцем и боевиками. Чтобы солнце было за твоей спиной, а им в глаза.

– Понятно.

– И если не знаешь, что делать, – делай что-нибудь.

– Зачем?

– А кто его знает. Это же война. А на ней всякое бывает. Может, и повезёт... из всего неправильного подсознание поможет и выберет то, что нужно. Так бывает. Во время боя иногда включаются необъяснимые механизмы. Ангела-хранителя никто не отменял.

– Сомнительно...

– По-разному... По задержанию нужных вам лиц говорить не буду – это индивидуально, и поэтому перед каждой операцией будет и проходит подробный разбор. По ведению стрельбы в горах, думаю, тебя учили. Ничего не изменилось, только не забывай планку на прицеле автомата менять.

– Это всё?

– Ну, несколько советов. После боя. Особенно первого. Всегда задавай себе три вопроса: Кто я? Где я? Зачем я? Это на всякий случай. Если вспомнишь. А лучше приходи ко мне на чай... Сейчас... Одежду сними свою и постирай. В горячей воде. С мылом, а не порошком. А то пойдёшь в горы и натрёшь тебе всё, что нельзя. И самое главное, старайся не простужаться...

– С чего это ты о моём здоровье стал беспокоиться? – улыбнулся Константин.

– Всё просто. Чтобы нюх работал. Ночью темно, и ты можешь не заметить боевика, лежащего в метре от тебя. А вот учуять можешь. По запаху. Если долго был в схроне, то запах перепревших листьев и немытого давно тела услышишь сразу. Впрочем, это касается и не только гор, и не только ночи. Даже на рынке по запаху можно определить боевика. Тут целый спектр запахов, которые не скрыть за дорогим парфюмом, – оружейное масло, пороховые газы... И прочее, прочее, прочее...

Алексей отпил уже подстывший чай:

– Кроме этого. В кармане всегда должна быть зажигалка, нитки, иглолка, зеркало. Пара презервативов. Подороже. Нож. Нож купи обязательно. Без него тут никак. Обувь... Обратил внимание, какая у меня?

– Обратил.

– Неуставная. Никакая. Если бежать по грязи, то в обычной обуви ног не вытащить. Промокает. Сохнет долго. Моя – зашёл в лужу, поболтал ногами немного – грязи нет. Снял, отжал и побежал. Она и сохнет быстрее. И легко. Но это на любителя. Теорию я тебе дал, а практику будешь сам зарабатывать. Бойцом станешь, когда забудешь, о чём сейчас говорил.

– Я теперь и забыть должен эту твою страшную военную тайну? – рассмеялся Костя.

– Конечно. То, что в мозгах, то лишнее. Пока будешь думать, что и как, уже не надо будет. Всё, что сказал, должно пропитать всего насквозь. Чтобы не думать, а чувствовать. Думать надо после боя. Научишься. В наших мозгах заложен великий инстинкт тысячелетий – выживание. Потому сильно не волнуюсь. Тем более есть такое понятие, как естественный отбор – побеждает сильнейший и осторожный.

– Ты циник...

– Может быть. Это я тебя ещё не пугал. Думаю, это сделают другие. Сейчас напичкают тебя страшилками, и всё – процесс обучения, теоретический, закончится.

– А пугать-то зачем?

– А затем, чтобы выбить из тебя домашние пирожки и розовость домашних дней. Мы здесь не Джеймсы, не Бонды. Здесь нет показухи. Тут есть постоянная бескомпромиссная работа с бандитами. День и ночь. Рутинная война. Без музыки и аккомпанемента. Нам никогда не красоваться на экранах телевизоров, а о нашей работе никто, наверное, и не узнает. В лучшем случае, если доживём до возраста отцов, под стакан-другой, может, о чём и оброним детям. Может, повезёт, и Родина вспомнит какой наградой – единственной видимой частью прошлых лет. Но ты уж поверь на слово – не всегда они нас находят, эти награды. Да и не цель это... Потому и важно – очистить сознание и не заморачиваться прошлой жизнью и мечтами о будущем. День прошёл – и счастье. Каждый день с чистого листа... или ночь... В любом случае надо помнить, жизнь – это шахматная партия, по окончании которой все ляжем в ящик... Только кто-то раньше, а кто-то позже. Так что от тебя зависит, сколько и как закончится твоя партия... Наговорил...

– Да ладно тебе! Лёш! Слушай... У нас в Балтийске есть одно маленькое подразделение. Диверсионное. Ребята там шустрые. Лучшие в мире. Подарили перед отъездом сетку специальную под одежду. Нашенскую. И комары не кусают. Когда жарко – вентилируется, когда холодно – тепло. Дома пробовал – бросаешь в ведро с водой на минуту – вытаскиваешь, а воды нет. Прими в подарок за науку.

– Так тебе же подарили...

– Ничего. Они мне не одну подарили.

– Спасибо...

– Тебе спасибо... Чай совсем замёрз...

С места в карьер.

По-другому никак. В удалённых зонах с непонятным приёмом радиосигналов телевидение – самое замечательное и оперативное из того, что придумали. Включаешь нужный канал вещания на компьютере, вводишь особый набор символов, и вместо телепередач у тебя доступ в базы информации и республики, и страны. Можно получить, а можно и отправить своё. Главное, уметь ориентироваться в этом океане имён, городов, стран, событий и происшествий. Тут второй канал «Россия». Он стабильный и постоянный. А главное, его взломать практически невозможно. Сделано просто и накрепко. Там есть всё – и адреса, и контакты. Не надо идти к связистам и рвать горло на закрытой связи. Булькающей и замедленной. Говоришь по слогам. По букве. Орёшь до остервенения. С той стороны так же. Не разговор, а пытка. Но не прослушиваемая. А тут – пять минут. Ввёл свои данные, пароль и можешь писать куда угодно, хоть в Калининград, хоть на Сахалин. Просто, быстро, доступно. И главное, никто не догадается. А если и узнает, то найди в канате новостей и передач тоненький ручеёк, по которому и происходит обмен информацией, осуществление и передача запросов и уточнений. Плюс найти возможность доступа. Так что включил и ныряй в море необходимой информации...

«...27 декабря 2002 г. ...Шамиля Басаева видели в н. п. Ялхой-Мохк, за рекой...»

«...31 декабря 2002 г. ...ожидается прибытие Басаева в г. Гудермес для руководства планирующегося боевиками крупномасштабного диверсионно-террористического акта...»

«...02 января 2003 г. ...в н. п. Махкеты Веденского района вошла бандгруппа численностью до десяти человек...»

«...02 января 2003 г. ...Абу Валид и Шамиль Басаев появлялись в н. п. Харачой, где контактировали с неким Супьяном...»

«...03 января 2003 г. ...в настоящее время основные силы бандформирований Басаева и Валида сосредоточены в районе Дышне-Ведено. Со 2 января Ш. Басаев находился с двадцатью боевиками-охранниками в н. п. Нижние Курчали, где размещались в домах около мечети...»

«...05 января 2003 г. ...в н. п. Дышне-Ведено Веденского района по ул. Садовой в дома на окраине в ночное время периодически приходят на отдых бандгруппы численностью до пяти человек, среди которых есть арабы... Источник из услышанного разговора между арабами сделал вывод, что в ближайшее время ожидается прибытие на встречу основных руководителей бандподполья для обсуждения вопросов финансирования и координации действий...»

«...06 января 2003 г. ...в Веденском районе бандитами предпринимаются попытки повысить эффективность диверсионно-террористических акций, проводимых против подразделений и военнослужащих федеральных сил. В бандгруппу Багоева, действующую в окрестностях Дышне-Ведено, прибыло два снайпера. Одним из снайперов является Розита. В настоящее время она проживает в доме своей сестры на окраине посёлка. Установлено также, что на вооружении бандгруппы имеется два миномёта...»

«...06 января 2003 г. ...Радиостанция “Свобода”: ...В Веденском районе Чечни совершено очередное нападение на подразделение российских военнослужащих. Со второй половины дня пятого января заблокирована автотрасса н. п. Сержень-Юрт – Ведено. Движение автотранспорта и передвижение людей полностью приостановлено. Армейские подразделения и сотрудники российских спецслужб проводят в этих селениях крупномасштабные “зачистки”, к которым привлечены и сотрудники отдела внутренних дел Веденского района. Эти спецмероприятия, по данным, полученным из штаба МВД Чеченской Республики, проводятся в связи с тем, что группа чеченских диверсантов между селениями Ца-Ведено и Бено-Хутор совершила нападение на подразделение российских сапёров из Веденской военной комендатуры... По словам источника из штаба Объединённой группировки российских войск в Ханкале, спецмероприятия проводятся здесь в связи с расследованием диверсии, совершённой двадцать седьмого декабря прошлого года во дворе комплекса правительственных зданий Чечни. По оперативной информации, полученной военными разведчиками, организаторами подрыва являются выходцы из Грозненскосельского района Чечни. При этом российское командование не называет ни одной фамилии подозреваемых, объясняя это тем, что до конца расследования диверсионной акции вся информация, связанная с ней, является секретной...»

«...07 января 2003 г. 09.39–09.40. УКВ-радиосеть оперативного управления бандформированиями. Язык арабский.

1 – “Салахат”.

2 – “Не установлен”.

1 – Я сейчас ни с кем из ребят не могу связаться. Один пришёл от...

2 – Да.

1 – Инша Аллах. Скоро зайду в район, свяжусь с ребятами, приведу дела в порядок. Остановлюсь как раньше у Розы...»

«...08 января 2003 г. ...в н. п. Ведено и н. п. Дышне-Ведено в тёмное время суток боевики собираются в районе улиц Колхозная, Речная, Динаева Восьмого марта и осуществляют патрулирование вышеуказанных населённых пунктов с целью демонстрации местным жителям своей способности контролировать ситуацию в районе...»

«...09 января 2003 г. ...с декабря 2002 года в н. п. Махкеты, Киров-Юрт и Хатуни Веденского района ежедневно на ночлег прибывают члены НВФ. Обратно в горы уходят рано утром...»

«...09 января 2003 г. 09.39–09.40. УКВ-радиосеть оперативного управления бандформированиями. Язык арабский.

1 – “Не установлен”.

2 – “Хайрула”.

1 – Дышне-Ведено.

2 – 0,6 км южнее Старый Ачхой.

2 – Слушаю.

1 – Ты слышал, что он сказал?

2 – Да.

1 – Передал кое-что Джаберу?

2 – Да.

1 – Он взял это?

2 – Понял. Он полный взял?

1 – Он говорит, что это взял и чтобы ты остальное нашёл.

2 – Понял.

1 – Ты до места доехал?

2 – Да.

1 – Будьте готовы...»

«...10 января 2003 г. ...01.01.03 г. в н. п. Чири-Юрт Веденского района вошла бандгруппа, состоящая из наёмников-арабов и расположилась на территории цементного завода. В республику они прошли через границу с Грузией...»

«...10 января 2003 г. ...ежедневно на юго-восточной окраине н. п. Дышне-Ведено Веденского района появляются до сорока боевиков, вооружённых стрелковым оружием, РПГ, гранатами. Они контролируют подъезды к посёлку, досматривают проезжающие машины, проверяют документы у пассажиров, через пособников из числа местных жителей собирают сведения о передвижениях федеральных сил. В банде кроме чеченцев – арабы и дагестанцы...»

«...10 января 2003 г. ...в н. п. Шамиль-Хутор Веденского района находится незаконное вооружённое формирование в количестве семнадцати человек, полностью состоящее из наёмников-арабов...»

«...11 января 2003 г. ...в н. п. Дышне-Ведено Веденского района вошла бандгруппа полевого командира Абдул-Керима численностью до сорока человек...»

«...11 января 2003 г. ...большая часть населения Веденского района оказывает поддержку бандитам, помогает продуктами питания, снабжает необходимой информацией, что позволяет командирам бандгрупп создать устойчивую сеть наблюдателей в населённых пунктах. Так, установлено, что сторонниками полевого командира Ш. Басаева являются жители н. п. Дышне-Ведено...»

«...12 января 2003 г. ...пустующие дома на северной окраине н. п. Ца-Ведено Веденского района используются боевиками как перевалочная база, где они периодически останавливаются на отдых на неустановленное источником время...»

«...13 января 2003 г. ...боевики продолжают запугивать жителей Ца-Ведено. В связи с этим часть местных жителей оставляет места проживания...»

«...14 января 2003 г. ...подтверждается информация, что в районе н. п. Дышне-Ведено действует одна из бандгрупп, ведущих подготовку к проведению диверсионно-террористических актов в Веденском районе. Так, седьмого января от жителя н. п. Дышне-Ведено была получена информация о том, что в районе н. п. Дышне-Ведено в лесном массиве находится группа боевиков. Вероятно, что в группе имеются наёмники-арабы. В радиопереговорах НВФ прослушивается арабская речь. В посёлке боевики проводят агитацию, в основном среди молодёжи, с целью пополнения бандгрупп. Бандиты имеют множество пособников и чувствуют себя спокойно. Передвигаются по селу в масках и с оружием, под видом военных проводят запугивание местных жителей. В последнее время на юге Веденского района отмечается увеличение движения грузового автотранспорта. Вероятно, что боевики продолжают проводить подготовку и подвозят боеприпасы и материально-технические средства в район предстоящего проведения ДТА и провокационных действий...»

«...14 января 2003 г. 14.33–14.34. УКВ-радиосеть БФ Абу-аль-Валида. Язык – чеченский.

1 – “Не установлен”.

2 – “Халид”.

1 – 0,4 км юго-западнее Дарго.

2 – Не установлено.

1 – Встреча готова?

2 – Всё готово. Гостям рады. Ждём.

1 – Собаки на привязи?

2 – Да. Едят то, что дают.

1 – Не помешают?

2 – Им будет не до гостей...»

– Товарищ Глазков! Ваше указание исполнено. Справка-меморандум готова. Посмотрите?

Глазков сел за стол, достал карандаш и, проводя по каждой строчке справки остриём, стал читать. Сделал несколько галочек по тексту на полях. Вернулся к началу и пробежал ещё раз глазами, отложив карандаш в сторону.

– Докладывай. Словами. Коротко. Свои мысли.

– Судя по снижению активности в радиоэфире, в районе что-то назревает. По полученной из разных источников информации, в район стягиваются крупные силы бандитов. Часть которых – арабы-наёмники. Цель – проведение терактов или прикрытие встречи руководителей НВФ. Если встреча, то в ближайшее время. Это коротко.

- Почему не отразил изъятия оружия и боеприпасов?
- Считаю, что это несущественно в исследуемый период, так как изъятия в основном небольшие, практически в одних и тех же местах. Скорее всего, это включается в сводки для отчётности.
- Ясно. Теперь мысли.
- Мысли такие – кто-то ненавязчиво, но упорно подталкивает к мысли о встрече верхов боевиков у нас под боком. Настораживает беседа про собак.
- Так считаешь?
- Закралось.
- Хорошо. Готовь шифрограмму в Москву. Отправишь через телевизор. Записывай: «Совершенно секретно. Срочно. В ССГ ОФСБ по Веденскому району Чеченской Республики в ходе проведённой встречи с надёжным оперативным источником поступила оперативная информация о том, что в н. п. Дышне-Ведено у домов, расположенных в районе ул. Садовой, разместились высшие руководители незаконных вооружённых формирований. Информация подтверждена другими источниками, радиоперехватом и косвенной информацией, полученной ранее. В связи с ограничением по времени прошу вашего согласия на немедленное проведение спецоперации по задержанию боевиков силами ССГ. Заместитель начальника ССГ полковник Глазков». Шифруй и отправляй. В двадцать один ноль-ноль на совещание к руководителю группы. После отправки шифротелеграммы полная блокировка всех средств связи по группе. Выполняйте.

Совещание проводил сам «Голландец».

Всё свелось к постановке обычной боевой задачи по ликвидации или задержанию боевиков. Спокойно, ровно. Кирпичиками.

- По полученной и уточнённой сейчас информации, в Дышне-Ведено, у нас под боком, будет проходить встреча трёх основных руководителей бандформирований. Один из них араб. Тот. Самый главный. В подтверждённой полученной информации известно точное место, где они находятся. Это дом по улице Садовой, практически у самой реки Ахкичу. Место для боевиков удобное. Можно незаметно прийти и уйти. Или в посёлок, или в город. Наша задача: незаметно пройти к месту нахождения боевиков, вынудить их сдаться или, при оказании сопротивления, уничтожить. Жители, запуганные боевиками, из соседних домов ушли. Ни женщин там нет, ни детей.

«Голландец» подошёл к карте, висящей на стене палатки.

- Идём одной колонной. Дом от центральной дороги стоит в семистах двадцати метрах. Работать будем двумя группами. Первая группа идёт до больницы. Притормаживает на три минуты. Дождётся выдвижения на исходную второй. От неё уходит к Садовой и производит задержание боевиков. Вторая группа идёт до мечети вдоль администрации и выдвигается по улице Речной к реке, отрезая боевикам отход. Всё просто. Вторая группа – это исключение из правил. Из серии бережёного Бог бережёт. На всякий случай. Никто нас там не ждёт. Движение техники подозрений не вызовет. Даже если и потревожим кого, то к больнице и администрации постоянно кто-то да ездит. Времени среагировать у них не будет. Утечка информации исключена. О времени проведения и месте операции своим подчинённым скажете за полчаса до начала. Время выдвижения три часа пятнадцать минут.

«Голландец» сделал паузу, обвёл всех глазами:

- Степаныч! Распредели «соболей». В первой группе старший Виктор Павлович. Во второй я.
- Палыч! Своих тоже распредели по группам. Проинструктируйте ещё раз. А сейчас пьём чай и ещё раз пробежимся по действиям и людям. Старшие групп остаются, остальные по подразделениям.

Ночь встретила лёгким, но кусачим морозцем, практически чистым звёздным небом и растущей луной, стыдливо ищущей укрытия за редкими седыми облачками. В лунном полумраке темнели горы. Их вершины изломанной линией замерли, словно пытаясь прижаться к земле. Забывая под ночным рёвом двигателей, смрадом их выхлопных труб и вызывающим рвоту запахом мокрой соляры, кто здесь основной и главный.

Ночная суета, машины, бэтээры, топот ног, стуки закрываемых бортов, лязг железа о броню...

Ночь уходящих выполнять свою работу. Обычную работу...

Звёзды, выстраиваясь за темнотой гор, смотрели и переговаривались с собой, может, что и шептали холодным безжалостным неотвратимым светом, а может, просто прятались...

Константин устроился на броне бэтэра. Второй группы. Не в первый раз на броне. В училище пришлось. Да и на службе за восемь лет на чём только не перемещался. От самоката до крейсера. Только вот на поезде лишь в школе. Сейчас железнодорожный путь из Калининградской области на большую землю через страны НАТО, и потому для людей в погонах закрыт. По разным причинам. Романтика перестуков железных дорог осталась лишь на пригородных сообщениях. Автомат готов. Разгрузочный жилет с килограммами патронов и гранат немного давит плечи, но это с непривычки и оттого, что он новый. Ещё не совсем притёрся.

В памяти мелькают заметки наставника.

Лёгкая дрожь...

Видимо, утренний морозец...

Пошли.

Фыркнув, взревев, успокоившись, притихнув и урча.

Вниз, на главную дорогу.

К месту и на место.

Машины, ещё не проснувшись, не разогретые до своих разящих теплом двигателей, понеслись вниз, между возвышенностей и по ним. И вдоль и поперёк.

Вниз всегда легко. Главное, не зазеваться и не пропустить свой поворот. Не сорваться вниз и по прямой.

Рыскающие дрожащие и прыгающие фары из темноты выхватывали спрятавшиеся стены и нагромождения упавших камней. Выскакивая из тесных поворотов и пропадая в черноте разрывов и обрывов. Длинным лучом. В поисках того, во что можно радостно упереться и оттолкнуться. Загореться в этой гремящей тишине вспыхнувшим магическим сиянием инея. Мерцающим магическим светом. Раз за разом, машиной за машиной вспыхивая, вздрагивая и переливаясь. А оставшись позади от сотрясающей горы техники, погрузившись в темноту, начинал загадочно светиться. Изнутри. Светлячками искр вторя звёздам.

Колёса, шурша, разрывая и раскидывая в стороны, перемалывая в грязь тонкий лёд, успевший покрыть тёмную ковровую дорожку, неотвратимо катились к посёлку.

Ветер в лицо.

Бьёт наповал.

Холодом и ознобом врывается под одежду.

К сердцу.

Константин прислушался к холоду, гуляющему под камуфляжем. Чтобы понять природу его дрожи.

Восторг?

Азарт?

Страх?

Что это?

Мысли спокойны.

Цель ясна.

Идём задерживать преступников, убивающих людей.

И всё.

Остальное физика – не поспал, ночь, ветер.

А может быть... Скорее всего, восторг.

За годы службы эмоции уходили на задний план, оставляя только расчёт и целесообразность. На службе эмоции, симпатии и предпочтения мешают, но куда без них? Вот и сейчас. Холодный всплеск от красоты и тайны гор. Даже секунды выхваченных фарами сверкающих, ползущих рядом склонов и вершин впечатляли. Очень и очень захотелось прыгнуть с брони и пройти по этим хрустящим под ногами камушкам гор...

Одному! Совсем одному!

Посидеть под луной и вдохнуть этот пьянящий и мерцающий холодом горный воздух. Раствориться в дыхании этих вершин. Забыть хоть на мгновение о том, что идёт война, жёсткая и страшная. Забыть о том, что кто-то превратил эту сказку в огромный комбайн по уничтожению жизни, всего светлого, что есть и будет. Забыть...

А пока эта рвущая ночь – тонкая ниточка из машин, единственная защита нормальных людей от бандитов и убийц. От смерти...

Колонна вошла в посёлок. По плану. Разделилась. Дошли. Между высокими заборами пропали звёзды. Испугались топота ног. Молчания теней, мелькнувших и растворившихся в темноте улицы.

Дома на Кавказе – это маленькие крепости. Одно- и двухэтажные. С трёхметровыми заборами, домом и разными постройками. Выстроенных буквой «П», посередине которой двор. Большой и просторный, словно плац для отработки строевых упражнений небольшой воинской части. И ворота. Как визитная карточка хозяина, показывающая его статус и благосостояние. Врата, которые не открыть снаружи. На засовах они. Мощных и крепких.

БТР оглушительно врезался в ворота, но они не распахнулись. Помялись, погнулись, прогнулись, но остались закрытыми. Но «соболям» не в первый раз сталкиваться с такими препятствиями. Прямо с брони – через забор. Первые откинули запоры, распахнули створки ворот, и уже в них вбежали и заняли позиции вдоль забора бойцы. Внутри. По периметру. Как учили, как отрабатывали, как планировали и как надо...

Ветер смолк.

Месяц побагровел.

Пахнуло свежеспечённым хлебом. Теплом дома. А в чернеющих амбразурах дома яркими одуванчиками загорелся свет...

Звон стёкол, грохот пулемётов ударил по ушам и пропал в упавшей глухоте.

Только вспышки.

Много. Столько много, что ночь загорелась днём.

Справа, слева, в лоб...

А пули поют.

Наслаждаются своим полётом.

Разрывая темноту.

Мимо...

Ударяются о стены и раздражёнными шмелями-пчёлами фыркают в стороны, цепляя и задирая всё на своём пути. С силой пробивая украшенные узорами дрожащие листы ворот, вскриком, оставляя за собой короны вырванного металла, мчатся в даль и темноту.

Мимо...

Впиваются, поднимая невидимые, но осязаемые фонтанчики, вырывая землю, камни...

Край...

Музыка – незабываемая и несравнимая. Танец, где каждая пуля поёт своё соло, играет свою партию. Партия, где она и инструмент, и дирижёр.

Своих пуль не слышно. Куда и для кого и что они споют? Неясно. Потому что отвечать приходится на вспышку, на глаз, как придётся. А в первый раз – в белый, оранжевый, красный свет ночи, как в копеечку. Веером и от души. Чтобы успеть. А в тебя... так там всё просто: поёт – значит, не твоя эта пуля, и чем тоньше её голос, тем она дальше. И чем ближе, тем голос становится строже и ниже...

Ещё мимо...

И только в тело она входит хлюпающим звуком камня, потревожившим месиво высыхающей болотной трясины... Когда не повезло...

Ладно, обожжёт раскалённым прутком, который в горячке боя и не заметишь.

Ладно, ударит в бронежилет до темноты в глазах, без воздуха и болтающимися руками.

Ладно...

Повезло?!

А если темно и всё?! Каюк... В смысле – Конец... Не повезло...

Первая группа. Идущие первыми Глазков, Шпак, Миронец. Не прячась за спинами. Упали под пулемётными очередями. Доли секунды, и Степаныч принял очередь в грудь, закрыв собой бегущего сзади. Бронежилет не выдержал и пропустил. Подбросило. Уронило. Что-то кричал. Матерился, вытаскивая подчинённого за пределы огненной ловушки. Закрывая собой от злобного роя хлюпающих пуль. Слева упал Пузан. Справа Лукин, Ильин, Борисов, Данька...

А пули поют и насвистывают. Переговариваются, спорят и толкаются...

Второй повезло. Их не ждали. Редкие очереди не в счёт – забили огнём сразу. А боевики и не заметили. Их, подойдя к месту засады, накрыли огнём из всего, что было. Помогая, отвлекая от своих. А ребята, упавшие, но живые, опустошив весь боезапас, стали кидать в здания, горящие одуванчиками, гранаты. Оставив по одной. Для себя. На всякий нужный-ненужный исход. Русские не сдаются, а плен – это не для «соболей»...

И из гранатомётов...

Помогли до последнего стука гильзы.

Ещё не перестало метаться в горах, домах и улицах эхо – руками, жгутами, бинтами к раненым. Остановить кровь, уколоть противошоковое. На броню и в госпиталь...

Как же ты длинна...

Практически бесконечна...

Бьющая по сердцу каждым камушком.

Стонущая, истекающая кровью и жизнью дорога...

В госпиталь...

Ржавое утро приняло дежурную следственную группу: перепрыгивая чёрные, грязные, выжженные пятна; обходя тёмные лужи блестящей, отражающей новый день крови своих товарищей; по непотревоженным кусочкам снега они шли работать. Их задача всё запротоколировать, записать, сфотографировать. Их задача сделать так, чтобы можно было опознать тела шести боевиков, обнаруженных на месте засады.

– Здесь можно даже не сомневаться – все арабы, – «Голландец» всматривался в лица уничтоженных наёмников, словно хотел запомнить на всю жизнь тех, кто отнял жизнь и здоровье его друзей и боевых товарищей, он словно спрашивал их: «Зачем?! Зачем вы явились сюда?! Что же вам не сиделось дома?! Что стоят полученные вами деньги?!»

И Казанцев, по телефону:

– Ну что, Костя!? Где-то мы просчитались? Где-то они оказались хитрее и профессиональнее нас?! Где?! Где мы допустили ошибку? Завтра приезжай, как пройдёт инженерная разведка. Приезжай. Со всеми материалами, которые найдёшь. К «Голландцу» зайди. У него возьми всё что есть. Переговори с ребятами, так или иначе коснувшихся этой информации. Будем считать. Будем искать, где и кто это сделал... Пока ты старший в группе. Работай. До завтра.

Работали до вечера. Обходя дворы, выискивая и опрашивая свидетелей. Под бдительным молчаливым присмотром белых горных вершин. В официальных документах это звучит: «Проводятся оперативно-розыскные мероприятия по установлению лиц, причастных к данному преступлению».

Вечер начинается темнотой...

Первой загоревшейся звездой...

Следующее утро, словно ничего не произошло, началось солнышком и горами, инженерной разведкой, снятием фугасов и мин, заложенных ночью боевиками и мирными жителями по дороге, комендатурой, отделом, совещанием.

– Что думаешь делать, Костя? – встретил Казанцев с побелевшим от бессонной ночи лицом.

– Как что! Делать зачистку и выпотрошить весь этот осиный угол...

– И настроить всех и вся против нас... Не пойдёт! Не наши методы. Мы не для того сюда приехали, чтобы подливать солянку в огонь. Не для этого. Хотя и так долго ходили у них на поводу... Изучил дело оперативной разработки?

– Изучил. А также дела на двух объектах. По их информации перед выездом по указанию Глазкова составлял справки-меморандумы.

– И что?

– Вы правы в том, что эта операция боевиками готовилась не вчера. Даже не месяц. Если по хронологии. Сначала были осторожные переговоры по телефонам. Турция. Азербайджан. Затем Грузия. Переговоры о переходе границы через ущелье. Активизация по УК-связи боевиков. Практически сразу поступает непроверенная информация о переходе влиятельных фигур бандформирований

в Чечню. Ещё дальше информация начинает получать подтверждение из заслуживающих достоверность источников. По другим ведомствам она тоже бьёт. Здесь, на месте, пользуясь любовью к лошадям, к Басаеву, в его окружение, был введён агент «Дауд». За предельно короткое время он стал поставлять очень и очень значимую информацию по финансированию, расположению, вооружениям боевиков. До самого дня информация была значимой и достоверной. Состыковывалась с другими каналами. Далее агент «Хасан» – он не замыкался на Басаева, а входил в другую группу, состоящую в основном из иностранцев-наёмников. От него тоже поступала информация о предстоящей встрече. Оба агента были привлечены к сотрудничеству Глазковым и были у него на связи. Судя по всему, он им доверял, но проверял. Думаю, с этой целью, не раскрывая агентов, он и поручил мне просмотреть и проанализировать поступающую от них информацию. Свежим взглядом. Точная информация о месте и встрече боевиков была получена двенадцатого числа. Тринадцатого «Хасан» подтвердил, что встреча состоится. Радиопеленг действующих раций подтвердил перемещение групп боевиков к месту встречи. Вот и всё. Очень расчётливая и серьёзная игра...

– Может быть... Но может быть и по-другому. Вот смотри. Всё шло, как задумывалось. Информация достоверная. Но тут что-то произошло, и о работе по этой встрече им стало известно. Вы, Костя, не сбрасывайте со счетов то, что весь этот район так или иначе работает против нас. Причин множество. Везде глаза и уши...

Казанцев подошёл к столу и отхлебнул остывший заваренный до черноты чай.

– Далее – постоянное нахождение в опасности вырабатывает особую форму подозрительности. Они боятся снежинки, упавшей на землю. Это и диктует линию поведения. Третье, то, что против нас работают сильнейшие разведки мира с их агентурой, техникой и опытом. Их нельзя не просто недооценивать, их нужно всегда держать у себя во главе стола и не упускать из виду. Очень и очень кажется, что не обошлось без них. И мы, поверив безоговорочно поступающей информации, стали участником их оперативной комбинации.

– Вы так думаете?

– Чем дальше, тем больше. Смотри. О том, что встреча должна была состояться, скажу больше – она им была жизненно необходима, это есть. Им нужны деньги, оружие и гарантии на будущее. Это можно было договориться лишь на встрече. Личной. Глаза в глаза. После смерти Хаттаба существуют опасения, у Шамиля, что это сделал Абу. Поэтому, чтобы не разделить случайно участь предыдущего предводителя, появляется третий. Тот, кто очень и очень нас интересует.

– Кто?

– Константин, давай ты будешь знать о нём только то, что знать должен.

– Дмитрий Викторович! Вы знаете, работаю в контрразведке не столько, сколько вы, но то, что по всем документам, которые мне дали, проходит объект «Балатон». Вот, наверное, его и ждали вы той ночью.

– С чего решил?

– Очень осторожный. Активность его рации была в Грозном перед нападением на правительство ЧР. Потом он объявился в Шатойском районе. Начал продвигаться в сторону Дагестана и пропал. Значит, он сделал отвлекающий манёвр. Показал направление движения в сторону и прекратил общение по известным нам каналам связи.

– Молодец! Неплохие у тебя были учителя, неплохие. Выхватить суть из обрывков информации, сложить более-менее читаемую картинку. Это школа. Ты где учился? В Москве?

– Я домашний. Пять лет военное училище. Пять лет на флоте и восемь лет в конторе. Вернусь, уйду на пенсию. Шлагбаум поднимать. Не учился нигде. По фильмам о Джеймсе Бонде. Шучу... Наставник у меня был волшебный. Научил всему.

– Хорошо, что шутишь... После всего... Про «Балатон» узнаешь потом. Не наш уровень. Отвлекались. Что имеем. Ситуация контролировалась, но после Нового года кто-то переписал сценарий. В результате объекты мы потеряли, встреча состоялась или состоится в другом месте... Иными словами, оперативная комбинация по отвлечению усилий на негодный объект у боевиков или иностранных спецслужб прошла успешно. Убитые и раненые наёмники не в счёт – расходный материал. Нас дезориентировали. Заставили поверить, что условия, созданные контрразведкой иностранных спецслужб, а, по всей видимости, это так, достоверны... Хотя всё-таки склоняюсь, что произошла или перестраховка, или корректировка. Нельзя исключать и то, что агент, зная наши цели, стал манипу-

ликовать нами и заигрался. Но это так, мысли. Одно не могу понять, почему не обратили внимание, что жители ушли из этой части села?!

– Тут всё понятно. И это укладывается в ваше предположение – сначала всех запугали, вынудили уйти, чтобы расчистить себе поляну. Карантин. Чужих нет. Только свои. А значит, утечки информации нет, а кто появился посторонний – тот чужой.

– Может, и так. Я обратил внимание на то, что ты в своей справке отразил репортаж радио «Свобода». Понимаю, почему. Как информацию о «кроте» у нас?

– Да.

– Согласен. Но о проведении даты и времени операции знало три человека. Хотя нас поставили в такие рамки, что у нас не было другой даты и времени. Плюс-минус час-полтора. И надо искать агента-двойника. У нас их два.

– «Дауд».

– Почему?

– В самом начале работы он сообщал информацию о пособниках боевиков. Затем, после внедрения, ему стали ставиться задания серьёзнее. Таким образом, он стал понимать, какую информацию мы хотим получать. И мы её получали. Вполне возможно, его раскрыли, но не стали выявлять. Просто контролировали. Думаю, что если внимательней посмотреть за последний период, то получится, что выявление работающих на боевиков снизится. Они просто залягут на дно, предоставляя дорогу информации от него. Изредка скидывая подтверждающее со стороны. Его сделали каналом передачи дезинформации. Легенда замечательная. Он пользуется доверием первых лиц. Они слушают его советы. В той или иной форме. А они его... Либо втёмную, либо...

– Просто, но как всё простое... Но кто-то предупредил непосредственно перед выездом... Ладно. Будем работать. С сегодняшнего дня ты официально становишься руководителем нашей группы ССГ. С руководством согласовано. Изучаешь агентурный аппарат. Принимаешь меры к его увеличению. Подробности через день...

– А сейчас скажу тебе так. Приехал – ходи, смотри. Начинай дышать этим воздухом. Самое главное, выкинь лирику из головы. Забудь о доме. Расслабляет. Не отвлекайся. За этой засадой будут другие. Три-четыре дня пройдёт, всё утихнет и будут новые нападения, новые жертвы. Тебе нужно войти в ритм. Это как в море – ложись на волны и качайся. Попытаешься идти против – захлестнёт и унесёт. Ты не изменишь этот ритм никогда. Здесь своя жизнь, и она очень отличается от той, другой. И к началу нашего разговора – уничтожить легко. Но всегда важнее знать его. Знать так, как и он себя не знает. Мы должны победить в этой войне, без них мы это никогда не сделаем. Пусть тебе покажется это циничным, но многие, те, которые стреляют и убивают нас сейчас, в скором времени станут ярыми защитниками этого края. И вместе с нами они будут уничтожать и наёмников, и ваххабитов. Поэтому опять и опять – эмоции и лирику в сторону, только целесообразность. И ещё... Береги себя. Приказов много, инструкций невидимо, но задач никто не снимает. Смотри, чтобы тебя не увезли в горы. Прошу... И ещё... На рынок пойдёшь, как увидишь кого – за автомат не хватайся. Иди...

– Товарищ полковник! Разрешите напоследок вопрос?

– Что ещё?

– А вы не думаете, что то, что произошло, это не картинка, а часть её? Что мы не видим всего?

– Ты меня подводишь к тому... Вполне возможно... Слишком большие затраты и движения для уничтожения специальной группы... Слишком... И в итоге это может оказаться маленькой деталью большого плана... Что вполне может быть... Подумаем... А пока беги...

Продолжение в следующем номере

Проза

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, кандидат философских наук. Автор 36 художественных, историко-краеведческих, публицистических и критических книг, среди которых ведущую роль занимают маринистика и биографический жанр, литературно-философское осмысление современных авторов: «Жертвенное сияние современной русской мысли», «Русская мысль и человечество», «Думы по-русски». Член Международной академии русской словесности, член РГО. Лауреат литературных премий: Гумилёвской, Корниловской, Союзного государства, Щит и меч Отечества. Награждена орденом «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева.

РАССКАЗЫ О СВО

Август 2022-го

Рассказ

Сразу после объявления СВО Леонид Николаевич Тимофеев, позывной Семерик, человек опытный, бывалый, 59-летнего возраста, был в ополчении в Горловке в 2014–2015 годах, стал собирать добровольцев. В результате электронной переписки и телефонных разговоров из семнадцати человек, кого он хотел видеть рядом с собой, не поехал по разным причинам никто, а он первого марта уже был на месте. Главная причина того, что его сподвижники остались дома, связана с тем, что люди помнили после ранений 2014–2015 годов бесполезное обращение за выплатами, и чиновница, как и в годы Афганистана и Чечни, привычно отвечала: «Я вас туда не посылала. Федеральный центр начал эту войну, пусть вам и выплачивает. А нам деньги не пришли».

Леониду дали автомат, четыре рожка с патронами и одну гранату. Это всё, сказали ему, а дальше добывай сам в бою. Он позвонил своей знакомой Тоне, секретарю влиятельной общественной организации, что воевать нечем.

– Я тебя поняла, жди гуманитарную машину.

Увидев два прибывших микроавтобуса с «гуманитаркой», Леонид поторопился им навстречу. Минут через пятнадцать, сглатывая горечь во рту, он снова набрал свою знакомую.

– Тоня, что за дела?.. Десять ящиков газированной воды в одном микрикe, в другом – десять ящиков макаронных супов «Доширак». Я же тебя просил...

Раздался многоэтажный мат, длившийся с минуту.

Но винтовок не было.

Леонид открыл фото на телефоне, чтобы ими полюбоваться. Две самые современные красавицы французского производства, как минимум по миллиону каждая... а прицел к ним – анτισнайпер, в три с половиной раза дороже.

– Кто же где и как спёр? – размышлял расстроенный Леонид. И тут его осенило: – Это Скунс, его работа...

Леонид уже видел своего начальника в деле, с удивлением читал в украинских сетях сдержанное, без ненависти (в отличие от других) к нему отношение, видел, как пришло четыре беспилотника: три – за двести тысяч каждый – и один – за миллион двести. За миллион двести аппарат Скунс сразу положил в свою машину, и больше его никто не видел, а на остальные он махнул рукой. И правда, они больше чем на 150 метров не полетят.

Отряд добровольцев оказался под началом полковника Суковатого, позывной Скунс, который чувствовал себя хозяином территории. Одним словом, он ничем не отличался по своим замашкам от укров. Если видел музей, снимал картины и отправлял своему начальству в Москву... Заехал в деревню, зашёл во двор, подстрелил четыре курицы, бросил в багажник своей машины, которую водил сам. Зашёл в дом, увидел новенький плоский телевизор, завернул в подвернувшийся под руку плед, уложил на заднее сиденье.

К августу двадцать второго Леонид физически и морально истощился. Ему нужно было остановиться среди боёв, найти ответы на свои накопившиеся вопросы и полечиться в госпитале от замучившей его аллергии. К тому же Скунс не давал справки участника боевых действий. Вопросы мучили, а ответов не было. Почему контрактникам и добровольцам платят в долларах, а не в рублях, а доллар с каждым днём падает? Почему военную форму шьют из такой некачественной ткани, что она рвётся на следующий день, как надел? Почему не выплатили деньги тем, кто сам заказал себе обмундирование из нормального материала? Где оборонка? Где то предприятие, где шьют парашюты? Я не знаю такого в России. Где плотники, которые положены разведчику, чтобы он мог на нём спать в спецусловиях, переплыть через реку? Где умные командиры? Почему две недели назад погибло 42 морских пехотинца из Балтийска? Их даже посмертно не наградят, не то что при жизни. Никто не знает о них, почему? Почему в Калининград приезжают по 20 машин с евросоюзовскими номерами за газом, вывозя его цистернами? Их пропускают на границе по чьему указу?

Эти вопросы он задавал всем, с кем приходилось беседовать, ответов не было. Измучившись, Леонид было задремал...

И вдруг внезапно проснулся, услышав рядом чьи-то шаги. На него набросились люди, куда-то потащили. Две недели его нещадно били. Вместе с кровью он день за днём выплёвывал свои зубы:

– Будешь вопросы задавать? Вот тебе ответ, – и новый удар берцами в бок.

Однако ему в конце концов повезло, его вытащил генерал Молниев, на которого вышла Антонина из Москвы.

* * *

Василий Иванович, полковник в отставке, был приглашён на форум ветеранской организации. Ждали губернатора, и Василий Иванович откликнулся на приглашение, надеясь задать лицом к лицу волновавший его вопрос, так как ни на одно письмо в правительство области до сих пор не получил ответа.

Вышел губернатор, читал что-то по бумажке громко, но как бы ни о чём, мыслью зацепиться было не за что... Потом он спустился со сцены и пошёл между рядами, уперев глаза в пол. Было видно, что никто из ветеранов его не интересуется и он не хочет ни с кем встречаться взглядом, с кем-либо разговаривать. С каждым шагом губернатора уходила надежда получить ответы на свои вопросы у Василия Ивановича.

Взгляд его упал на женщину, шедшую следом за губернатором, но с другой стороны, вдоль стены, он не сразу разглядел её, потому что она то и дело наклонялась к сидящим с краю и касалась руки, приветливо даря улыбки. Это была депутат Госдумы от области Огелева. «Останутся без ответов вопросы и к ней», – понял пожилой человек.

Он вспомнил, как ему утром в ватсап кто-то прислал фотографии женщин премьер-министров западных стран и шутку: «Сколько же народу пострадало от этого бабья...»

Тем времени на сцене появился профессор Застёжкин, который начал вещать о патриотизме... «Не ты ли уничтожил в университете кафедры русской истории, русской литературы, русской философии, а теперь переобулся, соровский выкормыш?» – молча спрашивал Василий Иванович.

Началось время кофе-паузы. Пикнул телефон, – написала сообщение его сестра Нина из посёлка Живенское, который у границы с Польшей. Она сообщала, что блокноты, которые дарили ветеранам, – это измена: на обложке их фото города, но оно выдержано в тонах: жёлтые фасады зданий вверху, а дорога между ними внизу – синяя.

«От нашего посёлка, – писала Нина, – по железной дороге в вагонах-цистернах перекачивают газ в Польшу. Кто разрешил, ведь у нас в Калининграде может не хватить газа? Угля на зиму нет».

«Да кто же всесильный такой, что решает сам, как ему распоряжаться газом для калининградцев?» – снова звучал вопрос без ответа.

«Союз добровольцев Донбасса, – размышлял Василий Иванович, – они говорят о возвращении СМЕРШа. Ребята рассказали о трёх добровольцах, погибших на харьковском направлении, и никто не может решить вопроса доставки их тел домой уже неделю. Три семьи пишут во все инстанции с просьбой о помощи, но её нет.

«Что же Бородай, – напряжённо думает Василий Иванович, – депутат Госдумы, неужели и он бес-силен?»

Василий Иванович пошёл скорее на свежий воздух, чтобы унять защемившее сердце, услышал, как добровольцы Донбасса дискутируют.

Раненный в ногу говорил:

– Может быть, мы вообще не победим...

А паренёк с чистым и смелым взглядом уверенно сказал:

– Победим, так было всегда.

– Да я учитель истории, я знаю, что не всегда мы побеждали: например, русско-японская война...

– Нет, это была трагическая случайность, подрыв корабля с адмиралом Макаровым, – горячо отвечал молодой человек.

– Ребята, а как вы думаете, когда это кончится? – спросил Василий Иванович.

– Нам нужны добровольцы, не хватает людей, но никто, кроме нас... – коротко ответил человек с раненой ногой.

Василий Иванович молча пожал руки добровольцам и попрощался с ними, вспомнив слова Нины: «Знаешь, что мне сегодня настроение хорошее подарило? Копаю картошку на огороде, смотрю – натовские самолёты поднялись со стороны Польши, и тут же, Вася, тут же поднялись в небо наши самолёты! Это было так отратно!»

* * *

Шёл август 2022-го. Леонид приехал в Калининград навестить товарища, которого контузило в недавнем бою, и тот лежал в госпитале имени Саулькина. Игорь с позывным Прус – слава богу! – шёл на поправку.

– Ну что, Игорь, сдал справки на социальное пособие за ранение, за увечье?

– Сдал, да что толку, говорят, что денег нет.

– Смотрел вчера по ТВ концерт на отстроенной Саур-могиле?

– Кое от кого тошнит, что он там делал? В 1998 году надломил Россию. А теперь переобулся?

Леонид промолчал, и пауза затянулась.

– Победим, это аксиома, – твёрдо произнёс он, глядя в глаза Игорю.

Август выдался аномально горячим, даже ночь не приносила прохлады. Спасали сквозняки. Квартира, которую снял Леонид, была двухкомнатной, с окнами, выходящими на улицу и во двор. Так было надо на всякий случай, ведь Прус предупредил: тут был Скунс, кого-то искал.

Леонид присел на кровать, достал из кармана смартфон, Интернет работал. Он набрал «Новости с фронта», и ему тут же посыпалась нацистская лживая информация. Он чертыхнулся: «Ну почему лезет сначала укровская нечисть?» Наконец, вышел на дневник знакомого блогера Тороса: «В Украину понемногу съезжаются дебилы со всего мира “пострелять русню”. К украм приехал какой-то модный снайпер, то ли из Норвегии, то ли из Канады. Не суть. Он был каким-то олимпийским при-зёром по биатлону. Короче, крутой очень был снайпер. На своей странице в ФБ написал заранее, что едет стрелять диких ополченцев. В итоге он прожил там дней пять. На одном из боевых дежурств его обнулил снайпер нашей роты Саня “Араб” и отжал у него крутую оптику. С этими импортными даунами случится то же самое».

Леониду захотелось прилечь и уснуть, но воспоминания одолевали. Перед глазами встал Луганск 2014-го, он вспомнил, как, будучи командиром подразделения, накрыл «наркотушку», уничтожив готовящуюся к отправке на Мариуполь партию «экстази». У Коломойского заводик по производству наркоты работал бесперебойно в Горловке. Работал колбасный цех, кондитерский... С продуктами втихаря и вывозили.

Скунс сразу же узнал о взорванной партии наркотиков и отправил к Леониду четверых. Били жестоко, превратив тело в сплошной синяк. Этих четверых потом расстреляли, когда прибыл генерал из ГРУ, освободив Леонида и увезя его с собой в Москву на лечение. А Скунс подогнал к самолёту

микроавтобус с подарками в столицу, быстро погрузили в самолёт картины, телевизоры, иностранное оружие для коллекций.

Августовские душные ночи не давали уснуть. Память подсунула снова 14-й год, посёлок Счастье. Тогда Леонид только прибыл в Ростов и оказался среди шести разведчиков и дюжины ополченцев. Нужно было найти снайпершу, которая где-то пряталась и убивала ополченцев. Счёт у неё уже шёл на десятки.

По прибытии на место молоденький парень из ополченцев предупредил, что казаки тут все подступы заминировали, а карты минирования нет.

Когда Леонид осмотрелся, он сразу понял, что снайпер-женщина могла прятаться только в отдельно стоящем двухэтажном особняке, и она не подорвалась на mine, потому что никуда и не уходила. У дома стоял микроавтобус с гуманитарной помощью из России. Ополченцы тем временем открыли летнюю кухню рядом с домом и, голодные, увидев яйца в холодильнике, стали жарить себе яичницу. Кто-то уже вскрыл автобус и вытащил из него кроссовки, связанными шнурками повесил их себе на шею. Берцы были бы лучше, но за неимением, хоть и ненадолго, решится вопрос обуви.

Особняк был закрыт, и ополченцы стали снимать двери с петель, найдя кой-какие инструменты в летней кухне. Как только дверь стала открываться, из неё вылетела граната, но пролетела далеко вперёд, никого не достав осколками.

Непонятно, откуда они узнали, но укрыты тут же начали обстреливать группу Леонида. А он взял с собой бронебойные патроны и вначале прошёлся по окнам первого этажа, а потом по второму этажу, откуда слышался крик раненой убийцы. Ещё один выстрел, и крики стихли. Снайпером оказалась украинская биатлонистка, чемпионка Люся Пидьяблонева, активистка майдана, желавшая «рашистам» побольше грузов 200.

Позже выяснилось, чей это был дом, – племянника Столярова, одного из лидеров молодой Луганской республики. С помощью дяди племянник подогнал гуманитарную помощь к своему дому.

«Как победить зло?» – для Леонида такого вопроса не стояло, он просто делал своё дело, исходя из опыта разведчика, никогда не ходил в публичный дом «Клубничка» под Луганском, не пил, лишь очень редко и чуть-чуть, только если надо было помянуть близкого человека, но никогда – перед боем, перед заданием.

«Если не остановить ползучую гниль с Запада, то это будет неимоверная угроза Отечеству, семье, детям», – это Леонид понял давно и никогда не забывал о своей миссии.

Он помнил, что четверо сбитых лётчиков из Черняховска упали в Чёрное море под Одессой, где вода была четыре градуса в то время, – за ними никто по какой-то причине не был отправлен на поиски, они просто замёрзли в воде...

Надо отвечать, прежде всего, за себя, понимая, что от твоей выучки и трезвости зависит твоя жизнь и жизнь твоих подчиненных и, разумеется, общая победа.

Раздался телефонный звонок, это была его жена Зоенька. Губы у Леонида расплылись в улыбке, сердце наполнилось нежностью: «Привет, роднуш! Всё нормально, завтра выезжаю».

В открытое окно потянуло запахом гари, и Леонид в мгновение ока замер у окна. Его тревога оказалась ложной. Запах шёл из строящегося рядом очередного высотного дома, ещё одной многоэтажки, растущей на благо какого-то областного депутата. Жгли мусор, чтобы не платить за его вывоз.

«У границ Калининградской области стоят натовцы», – и эта мысль заставила бывшего воина внутренне мобилизоваться, освободиться от воспоминаний и сосредоточиться на сегодняшних задачах. У Леонида была ещё одна цель в самом западном краю – автомобиль. Один умелец переделал машину УАЗ «Патриот», чтобы охотиться на ней по любым дорогам, а теперь продавал, и Леонид купил, чтобы ехать на ней на Донбасс, мысленно благодаря прежнего владельца. Он ехал в Балтийск, чтобы сесть на паром на Усть-Лугу, на большую Россию, размышляя: «Надо учить детей любить Родину и защищать её, помнить заветы отцов и дедов, бороться со злом. А оно не только на Украине, оно и здесь, в России, но никто, кроме нас!.. Ничего, ребята, справимся», – мысленно обращался он к своим добровольцам.

Он торопился. Его заждался в Донецке пёс, которого он подобрал в одном селе, привязанным на цепь, а хозяева были убиты. Рекс признал в Леониде нового хозяина, – отличный, верный, умный пёс, который не позволит теперь подобраться к нему внезапно...

Позывной «Сова»

Рассказ

Придя на собрание Союза добровольцев Донбасса, Всеволод Петрович Птицын с позывным «Сова» незаметно наблюдал за мужчинами, которые хотят стать участниками СВО, и это была уже 16-я группа, готовящаяся «за ленточку». Они не «прошли» военкомат по возрасту или по здоровью, но есть желание стать добровольцами. Люди вели себя неестественно, им было непривычно и неуютно на большом собрании. Лица напряжённые, глаза тревожные. Сейчас, в 2024 году, набирали всех желающих, независимо от судимости, болезни СПИДом, от алкоголизма, от наркомании, возраста и места работы.

Всеволод вспоминал себя, своё волнение два года назад... А сегодня он намеревался выступить и не считал нужным скрывать перед новыми добровольцами тяжелейшие условия бытовой жизни на фронте. Он вышел к трибуне, опираясь на трость, чтобы высказать свою правду, чтобы новички хорошенько подумали прежде, чем отправляться добровольцами.

На вид Всеволоду Петровичу было лет пятьдесят, высокий, плечистый, настоящий русский богатырь, одетый в чёрные джинсы и серый тёплый свитер. Он свободно осмотрел зал, состоящий из двух половин участников собрания: на одной стороне зала сидели те, кто хотел стать добровольцем, на другой – те, кто уже был «там». Многие проявили себя героями, да, по сути дела, каждый, кто побывал на фронте, уже герой. Кто-то награждён медалями, а кто-то может поделиться боевым опытом. Самое главное на фронте – быть хорошим специалистом в какой-то области, но и понимать, что сами добровольцы и копают, и таскают брёвна, кто-то стоит на часах.

Всеволод попал под обстрел в районе посёлка Ягодного. Его накрыло осколками польской мины, и он почувствовал, что повисла оторванная губа, съехал со своего обычного места нос, раздроблена челюсть, но кровь забила фонтаном из пробитого лёгкого как раз по краю бронежилета. Он закрыл пальцем дыру и пошёл навстречу эвакуационной группе в указанном ему кем-то направлении. Конечно, окажись он вместе с земляками, они бы его не отправили одного, но рядом были незнакомцы. Кровь заливала тело, ноги слабели, и тут он увидел эвакуационную группу, которая сказала ему, чтобы он шёл вперёд, ведь за ними идёт вторая бригада и она ему поможет. А обстрел продолжался, и санитары двигались на звук выстрелов, чтобы встретить новых раненых.

Уже стемнело. Всеволод от слабости и потери крови упал, подняться не было сил. Счастье, что у него был фонарик, и он его включил. Так нашла его вторая группа санитаров, но не эвакуировала, а сказала, что за ними идёт третья группа. Фонарик ушёл вместе со второй бригадой, и это какое-то чудо, что его нашла третья группа.

– Я весил под сто килограмм, и меня поволокли, матерясь, волоком по ухабистой местности. Меня эвакуировали в Луганск. Силы уходили, ведь я ничего не мог есть. Молодые хирурги шутили: пришить губу щетинистой стороной к зубам или как было? Ведь у меня была борода, и губу оторвало осколком вместе с кусочком кожи с волосами. Был пришит и нос, подшили лёгкое. Ребята, которые лежали рядом в палате, попросили на кухне манной каши, развели кипятком, добыли сок с пластмассовой трубочкой.

А потом был Ростов-на-Дону, а оттуда самолётом Всеволода перебросили уже в Петербург, и он оказался в Военно-медицинской академии.

– Здесь была уже связь, позвонил жене, доложил: «Поступил в военно-медицинскую академию». Она сначала не поняла шутки, а потом заплакала.

В академии собрали дёсны и челюсть. Вскоре отправили в Кронштадт, там есть челюстно-лицевое отделение. Госпиталь там не ремонтировался, наверное, ещё с советских времён, а помощь раненому была лишь в обработке раны зелёной. Попросился в госпиталь в Калининград.

Погрузили его вместе с другими двадцатью тяжёлыми в военный самолёт. Уложили прямо на пол. Кто-то закурил, и Всеволод понял, что задыхается, потерял сознание. Очнулся, когда самолёт приземлился. Но это был не Калининград, а Екатеринбург. А курс самолёта был на Владивосток.

Всеволода сняли с самолёта и полуживого привезли в Кемеровскую область, в Юргу, потому что в Екатеринбурге мест не было. И хотя в Юрге было так же, как и в Кронштадте, но зато какой чудесный, целебный воздух! Долечивался в госпитале имени Саулькина в Калининграде.

– Часть осколков, – рассказывает Всеволод, – осела в черепе, но мне повезло, получил бесплатно пластмассовые зубные челюсти. Денег за ранение до сих пор не получил, хотя прошло пять месяцев. Собрал справки, а для этого летал в Ростов-на-Дону.

Всеволод почувствовал, что устал стоять и говорить, понял, что пора заканчивать своё выступление.

– У добровольцев есть право – в любой момент отказаться, выйти из рядов добровольцев, получив 40 тысяч рублей на дорогу домой. Но это бывает очень редко. Самые опасные специальности на войне – это сапёры, разведка и «штурма». Добровольцу нужна духовная крепость, физическое здоровье и психологическая устойчивость, если ты ранен, чтобы преодолевать чиновничьи препоны, бюрократию.

Пока Всеволод шёл на своё место, его проводили громкими, щедрыми аплодисментами. Он сел и вспомнил, как оказался в бою сразу по прибытии на СВО, хотя такое редко бывает. Был дан приказ – добраться до первой лесополосы. Хотя её так трудно назвать теперь лесополосой, от деревьев остались лишь высокие пни, образованные ракетными ударами. Ребята залегли, но не обнаружили частей ВСУ. Пошли ко второй лесополосе – тихо. И когда приблизились к третьей, начался обстрел со всех трёх сторон, попали в огневое окружение, сразу столько ребят полегло...

Всеволода тогда ранило в руку, и рядом с ним один из добровольцев стал отходить в сторону, увлекая и Всеволода. Он пытался стать за дерево. И тут...

Добровольцы увидели одновременно, что в нескольких метрах на них направлены автоматы двух укров. Его товарищ был сразу убит, а Всеволод упал вместе с ним, как учили. В кармане рукава у него была граната, и он бросил её в противника. «Больше они уже никого не смогут убить, – удовлетворённо подумал Всеволод. – Да, мы воюем за Родину, но когда на твоих глазах гибнут те, кто был твоим другом, или тот, с которым ты успел познакомиться, чтобы уважать его...» Всеволод почувствовал комок в горле и подступившее чувство горя. Он покосился в сторону будущих добровольцев, затем на лица своих бывалых знакомых.

Это русские люди, достойные люди от 20 до 70 лет. Сильнее мощных орудий распахнутые души, идущие узким путём справедливости. Сегодня они до утра не уснут, но завтра отправятся на подготовку к отъезду. Богатыри духа.

Талгар

Рассказ

Стоя в очереди на регистрацию в самолёт в Шереметьево в иркутском аэропорту, я не могла отвести взгляда от стоящих впереди двух мужчин в камуфляже. Они бросались в глаза, эти два человека с толстыми рюкзаками за спинами, и напоминали о неутраченной тревоге за ход спецоперации.

Ближе ко мне стоял мужчина лет сорока пяти, среднего роста, худощавый, такой ладный, подтянутый, такой наглаженный и ухоженный, и мой тончайший нюх, которым наделила меня природа, уловил запах хорошего мужского парфюма, а на лице его читалась плохо скрываемая печаль. «Возвращается из отпуска после ранения, был дома», – не сомневаясь, подумала я. Сразу было видно по коричневому загару на лице и руках, по сдержанности движений, ещё не сошедшей с лица грусти недавнего прощания с семьёй, что летят они «за ленточку».

После регистрации я потеряла из виду пассажиров, с которыми должна была лететь в одном самолёте, и огорчилась, потому что хотелось сказать какие-то добрые слова.

Заняв своё место в самолёте, я увидела, что один из этих воинов получил место рядом со мной, и обрадовалась.

Устроившись, пристегнув ремень, он достал из кармана смартфон, включил видеосвязь. Мне было неудобно слушать беседу, тем более что говорил он предельно тихо, я отвернула голову к окну, но всё же краем глаза успела заметить симпатичную женщину лет сорока со светлыми волосами до плеч, которая зажигала дрожащими руками сигарету, сидя за столом. И этого секундного взгляда мне было достаточно, чтобы понять горе и отчаяние этой женщины, отправившей любимого мужа на войну. У меня тоже глаза наполнились слезами. Говорил он очень тихо, тем более что в салоне самолёта

стоял шум из-за двигавшихся в проходе людей, укладывания вещей на багажные полки, я только услышала, что он говорил про дождь в Иркутске, а она, видимо, ничего не говорила, а только горестно кивала головой, потому что всё было неважно, кроме этого одного-единственного родного человека, звонившего из самолёта, летящего через Москву на фронт.

«Дождь в дорогу – это к счастью», – спасительно думала я, искренне желая этой паре этого счастья. Жена не одобряла своего мужа, он ей самой нужен был, мужественный, смелый, заботливый. А он в очередной раз летел навстречу опасности, риску, сырым земляным окопам, на передовую.

Мы познакомились. Талгар был родом из Архангельска, но судьба занесла его в Усолье-Сибирь, откуда родом была его жена Елена, где родились их две дочери, которым он дал имена, и Лена согласилась. Старшая дочь у них Айгуль, десятиклассница, – так звали казахскую бабушку Талгара по линии матери. Вторая дочь, пятиклассница, получила татарское имя Мерьем в честь его бабушки по отцовской линии, крымской татарки. Семья жила очень дружно в Усолье, Талгар работал монтажником на стройке, а в свободное время любил рыбачить.

Когда ему пришла повестка из военкомата, а она пришла сразу, как началась первая мобилизация, у Талгара не было сомнений: он, прошедший Чеченскую кампанию, должен быть «там». Он подчеркнул, что стал участником СВО не из-за денег, ему хватало своих заработков, а по-мужски, из чувства долга.

– А сейчас вы где, на каком направлении фронта? – спрашиваю я Талгара, искренне сочувствуя ему и испытывая естественное чувство симпатии к человеку, который почти ровесник моей старшей дочери.

– Стоим около деревни Червона Горка.

– Тяжело?

– Лично меня больше всего «напрягает» отсутствие бань в украинских деревнях...

– Как это так? Не может быть... – удивляюсь я.

– Я сам этому поражаюсь... Уже не одну деревню здесь, на Украине, прошли и не увидели бань. Спрашиваю, как они моются, отвечают: «А из тазика». В деревнях, естественно, нет душевых кабин. Но мы с другом нашли одну женщину в Красной Горке, у которой есть душевая кабина и стиральная машина. Зоя Николаевна за 200 рублей разрешает принять душ и вещи постирать в машине.

– Когда приходит гуманитарная помощь, например макароны, мы ей отдаём, она довольна.

– А как устроен ваш блиндаж? Я в Интернете видела, тяжело очень осмысливать это...

– В земле выкопали, сверху брезент, ветки и сучья, брёвен нет. Много раз обращались к руководству, обещали, но до сих пор нет.

– А как вы питаетесь?

– Банку тушёнки на день, с утра половину и вечером половину.

– Тушёнка холодная? Нет возможности подогреть?

– Да.

– Так вы же голодные... что такое для мужчины съесть одну банку тушёнки за день?

– Привыкли. Едим немного, потому что проблема – куда сходить в туалет, это важнее – твоя жизнь, чем недоедание. Ведь тебя именно «за этим делом» может накрыть снарядом.

– И чаю горячего невозможно попить? – обливается кровью моё материнское сердце.

– Можно по-быстрому нагреть кружку воды, используя небольшой газовый баллон.

Мы ненадолго замолчали, и я печально, в изумлении покачиваю головой от открывшихся подробностей, а Талгар, видимо, представил свой окоп.

– Командир у вас толковый?

– Да, он мобилизован был тоже, как и я, с начала мобилизации, военного образования нет, высшего образования нет, но получил звание лейтенанта. Хороший командир.

– А замполит у вас есть?

– Да, молодой, 23 года.

– Что он вам объясняет?

– А что он может нам объяснить? Опыта никакого. Это мы можем ему объяснить многие вещи в жизни.

– Какие задачи перед вами ставят?

– Выжить...

– А оружие у вас есть, хватает?
– У меня есть автомат.
– А патроны к нему?
– Есть. А вот артиллерия нас не прикрывает, когда на «передок» ходим. Я спрашиваю, почему артиллерия молчит? А они отвечают, что стрелять нечем.

– Давали отпуск вам хоть раз за два года?
– Два раза после ранений. Когда подписывал контракт, говорили, что на полгода, но не отпускают.
– А ранения серьёзные?
– Один раз в ногу ниже колена, в другой – палец большой на ноге оторвало. Хирург говорит: «Отрезать всегда сможем, попробуем пришить», и пришил. Конечно, побаливает при нагрузке.

Талгар пошевелил ногой, и лицо налилось бледностью от воспоминаний о пережитой боли. Я сочувственно молчала и лихорадочно думала, как переключить его внимание.

– Что было самым жутким для вас, Талгар, за эти два года? Ранения?

Лицо воина исказилось душевной болью, и он ответил:

– Нет, не это... Однажды нас с моим товарищем отправили за трупом, погибшим контрактником из нашего подразделения. Это был поэт, мы его все любили. Мы пришли в покинутое людьми село – место недавнего боя. Жители деревни, убегая, бросили не только свои дома, но и домашний скот. Нам открылась страшная картина: нашего убитого товарища грызли голодные свиньи. И не только его. Поодаль лежал труп украинского солдата, и с ним свиньи делали то же. «Свиньи глобализма», – подумал я тогда и направил на них автоматную очередь.

Мы оба замолчали и долго не могли говорить, испытывая ужас и мысленно проклиная войну.

– Господи, спаси и сохрани! Скоро это закончится? – тихо спрашиваю я Талгара, с которым мы проговорили шесть часов полёта, и он много расспрашивал обо мне, но речь сейчас о Талгаре:

– Хотелось бы скорее. Когда закончится всё, я напишу книгу «Война за свой счёт».

Проза

Юрий Угроватый

Юрий Угроватый – родился в 1957 году в городе Харькове в семье военнослужащего. В 1980 году окончил Военный университет в Москве. Референт-переводчик португальского и английского языков. Военный наблюдатель ООН. Шестнадцать лет находился в заграничных командировках в Анголе, Мозамбике, Западной Сахаре, Югославии, Сьерра-Леоне в качестве военного переводчика, военного наблюдателя ООН и представителя ООН. После увольнения в запас пять лет работал директором частной авиакомпании в Сьерра-Леоне, руководил частными охранными предприятиями в России. Живёт в Санкт-Петербурге. Выпускник петербургского отделения литературной мастерской Creative Writing School, курс Е. Чижовой. С 2018 года постоянный участник литературной мастерской Д. Каралиса.

В 2017 году выпустил сборник стихов «Встречный ветер», в 2018, 2019, 2020, 2022 годах публиковался в сборнике «Прозаик и поэт» (СПб.). В 2020 году – в журналах «Аврора», «Берега», «Литературный микс»; участвовал в сборнике стихов «Зори над Великой». В 2021 году выпустил сборник рассказов «Точка невозврата», в 1923-м – сборник рассказов и очерков «Бандиагара».

ПЕТРОПУЛО

Рассказ

Большой противолодочный корабль «Василий Чапаев» дал могучий гудок, подняв в воздух стаи портовых чашек. Над Мапутским заливом разносилась торжественная мелодия гимна Советского Союза. Вступила в дело швартовная команда в ярких оранжевых жилетах. Она работала слаженно, подобно исправному часовому механизму. Свист турбин, похожий на самолётный, перекрывался голосом командира, усиленным трансляцией: «Баковым – на бак, ютовым – на ют¹. По местам стоять, на швартовы становиться».

Неутомимые винты взбивали буруны грязной забортной воды. Корабль, как живой, дрожал всем корпусом, повинуюсь воле людей. Исходивший от него жар нагнетал и без того невыносимую духоту. Воздух был пропитан запахами дыма, водорослей и мазута. Не прошло и получаса, как огромная машина размером с многоэтажный дом покорно встала у причальной стенки. Боевой корабль серой тучей нависал над портовыми постройками. На рейде маячил невиданный в этих краях чёрный силуэт атомной подводной лодки. На «Чапаеве» подали трап. Визит отряда военных кораблей начался.

У трапа выстроились машины встречающих. Ближе всех стоял уазик с брезентовым верхом, на котором приехал Углов, назначенный переводчиком на время визита кораблей. Рядом припарковал свои «Жигули» Валерий Белограй – особист экспедиции. Чуть поодаль жались друг к другу авто не первой молодости работников порта, полицейских и какая-то лохматка службы шипчандлеров², которые поставляли свежие продукты на корабли. Отдельно от них, подобно белоснежному морскому лайнеру, расположилась «Тойота»-суперсалон. Впрочем, эта обособленность Углову была понятна: все в экспедиции знали, что она принадлежит первому секретарю советского посольства. Углов не сомневался, что этот дипломат работал, как и Белограй, на известное ведомство.

По трапу стремительно спустился вахтенный офицер в белой парадной тужурке с кортиком на боку и портативной рацией в левой руке.

¹ Бак – передняя часть палубы; ют – кормовая часть верхней палубы.

² Шипчандлер – торговый морской термин, которым называют поставщика продовольствия и корабельного оборудования.

– Гуд морнинг, джентльменс! Май найм из...
– Слышь, лейтенант, расслабься. Все по-русски понимают, – произнёс долговязый секретарь посольства. – Здравóво!
– Здравия желаю! Вахтенный офицер у трапа лейтенант Чудик!
– Как, как?
– Чудик, фамилия у меня такая.
– Романенко, первый секретарь посольства СССР.
– А звание у вас какое?
– Ну ты даёшь! Недаром – Чудик! Я же дипломат, а звание моё тебе без надобности. Зови просто – Николай Петрович.

В этот момент заговорила портативная рация в руке лейтенанта:

– Трап, трап, ответь рубке – приём.
– Рубка, рубка, трап – приём.
– Трап, первый и литерный идут к вам. Как понял? Приём.
– Не понял, кто к нам идёт? Первый или литерный?
– Валера, б...ь, оба идут. Дуй на борт быстрее, а то огребёшь по полной.

Белограй, стоявший рядом с первым секретарём и Угловым, пошутил:

– Да у них тут, как на железной дороге, поезда литерные ходят.

Романенко с Угловым засмеялись. А вот лейтенанту было не до смеха. Он метнулся к трапу, но тут же увяз в толпе местных агентов, инспекторов и шипчандлеров. Они настойчиво совали ему в лицо какие-то бумаги.

– Ноу, комрад, ноу! Адмирал! – в его голосе слышалась тревога.

Углову, наконец, всё стало понятно: командир корабля – первый, командующий эскадрой – литерный.

Чудик, вытянув руки, грубо расталкивал клерков. Его действия вызвали громкое возмущение африканцев. Не обращая на это никакого внимания, почти задыхаясь, он нёсся по трапу. Но было поздно. На борту появилась кавалькада офицеров. Ослепительно белая парадная форма притягивала взгляды окружающих. Яркие блестящие на солнце расшитые золотом фуражки. Возникла пауза. Люди на пирсе с интересом наблюдали сцену из корабельной жизни. Перепуганный Чудик влетел на борт, сделал два строевых шага, приложил руку к фуражке и взволнованным голосом отпартовал:

– Товарищ вице-адмирал! За время вашего отсутствия происшествий не случилось! Вахтенный у трапа лейтенант Чудик!

В ответ послышался рык адмирала:

– Кто-о-о?
– Лейтенант Чудик!
– Ах, Чу-у-дик! Так я вас снимаю!
– За что, товарищ адмирал?
– За то, что вы – Чудик!

Адмирал повернулся к командиру корабля:

– Убрать этого Чудика!

На борту появились музыканты оркестра. Они передвигались бегом, быстро занимая свои места. Командир с придыханием в голосе спросил:

– Разрешите начинать, товарищ адмирал?
– Начинайте.

Командир махнул дирижёру, тот – оркестру, и во всю мощь грянул «Встречный марш», заглушая другие портовые звуки.

Адмирал двинулся вниз по трапу. Выглядел он весьма солидно, если не сказать величественно: высокий рост, стройная фигура. Парадная форма выгодно подчёркивала эти достоинства. За ним на почтительном расстоянии следовала свита – командир корабля с заместителями.

Сойдя на берег, он оглядел суровым взглядом присутствующих и рявкнул:

– Адмирал Петропуло! Командующий шестой эскадрой ВМФ СССР.

Большинство из присутствующих непроизвольно сделали шаг назад. Впереди остался только первый секретарь.

- Романенко, первый секретарь советского посольства.
- Звание?
- Да, но...

Адмирал давил авторитетом:

- Ты глухой? Звание!?

Создавалось впечатление, что в его системе жизненных ценностей человек без звания, будь он даже гражданским, подобен инвалиду.

- Подполковник, товарищ адмирал.
- Ну вот, другое дело... Почему посла нет?
- Я приехал согласовать его визит.
- Давай, согласовывай.

Группа встречающих начала рассасываться, опасливо обходя адмирала, который белым айсбергом возвышался на раскалённом причале.

Шипчандлера подхватил начпрод. Белограй отправился общаться с корабельным особистом. Полицейских, мечтавших выпить на халяву, на борт не пустили. Углов, назначенный начальником экспедиции переводчиком адмирала, терпеливо ждал в стороне. Наконец, Петróпуло, закончив с Романенко, обратил внимание на Углова:

- Кто такой?
- Переводчик океанографической экспедиции СССР старший лейтенант Углов.
- Переводчик, говоришь? Ладно, пойдём со мной. Посмотрим, какой ты переводчик.

Углов призадумался. В своём знании португальского был уверен, но какую проверку готовит адмирал? Может, даст мудрёный военно-морской текст для письменного перевода? Петróпуло бодро поднимался на борт, Углов старался не отставать.

Оркестр играл «Амурские волны». У трапа стоял новый вахтенный офицер. Участь снятого с вахты Чудика представлялась незавидной. Выслушав рапорт, адмирал пророкотал:

- Нарушишь – сниму на хер, как Чудика!
- Никак нет, не нарушу, товарищ адмирал!
- Посмотрим, а то развели на боевом корабле чудиков, японский городской!

Командир предусмотрительно отстал и незаметно растворился где-то в районе рубки. Издалека завидев Петróпуло, офицеры и матросы разбегались от греха подальше. Огромный корабль показался Углову безлюдным. Если бы потребовалось описать обстановку на борту двумя словами, точнее всего подходили – чистота и страх. А может, и наоборот – страх и чистота.

Зашли в каюту адмирала. Он молча открыл сервант, отделанный карельской берёзой, достал поллитровку «Столичной», два гранёных стакана и разлил без остатка.

- Ну что, старлей, пей!

Углов оцепенел. Подобного экзамена на профпригодность он ещё никогда не сдавал. Выпить, конечно, мог, но особой стойкостью к алкоголю не отличался. Уговорить с друзьями бутылку беленькой на троих за вечер – такое бывало. Но тут – гранёный стакан! Пришло понимание: возможны последствия...

- Не могу, товарищ адмирал. Так много не могу!
- Какой ты после этого переводчик? Смотри, как надо...

Петróпуло привычно отломил корочку от куска чёрного хлеба, положил её на салфетку. Взял стакан твёрдой рукой: «За всё хорошее!» Затем поднял его до уровня глаз, как бы прицеливаясь, и выпил залпом. Его кадык при этом ритмично двигался, подобно поршню. Допив водку, он аккуратно поставил стакан, взял корочку и по-русски, смачно занюхал выпитое.

- Ну, понял, как надо?
 - Вроде понял, товарищ адмирал.
 - Вроде... Сразу видно – переводчик. Распустили тут вас за границей, японский городской! Не «вроде», а «так точно»! Теперь пей, салага, это приказ!
 - Да я не...
 - Пей, я сказал. Тебе сам Петróпуло приказывает!
- Тянуть дальше было бессмысленно. Он поднял стакан:
- За наш Военно-морской флот!

Углов что есть силы выдохнул воздух и стал пить. Поначалу дело пошло на удивление гладко. Но ближе к финалу, когда на дне оставалось совсем немного, водка неудержимо рванулась назад. Переводчик поперхнулся, закашлялся, из глаз брызнули слёзы. Он беспомощно разинул рот, резко вдохнул спасительный воздух, схватил надломленный адмиралом кусочек чёрного и стал судорожно жевать.

– Ну, я же говорил – салага! Но тост хороший, правильный. Только настоящие моряки не плачут и всегда допивают до конца.

Зашумело в голове. По телу разлилось приятное тепло. Углов, наконец, расслабился, почувствовал облегчение и, окончательно осмелев, произнёс:

– А я и не плачу.

Он взял недопитый стакан и опрокинул его, занюхав водку «по-адмиральски».

– Ладно, годится. Теперь, давай, рассказывай, что у вас тут в Мозамбике происходит.

При этом сделал ударение на второй слог: в Мозамбике.

Тема была хорошо известна Углову. Вначале он докладывал без запинки. Однако чем дальше, тем труднее становилось ворочать языком.

– Ясно, старлей. Теперь пойдём службу править. Сам знаешь, вашего брата стрóжить надо почём зря! Тебя как зовут-то?

– Старший лейтенант Углов, товарищ адмирал!

– Что ты всё заладил: старший лейтенант, да старший лейтенант! Имя-то у тебя есть?

– Юра меня зовут.

– Ну что, Юра, вперёд. Дадим им жару, японский городовой. С утра некогда было.

После кондиционированной прохлады адмиральской каюты стальная палуба дохнула обжигающим жаром.

Первым нарвался на адмирала мичман с грязным воротничком форменной рубашки. Углову показалось, что от грозного окрика бедолага даже стал меньше ростом. Другие кандидаты на разнос попрятались кто где мог. Затем Петропуло остановил свой строгий взор на матчасти и нашёл-таки на палубе чёрный след! Вызвал главного корабельного старшину и разгромил его, как Ушаков турок!

Углов, подобно эсминцу, следовал в фарватере линкора под названием Петропуло. Наконец, нашлось дело и для него. Навстречу им попался местный шипчандлер с начпродом.

– Кто такой? Кто такой, я спрашиваю?

– Товарищ вице-адмирал, это со мной, местный. Мы тут по продуктам...

– Так, переводчик, скажи ему, если обманет – я его в цепной ящик посадить прикажу!

Углов не растерялся:

– Господин адмирал шутит, что честность – залог здоровья.

– А почему же он не смеётся, если шутит? – не поверил шипчандлер.

– Не знаю, но лучше лишних вопросов не задавай.

– Что он сказал?

– Сказал, всё сделает по совести.

– Ладно, посмотрим, какая у него совесть...

Окатив африканца тяжёлым взглядом, как холодной волной, «линкор» продолжил свой путь.

Шипчандлер незаметно для всех потянул Углова за рукав, отзывая в сторону:

– А вы хороший переводчик! – сказал он вдруг на чистом русском языке. Я учился в Ленинграде, в Макаровке. По-моему, ваш адмирал – сумасшедший! Посадит он меня! Здесь ему не Союз!

– Послушай, как тебя зовут?

– Педро Жоаким Барбоза.

– Слушай, Педро, ты лучше поставь хорошие продукты и не связывайся с адмиралом. А то, кто его знает...

Подошло время обеда. Петропуло, порядком устав на изнуряющей жаре, решил заканчивать рейд:

– Ну что, салага, пойдём ко мне в каюту.

Углов, предчувствуя неотвратимое, в панике забормотал:

– Не могу, товарищ адмирал. Мне надо в экспедицию. Вызывают.

– В экспедицию? Подумаешь... Тебя ко мне прикомандировали на всё время визита. Могу вообще на корабле поселить и не выпускать до отхода.

- Там что-то срочное, товарищ адмирал.
- Ладно, езжай. Знаю я ваше «срочное». Ерунда, небось, какая-нибудь!

Углов с облегчением вздохнул. Однако, спускаясь по трапу, вдруг почувствовал, что его развезло. Водка и африканская жара сделали своё дело. Стало ясно – садиться за руль нельзя. Придётся дожидаться Белограя. Слава богу, тот вскоре появился на пирсе.

- Валерий Георгиевич, подвезите до экспедиции.
- Так ты же сам на машине!
- Да вот, пришлось выпить малость.
- Малость? Ты так считаешь? По-моему, ты хорош! Ладно, садись, поехали. Ну, рассказывай, с кем набрался? Небось, лейтенанта знакомого встретил?
- Да с адмиралом.
- Брось, не трави байки! С адмиралом...
- Правда, он мне приказал выпить стакан водки.
- Слушай, Углов, ты эти сказки побереги для кого-нибудь другого. Он даже первого секретаря посольства и то не пригласил. Кто ты такой, чтобы он тебе водку наливал? Так я и поверил! К тому же я его видел, он трезвый как стёклышко. Сказал бы честно, где набрался?

За разговорами время пролетело быстро. Машина подъехала к вилле экспедиции.

* * *

Углов с трудом выбрался из автомобиля и сразу, как назло, попался на глаза командиру.

- Не понял, товарищ старший лейтенант, почему в таком непотребном виде?
- Да вот, адмирал заставил выпить. Не смог отказать.
- Адмирал, говорите? Ну, я хоть и не адмирал, а капитан второго ранга, вас от работы с отрядом кораблей отстраняю. Идите протрезвитесь. Завтра будем разбираться.

Голова трещала и сильно клонило в сон...

Углов проснулся вечером. На улице крутили кино. Вспомнил всё, и душа заныла от тоскливого предчувствия. Не хотелось никого видеть, и он опять забылся тяжёлым тревожным сном.

Наутро, пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, занялся переводом документов из местного штаба флота. Время подходило к обеду, когда в гостиную влетел Белограй.

- Собирайся, поедешь на корабль.
- Меня же отстранили.
- Отстранили не отстранили – Петróпуло приказал тебя привезти. Лично!
- Куда привезти?
- Куда, куда? На корабль, конечно.

В порт отправились на машине Белограя втроём с командиром. Половину пути он демонстративно сурово молчал, но потом не выдержал:

- Так что, ты и вправду с ним пил?
- Ну да, я же говорил.
- Запомни, это с тебя ответственности не снимает. Не умеешь пить – не пей! Я тебя правильно отстранил.
- Не спорю, товарищ командир.
- Ещё бы ты спорил. Мы с тобой, Углов, на партбюро поговорим...

* * *

Вахтенный офицер провёл Углова с командиром в каюту адмирала. Белограй незаметно исчез в корабельных коридорах.

- Здравия желаю, товарищ адмирал!
- Ты кто?
- Капитан второго ранга Иванов, исполняющий обязанности командира океанографической экспедиции!
- А я – вице-адмирал Петróпуло, командующий шестой эскадрой! Ты понял? – зарычал во всю мощь адмирал.
- Так точно!

– Ты чего, кап-два, моего переводчика задерживаешь?

– Я его за пьянство отстранил.

– Отстранил? Ну, тогда сам меня переводи на португальский. Молчишь. Смотри, а то тебя отстраню, если посмеешь ещё раз вмешаться. Тут я решаю, кому пить. Прикажу – и ты будешь.

– Я не против, товарищ адмирал!

– А я – против! Иди и подумай о том, что я сказал. Распустились тут в Африке, японский городской! К адмиралу на доклад в гражданском костюме явился!

– Так мы здесь все в гражданском. По приказу...

– Иди отсюда, чтоб я тебя не видел. А ты, Юра, останься.

После этой фразы Углов понял, что по возвращении в экспедицию расправа на партбюро неизбежна.

* * *

– Так, салага, больше без моего разрешения – никуда. Сегодня визит начальника местного генштаба. Ты нужен. А пока идём встречать посла.

Петрoпуло достал из шкафа парадную тужурку с медалями, придирчиво оглядел свои белые брюки. Затем посмотрел в зеркало, брызнул на рубашку парфюмом и, судя по всему, остался доволен увиденным.

Юрий подумал, что запах одеколона должен хоть как-то приглушить водочное амбре, исходившее от адмирала. Чувствовалось, что утром тот повторил упражнение со «Столичной» и корочкой хлеба.

Петрoпуло спустился по трапу на пирс. Группа из командира корабля и его замов, к которой присоединился Углов, последовала за ним. На ум пришло расхожее: «короля играет свита». На палубе поспешно выстраивался оркестр.

Адмирал повернулся к командиру:

– Виталий Петрович, будем репетировать. Вы – за посла, – потом скомандовал дирижёр: – давайте «Встречный марш».

Грянула музыка. Адмирал, весь в белом, сияя на солнце золотым шитьём и орденами, с кортиком на боку, строевым шагом двинулся к командиру, изображавшему посла. Ему оставалось пройти метров пятнадцать, когда навстречу вырулило «неизвестное тело». В дымину пьяный велосипедист, одетый в промасленную грязную робу, судорожно дёргая рулём, медленно приближался. Откуда это «недоразумение» взялось в африканском порту, было решительно непонятно. А главное, он, как загипнотизированный, ехал прямо наперерез адмиралу. У Углова возникло ощущение неотвратимой катастрофы. Велосипедист самозабвенно крутил педали, пытаясь попадать в такт бравурного марша. С идиотской улыбкой на лице блаженный вильнул рулём и врезался грязным колесом прямо в адмирала. Тот согнулся от неожиданности, а бедолага рухнул на него. Секунда – и оба уже лежали на заплёванном портовом бетоне.

Офицеры свиты бросились к начальнику, оттащили в сторону обмякшего нарушителя и помогли подняться Петрoпуло. Вся эта возня продолжалась под бравурные звуки «Встречного марша».

Сказать, что адмирал рассвирепел, значит не сказать ничего. Углов ожидал услышать привычный ему рык, но вместо этого последовал полный холодной ярости приказ:

– Взять гада!

Офицеры заломили пьяному руки и подвели к адмиралу, который с обречённым видом осматривал измазанную форму.

– Ты кто... твою мать?

– Я, это, товарищ начальник, механик тута, на рыбаке, – неожиданно на чисто русском языке прозвучало в ответ.

– Механик, говоришь? Ну, я тебе покажу, б...ь, как флот позорить! В цепной ящик его! Убрать!

Матросы потащили грузное тело вверх по трапу. Присутствующие на пирсе, включая оркестр, стремительно дематериализовались. Смотреть на адмирала было страшно.

– Ладно, старлей, пойдём ко мне в каюту.

Углов понял, что новой «проверки на профпригодность» не избежать.

* * *

Приём посла прошёл, как принято говорить, «в тёплой дружественной обстановке». В кают-компании, куда гостя пригласили после осмотра корабля, накрыли шикарный стол. Здесь было всё – от балыков до чёрной икры. Оживляли кулинарный ландшафт первосортные фрукты и овощи, доставленные шипчандлером.

«Побаивается, – подумал Углов, – не хочет в цепной ящик».

Однако испорченное настроение Петróпуло не осталось незамеченным послом.

– Всё ли у вас в порядке, Пётр Христофорович?

– У меня всегда в порядке. Давайте поговорим о главном. Будет визит президента Мозáмбика на корабль?

– Делаем всё возможное для этого, но сами понимаете...

– Вы ему объясните, что таких кораблей он не видел. Одна атомная лодка чего стоит!

– Да говорил я ему. Кажется, сумел заинтересовать...

– Мы вас ждём. У нас всё готово.

Автомобили во главе с отполированным до зеркального блеска чёрным мерседесом посла сорвались с места, подняв облако портовой пыли.

Адмирал проводил их долгим задумчивым взглядом, подозвал командира и принялся за разбор полётов минувшего дня:

– Отстраняю от вахты весь наряд. Из-за вашего разгильдяйства не смог встретить посла как полагается, в парадной форме!

– Понял, товарищ адмирал. Всех снимаем.

– Ещё один такой прокол – и рассмотрю вопрос о вашем служебном соответствии.

Мрачное настроение Петróпуло передалось окружающим. Расходились по каютам подавленными.

* * *

На следующий день Углов приехал в порт пораньше. На въезде стояла усиленная охрана. Район стоянки корабля и лодки был оцеплен мозамбикскими автоматчиками. Юрия долго не пропускали, пока не вмешался начальник безопасности президента. Петróпуло, как обычно, был свиреп и сосредоточен. Объявил очередной выговор и снял с дежурства кого-то из вахтенных. Команда не покладая рук драила, чистила и подкрашивала.

Наблюдая за адмиралом, пытаясь понять его поведение, Юрий подумал, что у Петróпуло конфликт не с подчинёнными, а скорее противостояние с окружающей действительностью. Причём побеждал в нём всегда адмирал.

Философские размышления прервал сам Петróпуло:

– Так, Углов, ко мне! Пойдём чай пить.

У старлея отлегло от сердца: всё-таки переводить после стакана чая – это вам не после... Впрочем, два последних дня научили его быть готовым ко всему.

В каюте под потолком на крючке висела выстиранная и идеально отглаженная белая парадная форма.

– Пей чай, салага. Наводи резкость. А мне некогда, сейчас посол подъедет. Надо успеть переодеться. И смотри у меня, подведёшь – выгоню с флота пинком под зад! Японский городской!

– Не подведу, не такие дела заваливали.

– Что-о-о?

– Пошутил, товарищ адмирал.

– Шутник, значит? Один – чудик, другой... С адмиралом он шутить вздумал!

– Не волнуйтесь, не подведу.

– А знаешь, старлей, далеко пойдёшь! Я по молодости тоже таким борзым был, никого не боялся. Ну, рос-то я по службе быстро...

Едва адмирал успел за разговорами переодеться, вахтенный офицер доложил о прибывших гостях. В каюту вошли посол, первый секретарь и высокий мужчина средних лет.

– Здравствуйтесь, Пётр Христофорович! Смотрю я на вас и думаю, какая же красивая форма у наших моряков!

– Военных моряков, товарищ посол.

– Так ведь у гражданских – тоже красивая.
 – Не надо нас с гражданскими сравнивать, – обиделся адмирал.
 – Ладно, сейчас не об этом. Знакомьтесь – корреспондент газеты «Правда».
 – Андреевский. В Москве следят за визитом ваших кораблей. Буду готовить репортаж в завтрашний номер.

Посол многозначительно показал пальцем в потолок каюты:

– Там уже знают. «Самому» доложили.

Повисла «торжественная тишина», подчёркивающая важность момента.

Первый секретарь сообщил, что кортеж президента движется в сторону порта, а сам незаметно шепнул Углову:

– Ну, Юра, держись.

Адмирал услышал:

– Да он не боится ничего. Наглый!

– Это же хорошо! Он и не должен никого бояться, а то и переводить не сможет.

– Посмотрим, что он там напереводит. Так! Кончай базар! Идём на палубу. Пора.

Оркестр, нещадно фальшивя, репетировал гимн Мозамбика. Высокое солнце обещало обычную африканскую жару, до которой оставалось недолго. На пирсе было тесно от «мерседесов», «вольво» и «кадиллаков» местных министров, генералов и чиновников высшего ранга. Они с нетерпением всматривались в сторону въезда в порт. Неподальку от трапа, бестолково суетясь и толкаясь, готовился начать выступление местный ансамбль народного танца. Дорожные босоногие африканки, обёрнутые жёлто-зелёной материей вместо юбок, притопывали толстыми пятками по грязному бетону в такт музыке. Верхняя часть их наряда состояла из тонких ярко-жёлтых футболок, надетых на голое тело. Изображённый на них герб страны чем-то напоминал советский. Только вместо серпа и молота на нём красовались мотыга и наш автомат АКМ. Мокрая от пота одежда прилипла к телу, откровенно обтягивая мощные груди, напоминающие плоды папайи. Мужчины с нескрываемым интересом следили за происходящим. Петróпуло озабоченно изрёк:

– Похоже, сиськами трясти собираются. Всех моряков взбаламутят, японский городской!

Несколько раз глухо бухнули, как бы пробуя силу, большие тамтамы. Наконец, что-то неувлимо изменилось вокруг. Будто лёгкий ветерок прошёл по пирсу, разнося весть людям: едет, едет!

Грохот тамтамов лавиной обрушился на причал. Артисты, раскачиваясь и переступая ногами по раскалённому беспощадным солнцем бетону, начали своё незатейливое выступление. Они ритмично хлопали в ладоши, славили партию ФРЕЛИМО и президента. Широко известная в стране песня состояла всего из нескольких слов: «Спасибо, ФРЕЛИМО, спасибо, Самора Машел». Зато продолжаться она могла бесконечно. Немудрёные слова невольно напомнили Углову о надоевшем в Союзе лозунге «Слава КПСС!».

Кортеж из трёх чёрных мерседесов, реанимобиля и двух джипов охраны влетел на пирс, распугивая зазевавшихся чиновников. Охрана, вооружённая короткими израильскими автоматами УЗИ, оцепила пространство вокруг трапа, жёстко отсекая доступ. Водитель средней машины рысью бежал автомобиль и распахнул дверцу. Показалась нога в лакированном ботинке, потом широкие красные лампасы на зелёной брючине, а затем и сам президент в маршальской форме. Знакомый всем по множеству фотографий в газетах, журналах и плакатах на улицах города, он лучезарно улыбался.

Вопреки ожиданиям, президент не пошёл к трапу, а отправился приветствовать танцоров. Затем подошёл к группе министров и генералов. За ним неотступно следовал внушительный охранник в камуфляжной форме с суровым и сосредоточенным лицом. Общение с местной элитой явно затянулось. Посол и адмирал в недоумении ждали начала визита на борту. Нетерпение нарастало. Первым среагировал Петróпуло:

– Ну-ка, Углов, сходи, узнай, когда начинать-то будем? Непонятно, японский городской, он к нам приехал или к этим...

Посол внимательно посмотрел на адмирала.

– Ну, я в смысле, – смутившись, добавил Петróпуло, – что своих-то он и без нас увидит.

Углов ринулся вниз по трапу, но на пирсе был немедленно остановлен охраной. Упёртые ребята в чёрных костюмах и солнечных очках не желали выслушивать никаких доводов. С трудом удалось вызвать шефа протокола и объяснить свою задачу. Тот понимающе кивнул и удалился. Ничего не оставалось, как вернуться на корабль.

На пирсе ничего не менялось. Посол с адмиралом нескрываяемо нервничали. Не выдержал Петропуло:

- Игорь Леонидович, сколько можно ждать?
- Начинайте, Пётр Христофорович.

Оркестр всё так же фальшиво, как и на репетиции, заиграл гимн Мозамбика. Африканцы на время замерли в торжественных позах. Потом мощно грянул гимн Советского Союза и заполнил собой огромное пространство гавани.

Президент стал подниматься по трапу. После доклада адмирала, наконец, начался осмотр корабля. Углов заметил, что технические данные «Василия Чапаева», которыми так гордился Петропуло, не произвели на президента ожидаемого впечатления. Поэтому, желая его удивить, адмирал настойчиво потребовал:

- Юра, переведи: один залп нашего корабля может снести пол-Мапуту.

После этого «заявления» он победоносно уставился на президента, ожидая реакции.

Назревал международный скандал. Напряжение повисло в воздухе. Посол побледнел. Первый секретарь вопросительно смотрел на Углова.

- Господин адмирал говорит, что один наш корабль может снабжать электричеством пол-Мапуту. Посол излишне радостно закивал головой и вытер холодный пот со лба.

Самора Машел, когда-то учившийся на курсах у советских инструкторов, среагировал на знакомое слово:

- А как понимать «снесёт»?

Углов не растерялся:

- Не снесёт, господин президент, а несёт. Наш корабль несёт электричество вашим людям.

Самора, как его панибратски называли в советской колонии, продолжал интересоваться:

- А как долго ваш корабль может снабжать город электричеством?

Углов врал вдохновенно. Вопрос президента он перевёл как просьбу о подключении к электросетям.

Петропуло, ожидая адекватной оценки боевой мощи корабля, посмотрел на Юрия тяжёлым взглядом:

- Углов, сдаётся мне, ты какую-то херню ему переводишь!

– Всё в порядке, Пётр Христофорович, я слежу за переводом, – вмешался посол. – Просто у них в городе проблемы с электричеством. У кого, как говорится, что болит...

- Вот, б..., нищета! Им о боевой мощи, а они о том, что у них света нет.

- Что он сказал? – поинтересовался президент.

- Наш долг помочь вашему правительству бороться с нищетой.

Президент оживился:

– Мне очень приятно это слышать. Мы немало делаем для повышения уровня жизни людей. Как долго корабль может снабжать город электричеством? Если надо, я попрошу моего друга Леонида Брежнева оставить вас здесь хотя бы на полгода.

Углов почувствовал, что окончательно заврался и почва уходит из-под ног. Пришлось перевести просьбу «без купюр».

- Да он что – обалдел?! Это боевой корабль, а не электростанция, японский городской.

Самора Машел вопросительно посмотрел на Углова. К счастью, на помощь пришёл посол:

– К сожалению, Леонид Ильич плохо себя чувствует, но позже я обязательно передам ему вашу просьбу. Возможно, пришлют другой корабль, специально для снабжения электричеством. Этот нужен для сдерживания империалистов!

«Вот что значит настоящий дипломат!» – с восхищением подумал Углов, украдкой вытирая потные ладони.

Президент и адмирал первый раз удовлетворённо закивали вместе.

Подожёл первый секретарь посольства, владевший португальским:

«Ну, Юра, ты даёшь! То, что наглый – понятно, но чтобы до такой степени...»

По ходу осмотра кораблей Самора Машел высказал желание побывать на атомной подводной лодке, пришвартованной вторым корпусом к «Василию Чапаеву». Неожиданно Петропуло с офицерской прямоотой рубанул:

– Не положено! Высшая степень секретности.

Президент, не принимая отказа, возмутился:

– Выходит, советские товарищи не доверяют мне, руководителю дружественной страны?

Спасая ситуацию, в разговор вступил посол:

– Пётр Христофорович, вы можете послать шифрограмму в Главный штаб с просьбой разрешить посещение, а мы пока пройдем в кают-компанию.

– Не буду я ничего посылать. Не положено!

– Ну что ж, тогда пошлите шифровку от моего имени.

Просторное помещение мгновенно наполнилось людьми. Наслышанные о русском гостеприимстве мозамбикские чиновники и генералы навалились на халявную еду и выпивку. Уставшие от напряжённого ожидания люди, наконец, расслабились.

Не прошло и получаса, как доложили, что разрешение посетить лодку получено. Посол с видом победителя сообщил об этом президенту. К радости местных чиновников, желающих продолжить фуршет, адмирал объявил, что на лодку идёт только президент. Для вида немного повозмущался министр обороны, но и он вскоре успокоился.

* * *

Самора Машел в сопровождении неприступного охранника перешёл на палубу атомохода, покрытую чёрными резиновыми плитами, гасившими звук шагов. За ними спустились посол, Петропуло, Углов и командир «Василия Чапаева».

Из рубки подводной лодки появился офицер, одетый в повседневную форму. Под воротом яркосиней куртки виднелось голубое нижнее бельё. Завершали образ чёрные сандалии в дырочку. Его внешний вид сильно контрастировал с парадной одеждой гостей.

– Это кто? – не скрывая брезгливого выражения на лице, спросил посол.

– Капитан первого ранга, командир атомного подводного крейсера!

– Вы ему объясните, в какой форме надо встречать президента.

– Он только минуту назад об этом узнал, – защищал подчинённого адмирал.

Затем Петропуло обратил внимание посла на то, что разрешение получено на президента. Охранник должен подождать наверху. Обстановка накалялась.

– Без него не пойду. Это против наших правил. Я – охраняемое лицо.

Вмешался телохранитель:

– Президент не может находиться один, тем более на чужом корабле. Или мы идём вдвоём, или не пойдёт никто.

– Юра, переведи, что всё нормально. Пусть спускаются в люк, – сказал адмирал. Потом подозвал вахтенного с автоматом и тихо что-то ему сказал.

Самора Машел с послом скрылись в лодке. Вооружённый матрос решительно преградил путь охраннику президента:

– Стой, назад! Не положено!

Тот, всё поняв, резко оттолкнул вахтенного и бросился к рубке. Петропуло, хладнокровно наблюдая происходящее, командовал двум матросам: «Взять его!»

Дальнейшее походило на битву былинного богатыря с басурманами. В роли богатыря выступал мозамбикский майор. Он легко раскидал повисших у него на руках матросов, пнул ногой в пах часового с автоматом и попытался вытащить из кобуры маузер. В схватку вступил вахтенный офицер; изловчился и врезал майору в ухо. Тот опешил, тряхнул головой, словно собака, и покрутил мощными плечами, как бы приходя в себя. Пока корабельный офицер замахивался для следующего удара, охранник со всей силы опустил пудовый кулак ему на голову. Дежурный даже не охнул, только мягко осел на чёрную палубу. Поле боя явно оставалось за африканцем.

В этот момент вахтенный матрос передёрнул затвор автомата и навёл его на охранника. Тот снова схватился за кобуру и вытащил маузер.

«Запахло жареным», – подумал Углов. И тут у него над ухом прогремело: «Отставить! Опустить оружие! Смирно!»

Матрос опустил автомат. Остальные встали по стойке «смирно». Майор с маузером бешено вращал глазами, ожидая нового нападения.

Углов подошёл к нему:

- Извините, всё нормально, накладка вышла.
- Это нападение на охрану президента!
- Ну, положим, на вас никто не нападал. Вы первый оттолкнули вахтенного.

В этот момент из рубки один за другим вылезли президент, посол и командир атомохода.

- Почему не пустили моего начальника охраны?

Майор бросился к шефу, возбуждённо живописуя недавнюю схватку. Международный скандал набирал обороты.

Посол возмутился:

- Вы что творите, товарищ адмирал?
- Не положено. На него не было разрешения. Думали придержать, а он, здоровенный бугай, всех раскидал...

– Вы хоть понимаете, куда вляпались? Делайте что хотите, но замните скандал. Иначе ваша карьера может пойти под откос.

После долгих извинений было решено направить запрос в Москву, чтобы получить разрешение для охранника.

А в кают-компании шёл пир горой. Наши офицеры, не зная ни слова по-португальски, свободно общались с местными. В роли универсального переводчика выступала водка, запасы которой, похоже, были неисчерпаемы.

Вскоре необходимое разрешение было получено, и президент с охранником спустились в лодку. Углову с трудом удалось уговорить грозного майора сдать свой маузер. Офицеры с большим любопытством рассматривали необычный трофей. Когда президентский кортеж покинул порт, Юрий тайком перекрестился. Казалось, что бóльших приключений, чем было за эти два дня, уже невозможно и представить.

* * *

Наступил последний день визита. Настроение с утра было испорчено. «Возмутительное поведение» Углова накануне разбиралось на партбюро. Выговор за пьянство всем казался адекватной оценкой его работы. Секретарь партбюро был строг:

– Наше дело грязью облить, а ваше – отмываться! – с нескрываемым удовольствием выдал он свою коронную фразу. – Больно много о себе воображаете. Ишь ты, старлей несчастный, а с президентами и адмиралами крутится! Мы вас на землю-то и опустим.

Несмотря на неприятности, надо было ехать в порт. На причале стояло оцепление из корабельных матросов. Углов понял, что это защита от разного рода неожиданностей. Он вдруг вспомнил механика-велосипедиста, посаженного в цепной ящик.

Юрий направился к адмиралу. В каюте пахло свежими африканскими фруктами. Петróпуло пребывал в хорошем расположении духа.

- Заходи, салага. Угощайся. Сейчас оденусь и поедем.
- Пётр Христофорович, я насчёт того механика с рыбака. Велосипедиста пьяного. Нельзя ли его выпустить?

– В адвокаты нанялся? Да он мне ещё благодарен будет! Посидел пару суток на воде и хлебе, про- трезвел, сбросил вес. Может, в следующий раз, придурок, призадумается. Что? Считаешь, я не прав? Знаешь, салага, дашь один раз слабину – сожрут и не подавятся. Да не кукуйся, японский городской! Отпустил я его утром. А мог бы в пароходство письмо кляузное направить...

Адмирал и командиры в парадной форме спускались по трапу. Оркестр с воодушевлением исполнял «Амурские волны» – любимый вальс командующего. Подъехал «мерседес» посла и «тойота» первого секретаря. Романенко поприветствовал Юрия:

- Молодцом вчера держался! Удивляюсь, как тебе удалось успокоить этого бизона. Садись ко мне. Или с адмиралом привычней?
- Боже упаси. С меня хватит.

* * *

Приезд молодых моряков, лишённых в походе женского общества, оживил однообразную жизнь посольства. Столы ломились от угощений. Тосты за Военно-морской флот и «прекрасную половину» сыпались один за другим.

К обоюдному удовольствию моряков и женщин дело дошло до танцев. Дамы радовались редкой возможности показать свои модные наряды. Умиротворённые посол с супругой угощали фруктами внука, проводившего у них каникулы. Восемилетний мальчишка вёл себя раскованно. Чувствуя, что главный на этом празднике – дед, он наклонился к послу и что-то прошептал ему на ухо, хитро улыбаясь. Посол трижды хлопнул в ладоши: «Товарищи, внимание! Витюша хочет рассказать стишок, который сочинил сам». Витюша шустро влез на подвинутый бабушкой стульчик, окинул смешливым взглядом зрителей. В зале установилась подобострастная тишина.

«К нам в Африку притопала огромная Петропула!» – громко и чётко продекламировал поэт.

Тишина в зале стала совсем другой – взрывоопасной. В дальнем углу слышались смешки.

Реакция адмирала была быстрой:

– Товарищи офицеры, нам пора на корабли.

Посол бросился к нему:

– Пётр Христофорович, извините! Пацан – несмышлёныш, что с него взять?

– Спасибо за гостеприимство, Игорь Леонидович.

– Он же мальчонка!

Последние слова были сказаны в спины поспешно уходящих офицеров.

* * *

Визит кораблей заканчивался. Команда готовилась к отходу. Юрий приехал пораньше, чтобы поработать с портовыми властями и лоцманами. Он поднялся на борт и почувствовал, как корпус корабля нетерпеливо содрогается, ожидая выхода в море. На душе стало грустно. События последних дней заполнили и оживили его монотонную жизнь.

На палубе он встретил знакомого шипчандлера:

– Синьор Педро, а ты – молодец! Продукты высший сорт.

– Знаешь, Юрий, это адмирал – молодец! Сначала я подумал, что он ненормальный, а потом посмотрел, какой на корабле порядок. Всё блестит! А как швартовались! Каждый знает, что ему делать. А вот на рыболовной базе всё не так: кругом ржавчина, грязь, матросы часто пьяные.

Углов подошёл к вахтенному офицеру и попросил доложить о нём Петróпуло. Тот с сомнением выслушал его просьбу, но через минуту пригласил в каюту к адмиралу.

– Здравия желаю, товарищ адмирал! Зашёл попрощаться.

– Ну, прощайся, коли зашёл. Ладно, парень ты неплохой, хотя и хитрый. Я ведь, японский городской, потом понял, что президенту лишнего сказал. А ты молодец, не растерялся!

Он достал из шкафа ополовиненную бутылку «Столичной» и разлил в стаканы.

– Ну, давай, салага, держись тут. Не расслабляйся.

– Спасибо, товарищ адмирал!

– Мне-то за что?

– За науку, Пётр Христофорович.

– Ладно, иди уже, – напутствовал адмирал потеплевшим голосом, – на сына ты моего немного похож. Тоже молодой, высокий, толковый. На Севере служит...

Швартовная команда работала слаженно. От борта «Василия Чапаева» бесшумно, подобно огромному чёрному киту, отошла подводная лодка. Казалось, она вот-вот выбросит фонтан воды и нырнёт в океанские глубины. Стая пронырливых портовых чаек с пронзительным криком ринулась вслед за атомоходом, но вскоре разочарованная вернулась, так и не признав в нём настоящий корабль. Прощально зазвучал гимн Советского Союза, и «Василий Чапаев» отвалил от причальной стенки, окутанный клубами дыма и свистом турбин. Юрий стоял на опустевшем причале и долго вглядывался вдаль, пока силуэты кораблей окончательно не растаяли в утренней дымке залива.

*Санкт-Петербург,
февраль 2019 г.*

Проза

Станислав Федотов

Станислав Петрович Федотов – родился в 1938 году, сибиряк, окончил радиотехнический факультет и аспирантуру Томского университета, член Союза писателей с 1973 года, автор поэтических книг, романов и пьес, лауреат Международной премии имени Валентина Пикуля и премии «Рукопожатие», член редакционного совета литературного журнала «Берега», в настоящее время живёт в наукограде Реутове Московской области.

ДЕНЬ НАДЕЖДЫ

Рассказ

Первым в квартире всегда просыпался Сёма. Не вставая со своей лежанки, он потягивался так, что хрустели все косточки. Хрустели, конечно, не косточки, а суставы, но так часто говорила хозяйка, и Сёма не считал нужным ей перечить, потому что уважал и любил её с первых дней, когда десять лет назад появился в этой квартире. А ещё потому, что считал её в доме главной. Даже если она наказывала его за какие-нибудь мелкие провинности, единственное, что он себе позволял, это потихоньку пожаловаться хозяину, который, надо сказать, всегда принимал Сёмину сторону, хотя на результат это никак не влияло. Но вот прошло уже больше двух лет, как хозяин заснул и больше не проснулся, Сёма и хозяйка остались вдвоём, и как-то так само сложилось, что наказания прекратились: то ли Сёма начал вести себя осмотрительней, менее бесшабашно, то ли хозяйка уже не замечала за ним нарушений порядка. А порядок у неё всегда был идеальный – что в расположении вещей в квартире, что в расписании дневных забот.

Дневные заботы начинались обычно с Сёмы, с его завтрака. К тому моменту, когда Сёма, потянувшись, принимался за утренний туалет, хозяйка уже готовила для него самое любимое – говяжью печёнку, нарезанную ломтиками и одну минуту выдержанную в кипятке. Печёночка тогда просто тает на языке, жевать не надо. Впрочем, Сёма и не мог жевать по причине отсутствия коренных зубов.

Но сегодня дневные заботы почему-то не начинались. Сёма уже умылся, а хозяйка продолжала спать. Он походил возле кровати, попробовал негромко её позвать, напомнить о себе – она не слышала. А есть хотелось всё сильнее, и Сёма заволновался: что такое, что с хозяйкой случилось?! Она же старенькая, вдруг заснула насовсем, как хозяин... Ужас пронизал его: нет, нет, только не это, что тогда будет с ним?! Его же могут выгнать на улицу, и он станет бездомным! А это равносильно смерти, потому что октябрь, скоро холодная зима, один или два раза шёл снег. В квартире и так холодно – отопление давно не работает, а что творится на улице – даже думать не хочется.

Но что-то же надо делать! Надо, надо!..

Но – что?!

Сёма встал на задние лапы и дотронулся до оголённого плеча хозяйки.

1.

Надя разоспалась. Давно уже ей не доводилось наслаждаться мягкой постелью в чистых простынях под старым пуховым одеялом. Когда российские войска ушли на левый берег Днепра, оставив Херсон Вооружённым силам Украины – «вэсэушникам», как их называли в народе, – немедленно сказались близость её дома к реке, то есть к нынешней линии фронта: над головами загудели, засвистели, зашипели, зажужжали ракеты, снаряды, беспилотные дроны. Летали в обе стороны, но чаще на левый берег, туда, где окопалась Россия. Чаще – потому что, по слухам, у «вэсэушников» беспилотников и ракет было больше (их снабжала вся Европа и в придачу Америка), могли не экономить, да и били они бесцельно, то есть на кого попадёт – и ладно, а русские посылали свои «ответки» по

конкретным, в основном военным, адресам, гражданских жалели. Тем не менее регулярно объявлялась воздушная тревога, и спать Надя ложилась в ванне: она чугунная и могла защитить от осколков, поскольку случалось, что на крыши домов и во дворы падали обломки сбитых «посланцев», а кое-что просто не долетало до цели или сбивалось с курса – и всё было смертельно опасно. Однажды снаряд прилетел-таки в соседний подъезд, порушил несколько квартир. Хорошо, что в них никого не было, поскольку население в Херсоне с уходом русских убавилось вдвое: кто-то побежал на Запад, в Европу, куда все последние десять лет безнадежно стремилась Украина, но многие эвакуировались на российскую территорию. Надю усиленно звала к себе в Москву родная сестра, особенно когда началась эвакуация. Надя долго колебалась: здесь сын с семьёй, квартира, ухоженный садовый участок (правда, он на левом берегу, за Цюрупинском, теперь недоступен, но всё равно не в Москве). Колебалась, пока не объявили, что скоро уйдёт последний теплоход с беженцами. Тогда подхватила, решилась, но тут вдруг резко заболел кот Сёмка, и она побежала с ним к ветеринару – не бросать же любимца, члена семьи. А когда с чемоданом и вылеченным котом добралась до причала, увидела удаляющуюся корму теплохода. Всё, эвакуация закончилась, а с ней и колебания, пришлось возвращаться домой. Тем более что в город уже входили «вэсэушники» и попадаться с чемоданом им на глаза не хотелось.

Как раз сегодня во сне Надя увидела, как вернулась в пустую квартиру, поставила чемодан посреди комнаты, выпустила из сумки кота, опустилась на диван, и впервые за два года после смерти мужа из глаз полились слёзы. Сёмка сел напротив, разложил на коврик свой белоснежный пушистый хвост и, не мигая, смотрел, как плачет хозяйка. Во взгляде его не читалось ни раскаяния, ни сочувствия – одно лишь ожидание: что дальше?

– Эх, Сёма, Сёма! – сказала Надя и вытерла слёзы. – Самсон ты наш нестриженный!

Самсоном назвала она его неслучайно: во-первых, это имя как пожелание он получил от хозяина, крохотным котёнком попав в их домик на садовом участке, во-вторых, вырос и впрямь огромным и длинношёрстным, как библейский Самсон, у которого вся сила была в длинных волосах. Естественно, кота не стригли, только следили за чистотой его великолепной шерсти, благодаря которой он казался гораздо больше, чем был на самом деле, и порою одним своим видом отпугивал бродяжек, что кошек, что собак.

Надя не знала, почему помянула во сне его полное имя; вполне возможно потому, что даже сила Самсона не могла остановить теплоход, уходящий в другую жизнь.

То был сон, который в мельчайших деталях повторил случившееся в действительности, и прервался он оттого, что кто-то тронул Надю за плечо. Она вздрогнула: вдруг показалось, что её будит Дима, что ему пора уходить на работу, а она тут разоспалась – на пуховых перинах, под пуховым одеялом, барыня-сударыня! Правда, если бы это был муж, он плечо бы не тронул, а поцеловал: пятьдесят два года семейной жизни обросли незыблемыми атрибутами счастья, и поцелуй в плечо был одним из них. Маленький такой атрибут, но всегда приятный.

Надя открыла глаза и встретила взгляд, знакомый и по яви, и по сну, правда, в нём было уже не просто ожидание, а – требование: вставай, есть хочу! Она торопливо села на кровати и со словами:

– Извини, Сёма! – хотела погладить голову, похожую на снежный ком, но кот увернулся и вразвалочку пошёл на кухню, неся над собой, как парус, пушистый хвост.

Надя улыбнулась: какой, однако, обидчивый! – и, не прибирая постели, поспешила следом с тревожной мыслью: вдруг опять отключили электричество, холодильник разморозился, а в нём Сёмина печёнка, которую она купила вчера на рынке. Из-за российских обстрелов электричество отключали часто, вернее сказать, включали редко, и держать в холодильнике продукты стало ненадёжно. Впрочем, какие там продукты? Из скоропортящихся лишь эта самая кошачья печёнка (Сёма, видите ли, больше ничего не ест, а когда Дима нашёл его в саду, хилого бездомника, так варёную картошку с салом лопал за милую душу), за ней Надя раз в три дня ходит на городской рынок, где, естественно, продают теперь мало и безумно дорого для её мизерной, в три тысячи гривен, пенсии, а гуманитарку можно и в шкафу хранить. Её, гуманитарку, привозили от случая к случаю, из продуктов обычно были макаронные изделия да овощные консервы, что-то более вкусное и питательное забирало «вэсэушное» начальство, оно даже не считало нужным это скрывать, особенно от русскоязычного населения. «Вэсэушники» издевательски приговаривали:

– Любите Россию – пусть вас она и кормит.

Причём, обычно показательно говоря на «мове», эту фразу произносили по-русски.

Россия, по слухам, неплохо кормила – на тех землях, что остались под её контролем. И не только кормила, но и усиленно восстанавливала порушенное войной – жильё, больницы, школы, дороги. В освобождённом от «взсзэшников» Мариуполе, к примеру, как грибы, росли новые дома. Те, кто знал об этом, рассказывали вполголоса и с оглядкой: с некоторых пор информация о России, а главное, о Новороссии, то есть тех областях, что вышли из состава Украины, из-за которых и началась война, – стала уголовным преступлением.

...Электричество, к счастью, было, значит, можно приготовить Сёме хорошую еду, а себе вскипятить воды и заварить чаю, может быть, успеть сварить макароны и заправить их «соняшниковым», то есть подсолнечным, маслом. Что-то надо было сделать ещё – Надя задумалась и вдруг вспомнила: Господи, так сегодня ж день её рождения! Вот, наверное, почему и спалось хорошо, и сны снились, хоть и не радостные, но и не горькие. Даже то, что из-за Сёмы не попала на теплоход и потеряла возможность уехать в мирную и уютную Москву, не было таким уж плохим сном: зато как радовались её возвращению сын Денис и внуки, да, в общем-то, и невестка с родителями тоже – они все были против Надиного отъезда. Первые – потому что не хотели расставаться с мамой и бабушкой, вторые – после киевского переворота 14-го года как-то быстро вспомнили, что они «щирые» украинцы, заговорили исключительно на «мове» и всячески выражали своё неприятие «москалей» и, соответственно, Москвы. Правда, их русские сваты были тоже не местные, однако не «клятые кацапы». Дима приехал в Херсон из Донбасса (что после провозглашения Донецкой Народной Республики в глазах тестя и тёщи оказалось большим минусом, но – терпели, из-за дочки Оксаны, вышедшей замуж за Дениса), а Надя вообще была сибирячка из далёкой Томской области, случайно занесённая житейским ветром на земли Тавриды. Приехала в юности к знакомым погреться у тёплого моря – город понравился, поступила в техникум, вышла замуж и осталась навсегда. Потом и маму свою с отчимом «перетащила» сюда, и сестра старшая приехала и вышла замуж за украинца-«западенца» – все обустроились и прижились, обзавелись садовыми участками с яблонями, виноградом и абрикосами – такая вот маленькая сибирская колония на благословенной земле. Когда-то эту землю называли южнорусской, а потом, с недалёковидной большевистской идеи, стали звать украинской. Вообще-то, ни Надя, ни её сибирские родичи никогда не думали об этом – просто жили, и жили неплохо до той поры, когда власть в Киеве захватили ярые «патриоты». Те первым делом ринулись в атаку на всё русское. Вот тогда-то и начало выворачиваться наружу то глубинное неприятие России, что годами скрывалось под маской дружелюбия. Надя не раз задумывалась об этом, искренне не понимая, как можно быть такими двуличными. Она по истории знала, что на Украине были пособники немецких фашистов, по имени главаря их называли бандеровцами, что после Великой Отечественной войны их долго вылавливали по лесам, вроде бы всех выловили и всё вроде бы успокоилось. И вдруг – в Киеве переворот, в Одессе – огненный эшафот с десятками жертв, в Мариуполе – расстрел милиционеров, в Харькове – захват администрации, а вокруг всего этого – массовые поскакушки («кто не скачет, тот москаль») ... И всюду – бандеровцы, бандеровцы, бандеровцы! Откуда же их столько взялось, где они таились, почему их проглядела власть – старая советская или новая демократическая?! Донецк и Луганск не захотели им подчиняться – началась война. Правда, в Херсоне до поры до времени было тихо, а весной 22-го как-то обыденно, без стрельбы и взрывов, пришли российские войска. Надя не обратила на них внимания: ей было не до того, внезапно умер Дима, и она сама попала в больницу, а когда поправилась, оказалось, Херсонская область объявила о своей независимости от Украины и вместе с Запорожской и Донбассом, по итогам всенародного референдума, пожелала соединиться с Россией. Соединились, населению начали менять паспорта. Большинство, конечно, меняло добровольно, особенно старики, которых после получения новых документов переводили на российскую пенсию, она ведь заметно больше украинской, лечить опять же стали бесплатно, а это, конечно, срабатывало, как хороший магнит. Однако среди тех, кто помоложе, были и несогласные. Сын Денис, к примеру, невестка Оксана и, само собой, её родители паспорта менять отказались, а вот Надя раздумывала: с одной стороны, пенсия и лечение – это хорошо, но с другой... вдруг русские уйдут – что тогда? Соседки по дому, сидя на лавочке и лузгая семечки, рассказывали друг другу, как расправляется служба «безпеки», то есть безопасности, с «непатриотами». Сама или с помощью «щирых». Привязывают скотчем жертву лицом к столбу и бьют – резиновыми дубинками, палками, и заставляют повторять: «Украина – маты ридна». Конечно, все, получившие российские паспорта, моментально станут «непатриотами». Не хотелось бы оказаться на их месте. Ей, человеку с высшим образованием, много лет возглавлявшей

на громадном хлопчатобумажном комбинате научно-технический отдел, дико было слышать об этом возрождении Средневековья. Хотя после Майдана и Одессы чего от них можно ждать? Если русские уйдут, «безпека» покажет свою бандеровскую сущность.

И как в воду глядела! «Вэсэушники» разбомбили Антоновский мост через Днепр, по которому шло снабжение российских войск, и русские оставили Херсон. Конечно, у армии свои резоны, думала Надя, но сколько людей, поверивших в Россию и не успевших эвакуироваться, оказались брошены на произвол судьбы и попали в мясорубку «безпеки»! Было горько оттого, что она, русская до мозга костей, вынуждена радоваться, что не рассталась с украинским паспортом.

2.

Да, спохватилась она, как же быть с днём рождения? В прежние-то годы, даже уже при «незалежности», собирались родственники и друзья по работе, русские, украинцы, без разницы, могли говорить, как хотелось, и все предпочитали русский язык, а песни пели чаще украинские – уж очень они красивые! Русские – тягучие, печальные, а украинские – задорные, весёлые, для застолья самое то:

Ой, дивчина, шумыть гай,
Кого любишь, вибирай, вибирай...

После 14-го – как отрезало! – широкие застолья закончились, собирались только семейно, узким кругом, хотя и при этом – как разделиться? Семьи-то смешанные! У сестры муж и зять украинцы, у самой Нади сын женат на украинке, и тут и там дети, не успеешь оглянуться – поженятся. Вряд ли будут при этом интересоваться национальностью: сердцу-то не прикажешь. Впрочем, при нынешних гонениях на русский язык недалеко и до борьбы за чистоту расы – как у Гитлера: арийцы не имеют права жениться на славянках! Иначе жениха – на фронт, а невесту – к стенке или в лучшем случае на каторжные работы. Нацисты, они всюду нацисты – что в Германии, что на Украине, что в той же Британии. И бандеровцы – сущие нацисты, даже, может быть, похлеще.

А сегодня – вспомнит ли кто про Надин день рождения? Сестра Люся давно померла, муж её Борис – тоже, их дочь и сын, Надины племянники, уехали из Херсона, от русских ракет и дронов подальше; зять не уехал, считает себя «щирым украинцем», но прячется от всеобщей мобилизации, в магазин боится выйти. Как живёт, чем питается – непонятно. Ну, Денис-то, конечно, не забудет и семью приведёт. Кстати, он, в отличие от зятя, от мобилизации не прячется. И дело совсем не в том, что жена его Оксана работает в городской администрации – сам он специалист нужный в области связи. «Вэсэушники» совсем ведь не дураки, они, конечно, своей мобилизацией обескровили многие производства, но не те, что нужны для войны, вот Денис и работает на них. И это – хорошо, а то бы дали в руки автомат да на фронт: стреляй в русских «братьев» – и ведь никуда не денешься! В ту войну уходили в партизаны, а теперь кто и куда пойдёт? В херсонские степи, что ли? Как в песне советской про матроса-партизана Железняка:

Лежит под курганом, заросшим бурьяном,
Матрос-партизан Железняк.

Нет уж, пусть лучше сынок работает и своей работой семью защищает, чем лежать под курганом, заросшим бурьяном.

Неожиданно зазвонил телефон. Надя вздрогнула: надо же, такая редкость! Хорошо что накануне было электричество и она зарядила аккумулятор. Глянула на дисплей: Денис! Всё-таки не зря его освободили от мобилизации.

Включила связь:

- Здравствуй, сынок!
- Здравствуй, мама! От всех нас: с днём рождения! Здоровья тебе и силы всё пережить!
- Спасибо. Вы когда придёте?
- Как скажешь.

Денис всегда немногословен, весь в отца, говорит лишь по делу. Не то что его Оксана, типичная хохлушка: может часами тараторить о чём угодно. Как её терпят в администрации?! Впрочем, она, как и все украинцы, себе на уме: где надо, промолчит, к кому надо, подмажется.

- Да я вам рада в любое время, только вот угостить нечем.
- Мы с собой принесём. Когда будешь готова нас принять?

- Ты, Деня, прямо как официальный визит рассчитываешь.
- Денис, похоже, смутился:
- Ну что ты, мам...
- Приходите часа в два-три... как сможете...
- Хорошо. Будем в два, – и отключился.

Надя заторопилась: уже двенадцатый, а надо прибраться, помыться, что-то надеть. Она вообще любила быть нарядной. Даже в это невесёлое время выходила на улицу всегда тщательно причёсанная (благо волосы неплохо сохранились и седины мало), принаряженная. Соседки на придомовой скамейке фыркали:

- Вей з мир!¹ Вырядилась цаца!.. Фифа!.. Ой вей, сказывалась баба!.. Война же ж!..

Надя не слушала, проходила мимо, гордо подняв голову в шляпке. Война войной, а женщина и в семьдесят женщина. Что ей в лохмотья обряжаться, что ли? Да, бывает, есть нечего, но платьев, юбок, блузок, жакетов за советское время да и за первые годы независимости, пока комбинат работал, накопилось столько, что носить не переносить, благо женская мода, как известно, ходит по кругу, а Надя умела комбинировать свои наряды так, что они всегда выглядели модными. Это потом, когда огромный комплекс по переработке хлопка остановился из-за нехватки сырья, когда его захватили дельцы, которым нужны были только помещения, и на металлолом были проданы уникальные машины и агрегаты, когда всех поувольняли, не выплачивая пособия, – вот тогда и Надя, и Дима, перво-классный специалист-компьютерщик, немного приуныли. Правда, Дима вскоре занялся частными заказами: он разработал противоугонное устройство для автолюбителей, недорогое и эффективное, и взял в помощники Дениса, тоже оставшегося без работы. Получилась маленькая полулегальная фирма, позволившая сносно существовать двум семьям: у Дениса как-никак сыновья подрастали. Надя взяла на себя заботу о садовом участке, а через несколько лет оформила пенсию. Небольшая, но всё-таки прибавка. И жизнь постепенно вроде бы вернулась в привычное русло. Всё бы ничего, если бы внезапно не умер Дима и не раскрутился страшный маховик войны. Она, война, вообще-то как началась с осады Донбасса, так и не прекращалась, напоминая вялотекущую шизофрению. Существовали Минские соглашения, которые никто не собирался выполнять, Россия слала и слала на Донбасс гуманитарные конвои, Украина, то есть киевская власть, обстреливала донецкие и луганские города и сёла, увеличивая число жертв среди мирных людей, и это могло продолжаться ещё неизвестно сколько времени, но Россия вдруг «вспряла ото сна» и ринулась защищать братьев по крови, вере и языку. Да как-то странно ринулась: за несколько дней заняла всю Херсонскую область, половину Запорожской, на севере дошла до Киева, а потом вдруг скукожилась, начала в Стамбуле договариваться с «нациками», отступила от Киева, сдала Чернигов, Сумы, Изюм и Балаклею, где её встречали с цветами (Боже, что потом «нацики» сделали с теми несчастными, которые на неё надеялись?! – думала Надя, и сердце каждый раз обливалось ледяным холодом), а теперь русские заявляют, что Запад их обманул. С Минскими соглашениями обманул, со Стамбульскими обманул – что ж они, эти русские, такие доверчивые и сколько крови солдат и мирных жителей стоит такая доверчивость?! Только вот доверчивость ли? Многие уход России с занятых территорий восприняли как отступление, если не бегство. Чего-то они крепко испугались. Не солдаты с офицерами, а те, кто повыше, кто дал команду отступать. Надя это так и поняла и, честно сказать, расстроилась. Она не могла сказать, что чувствует особенную любовь к России (всё-таки всю сознательную жизнь прожила на Украине и привыкла к ней как «малой Родине»), но гонения на всё русское, изо дня в день нагнетаемая русофобия вызывали тоскливое чувство – как будто она потерялась в бесконечном тёмном тоннеле. Лишь вот эта ночь накануне дня рождения, когда удалось нормально поспать в нормальной постели, когда пришло солнечное утро без визга дронов и когда позвонил Денис и в его голосе было спокойствие, – всё вместе взятое приглушило гнетущие ощущения и показалось вдруг, что в пресловутом тоннеле не так уж и темно. Хотя, может быть, просто глаза привыкли к темноте?

Электричество всё ещё было. Надя нагрела воды в маленьком бойлере, который в своё время смастерили Дима с Денисом – на случай отключения горячей воды при профилактике отопительной системы. С наслаждением помылась – ещё одна радость. С началом военных действий горячую воду в жилые дома вообще перестали подавать, и даже русские власти за время пребывания в Херсоне не успели наладить это важное для жизни дело, так что Надя не раз поминала добрым словом по-

¹ Вей з мир! – Боже мой! (одес.)

койного мужа, у которого были по-настоящему золотые руки. Кто-то сказал, что русский человек смекалкою силен. Дима был истинно русским человеком: смекалка его блестяще проявлялась во всём, за что он брался, особенно на садовом участке. Все хитроумные приспособления там – что добыча чистой воды, что нагрев её солнечной энергией (благо солнца летом в Херсоне хоть ведром черпай) и многое другое по мелочи, всё сделано его руками, и всё теперь порушено или будет порушено. Думая о порушенном, Надя имела в виду не только прорыв Каховской плотины в июне прошлого года, когда были затоплены десятки деревень и сёл и даже часть Херсона. В городе гуляли слухи о том, кто это сделал – Украина или Россия, по телевизору, когда он работал, говорили, что русские испугались наступления Украины и взорвали плотину, чтоб остановить ВСУ, но Надю куда больше волновало грустное понимание, что для неё вместе с плотиной бесповоротно покончено со старой жизнью. Какая-то связь с прошлым сохранялась в небольшом садовом участке, он был как бы символом её семьи, а теперь – всё! Димы нет (а без него какая семья?), на теплоход она опоздала (вряд ли случайно – просто Сёмка, этот пушистый паршивец, не захотел уезжать!), страны любимой тоже нет – вот только сын и внуки...

Да, сын и внуки, и сегодня – день её рождения.

Они пришли, как было назначено – ровно в два часа раздался стук в дверь: электричество уже выключили, и звонок не работал. Принесли овощное сотэ (любимая готовка Оксаны), тушёное мясо, салат «оливье», пирожки с капустой, кусок копчёного сала, от которого по всей квартире моментально расплылся потрясающе вкусный запах, и набор колбасной нарезки. Надя даже не стала спрашивать, откуда такие деликатесы: ясно, что раздобыла Оксана в своей администрации. Она же от имени семьи преподнесла свекрови бутылку французского сухого «Каберне».

Накрыли стол – получилось не хуже, чем до войны.

Денис разлил рубиновое вино по хрустальным фужерам – как раз на шестерых, мальчики уже выросли, их не обделили. Посреди стола Надя поставила высокий стакан, Денис наполнил его на треть. Никто не спрашивал зачем, все и так понимали – честь и память мужа, отца и деда.

– Деня, ты теперь глава семьи, тебе слово, – сказала Надя.

Денис встал и, глядя на стакан для отца, произнёс:

– Папа, мы тебя не забываем, но сегодня день нашей мамы, день Надежды. Мама, мы пьём за тебя, за твоё здоровье, за то, чтобы надежда наша не умирала никогда...

И тут зазвонил телефон. Надя посмотрела на дисплей:

– Ой, Москва, Олечка звонит! – и удивлённо-вопросительно взглянула на Дениса. – Как это ей удалось прорваться?!

Тот улыбнулся и часто закивал головой: говори, мама, говори.

Надя включила соединение и закричала:

– Алё, алё! Олечка! Здравствуй, родная!

Она нажала кнопку громкой связи, и в комнате зазвучал голос далёкой сестры, он прилетел, казалось, из другого мира, из другой Вселенной:

– Наденька, дорогая, мы тебя поздравляем с днём рождения!

– Спасибо! Спасибо!

– Боже, какое счастье слышать тебя! Целую вечность не разговаривали!

– А мне – тебя! У тебя такой бодрый голос!

– Так радость же! Ты здорова? У тебя всё в порядке?

– Да, здорова. Пришли мои самые родные: Денис с Оксаной и мальчиками. Все тебе шлют привет.

– Мы тоже очень рады. Я тебе в субботу или воскресенье позвоню, и мы обо всём поговорим. Денис сказал, что по ватсапу можно будет говорить, сколько угодно. А сейчас не будем отнимать время, целуем тебя и всех обнимаем.

Сестра отключилась. Надя секунду или две ошеломлённо смотрела на дисплей, словно не верила в произошедшее, потом повернулась к Денису:

– Может, объяснишь?

Денис смущённо пожал плечами:

– А что объяснять, мама, да и зачем? Пока я жив-здоров, у тебя будет связь с Москвой. Звони, когда удобно и тебе, и тёте Оле, и беседуйте. Пока ватсап работает.

Наде захотелось крепко обнять сына, но она только покачала головой и сказала укоризненно:

- Что ж ничего не сказал? Я бы приготовилась.
- Сюрприз! Наш подарок ко дню рождения.
- Спасибо, сынок! Лучшего подарка у меня не было за всю мою жизнь!

Вечером, когда гости ушли, опять начали стрелять. Заверещали беспилотники, по-змеиному зашипели ракеты, засвистели снаряды, издали прилетели громовые раскаты взрывов.

Сон в мягкой постели отменялся.

Надя покормила Самсона, заложила подушками дно ванны – будет тепло и не так жёстко, а главное – какая-никакая, но защита от осколков, если в квартиру вдруг прилетит опасная гадость. Ожидать её можно лишь от «вэсэушников», потому что, во-первых, окна Надиной квартиры обращены на северо-запад, в их сторону, во-вторых, известно уже, как часто «вэсэушники» попадают ракетами в своих. Хотя, кто для них «свой», ещё большой вопрос. Уж не русские – это точно. А в-третьих, в ванной комнате тихо, если и слышны, так только взрывы – как далёкое эхо войны.

Насытившийся печёнкой Самсон занял место в изножье постели. Потянулся, муркнул и свернулся клубком. Говорят, кошки хорошо чувствуют опасность, а Сёма спокоен. Теперь можно и Наде ложиться, подумать о жизни. Но если прежде она думала о прошлом, то сегодня можно о предстоящих в субботу или воскресенье разговорах с любимой сестрой, по которой она ужасно соскучилась. Олечка всегда так умеет сказать о будущем, что хочется жить, радоваться каждому дню и надеяться на лучшее. Хотя бы на то, что не мобилизуют на фронт Дениса и Никиту с Максимом. А то ведь от Киева всего можно ожидать. Русских ему не жалко.

Вот закончится война, думала Надя, в Херсон вернутся российские войска, закончится этот беспредел «безпеки» и прочих бандеровцев, и я свободно поеду в Москву. Пойдём с Олечкой в театр или на выставку какую-нибудь, или поедem по Золотому кольцу, или отправимся в круиз по Волге. Раньше ездили по заграницам – то в Турцию, то в Тунис, то в Черногорию, – а Россию оставляли на потом. А ведь в ней сколько прекрасных мест! И на Украине... тоже... если от Украины что-то останется после войны...

Будем надеяться. Будем надеяться!

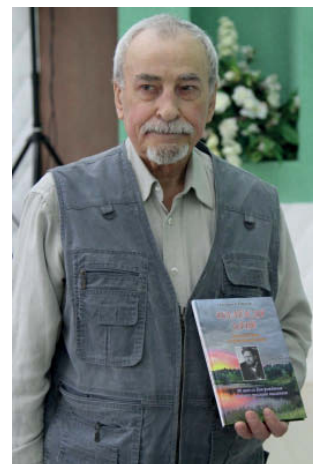
3.09.2024 г.

Проза

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. В настоящее время издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов, в том числе лауреат журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), лауреат Международной литературной премии Главы Республики Карелия «Во славу Отечества» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), лауреат Филофеевской литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская Грамота Митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святителя Филофея). С 1987 года живёт и работает в Вологде.

МЕЧТЫ НАПРАСНЫЕ

Публицистическая повесть

Русский стержень и варвары Запада

1

Видение на закате

У поэта Виктора Пеленягрэ, познакомился с ним в «Доме творчества писателей» в Переделкине, есть песня с такими словами:

Как упоительны в России вечера!
Любовь, шампанское, закаты, переулки.
Ах, лето красное! Забавы и прогулки.
Как упоительны в России вечера!

Поэт живописует о балах, красавицах, пролётках, юнкерах – то есть о далёком прошлом. Но не покидает ощущение, что ты присутствуешь на этих балах, слышишь «хруст французской булки», видишь «закатный блеск».

Почему такое происходит?

Это мироощущение русской души!

Для неё как бы нет времени и пространства. Она одинаково в родстве и сопричастности может пребывать и в глубокой древности, и в бытие текущем, и заглядывать в будущее.

Запомним особенность русской души!

Поэт из Вологды Александр Романов искренне писал:

Умываюсь туманами Севера,
Поднимаюсь легко на бугры.
И мне под ноги катятся клевера
Фиолетовые шары.
А заря, словно красная мельница,
Мне опахивает лицо,
Горизонт уплывает и светится,
Как берёзовое кольцо.

...Будучи в деревне, я любовался закатным чудом на русском Севере.

Над прудом, зарослями цветущей черёмухи, ивняка висела розовая сфера, напоминая купол храма. Розовый цвет переходил в тёмно-красный, а вдали, ближе к земле, трепетал бледно-жёлтый осколок зари. По сторонам, будто в дозоре, стояли хвойные рощи.

Необъятность простора, сиреневое небо с малиновыми разводами, колокольный звон, несущий сердцу тайную радость, деревенька, поле, лес. Всё это, мысленно собранное воедино, являло выражение облика Родины. Облика разного, не однозначного, древнего и нового, но, в первую голову – неповторимого!

В самом деле!

Разве вон тот лесной окоём с быстро бегущей речушкой внизу, с плакучими берёзами на берегу похож на что-то? Нет, он – единственный в своём роде! И любая ветка и стебелёк ржи, чудом оказавшийся у моих ног, подтверждали собственную неповторимость.

Сколько листьев на плакущей берёзе?

Тысячи!

И ни один из листьев, если сравнить, в точности не воспроизводил другой.

Если уж зелёные «существа», суть «бессловесные твари», обладают «особинкой», то о душе человеческой, Богом наделённой Словом и Чувством, и говорить нечего.

«Незримые нити» связывают её с беспредельным мирозданием.

Дико, странно порой слышать, что ныне душу, «гражданку небес», некоторые люди в «культурном Западе», да и у нас в России «подражатели Запада», низвели до уровня «товара», захотели изъять её из тела, разять, как атом, приравнять к «скотскому удовольствию», «обозначить цифрой»...

Подтверждений множество, и одно из них – творчество и антихристианская кончина «короля попсы» американца Майкла Джексона. В своё время его очень любили в Москве и открывали перед ним широкие ворота в концертные залы, чтобы он просвещал «тёмных» русских.

...Любуясь закатом, я думал о том, что бытие России начала XXI века напоминает пестроту и фантасмагорию явлений природы. В политике, культуре, экономике, социальных запросах и повседневности. Наверное, по-своему это неплохо. По крайней мере, если такое разнообразие соотнести с однотонностью «партийной линии», что существовала в стране тридцать с лишним лет назад. Да, и она, вне сомнения, несла какие-то положительные черты, не следует их забывать и утрачивать. В частности, из советского периода правителям надо бы обязательно взять высокую социальность – гарантии на труд, бесплатную медицину и образование, поддержку государством культуры...

Теперь мы имеем широкий разброс мнений, суждений, порой крайних, противоположных и даже исключаящих друг друга. Как правило, «разброс» – на «корявом» русском языке, с ошибками, грамматическими и смысловыми, с изрядной долей трудно объяснимой озлобленности или наглой русофобии. Иногда всё это даёт повод отдельным гражданам рассуждать о том, что в стране произошла полная потеря ценностных ориентиров. Поэтому в политике господствует слабость, в культуре и искусстве – примитив, в экономике – добывание «денег из воздуха», в социальной сфере – гонка за потреблением и развлечением, в развитии общества – явная деградация, или, по-простонародному, «откат в никуда».

Что ж, посмотрим правде в глаза – во многом так оно и есть!

Думаю, всякий честный мыслящий русский ощущает кожей и нервами нынешний «российский фон», далеко не во всём благоприятный.

Не будем, однако, спешить заказывать «похоронный марш» родной стране.

Хочу напомнить тем, кто слишком забывчив: подобные оценки – не новость! Достаточно воспроизвести ситуацию первых десятилетий XX века, когда происходила ломка общественных отношений. И тогда звучали сетования о «гибели Святой Руси», «забвении Православия», «уничтожении русской культуры», «необходимости учиться у Запада» и о всяком прочем в том же духе.

Один из персонажей поэмы Сергея Есенина «Анна Снегина» плакался автору: «Пропала, пропала Рассея, погибла кормилица-Русь...»

О низвержении идеалов Святой Руси, «красном дожде» над Русью писал в своих откровениях выдающийся русский поэт, друг Сергея Есенина Николай Алексеевич Клюев, олонекский ведун, певец Прионежья. В той же тональности были созданы лучшие произведения другого друга Есенина – поэта Алексея Ганина, уроженца Вологодской губернии, а также многих других русских поэтов и писателей.

Определенную параллель можно провести и в политике мирового масштаба.

Ещё в 1918 году агрессивный президент США Томас Вудро Вильсон «в записке госсекретарю Роберту Ленсингу предложил подумать о расчленении России по крайней мере на пять частей – Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь и Украину» (Полторанин М. Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Эксмо, 2011).

Для осуществления своих целей тогдашний мировой Олигархат (читай: нынешнее «Мировое сообщество» или «Наши американские партнёры») бросил огромные финансовые ресурсы, а также подготовленную в Америке и Германии «пятую колонну». В Архангельской области высадившиеся десантом американцы, англичане, канадцы, французы убивали тысячами исключительно русских людей, осуществляли разбой и грабёж мирных жителей. Есть свидетельства по американскому концлагерю на острове Мудьюг, недалеко от Архангельска, по массовым расстрелам в местах Мхи и Ягры... Кстати, за те убийства не поздно предъявить счёт конгрессу и правительству США и теперь! Такие преступления не имеют срока давности.

Что в итоге вышло из затеи «цивилизованного Запада» покорить и расчленить Россию в 1918 году?

Известно – пшик!

Хотя, может, и не совсем так.

«Цивилизованному Западу» удалось сбить, приостановить стремительное развитие России, а также нанести сокрушительный удар по демографической ситуации.

Население Российской империи, превышавшее в три с лишним раза население тогдашней Германии (начало XX века), значительно сократилось из-за Первой мировой войны, двух революций, Гражданской войны и эмиграции.

Иными словами, в истории кое-что повторяется!

История!

Боже мой! Каким же предметом «торга» она стала в наши дни!

Её без конца обновляют, искажают, умалчивают, переписывают, добавляют, сокращают, перелицовывают, выдают «окончательный вариант».

Конца столь «упорному труду» не видно!

Что мы знаем об истории русского народа с самых древних времён? Здесь больше нигилизма, чем знаний и истины. Причём нигилизма дремучего, поразившего даже правителей. Не так давно один из них заявил об очередном «собственном открытии»: мол, наша страна «молодая, ей всего 20 лет». Если следовать его логике, то не было огромной Киммерийской цивилизации, не было государства Урарту, не было Скифии, не было Киевской Руси, затем Верхневожской Руси, Северо-Восточной Руси, Новгородской феодальной республики, а была и есть у нас только одна «эпоха еврея Абрамовича».

И вот что удивительно!

Подобные утверждения, опять же, не являются новостью.

В своё время большевики, взяв власть в октябре 1917 года, принялись утверждать, что до них «ничего не было»; история страны началась с «диктатуры пролетариата». А куда же делись десять с лишним веков, предшествующих тому, с огромным количеством событий, имён, дат и фактов? Новоявленные политики умалчивали.

Но бытие русской истории невозможно «навсегда замолчать», сие не зависит от людского произвола, в том числе и от произвола правителей.

Нечто похожее произошло и в конце XX века, когда социалистический строй демонтировали и новоявленные демократы стали кричать во всю ивановскую, что в России «ничего нет» – ни законов, ни рыночной экономики, ни культуры, ни федерализма, ни истории.

Уж истории-то – в первую очередь!

Вот были Древний Египет, Древняя Греция, Древний Вавилон.

А мы тогда где были?

«Нас ледником накрыло, – иронизировал знакомый профессор истории, когда я заговорил с ним на эту тему. – Мы под валунами сидели и мякину жевали. Ну а если говорить серьёзно, вот вам факт. Некоторое время назад под Владимиром (бывшая столица средневековой Руси. – Г.С.) археологи откопали стоянку, подтверждающую, что люди на этой территории хозяйствовали тридцать тысяч (!) лет назад. Не просто жили, как скоты («первородство от скотства» пытается вдолбить всем нам жёлто-голубая «демократическая пропаганда» в современной России), а **хозяйствовали! Понимаешь – хозяйствовали!**»

Нам же всё время говорили, что «нас не было».

Да! Только и остаётся развести руками.

Когда я любовался дивными небесными красками над полем и лесом и вспомнил беседу с профессором, мне представилось на уходящем закате как бы видение.

В чём оно заключалось?

Это видение было следующим.

Перед ликом Вечности история России предстояла **ЕДИНЫМ ЦЕЛЬНЫМ ЯВЛЕНИЕМ**.

Её, Историю, нельзя было рвать на «куски», жонглировать «кусками» ради услаждения чьих-то тщеславных вожделений, корыстных сиюминутных интересов. В этой целой, всеобъемлющей отечественной Истории многие события и происшествия невозможно было понять и объяснить без мистического аспекта, то есть – Божественного Промысла о стране и о людях.

Приходилось ли вам видеть, как купола и стены древних храмов соединяли и держали мощные кованые железные опоры? Эта картина потрясает! Так и здесь: Божественный Промысел, словно стержень-каркас, пронизывал и до сего дня пронизывает историю Отечества, не давал и не даёт и, думаю, никогда не даст рассыпаться ей в прах.

В чём суть «стержня» в нашем повседневном человеческом понимании?

В видении на закате мне открывались глубины отлетевших веков, чудилось самое-самое Начало.

Словно я переместился «на машине времени» в древнюю-предревную старину, видел каменные деревни весёлых, жизнерадостных **Ариев**. «*Арии*» на древнем языке, на котором они говорили, означало – **почтенные, превосходные**. Действительно, Арии выделялись из всех остальных обитателей земли того времени как своей силой, ростом, стройностью и красотой, так и особенно благородством своих душевных свойств.

Несмотря на то что в те отдалённые времена, за несколько тысячелетий до рождения нашего Спасителя, проповедовавшего любовь к ближнему, всюду господствовала чрезвычайная жестокость нравов, среди Ариев, наряду с этой жестокостью нравов, высоко ценились и уважались те душевные качества, которые и ныне составляют принадлежность всякого человека с благородной душой: *храбрость и честность*» (Нечволодов Александр. Сказание о Русской Земле. Санкт-Петербург, 2003. Т. 1).

(К слову сказать, император Николай II считал сочинение приведённого выше автора, бывшего генерала Александра Нечволодова, самой лучшей книгой по древней русской истории).

Далее исследователь отмечал, что главным имуществом и богатством ариев был многочисленный домашний скот, они успешно вели земледелие, знали десятки ремёсел, в том числе отделку золота, серебра и меди, занимались охотой и рыболовством, умели плавать в ладьях.

Иными словами, они были **созидателями, а не разрушителями**.

Подчеркну: **СОЗИДАТЕЛЯМИ!**

И ещё важное добавление автора: «Все наши предки (он имел в виду ариев. – Г.С.) также верили во всемогущего Бога, который у них назывался тем же словом Бог, и поклонялись светлому небу – Диву, солнцу, заре, огню, ветру и матери-земле...» (там же).

С определённой долей вероятности можно утверждать: стержень повседневного бытия ариев составляла Божественная Вера.

Здесь я должен сделать оговорку: я не имею в виду ариев в качестве какой-то расовой или национальной исключительности. Нет! Это уже в 20-м веке в фашистской Германии, извращая историю, приспособляя её к своим нуждам, идеологии нацизма «придумали» «*чистоту арийской расы*».

В череде веков взору представлялись и необъятные просторы Скифии.

Вроде бы странно, на первый взгляд, но это так: скифы, унаследовав территорию своих предков, хранили главную традицию ариев: духовную составляющую земного бытия всех людей и каждого человека в отдельности.

Замечательный исследователь Православия, духовный писатель Михаил Толстой отмечал: «Известия о частных обращениях жителей южной Руси к христианству начинаются с IV века. Блаженный Иероним писал: “Гунны изучают псалтирь; хладная Скифия согревается огнём веры истинной; войска рыжих и белокурых гетов и даков носят за собою походные храмы”.

Из этих слов видно, что под именем холодной Скифии нужно разуместь ту, которая простиралась от левого берега Дуная до Дона, где, по свидетельству древних, ещё с I века по Р.Х. обитали славяне...» (Толстой Михаил. История Русской церкви. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991).

В чём выражался «огонь веры истинной» у скифов?

Предполагаю, он проявлял себя искреннею Верой:

- в Бога;
- в храбрость, благородство, честность;
- в жизнь, что дороже злата;
- в загробную участь, которую получал всякий человек.

У скифов, как и у ариев, корысть, стяжание, приобретение богатства любой ценой, материальное преуспеяние не были целями земного существования. Для них большее значение имели духовные смыслы или, как бы мы теперь выразились, критерии.

Так, представлялось мне, было в «мрачной глубине веков».

Возьмём эпоху, более близкую нам и более понятную.

Эпоху, когда мужал литературный и богословский гений Святителя Игнатия Брянчанинова. Обласканный самим будущим императором Николаем I, став его стипендиатом и успешным студентом Главного военно-инженерного училища в Санкт-Петербурге, Дмитрий Брянчанинов вспоминал: «Пред взором ума уже были грани знаний человеческих в высших окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: что вы даёте в собственность человеку? Человек вечен и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба?

Науки молчали.

Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыразимая по Боге...» (Житие Святителя Игнатия Брянчанинова / авт.-сост. А. Пылёв. Вологда: Технологическая школа бизнеса, 2000).

Эта борьба земного и вечного происходила в душе молодого Дмитрия Брянчанинова в 1825 году. То есть в тот самый период, когда так называемая «элита русского общества» (воспитанная в основном иезуитами, «выписанными» с Запада) готовила вооружённое восстание на Сенатской площади (декабристы) Петербурга с целью свержения царя и освобождения народа от «пут крепостничества», а также – от «ига православия». (Через 92 года «игу Православия» приклеили другой ярлык – «опиум для народа».)

Свергнуть и разрушить «ненавистную» монархию им в тот раз не удалось.

Какие выводы можно сделать из вышесказанного?

Не одно столетие для людей, существовавших в системе координат Русской Цивилизации, основным отличием и главным богатством оставалась Божественная Вера. Наличие её в человеке ценилось выше земного преуспеяния.

Даже в советский период истории нашего Отечества понятие «вера» использовали довольно широко. Когда принимали в партию, обязательно спрашивали: «Верить в коммунизм?» Если кандидат отвечал положительно, его принимали, а если нет, то говорили: «Ты ещё не дорос до партии!» То есть отношение к партии определялось по *вере* в неё – ни больше ни меньше.

В известный набор постулатов под названием «Моральный Кодекс строителя коммунизма» были взяты положения и идеи из Нагорной проповеди Господа нашего Иисуса Христа. Идеологи марксизма-ленинизма отлично понимали, на чём можно «сыграть» для русского народа – на его многоверной тяге к Вере.

Добровольное отпадение от учения Иисуса Христа, желание поставить во главе храма «собственную персону», а не Христа (о том подробно писал в своих трудах выдающийся богослов Митрополит Иоанн), превращение храмов в коммерческие организации, продажа храмов на аукционах – все эти и им подобные «приметы» «цивилизованного Запада» и создали определённую мировоззренческую пропасть между ним и Россией, пропасть, прежде всего, в умах.

Как говаривал известный литературный персонаж: «У вас разруха в голове».

Так и здесь!

Изъять Божественную Веру из души рядового русского человека – вековая мечта правителей Запада, как государственных деятелей, так и церковных.

В XX и XXI веках их мечта обрела реальность в разрушительных действиях «Мирового Сообщества» против России, в уничтожении русской экономики и русского населения, ослаблении позиций России на мировой арене, в попытках превратить нашу страну в рабское колониальное государство, зависимое от Запада во всех отношениях.

Главный лозунг нынешнего «цивилизованного Запада», управляемого в основном людьми, обременёнными уголовными деяниями, – «мир без России». Это – вожаемая цель «цивилизаторов».

Вот, к примеру, часы. Вынул из них маленький маятник – винтик, и всё – часы остановились. И тут хотят вынуть «стрелку», держащий душу Руси и её историю, тем самым рассеять или опрокинуть народ в небытие. Не случайно оголтелый русофоб Бжезинский из Вашингтона и ему подобные «оракулы» «цивилизованного Запада» откровенно заявляли о том, что приверженность русских людей Православной вере «мешает им жить», по мнению «оракулов», Православие надо разрушить.

2

Отпор «могильщикам» России

Вспоминаю, как я шёл по жёлто-красному песку мыса Херсонес в Крыму. Моря ещё не видел, но чувствовал, что оно где-то рядом; шум его нарастал; и вот открылся с высокого берега простор Чёрного моря, серебром преломлялись в воде лучи, лёгкая волна била в скалы.

Величественная картина морского простора волновала душу.

Народная жизнь напоминает море.

Когда море народной жизни спокойно, то и большинству из нас живётся светло и радостно. А когда беспокойно, бурлит где-то внутри, взбаламученное несправедливостью и унижением, то и ты с тревогой думаешь о неизбежности потрясений, о том, что эти потрясения уносят, как правило, самых лучших, поднимая на поверхность алчных, кровожадных, ненавистников Отечества.

Отдалённо накатывающееся ощущение Апокалипсиса, ныне свойственное «левым» и «правым», вызывает у них разную реакцию. По большей части – озлобленность на русский народ, не поддающийся, как задумано, «перестройке» и «капитализации». Один из приближенных к руководителю «кремлёвского руля» богатый иудей договорился до того, что «модернизации в России мешает население», мол, надо бы его куда-то убрать, и всё будет в ажуре.

Замшелым фашизмом тянет от такого откровения иудея-олигарха, замшелость свидетельствует о том, что с головой у богача «не всё в порядке», как и у его высокопоставленных покровителей.

Но тому, кто не показной, а настоящий патриот, кто желает быть истинным христианином и гражданином, Господь Бог открывает перспективы и дарует видение Будущего.

«И не надо забывать простой, горькой, но и упрямой истины: великим нациям не прощают их прежнего величия. предав друзей и уступив врагам, мы вызовем к себе всеобщую дружную ненависть и ровно ничего не выиграем.

Крест, данный России от Господа, надо нести достойно, а крест этот исключителен. Само бытие нашей страны обеспечивает равновесие на Евразийском материке, да и не только на нём. Не будет преувеличением сказать, что и равновесие в мире в значительной мере обеспечивалось именно Россией, подчеркнём – сильной Россией!

Наша гибель создаст такую воронку, такой «спуск в Мальстрём», что может – в поднявшейся войне вокруг дележа нашего бесхозного наследия – погибнуть и всё человечество. Понять это нужно теперь, до окончательного крушения страны. «Потом» понимать будет уже поздно» (Балашов Д. М. Ещё раз о Великой России // Север. 2003. № 1–2).

Дмитрий Михайлович, известный писатель и историк, поэт и публицист, «не плакался в жилетку», а видел реальные пути воссоздания сильной России, в том числе он предлагал «поднимать в первую голову наукоёмкие производства». Его размышления, согреты любовью к Родине, и теперь не потеряли актуальности, хотя «продвинутые властители» стараются не замечать русских мыслителей высокого уровня, к которым, вне сомнения, принадлежал и Дмитрий Балашов.

У представителей «западного направления» иная точка зрения. Общий тон их рассуждений в эфире, с экрана, со страниц газет и журналов, многочисленных «премированных» книг несложно свести к примитивной страшилке: России, Русской Цивилизации уже выкопана большая и глубокая яма, куда её вот-вот столкнут вместе со всеми нами, разумеется, но не с представителями «западного направления».

«А тому, что произошло у нас, есть много причин, – разводил руками один из них, бывший диссидент, поживший за границей. – Россия оказалась наследницей Византии, православной страной, и Запад не мог простить ей эту инаковость. Поэтому всё время идёт противодействие. Всё время смотрят

на Россию, как на страну третьего сорта, как на что-то, что нуждается в исправлении. Запад погубил византийскую цивилизацию, разграбил Константинополь, повёл себя в отношении восточной ветви христианства как настоящий разбойник, мародёр и преступник. А Россия, которая в историческом плане оказалась преемницей Византии, тоже была обречена. Она оказалась довольно хрупкой цивилизацией, ей всего около тысячи лет, даже египетская цивилизация существовала пять или шесть тысяч лет.

Что ж поделать, такова русская история. Она очень драматична, но по-своему замечательна. Она дала много светочей, замечательные духовные и культурные плоды. Но в течение тысячелетия, видимо, исчерпала себя с помощью зарубежных могильщиков...»

Так выразил своё мнение в одной из публикаций поэт Юрий Кублановский, думаю, к нему присоединились бы многие его соратники-единомышленники. Как и любой писатель, он, конечно, имеет право на своё мнение.

Похоронные мотивы в данном случае звучали открыто: о России автор говорил в прошедшем времени: «была обречена», «исчерпала себя» с «огромными массами варваризируемого (я бы так сказал) населения» и прочая, прочая.

Да, он, впрочем, как и любой другой, вправе иметь собственную точку зрения и рассуждать об истории России, как он того пожелает. Однако насколько обоснованны суждения, насколько отражают историческую истину?

Не знаю, какая оценка в школе по арифметике была у автора, но он явно чего-то не досчитал, определяя срок Русской Цивилизации – «всего около тысячи лет». Мы уже отмечали: Русская Цивилизация брала начало от Ариев, проходила через огромное Скифское государство, обретала новое воплощение в Древней Киевской Руси, затем – в Верхневолжской Руси и Владимиро-Суздальской Руси, официально сложилась как государство в конце VIII века.

А ещё в течение восьми веков, предшествующих объединению славянских племён в Киевскую Русь, было и такое: «римляне вынуждены были откупаться от Славян, и в 69 году после Рождества Христова уже содержали на жалованье старшин некоторых Славянских племён, обитавших в Русской Земле, то есть попросту платили этим старшинам дань...» (Нечволодов Александр. Сказание о Русской Земле).

Говоря иначе, наши далёкие и славные предки не были в подчинении у «мирового жандарма» (роль его тогда выполняла Римская империя, а ныне выполняет США), а жили свободными людьми, и Мировой Жандарм сам вынужден был платить им дань.

Это говорит о многом!

Однозначно: Русской Цивилизации больше, по крайней мере, на 200 лет того срока, который ей определил автор приведённых заметок. Двести лет – всё-таки не два года, не стоит ими пренебрегать по причине «демократического вольнодумства».

Именно с той поры, когда Русь стала самостоятельным государством, с которым считались во всём мире, появились «могильщики» нашего Отечества, желающие его навсегда закопать.

И «наследство Византии», как ошибочно полагал поэт, здесь совершенно не имеет значения.

Ещё задолго до падения Византийской империи (1453) мотив «исчерпания русской истории» уже звучал, причём в разные эпохи – разной тональности. Но все эти звучания объединяла одна особенность – русофобия, то есть неприязнь, порой даже ненависть к Руси, её народу, её культуре, её традициям, духовным и нравственным основам, национальному укладу бытия.

Вполне можно говорить о подобном отношении к Древней Руси и руководителей Римской империи. Затем это русофобское отношение переняли управители Византийской империи (односторонне нарушали договоры с Русью, захватывали русских купцов и их товары, «подговаривали» печенегов, половцев и другие степные племена нападать на Русь и т. д.). И всё это несмотря на то, что Древняя Русь благоволила к Православной Вере в Византии, а после падения империи утвердила её у себя.

Верхушка Хазарского каганата алчными поборами старалась так разорить Русь, чтобы она никогда не поднялась с колен, превратилась в страну нищих голодранцев (голубая мечта нынешних «российских олигархов-миллиардеров» и их покровителей в США). И наверное, не поднялась бы Русь с колен. Но благодаря мудрому правлению великой княгини Ольги Русь выстояла. А её сын, князь Святослав, собрав объединённые силы славян, разгромил Каганат, и тот уже не смог восстановить себя как государство.

Позже неприязненное отношение к Руси в качестве «инструмента политики» использовали азиатские правители – Чингисхан, Батый, их сподвижники, наследники и последователи; немецкие и ливонские крестоносцы; в число недоброжелателей можно включить едва ли не всех руководителей Запада. Они, начиная со времён княжения Александра Невского, периодически устраивали «крестовые походы» на Русь. «Русскому народу пришлось воевать без конца: уже с 1055 по 1462 год историки насчитывают 245 известий о нашествиях на Русь и внешних столкновений. С 1240-го по 1462-й почти ни единого года не обходилось без войны. Из 537 лет, прошедших со времён Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. За это время ей пришлось 134 года воевать против различных антирусских союзов и коалиций, причём одну войну она вела с девятью врагами сразу, две – с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трёх и тридцать семь – против двух противников... Россия с её огромной территорией, самобытной культурой и традиционной православной верой всегда вызывала и вызывает на Западе отторжение» (Фроянов Игорь. Отступать некуда, позади страна // Литературная газета. 2011. № 18, май).

Имеет смысл напомнить и такую подробность.

Внимательный читатель гениального памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (кстати, число «исследователей», утверждающих, будто «Слово» – подделка, в последнее время возросло!) не мог не обратить внимания на то, что и там нашёл отражение мотив «исчерпания русской истории».

Более того, автор «Слова», где косвенно, где прямо, открывал нам, далёким потомкам, предпосылки такого «исчерпания».

Их две.

ПЕРВАЯ: Духовная гибель личности.

ВТОРАЯ: Уничтожение человеческого достоинства в народе.

И обе эти причины связаны с Божественной Верой, со стоянием в Вере и укреплением её в народе, или наоборот – с колебаниями, сомнениями в Вере или даже с её утратой.

Прекрасно о том сказал ученик святого подвижника Феодосия Печерского, преподобный Нестор-летописец в «Повести временных лет»:

«...Видим ведь, как места игрищ утопаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, – а церкви пустые стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Поэтому и казни всяческие принимаем от Бога.

Повсюду среди христиан страх, и колебание, и беды. Справедливо и достойно! Так и будем наказаны, и так будем верить, терпя наказание: подобает ведь нам “преданным быть народу чужому и самому незаконному и коварному на всей земле”. Воскликнем громко: “Праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои!”» (Преподобный Вениамин, епископ Владивостокский и Приморский. Предисловие к книге Александра Нечволодова).

Понятное дело, в конкретной исторической ситуации всё складывалось не так просто и однозначно, как нам иногда предстаёт в воображении.

Христианство на Руси, наложенное на Божественную Веру предков, о чём мы уже говорили, причудливым образом переплеталось с обычаями и традициями народа, в котором долго сохранялись «кудесники», старики, «покорные Перуну одному», по меткому выражению Александра Пушкина. Христианскую традицию предстояло ещё «наработать», закрепить в сознании не только учёных мужей, коим, к примеру, был Нестор-летописец, но, прежде всего, в сознании простых людей – суть народа.

Что же касается достоинства народа, то, думается, оно состоит в независимости от внешних и внутренних врагов; в возможности самому народу определять порядок в собственной стране и её судьбу, то есть пути развития, а не «жить под диктовку Запада», как пытаются устроить некоторые «сидельцы», «кадя молитвы» криминальным авторитетам США.

Русский народ никогда не терял своего достоинства даже в самые страшные и кровавые периоды собственной истории. И это мы знаем по многочисленным реальным фактам и событиям.

Справедливость утверждений автора «Слова» позднее была доказана великими полководцами и правителями Александром Невским и Дмитрием Донским, оба причислены к лику святых Русской православной церкви, многими князьями, святыми подвижниками, а паче всего – простыми русскими людьми, такими, к примеру, как иноки-воины Александр Пересвет и Андрей Ослабя, костромской крестьянин Иван Сусанин.

Свое достоинство, свою независимость народ отстаивал под предводительством Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова...

Народ всегда давал отпор «могильщикам Отечества», в какие бы одежды эти могильщики не обряжались.

К слову, любопытный взгляд на «духовные причины» Отечественной войны 1812 года встречаем у православного подвижника Святителя Феофана Затворника. «Нас увлекает просвещенная Европа, – отмечал духовный писатель. – Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; отсюда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся, как помешанные, сами себя не помня. Но припомним *двенадцатый год*: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же и переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал её. А теперь, кажется, уже начал забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет, а если не опомнимся, кто знает, может быть, опять пошлёт на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает...» (Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года. Изд-во «Правило веры», Московский Сретенский монастырь, 1995).

Нетрудно заметить совпадение мыслей о Божьем наказании преподобного Нестора-летописца и святителя Феофана Затворника.

Две разные эпохи, два разных русских человека, а суть их предостережений – одинаковая.

Случайно ли такое? Думаю, нет!

В размышлениях Святитель Феофан Затворник коснулся «двенадцатого года». В связи с этим, думаю, уместно привести эпизод из эпопеи «Война и мир» Льва Николаевича Толстого, тем более что в 2012 году Российская Федерация широко отмечала 200-летие Бородинского сражения.

В самом начале Отечественной войны, когда огромная интернациональная армия Наполеона, собранная со всего мира, перешла границы Российской империи, нашествие иноплемеников можно было ещё предотвратить путём переговоров. Это и попытался сделать император Александр I. Он послал в лагерь Наполеона своего представителя – министра полиции и члена Государственного Совета А. Д. Балашёва.

В одном из дворцов в Вильно состоялась встреча русского посланника с императором Франции. Великий патриот Л. Н. Толстой прекрасно описал эту встречу, и нет нужды всё пересказывать.

Я лишь хочу обратить ваше внимание на один эпизод, имевший место быть во время обеда, на который Наполеон пригласил Балашёва.

«— Сколько жителей в Москве, сколько домов? Правда ли, что Moscou называют Moscou la sainte? Сколько церквей в Moscou? – спрашивал он.

И на ответ, что церквей более двухсот, он сказал:

– К чему такая бездна церквей?

– Русские очень набожны, – отвечал Балашёв.

– Впрочем, большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа, – сказал Наполеон, оглядываясь на Коленкура за оценкой этого суждения.

Балашёв почтительно позволил себе не согласиться с мнением французского императора:

– У каждой страны свои нравы, – сказал он.

– Но уже нигде в Европе нет ничего подобного, – сказал Наполеон» (Толстой Л. Н. Соб. соч. в 12 т. М.: Правда, 1984. Т. 5. С. 33).

«Отсталость народа», русского, естественно!

Вот что беспокоило императора Наполеона!

Да! Что тут ещё скажешь!?

Ради того, чтобы «облагодетельствовать» сей народ, завоеватель готов был уничтожить его. Впрочем, Наполеон, яркий выразитель масонства и еврейства, готовил «свою Конституцию» для русского народа, вёз в оставленную армией М. И. Кутузова и населением Москву целый свод законов, по которым бы «русские дикари» начали жить очень комфортно. Известно, что честолюбивый правитель Франции желал завоевать весь мир, и почти половину его завоевал, но даже больно споткнулся о Россию. Ненавистники России, существовавшие в 1812 году, а также успешно существующие

и в 2012 году, всю заслугу поражения Наполеона приписывают «деду Морозу». Вот если бы не было этого самого «мороза», тогда, конечно, «великий Наполеон» покорил бы всю Россию.

Увы, поражения Тамерлана, Чингисхана, Батыя, рыцарей Европы и прочих завоевателей Руси так и не послужили предостерегающими уроками любителям походов на русскую землю, в том числе и сегодняшним – в лице агрессивного руководства США и военного блока НАТО.

...Наиболее мрачные предсказания, истеричные крики и вопли о гибели России раздавались в начале XX века, причём в самых разных слоях общества. Замечательный русский поэт Игорь Северянин, чья судьба связана с Череповцом и усадьбой Владимировкой недалеко от города, в январе 1919 года писал:

Сегодня «красные», а завтра «белые» –
Ах, не материи! Ах, не цветы!
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.
Сегодня пошлые и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра те ж,
Они бывалые, пройдохи дошлые
Вам спровоцируют любой мятеж.
Идеи вздорные, мечты напрасные,
Что в «их» теориях – путь к Божеству.
Сегодня «белые», а завтра «красные»,
Они бесцветные по существу.

В этом стихотворении, в какой-то мере условном, автор изобразил главную черту, присущую «могильщикам» Отечества – **бесцветность**, то есть отсутствие любви к Родине. И наверное, не важно, каков могильщик – доморощенный или обольщённый и завербованный Западом. Именно такое качество личности (точнее – **антикачество**) было присуще вождям, их последователям и основным работникам трёх революций (1905-й, февраль 1917-го, октябрь 1917-го), которые потрясли Россию до основ, привели к ликвидации православной монархии, исходу миллионов людей, наиболее квалифицированных, одарённых и способных, за пределы страны, миллионным жертвам среди простого русского населения.

Теперь тот, кто желает, может из разнообразных источников узнать: кем, как, для какой цели всё это делалось, на какие средства и под какие обязательства. В данном случае нет нужды повторять факты общеизвестные.

Но хотел бы выделить особенность второй Великой Смуты (1905–1920). Ну, взяли Троцкий и Ленин насильственным путём власть, приказали выкатить пулемёты ко входу в Таврический дворец в Петербурге, куда шли на первое заседание избранные народом депутаты Учредительного собрания, разогнали Собрание – амба!

Если власть в руках, исполняйте то, что обещали – улучшайте жизнь, стройте справедливое общество, хотя вы и не легитимная власть.

Не тут-то было!

Ближайшие цели, главные мишени оказались другими – уничтожение Православной церкви, устоев Святой Руси, религиозно-нравственного самосознания народа.

Именно для этих целей президент и правительство США выделили еврею Троцкому огромные финансы, прислали из США «людей» для захвата власти в России, оснастили Троцкого мобильной связью и бронепоездами (подробнее в книге Михаила Полторанина «Власть в тротильном эквиваленте» (М.: Эксмо, 2011)). Не дремала и Германия: выслала в Россию большевистский «десант-вагон» во главе с Лениным и 35 его сподвижниками.

Как тут не вспомнить пророческие слова гениального поэта Фёдора Ивановича Тютчева (статьи о революции во Франции) о том, что всякая революция имеет одну цель – богоборчество, свержение Бога. Наблюдения Тютчева полностью подтвердились в России. После октября 1917 года исполнение данной «цели» приняло в России гипертрофированные размеры, а точнее сказать – чудовищные, каких человеческая цивилизация просто не знала.

Под диктовку варваров Запада «команда» Троцкого – Ленина принялась крушить русский стержень, который держал Отечество в течение десяти веков.

По приказам вождей революции разворовывали, грабили, уничтожали храмы, оскверняли великие святыни русского народа. Например, осквернили мощи святого Сергия Радонежского, который

был дан нам Свыше «как воевода России». В Спасо-Прилуцком Дмитриевом монастыре, духовном сердце Вологды, где каждый камень намоленный, откуда вышли десятки святых пастырей, по указанию большевика Кедрова сотнями расстреливали невинных крестьян, в основном привезённых из Малороссии.

А в современной Вологде набережная реки, украшенная храмами, долго носила имя палача русских людей Кедрова. Лишь недавно название сменили.

Вспомним, что в своё время новоявленные американцы истребляли коренное население континента – индейцев. За убийство каждого из них (надо было принести скальп, отрубленные пальцы и уши) государство (!) платило деньги. Таким же образом повела себя новая власть в отношении священнослужителей, всего клира русской Православной церкви и всех, кто её поддерживал, кто ей сочувствовал. За их убийство новая власть «осыпала благами» своих подручных. Поднимали руку даже на таких известных людей, как протоиерей Иоанн Восторгов, которого знали во всей России по его проповедям и печатным работам в защиту Православия.

«События февраля 1917 года глубокой скорбью отозвались в сердце о. Иоанна, особенно болезненно воспринял он известие об отречении Государя от престола. Но и в эти тяжёлые дни, предвидя развал державы и начало гонений на Церковь, – читаем в его жизнеописании, – он не пал духом. И после февраля, и после октября семнадцатого под своды собора Покрова на рву (храм Василия Блаженного – настоятелем которого являлся о. Иоанн) стекаются православные москвичи. Они приходят сюда за словом, за утешением отца Иоанна...

Человек удивительно цельной натуры, о. Иоанн не мог и не хотел принять новый порядок, основанный на лжи и насилии, и делал всё возможное, чтобы противостоять ему в неравной борьбе. Под самыми стенами захваченного большевиками Кремля, на Красной площади, с высоты Лобного места еженедельно говорил любимым москвичами батюшка свои вдохновенные проповеди и, исполняя долг пастыря, сознательно шёл навстречу мученичеству...» (Светозарский Алексей. Пастырь добрый / предисловие к ПСС «Протоиерей Иоанн Восторгов». СПб.: Царское дело, 1998).

Летом 1918 года Иоанн Восторгов вместе с другими священнослужителями был арестован, а в августе того же года казнён неподалёку от Московского городского Братского кладбища. Вместе с ним казнили епископа Ефрема Селингинского, бывшего министра внутренних дел Н. Маклакова, бывшего председателя Государственного совета И. Щегловитова, бывшего министра внутренних дел А. Хвостова (бывшего губернатора Вологодской губернии) и сенатора С. Белецкого (отца будущего замечательного вологодского писателя Владимира Железняка).

А сколько было убито тех, чьи имена не известны и донине?

Примечательна реакция «цивилизованного Запада», в частности католического Рима, на жуткие и кровавые события в России. «Попытки использовать русские беды Рим повторил и в Смутное время, и после революции 1917 года, повторяет их и сейчас. Устами своего экзарха в России Рим приветствовал в 1917 году падение Православной Российской державы. "...Все латинские католики почувствовали себя счастливыми... Только под советским правительством, когда Церковь и государство были отделены, мы могли вздохнуть свободно". Когда святой патриарх Тихон предавал богоборцев анафеме, Рим направил в Москву иезуита д. Эюиньи для переговоров с теми же богоборцами и заключения с ними соглашения, по которому папство за свободу пропаганды католичества в России обязывалось содействовать укреплению международного престижа сатанинской советской власти» (Митрополит Иоанн. Самодержавие русского духа. СПб., 1966).

Вот он, **вождеденный миг**, предоставляющий Западу возможность изъять Веру, сломать духовный стержень в рядовом человеке Русской Цивилизации!

И варвары Запада старались не упустить этот миг; правда, желание поживиться русскими материальными благами брало у них верх над «духовным рвением».

Уничтожая священнослужителей, последователи «новоявленных американцев» в образе большевиков расчищали себе дорогу к грабежу церковного имущества. На моей малой родине, в Тверской области, на острове Столобном на Селигере, стоит знаменитая Нилова пустынь, которая когда-то привлекала тысячи паломников со всей России и из-за рубежа. Настоятель пустыни, архимандрит Вассиан рассказывал мне при встрече о том, что в годы гонений из Ниловой обители революционные власти изъяли более двух тонн (!) золота и драгоценной церковной утвари. Это только в одной обители! А сколько их тогда стояло по России! Были изъяты огромные богатства.

Я спросил архимандрита Вассиана: «Хоть что-то вернули из похищенного, хотя бы теперь?» – «Добра за три столетия имели немало – в монастырь жаловали и простые люди, и состоятельные купцы, и русские цари, – ответил он. – А кто будет возвращать хоть толику? Надо обращаться в суд. Но тогда это надо делать по всей России – пострадали сотни больших и малых обителей. У Церкви сейчас нет на это ни сил, ни времени. Мы заняты восстановлением утраченного духовного начала... И если кто-то оказывает помощь – принимаем...»

Награбленное у Церкви нужно было отдать... по обязательствам. Существовал революционный интернационал, и перед ним новая власть отвечала. Тут надо вспомнить, что 21 января 1882 года К. Маркс написал предисловие к «Манифесту», где он, не скрывая своего озлобленного отношения к России, называл её «резервом всей европейской реакции», а русского православного императора – «главою европейской реакции».

Вот так-то!

По мнению великого русского социолога, вынужденного после революции эмигрировать, Питирима Александровича Сорокина, Маркс был псевдоучёным. Тем не менее этот псевдоучёный уже тогда планировал «русскую революцию», которая должна была «послужить сигналом пролетарской революции на Западе». Над осуществлением этого плана и трудилась «команда Ульянова» в течение многих лет. На финише им щедро выделили средства ведущие банки Запада. За «кредиты» «команда Ульянова» расплачивалась награбленным в России добром, в том числе и церковным.

Да, «могильщики» России, особенно на Западе, почти торжествовали победу, их мечты вот-вот были готовы из напрасных, о чём писал поэт Игорь Северянин, стать реальными. Уже расчленилась могучая Русь на юге, севере, востоке, уже «Мировое Сообщество» предвкушало «обильную жратву».

Состояние одного из «могильщиков» хорошо описано в нашей литературе, в великом произведении, романе Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон». Приведу только один эпизод: «Полковник немного знал историю: рассматривая казаков, он думал о том, что не только этим варварам, но и внукам их не придётся идти в Индию под командованием какого-нибудь нового Платова. После победы над большевиками обескровленная гражданской войной Россия надолго выйдет из строя великих держав, и в течение ближайших десятилетий восточным владениям Британии уже ничто не будет угрожать. А что большевиков победят, – полковник был твёрдо убеждён. Он был человеком трезвого ума, до войны долго жил в России и, разумеется, никак не мог поверить, чтобы в полудикой стране восторжествовали утопические идеи коммунизма...»

Любопытно, что офицер королевских войск из Англии в далёком 1919 году думал о казаках как «о варварах», а московский диссидент, с признаний которого мы начали разговор в этой главке, говорил о «варваризации населения» в современной России.

Случайно ли такое совпадение? На мой взгляд, совсем не случайно!

Русофобия может менять внешнее обличье, а суть её остается неизменной: как во времена Римской империи или Гражданской войны в России в начале XX века, так и теперь, в самом начале XXI века.

Намечаемые в тот период всемирно-исторические «похороны» России не состоялись. Ценой огромных жертв и потерь русский народ сумел вывести страну из состояния разрухи и кризиса, не последнюю роль в том сыграла опора на православную Веру. В стране свирепствовал «красный террор», дикое богоборчество, разрушали храмы, убивали священников и верующих.

А простые люди, составляющие суть народа, продолжали молиться Богу, просить у Бога милости для Земли Русской, придерживались в отношениях между собой христианских заповедей и воспитывали в том же духе подрастающих детей.

Да, «похороны» у варваров не получились. Как говорится, руководители Запада и революционеры-большевики в России полагали, а Бог располагал.

Но на том попытки «закопать» Россию не закончились, продолжались в течение всего XX столетия, особенно яростный и усиленный характер обрели они в начале XXI века, о чём разговор впереди.

Пока же вернёмся опять в середину XX столетия.

Задуманные Гитлером и его многочисленными сателлитами, при самой активной поддержке США, «похороны» России в очередной раз потерпели крах. В величайшей войне за всю историю человечества – Великой Отечественной – наш народ под руководством И. В. Сталина, а также великих полководцев И. С. Конева, Г. К. Жукова, многих и многих других выдающихся и талантливых

военачальников разгромил полчища фашистов, вновь показал всему миру *свою силу, своё достоинство, свою независимость*.

Обычно исследователи мало придают значения Вере и Божественному Промыслу в ходе боёв и сражений Великой Отечественной войны, в достижении Победы, но они были, и их нельзя сбрасывать со счёта.

Для прояснения ситуации напомним хотя бы один из фактов, которые сегодня уже «не скрывают». «В 1942 году фашисты готовились к “генеральному” штурму Сталинграда. К этому времени у них в руках находилась уже большая часть города. 11 ноября фашисты предприняли очередную попытку штурма города. Наши войска оказались рассечёнными на три части. Но вот в самый критический момент битвы бойцы одной из частей фашистской армии увидели нечто такое, что заставило их содрогнуться: в ночном осеннем небе Сталинграда появилось знамение, указывающее врагам на спасение города, на скорую победу советских войск. Это было явление Пресвятой Богородицы, перед казанским образом которой, находившимся среди наших войск на правом берегу Волги, непрестанно служились молебны и панихиды – ДНЁМ И НОЧЬЮ. Сталинградское знамение ясно указывало всем, что помощь Божия не оставит русский народ в самые критические моменты его истории. Дальнейшее развитие событий – окружение врага и контрнаступление советских войск – служило ярким подтверждением тому» (Православный церковный календарь, 2011 / составитель священник Михаил Насонов. Кострома, 2011).

Причём мистический аспект в ходе событий Великой Отечественной войны присутствовал с обеих воюющих сторон.

Остановлюсь кратко на данной проблеме.

Приведу отрывок диалога персонажа моей повести «Тайный связной», реальным прототипом которой был уроженец Вытегорского района Вологодской области, Герой Советского Союза, полный кавалер ордена Славы Николай Иванович Кузнецов (нелегальный разведчик в фашистской Германии, который служил в СД и по поручению нашей разведки отслеживал создание атомной бомбы для Гитлера. Кузнецов несколько раз встречался со Сталиным).

«– Что это у вас на втором пальце на левой руке? – неожиданно спросил Верховный Главнокомандующий.

– Это талисман, Иосиф Виссарионович, – я снял его с пальца и протянул посмотреть Сталину. – Каждый офицер, каждый солдат в армии Вермахта обязан иметь талисман – в виде камня, молитвенного письма, заклинания экстрасенса, охранной грамоты или ещё чего-либо. Я небольшое время был в Чёрном ордене, а потом перешёл в Германский орден, где мне этот талисман и выдали. Он как бы подтверждает, что я верю в божественную миссию Гитлера и в сверхъестественные силы, которые помогают германской армии одерживать победы и завоёвывать мировое господство.

– И вы верите?

– Товарищ Сталин, я верю в полную и окончательную победу СССР над врагом!

– Вот это хорошо! Я всё-таки бывший семинарист, но такой чертовщины – веры в миссию, тем более в миссию Гитлера, не могу вообразить. Как-то не укладывается в уме!

– Да, товарищ Сталин, в Германии почти от всех требуют веры в то, что Гитлер – посланник свыше, он послан, чтобы спасти мир. Про шефа гестапо Гимmlера говорят, что он умеет разговаривать с “загробными духами”. И вообще, едва ли не каждый в германской верхушке считает себя сверхчеловеком.

Они составляют мистические гороскопы на проведение боевых операций на Восточном фронте.

– Гороскопы? Хм! Мы их опустим с небес на землю, – усмехнулся Сталин».

В Германии, накануне нападения её на СССР, в умах и душах граждан царствовала не католическая или протестантская вера, тем более – не православная вера, а поголовная вера в оккультизм. В стране, где правил нацистский режим, действовали сотни «научно-исследовательских институтов» по изучению оккультизма, десятки обществ, тысячи сект. Вся эта «идеология», по существу, отвергала этические нормы и заповеди Иисуса Христа и ставила на первое место в человеке звериные инстинкты.

Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор в начале 1941 года написал острую публицистическую статью «Кризис цивилизации», где, в частности, дал такую оценку фашизму: «По Европе, оскалив клыки и выпустив когти, бродит жестокое чудовище, которое сеет ужас и страх. Дух насилия – это порождение западной цивилизации. Он растлевает человеческие души, отравляя своим зловонием воздух во всём мире».

Уже на смертном одре достойный сын Индии сказал о том, что только Россия, только русский солдат смогут победить оголтелый фашизм. И он оказался прав! (Челышев Евгений. Скажи, что слышно о России? // Литературная газета. 2011. № 19).

В современной действительности роль «растлителя» человеческих душ и отравителя своим зловономием воздуха во всём мире блестяще исполняют США и его «партнёры». Яркие тому подтверждения – агрессия Америки и войск НАТО против Югославии, Афганистана, Ирака; а позже – против суверенной Ливии на севере Африки и независимой Сирии, а теперь вот и развязана США война на Украине: против русского Донбасса воюет католическая Галичина.

Вернёмся в Германию середины прошлого века.

Фактически германский оккультизм, суть которого, по мнению святых отцов Православной церкви, составляет **непомерная гордыня и раздутое самомнение и тщеславие**, и стал «духовной основой» фашизма. Отсюда – исключительные зверства и варварская жестокость немецких войск на Восточном фронте, особенно на занятых территориях в отношении мирного населения Советского Союза.

Садизм, изуверство, человеконенавистничество – «визитные карточки» германского фашизма.

За примерами далеко ходить не надо.

Взяв Ржев, красивый старинный русский город в верховьях Волги, со своей неповторимой архитектурой, фашисты фактически уничтожили его полностью. На окраине Ржева захватчики организовали концлагерь, первый на территории Советского Союза, куда сгоняли из окрестных деревень мирных крестьян, держали их как скот, а затем, под предлогом «связи с партизанами», уничтожали.

От Старой Руссы – старинного города на древней новгородской земле, города, в котором любил работать Фёдор Михайлович Достоевский, фашисты оставили руины, уцелело два-три дома. Многие жители были угнаны в плен в Германию в качестве рабов, включая подростков 12–14 лет.

Мой родной Торжок, по количеству соборов и храмов превосходящий Суздаль и Великий Устюг (до войны в Торжке их было более сорока), немецкие самолёты бомбили беспрерывно несколько дней и ночей в октябре 1941 года. Горели дома, школы, заводы; зарево пожаров над городом было видно из окрестных деревень. Несколько православных святынь древнего Торжка варвары из Германии уничтожили.

Урон родному краю был нанесён колоссальный. Только сёл и деревень на тверской земле фашисты стёрли с лица земли свыше 500 (!), большая часть их так и не была восстановлена. Кстати, так же, как с бесчинствами американских варваров на архангельском острове Мудьюг в Белом море во время Гражданской войны, о чём я говорил выше, не поздно и теперь предъявить материальный счёт Германии за ущерб, нанесённый фашистами в Тверской области и на других наших территориях.

На ременных бляхах солдат вермахта красовалась надпись: «Mit Goot!», то есть «С нами – Бог!».

Фашисты похвалялись Богом!?

Ну, не абсурд ли?

Абсурд, да ещё какой!

Какой уж тут Бог, если шли захватывать то, что им не принадлежало; какой уж тут Бог, если с наслаждением садистов убивали младенцев и беспомощных стариков и старух, насиловали женщин – скоты, да и только!

А что мистическое было на нашей стороне?

Мой земляк Егор Орлов из деревни Берёзки ушёл на фронт в 18 лет, прошёл от Торжка до Берлина и ни разу не был ранен. Контужен – да, но ранен – нет! Бабка из деревни Исаково, глубоко верующая, надела своему любимому внуку Егору ладанку с изображением Христа и креста, строго наказала, чтобы не снимал. И он не снимал. И бабкина Вера сберегла солдата.

Верьте или не верьте – нет, но это так.

А сколько таких Егоров было!

Богоборческая власть, ощутив в минуту смертельной опасности пустоту и никчемность интернациональной идеологии, повернулась к Богу. Известно, что в первые дни декабря 1941 года, накануне нашего перехода в наступление на фронте, на самолёте трижды облетели Москву с иконой Владимирской Божьей Матери, после чего как бы невидимая сила «остановила» полчища фашистов.

Контрудар Красной армии опрокинул их на подступах к Москве и погнал дальше. По свидетельству дочери, наш легендарный полководец Георгий Константинович Жуков был верующим; знал

молитвы; возможно, перед трудным сражением он, как когда-то Александр Невский, говорил себе и товарищам: «Не в силе Бог, а в правде!»

Из тюрем по решению Сталина были выпущены сотни священников, открыты закрытые храмы, в них начали возносить молитвы к Богу о даровании победы над врагами.

То есть, в отличие от Германии, в Советском Союзе стали опираться на вековую традицию русского народа, и это, вне сомнения, дало положительный результат.

Мировоззренческая «пропасть» между русским народом и варварами Запада в данном случае вполне очевидна.

Как это ни печально, но «опыт» Гитлера по насаждению оккультизма в послевоенное время широко использовали в большинстве стран мира, прежде всего в США и Англии, но только не в СССР. В конце концов, оккультизм возобладавал в современном мире, где мы живём и дышим. Это дало основания некоторым исследователям утверждать, что «на *Земле в полном объёме построен и сдан под ключ ад*. Полнейшая глупость – показатели оценки деятельности человеческого общества, стран, народов растут, даже показатели уровня жизни, а люди живут всё хуже и хуже. Весь мир, все учёные, специалисты заняты проблемами, как нарастить эти ложные показатели. Тем самым ещё больше людей вогнать в гроб, сократить жизнь, увеличить заболеваемость, разбить семьи, покалечить детей, посадить на иглу, спойть, отравить, убить и т. д.

Возникает вопрос: почему? Кто и что за этим стоит?

В основе любого строя, путей развития стран и народов, всего человечества лежит жреческая оккультная концепция создания искусственного мира по принципу «разделяй и властвуй», «плати и потребляй».

Практически все правители, партии, власти, науки, религии, независимо от их окраски и принадлежности, в том числе и демократические, были и до сих пор являются винтиками тоталитарной всепожирающей оккультной Системы» (Медиков Виктор. Национальная идея. М.: Бизнес-пресс, 2006).

Думаю, в определённой мере автор прав. За исключением, конечно, Советского Союза. В нём в качестве государственной цели было провозглашено «всестороннее и гармоническое развитие личности».

Другое дело, как решалась эта задача на практике, может, и не всегда гладко. Но, на мой взгляд, именно такой приоритет позволил Советскому Союзу набрать огромный интеллектуальный потенциал; позволил нашей стране создать «ядерный щит», обезопасив народ от агрессии Запада, первой в мире совершить космический полёт, а затем первыми в мире выйти в открытый космос; первой в мире создать атомную электростанцию; первой в мире построить атомный ледокол; многое другое в СССР было сделано впервые в мире.

В частности, установка сухого тушения кокса на металлургическом комбинате в Череповце была единственной в мире, за опытом к череповчанам приезжали японцы, немцы, англичане. Значительные успехи были достигнуты и в сфере культуры в СССР, многие из них вошли в сокровищницу мировой цивилизации.

Всё это, вне сомнения, не давало покоя «могильщикам» России.

Специалист по истории Игорь Фроянов, профессор Петербургского университета, на статью которого я уже ссылался, отмечал следующее: «История показала, что в лоб, напрямую военной силой Россию не победить. И тогда была взята на вооружение тактика разложения общества изнутри. Средства, применяемые для завоевания России изнутри, тоже давно известны. Во главу угла ставится активная идеологическая война. Ещё в XVI веке еретики рьяно боролись с Русской православной церковью, православием и российским “самодержавством”. И хотя, казалось, ересь была разгромлена, но семена её оказались очень живучими.

Применительно к теме нашего разговора можно с уверенностью сказать, что и в предшествующие разгрому СССР годы идеологическая война ни на минуту не прекращалась.

Одним из наиболее действенных способов ведения войны против России являлось и является так называемое обволакивание власти с целью достижения поставленных целей.

Ещё один способ – прямое овладение властью, её ресурсами для реализации разрушительных планов».

Хорошо продумав тактику нападения, страны Запада, то бишь «Мировое Сообщество», которое так любят некоторые наши руководители, начали массированную психологическую, финансовую и экономическую войну, к которой русский народ оказался не готов, а правящая верхушка СССР вы-

ступила в роли предателя интересов народа, она быстро сколотила для выполнения планов Запада «пятую колонну».

«Клан дегенератов» (так определял писатель Юрий Петухов «базу мирового правительства» в книге «Русский мировой порядок» (М.: Алгоритм, 2008)) из США потратил на разрушение СССР 5 триллионов долларов (!) (по заявлению Буша-старшего). Предполагаю, что сумма сильно занижена. По американским источникам, за участие на стороне американцев против народа России два общеизвестных руководителя (два сиамских близнеца!) получили по 3 миллиарда долларов каждый (Юрьев Владимир. Великая ложь // Советская Россия. 02.12.2010).

Но это – мелочёвка, копейки по сравнению с тем, что США наворовали в «демократической России». Одна сделка Гор – Черномырдин по вывозу из России обогащённого урана принесла Америке задарма триллионы долларов. Фактически Америкой был присвоен труд нескольких поколений русских людей.

Такова сущность «наших заокеанских партнёров».

В необъявленной войне варваров Запада против России американцы и их приспешники действовали по циничному принципу: большие деньги решают больше проблемы; на подкуп «продажных душ», а также алчных хозяев регионов, то бишь губернаторов, не жалели взяток. «Многими миллиардами долларов измеряется бюджет Русского центра при Гарвардском университете – разработчика метода шоковой терапии и других проектов разрушения экономики России, автора антироссийских и антинародных указов, подписанных Ельциным, и таких же законов, принятых Госдумой после захвата её пятой колонной» (там же).

Три революции в конце XX века (1991, 1993, 1998 годы), как и когда-то в начале этого же века, вновь потрясли Россию до основ, привели к ликвидации социалистического общественного строя, потребовали в жертву миллионы людских жизней. По самым скромным подсчётам, за время существования «ельцинизма» в России разными способами истреблено около 20 миллионов человек, по существу – целое небольшое государство. Во имя чего понёс народ такие потрясающие жертвы?

Прежде – во имя коммунизма, теперь – во имя капитализма, во имя того, чтобы кучка алчных олигархов перевела в «личную собственность» огромную страну. «Превращение России из мировой сверхдержавы в нищую страну – одно из самых любопытных событий в истории человечества. Это крушение произошло в мирное время всего за несколько лет. По темпам и масштабу этот крах не имеет в мировой истории прецедента», – так в своё время оценивал «ельцинизм и его реформы» известный американский журналист, русский по происхождению, Павел (Пол) Хлебников в своей знаменитой книге «Крёстный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России» (М., 2001). Хлебников раскрыл «технологии ельцинизма» в омерзительной его сущности. Видимо, тем самым он вызвал гнев у продолжателей «легендарного ЕБН». Хлебникова застрелили из автомата на одной из улиц в центре Москвы, до сих пор убийцы журналиста, посмеявшегося сказать правду о геноциде русского народа, не найдены.

...Как и сто лет назад, крестьянам, рабочим и всем честным людям были чужды социалисты-нигилисты, так и сегодня простым людям непонятны действия современных революционеров-демократов (кстати, многие из них – прямые потомки прошлых революционеров, причём наиболее одиозных, отличившихся преступлениями против русского народа), не поддаётся уразумению их ненависть к России, их горячая любовь к Западу, к «общечеловеческим ценностям», о которых они твердят, как когда-то их предки твердили «о светлом будущем».

Именно эти люди, по паспорту граждане нашей страны, обрядились в жухлые одежды «могильщиков», опять со всех стороны кричат о гибели России, о том, что она «изжила себя». Они имеют личные миллиардные или миллионные доходы от «умирающей России», обирая основную часть населения.

Что сказать на их вопли?

Мы уже достаточно сказали!

Но ещё добавлю кое-что.

Да, ниспровергателей народных основ, врагов России было с избытком во все времена. Ныне, рядясь в одежды «американцев», они денно и нощно пытаются выкорчевать корни народного сознания, вытравить основы народного мирозерцания, превратить русский народ в вожденную для них «биологическую массу».

Но истолочь, словно горох в ступе, нравственные заповеди русского народа, замешанные на вере в Бога, вряд ли кому удастся, в том числе и им.

Не по Сеньке шапка

Хочу напомнить известные слова преподобного Амвросия Оптинского: «Отчего человек бывает плох? От того, что забывает, что над ним Бог».

Мнится такому человеку, будто он сам собою всё совершает; мнится, что, чем выше его должностной пост, тем дела его – на веки вечные.

Какая бесовская прелесть!

Увы, впадают в неё и те, кто жаждет похоронить Россию.

Им грезится, что они уже спихнули нашу страну в пропасть, что с Русской Цивилизацией покончено. Им мнится, что повсеместно всем губернаторам, приложившим руку к геноциду русского народа в начале XXI века, отливают памятники из золота и ставят на самых видных местах в «губернских столицах».

Какое самообольщение беспредельное!

Но есть и нечто более основательное, в определенной мере – вечное, существующее независимо от людского произволения, от вожделений «русских» губернаторов и сенаторов, процветающих под покровительством Запада.

Я имею в виду в первую очередь целостность страны. Границы нашей великой Родины предначертаны Божественным Промыслом. Об этом много раз (!) свидетельствовали святые Русской православной церкви, великие писатели, художники, поэты, кому удавалось проникнуть в суть мирового предназначения России.

«...Государство, получившее имя Великой России, существовало задолго до русских, существовало при разных народах, но упорно выливалось в территорию, даже географически мало менявшуюся с переменою хозяев и течением исторического времени» (Балашов Дмитрий. Еще раз о Великой России).

Большинство из ныне живущих, коих можно смело отнести к иванам, не помнящим родства, даже не могут в воображении представить себе географически территорию Великой России.

Хотя она существовала недавно, менее ста лет назад.

Будучи проездом в городе Бежецке на тверской земле, я заглянул в музей своего великого земляка – писателя Вячеслава Шишкова. Среди личных вещей Вячеслава Яковлевича оказалась большая географическая карта (как ещё за неё сотрудинок не обвинили... в фашизме, что очень модно ныне!), на которой была изображена Российская империя начала прошлого века.

Границы страны простирались от берегов Тихого океана до Восточной Пруссии на Западе, от берегов Карского и других морей Ледовитого океана до гор Афганистана на юге. В её состав входили все нынешние страны так называемого ближнего зарубежья – прибалтийские, среднеазиатские, закавказские; Финляндия, часть Польши. Как бы в соответствии с её размерами, велик был вес нашей Родины на международной арене. Ни один существенный вопрос в мире не обсуждался без участия России. Наш император и правительство всегда призывали другие страны решать конфликты мирно. Не случайно царь Николай II выступал с инициативой о созыве международной конференции по разоружению.

Уровень жизни в той России характеризовал главный показатель: она занимала первое место на земном шаре среди «цивилизованных стран» по росту населения, в стране не было ни одной территории с убывающим населением.

На 1 января 1914 года оно составляло 188 863 620 душ обоего пола.

Границы государства на карте Шишкова совпадали с Великим шёлковым путём – одним из самых древних торговых транзитов в мире.

Хранить Великий шёлковый путь через всю Евразию до Балтийского моря и границ с Западом, что были до уголовно-наказуемых Беловежских соглашений – таково одно из предназначений России.

Если встать на эту точку зрения, то между Западом и Россией не было «пропасти», да и не могло быть применительно к повседневной культурной, экономической, политической жизни народов. Испокон веков шла торговля, проходил обмен товарами и идеями. Город Великий Новгород без всяких проблем входил в союз европейских торговых городов, не требуя на то «разрешения в Америке».

Экономические связи выгодны были обеим сторонам, но при условии: в хозяйственный уклад народа партнёр не влезал, как говорится, не входил в чужой монастырь со своим уставом.

К примеру, перед Великой Отечественной войной, предчувствуя её неизбежность, Советский Союз в спешном порядке закупал на Западе, в том числе и в Германии, новейшее оборудование для машиностроения, металлообработки, металлургии. Запад, продавая оборудование и новые технологии, не требовал от нас изменения общественного строя, не выставлял какие-либо другие условия.

И это было нормальным явлением в международной жизни!

Теперь же всё поставлено с ног на голову!

Теперь мы наблюдаем совершенно противоположную картину.

За разрушение Советского Союза, а затем и ослабление России, её ограбление Запад «требует» постоянно от Кремля проведения политики «геноцида русских», требует отказа от самостоятельного внешнего и внутреннего курса. Управление Россией со стороны Запада (условия, повеления, мнения, приказы – в основном из Вашингтона, в основном скрытые от русского народа) началось после двух мировых войн (третьей и четвертой), проведённых, по мнению некоторых исследователей, «кланом дегенератов США».

Как это произошло и почему, как продолжает происходить в настоящее время, кто и в чьих интересах осуществляет «управление» – тема большого отдельного исследования, мы коснёмся последствий «управления» Россией со стороны варваров Запада.

Россию, искусственно расчленённую на Белоруссию и Украину, в спешном порядке принялись одевать на западный манер: натягивать английский фрак, напяливать американскую шляпу, обувать в немецкие ботинки, то бишь – искусственно привносить на русскую почву «западную модель развития»: так называемый рынок и так называемую демократию, не имеющих ничего общего с историческими явлениями – настоящими образцами демократии и рынка, которые существовали на Русской земле на протяжении 11 веков (!).

В связи с этим мне вспомнилась поездка на родину писателя Фёдора Абрамова. Из Архангельска поезд уходил вечером. За окошком вагона мелькали сосны, снег. Утром я проснулся – за окошком опять та же картина: снег, сосны, иногда – пристанционные домишки, занесённые снегом. И так почти все пятьсот вёрст до районного центра Карпогоры. А оттуда ещё сто с лишним вёрст – до родной деревни писателя Верколы.

Казалось, уже уехал на край света. Но это – только часть Архангельской области. Часть! Если же взять её всю, включая Нарьян-Мар и Большеземельную тундру, то на ней можно разместить, пожалуй, пять (!) таких государств, как Франция.

Нам беспрерывно талдычат «жёлто-голубые» российские СМИ: учитесь у Европы, учитесь у Франции, учитесь у Германии. Да как же мы можем учиться у них, если одно с другим несовместимо? Невозможно же в субтропиках жить так же, как за Полярным кругом! И главное даже не в том. Характер русского человека, а его прекрасно описал в своих романах, повестях и рассказах Фёдор Александрович Абрамов, совершенно другой, чем характер германца или француза, не говоря уже об американце, не имеющем национального характера, национальный характер у американца отсутствует, за исключением одной «общей черты» – жажды убивать других людей.

Что такое характер?

Это – совокупность понимания жизни; «совокупность всех психических, духовных свойств человека», как объясняет толковый словарь.

Духовных – заметьте!

Русский человек с его мистическим мироощущением не может полноценно испытывать счастье, если оно лишено духовной составляющей, то есть – Божественной веры и благодати. Нынешний житель Запада вполне обходится без этой «безделушки», не приносящей ему прибыли-наvara. Благодать ему не нужна, на неё он ничего не может купить.

Натягивание на «русского исполина» западных одежд, сшитых кое-как по лекалам кучки западных русофобов, привело к потрясающим отрицательным результатам во всех сферах общественного бытия. Думаю, всякий здравомыслящий, живущий в современной России, способен вспомнить достаточно подтверждений из личного опыта.

Если же рискнуть их все свести воедино, то потребовалось бы изрядное количество времени и бумаги, чтобы составить «энциклопедию крушения тоталитаризма», как любят выражаться не-

которые демократы в России, а фактически – разрушения многовековых основ Отечества. Оно коснулось промышленности, тяжёлой и лёгкой, аграрного сектора, культуры, образования и науки, идеологии, обороноспособности и т. д.

Вот только один «маленький факт». До рынка в городе Вышнем Волочке Тверской области действовал один из старейших в России хлопчатобумажный комбинат, на котором было занято около пяти тысяч человек. Комбинат работает и теперь, но трудятся на нём уже порядка 200 человек, то есть в 25 (!!!) раз меньше, чем было в 1980 году. На территории комбината была общегородская баня, ещё постройки фабрикантов Морозовых и Прохоровых, так вот, она как раз и вмещала примерно 200 человек. Вот так огромный комбинат «опустили» до уровня бани!

Похожие факты можно привести из практики существования предприятий лёгкой промышленности в Ивановской, Ярославской, Вологодской, Костромской областях.

Но я попробую задержать ваше внимание на русской деревне, которая мне ближе других сфер жизни.

То, что произошло за последние двадцать лет с селом, выдюжившим в Великую Отечественную войну, отдававшим фронту всё до последнего колоска, до последнего литра молока, до последней картофелины, иначе как преступлением трудно назвать. Свыше сорока миллионов гектаров пахотных угодий зарастают чернолесьем. Поля лежат невспаханные не только в Сибири, в центральной России, но и в южной России, там, где миллионы гектаров плодородных чернозёмов, в частности в Курской и Белгородской областях. Около 30 тысяч деревень исчезли с лица земли, сотни тысяч доживают свой век. «Реформаторы» стараются в центре России очистить землю от русских, чтобы затем продать её варварам Запада. Это очевидно для всякого нормального человека, если он посмотрит на ситуацию честно. Об этом мне рассказывали жители большого села под Торжком в Тверской области: им предлагали переселиться в другое место, а их место будет продано иностранцам. Естественно, мои земляки от «такого предложения» отказались. «Это отнюдь не авторский домысел, – утверждал профессор М. Лемешев в статье «Спят и видят мир без России» (газета «Советская Россия», 12.05.2011). – На рекламном рынке США, Германии, Великобритании и других западных стран объявлена распродажа уникальных природных территорий Горного Алтая. Услуги предлагает санкт-петербургская фирма “Сион-земля на Алтае”. Сион гарантирует, что торговля заповедной землёй под масштабное заселение иностранцами ведётся с санкции “деловых партнёров” в лице высшего руководства страны».

Трудно не поверить автору.

Если планомерно, как по расписанию, из года в год уничтожается русское село, значит, это действие направляется определёнными людьми, имеет текущую и стратегическую цель. А как же иначе? Ведь всё происходит «не спустя рукава», а чётко, можно сказать, «железно».

Такого разора русская деревня не знала в годы революций и Гражданской войны, в страшное лихолетье Великой Отечественной войны. На официальном уровне президент и правительство скрывают истинные масштабы истребления деревни, той самой деревни, которая веками была прочным фундаментом Отечества. Той самой деревни, которая питала и питает русский национальный характер, определяла весь уклад, являлась сердцевинкой народного самосознания.

Я проезжал сотни километров в пограничных районах Тверской, Вологодской, Ярославской, Московской, Новгородской областей – везде картина равно удручающая: брошенная земля, развороченные, как после бомбёжки, фермы, полумёртвые деревни, дома, где нищими доживают бабушки и дедушки. Правящая власть очень точно подобрала определения для состояния русской деревни: «поселения».

Не сёла, не деревни, не посёлки, а именно так – поселения!

Раньше в деревне это слово считалось бранным, его относили к тем, кто оказался выброшенным по каким-либо причинам из полноценной жизни, про такого говорили «поселенец». Правителями русская деревня фактически вычеркнута из бытия, теми самыми правителями, что не позволяют себе роскошь заехать в глубинку, посмотреть, как она живёт, а перетекают из дворца во дворец, из одного роскошного зала в другой, от одного корыта к другому...

Итог уничтожения деревни страшный.

От 45 до 70 процентов (по разным источникам) продовольствия (не только мясо, молоко, но и морковь, яблоки, картофель и т. д.) страна покупает на Западе, на Востоке, в ближнем зарубежье,

то есть за границей. Россия, обладающая самыми крупными в мире чернозёмными пашнями, в течение 20 лет вынуждена наращивать приобретение продовольствия за рубежом. В начале «перестройки» демократы обвиняли коммунистов в том, что те везли зерно из-за границы, а сегодня импорт еды, если его перевести на зерно, возрос многократно. И никто не говорит «успешным менеджерам в правительстве», что они – банкроты, бездарные правители.

Иногда кое-кто успокаивает себя тем, что разорение коснулось лишь глубинных сёл и деревень. Мол, везде в мире «неперспективные сельские деревни» вымирают. Но это полностью ложное впечатление. Огромный современный комплекс под Череповцом, где откармливали тысячи бычков, куда вложили громадные финансовые затраты, уничтожен полностью: остановлен, разорён, разграблен. В то же время говядину «россияне» поехали покупать в Аргентину. Подобных комплексов, ликвидированных под тем или иным предлогом, по России сотни.

Некоторое время назад мне пришлось помогать жителям пригородных сёл Огарково, Грибково и других «отстаивать» участковую больницу, которую власти порешили закрыть. Шесть с лишним тысяч жителей села оставались без медицинской помощи. Больница в отличном состоянии, а «наверху» требуют её ликвидировать. Зачем? Что же это такое? А это и есть одно из реальных проявлений геноцида русского народа. Благодаря обращению к министру здравоохранения в Москве (лично отдавал жалобу жителей министру в Москве) и публикации острого материала в центральной прессе, лечебное учреждение удалось сохранить, хотя властями я был занесён, наверное, в «чёрный список» людей, которых надо «давить».

А сколько подобных больниц в России под видом «оптимизации затрат» было уничтожено, никто не считал и не собирается считать. В одном небольшом городке мне рассказывали, что несколько отделений в центральной районной больнице закрыли, а в освободившихся помещениях организовали... гостиницы для приезжающих на работу с Кавказа.

Для большей ясности разговора о состоянии деревни приведу и такой сюжет. Американские советники, что заседали в Кремле с президентом Ельциным, дали ему «указание»: колхозы и совхозы надо уничтожить, Россию «накормит фермер», надо организовать «фермера». В соответствии с этой «доктриной» в Вологодской области была создана некая фирма с иностранным капиталом, она взялась «реформировать» ряд крупных хозяйств, в том числе и в Грязовецком районе. Предполагалось из «диких варваров-совхозников» сделать цивилизованных фермеров-кормильцев. Что же получилось на самом деле?

«На территории Сидоровского сельсовета был совхоз с одноимённым названием, где работало от 500 до 600 человек. Машинный парк составлял 87 тракторов и 37 автомашин, комбайнов было десятка два. Пахотных угодий – 4800 га, крупного рогатого скота – около трёх тысяч голов, несколько пилорам, семь зерносушилок, склады... Всё вертелось, крутилось, работало. Душа радовалась, – писал Николай Шибарев, житель села Сидорово в Вологодской областной газете «Красный Север». – Моя мама, мать-героиня, отработала в колхозе от его создания в 1928 году до переформирования его в совхоз – более тридцати лет. И всем пожилым селянам известно, в каких тяжелейших условиях и с каким великим трудолюбием всё бывшее благополучие создавалось. Работы хватало всем, даже детям.

А теперь на этих землях ничего нет. Разрушены дворы, гаражи, сушилки, контора, баня, Дом культуры, куда-то исчезла техника, нет скота...

Теперь нашим детям не отличить пшеницу от ржи и ячменя. Обрублен сук дерева и в воспитательной работе, оборвана генетическая нить, связывающая молодёжь с родной землёй-матушкой.

Хочу верить, что когда-нибудь мы, деревенский народ, морально поднимемся. Но пока нас в год умирает 42–43 человек, рождается от одного до трёх. Как бы не случилось так, что подниматься будет некому...»

Такова практическая «отдача» от реализации «американской модели» на грязовецкой земле. Были загублены и другие хозяйства. Разумеется, никто никакой ответственности не понёс: ни иностранная фирма, ни местные руководители. Последние пытались представить всё как «издержки производства»: мол, лес рубят, щепки летят.

Летят-то, кстати, не щепки, а корни деревни, основы народного бытия. И это не пустые слова. В самом центре страны был крепкий колхоз «Россия», лён, выращенный здесь, считался лучшим в Советском Союзе. Если бы мне в то время сказали, что на местных полях поднимется чернолесье

в рост человека, я бы посчитал такого выжившим из ума. Если тогда же кто-то предположил бы, что «Россия» грохнется наземь и не поднимется, я бы поднял его на смех. Миллионы прибыли, заработанные на льне; лучший Дом культуры, лучший детский сад, лучшая льноводческая агротехника... Ничего этого нет! В разбитых воротах бывшей мастерской стоял кавказец и покурил сигаретку: «А зачѐм нам зѐмлю пахать?..» Льноводство как ведущая отрасль экономики фактически изведена в Торжокском районе, как и во всей Тверской области, да и в России. На Вологодском льнокомбинате, чтобы соткать ткань к приезду «высокого гостя» из Москвы, кинулись покупать льноволокно... аж в Китай!

Какой вывод можно сделать?

«Западную модель развития» русский народ не принял, шапка оказалась не по Сеньке. И хотя правители по инерции продолжают «напяливать» её на «варваров», никаких положительных результатов насильственное «озападнивание», конечно, не даст, кроме новых трагедий, новых бед, нового истребления людского потенциала России. Как в сельской местности, так и в целом в стране продолжает нарастать только отрицательный результат «западной политики» – вымирание населения.

А может, именно эта цель и стоит перед «реформаторами»?

Причины столь тревожного, а порой и страшного положения в большинстве сфер бытия современной России как материального, так и мировоззренческого свойства. В стране, обладающей огромными природными ресурсами, большая часть людей отстранена от этих ресурсов кучкой наглых вороватых нуворишей, для них «народная» Государственная Дума печёт и печёт выгодные им «законы».

Что же касается мировоззренческой составляющей, то явственно видим непреодолимое противоречие между внутренним миром двух типов людей: русского и западного. Между двумя «хозяйственными моделями» лежит действительно пропасть, поскольку наши «базовые ценности сложились задолго до принятия христианства, в первом тысячелетии до нашей эры». «Западную модель экономики можно назвать индивидуалистической. Она основана на жёсткой конкуренции, индивидуализме в проявлении жизненных интересов («каждый сам за себя»), отлаженной иерархобюрократической организации, необходимой в условиях острой конкурентной борьбы. Эффективный и качественный труд мотивировался в ней преимущественно материальными интересами. Первоначальное экономическое накопление в рамках этой системы было осуществлено за счёт колониального порабощения других народов и бесплатного или почти бесплатного использования их ресурсов.

Русская модель хозяйственного развития принадлежала к общинному типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней преимущественно моральными, а не материальными стимулами.

Русская модель экономики существовала как определённый национальный стереотип поведения. Это была не жёсткая доктрина, а постоянная устойчивая система представлений, опиравшихся на традиционные народные взгляды» (так писал известный исследователь Олег Платонов в книге «Экономика русской цивилизации» (М., 1965)).

Подтверждений вышесказанному – великое множество. В 1914 году в Вологодской губернии было около 1000 (!) маслозаводов общего назначения, без учёта сугубо артельных (то есть созданных несколькими крестьянскими хозяйствами), а таковых было ещё 150 заводов. Таким образом, действовала настоящая индустрия по выработке сливочного масла, его поставляли в крупные города России, в Германию, Францию и другие страны Западной Европы. По некоторым данным, выработка масла в те годы достигала 500 тысяч пудов на сумму свыше 7 миллионов рублей. Если учесть, что цена одной коровы доходила от 5 до 10 рублей, то нетрудно представить масштабы финансовых оборотов в сфере изготовления и сбыта сливочного масла в то время на земле вологодской. Эти огромные средства давали возможность что-то отчислять в казну, а большую часть тратить на дальнейшее развитие отрасли и территории в целом. Это и был пример **подлинного местного самоуправления**, о котором уже десятки лет говорят политики и экономисты в «новой России», но которого у нас так до сих пор и нет.

В 90-е годы прошлого века, когда американские советники Ельцина «объявили свободу мужику» и якобы дали ему землю, в Вологодской области были попытки возродить маслодельческую

кооперацию. Жёсткие «младореформаторы» типа Гайдара и Чубайса пресекли их на корню, не прямо, а опосредованно, через кабальные налоги и столь же кабальные кредиты. Впрочем, были ликвидированы и все другие виды кооперации, за исключением потребительской на селе, от которой потребовали акционерной формы управления.

Коренным образом отличается русский и западный взгляд на назначение труда.

Если в западноевропейских странах труд расценивали в основном как «проклятье Божье», то по устоям Святой Руси труд – подвижничество, богоугодное дело, своего рода добродетель; трудолюбие являлось выражением духовности человека, его покорности воле Божьей «добывать хлеб в поте лица». «Работай – сыт будешь; молись – спасёшься; терпи – взмилуются». Русский человек знал твёрдо – источник благополучия и богатства – труд. «Труд – отец богатства, земля – его мать». Собственность для русского человека – это право труда, а не капитала. Большинство русских крестьян не знало частной собственности на землю» (Олег Платонов). Теперь производительный труд смещён со своего пьедестала; непроизводительный труд (преимущественно услуги) главенствует. Если прежде у нас ходовыми были профессии строителя, слесаря, токаря и так далее, то теперь всех вместе затмил *охранник*.

Россия превратилась в страну охранников. Охраняют всё: от детского сада до президента; от торговой палатки в самом отдалённом селе до крытых рынков в Москве; от автостоянок до аптек. Куда бы вы ни пришли, будь то институт, магазин, больница, вокзал, общественный туалет – везде охранники. Это, так сказать, видимые, а есть ещё и невидимые: те, кто охраняет самых богатых и просто богатых, их родственников, их особняки, их собак и лошадей, земельные угодья. Известно, род занятий накладывает «свою печать» на характер. Скажем, плотник, имеющий дело с деревом, обычно рассудителен, нетороплив, сметлив. Токарь, вытачивающий точные детали, собранный, взвешенный в словах и поступках. А что производит самая *массовая профессия*? Охранник *следит* за гражданами, чтобы они чего-либо не украли, чтобы не зашли, куда не положено... Мозг, интеллект, знания, опыт, если они есть у охранника, бездействуют. Это влияет угнетающе на сознание, большинство охранников много курят и много пьют, компенсируя тем самым интеллектуальную атрофию.

Непроизводительным трудом занята и огромная «армия чиновников» в учреждениях муниципального, регионального и федерального уровня. Количество их никто не знает, эта цифра, без всякой иронии, составляет «государственную тайну». Если судить по некоторым наблюдениям, число их постоянно растёт. Так, в Вологде им оказалось мало огромного здания правительства, они заняли десятки зданий в разных частях города, притом сетуют на то, что им «места не хватает». Похожая картина в Твери, Ярославле, в Сибири и на Урале, других регионах страны. Реальная зарплата чиновника также составляет «государственную тайну». Но, насколько удалось узнать, к примеру, зарплата руководителя региона едва ли не в 1000 раз (!) превышает заработную плату директора городской библиотеки. Фактически чиновники – самая высокооплачиваемая категория из части населения, занятой непроизводительным трудом. Да и те, кто занят производительным трудом, вряд ли могут сравниться зарплатой с чиновниками. Для чиновников создана особая система поощрений, а также особая пенсионная система, отличающаяся от большей части населения. Пенсия чиновника в 10–30 раз больше, чем, скажем, у учителя, отработавшего в школе 40 лет. Чиновники в современной России – «государство в государстве».

В западной «модели хозяйствования» существует испытанный способ – «делать деньги из воздуха» (в частности, там в состав национального валового продукта включают даже «прибыль» от публичных домов, мол, тоже экономика!). Его и взяли на вооружение наши «управленцы», то бишь «эффективные менеджеры». Об этой стороне российской экономики можно говорить долго. Ограничусь одним примером. С приходом нового руководителя в Сбербанк с каждой (!) операции, включая оплату штрафа в ГИБДД или коммунальных услуг, берёт деньги Сбербанк – от 10 до 20 рублей. Только за один день в стране совершаются миллионы таких операций, вот вам и средства, которые не «додали» «ЗИЛ», «Динамо» и т. д., то есть их «заменил» кошелек обывателя. Похожих «новаций» – множество, в том числе и со стороны государства: повышение стоимости пошлин, тарифов, цен за справки и т. д. с января каждого года без объяснения народу причин такого повышения.

Как видим, подобное «хозяйствование» далеко отстоит от подлинных национальных интересов России.

«Свет Божий убить захотели...»

Павло-Обнорский монастырь когда-то славился на всю Россию.

От Свято-Троицкого собора не уцелел ни один храм, не осталось и камня, всё уничтожили богоборцы. Лишь Успенская трапезная церковь сохранилась да часть братского корпуса, где ныне теплится иноческая жизнь по Божьей благодати и усилиями наместника Амфилохия и немногочисленной братии.

За полтора с лишком века воды утекло много, а определяющая черта монастыря – уединённость – осталась. Теперь всякому приезжающему сюда с добрым сердцем монастырь открывает духовные родники.

Жизнь преподобного Павла, а он принял усение в 112 лет, действительно, легенда. Какой же урок святого для всех нас?

Он следующий.

Да, смертному возможно приблизиться к Богу, если он не ставит в основание бытия стяжание и сребролюбие; если способен к состраданию и милосердию, если любит и хранит Богом данную землю.

Примерно те же самые «скрижали» завещали нам многочисленные подвижники Святой Руси, начиная с Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского и кончая митрополитом Ленинградским и Ладожским Иоанном.

Неужели это огромное духовное сокровище должно пребывать втуне? Неужели оно не касается каждого из нас?

Многие люди в современной России искренне тянутся к храму, к Вере, завещанной предками. Тем более это соответствует отеческим традициям. Знакомый рассказывал, что, сетуя на жестокосердие нынешнего бытия на «западный манер», он признался богомольной старушке и попенял: мол, святых, просиявших в земле вологодской, много, почему же они нам не помогают?

На что глубоко верующая ответила: «Никто не просит Святых, поэтому и не помогают. Просить надо о помощи! А то, – продолжала старица, – все помыслы, все разговоры только вокруг денег. Разве так можно?»

Вот уж действительно!

Не случайно преподобный Серафим, саровский чудотворец, в беседе с Мотовиловым открыл ему: **«Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божия».**

И далее великий старец заметил: «Цель жизни мирских обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег; у дворян сверх того – получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги».

К «мирским обыкновенным людям» в современной России в первую очередь следует отнести примерно 6–10 процентов (разные данные) жителей – «олигархическую элиту», для которой стяжание, наживание денег, недвижимости (главным образом преступным путём!) является целью и смыслом существования, альфой и омегой, «золотой телец» для них – бог. Профессор Михаил Лемешев, ссылаясь на журнал «Финанс.» (№ 5, 2011), отмечал, что «500 самых богатых в нищей России грабителей» владеют всеми ресурсами огромной страны. На эти 500 людей работают 72 миллиона граждан России, такого рабовладельческого состояния нет ни в одной стране мира.

Из доводов профессора нетрудно сделать вывод, что так называемый «мировой кризис» был создан искусственно в России, цель его – отсосать огромные финансовые ресурсы у русского народа в карманы жуликов-нуворишей, а также их заокеанских покровителей. Одновременно острие кризиса направлено против русских людей с целью их истребления путём повышения цен на продукты и услуги.

Но наворованных миллиардов олигархам мало. Они хотят быть «лидерами», «отцами нации», «оракулами», «вождями» и «пророками». Когда говорят, что в современной России нет идеологии, то это не более чем **фикция. Идеология есть, это идеология «олигархической элиты»,** на которую работают практически все государственные учреждения страны, в том числе и высшие.

В чём состоит «идеология» олигархов?

В демонтаже народного самосознания, в искажении и осквернении исторической памяти, даже ликвидации этой памяти (пресловутая «десталинизация»), в ориентации молодёжи на «западный идеал», на примеры растления и самоистребления. Радетели этой «идеологии» открыли широкие ворота массовой культуре, пропаганде насилия, сексуальных извращений, поддерживают всё, что направлено против народного самосознания, народных традиций и идеалов.

Ведущую «скрипку» в этом процессе играет, как ни покажется странным, государство, которое использует огромные средства для разрушения сознания людей.

Поясню на простом примере.

В выпусках новостей государственного радиовещания России передают по 5–7 информации в день о жизни в США, начиная от самочувствия их президента и кончая разводами и совокуплениями актёров Голливуда.

С какой стати нам, простым русским людям, знать про них?

Нет, вдалбливают населению в мозги из часа в час, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, какие они, американцы, «хорошие»!

На деньги налогоплательщиков врут про страну налогоплательщиков.

Просто потрясающе!

Одна из целей «идеологии олигархической элиты» – убить свет Божий в душе человека, опустить его в стихию низменных инстинктов – в «настоящее счастье». Отсюда – усиленная пропаганда «американского образа жизни», представление русским людям, особенно молодёжи, американских наркоманов и уголовников как «лучших людей мира», как «образец для подражания» через радио, телевидение и газеты, в том числе и государственные.

Нам преподносят американцев в качестве «сверхлюдей», что недалеко от истины.

Некоторое время назад консул США во Владивостоке сбил на своей машине молодого жителя города Александра Кашина. Против консула возбудили уголовное дело, но вскоре дело закрыли, консул благополучно вернулся в свою Америку, а Александр стал инвалидом. Все попытки Александра Кашина получить компенсацию от государства под названием США за увечье и моральный вред, причинённый гражданином США, не увенчались успехом.

А теперь представим на минуту обратную картину: Александр Кашин сбил бы на своей машине американского консула. Что бы тут началось!! Буря в стакане! Наверняка к ситуации подключились бы президент и премьер-министр РФ, и уж своего соотечественника упекли бы в тюрьму как миленького.

В своё время в Москве проходила выставка так называемого современного искусства «Россия-2», пропитанная ненавистью к христианству. Даже «Парламентская газета» вынуждена была оценить её как «очередную мерзопакость». Такие «мерзопакости» периодически повторяются в Москве, Петербурге, некоторых областных центрах.

Собственно, так же было с «демократией и рынком». На словах – поддержка Запада, на деле от Запада – разрушение экономического, оборонного и культурного потенциала России.

Захотели убить Божий свет?

Какое самообольщение! Какая лукавая мечтательность!

Во все века «загадочная русская душа» состояла из любви к Богу и ближнему, способности сопереживать чужой беде, проявлять милосердие и сострадание.

Нет, не утрачены людьми русскими эти драгоценные качества.

Я мысленно перебираю многие и многие примеры, подтверждающие это в разных градах и весях любимой России.

Глубоко верующий, москвич Валерий Лашуков, руководитель промышленной группы «Кунцево», создал в городе Кадникове Вологодской области агропромышленный холдинг, поднял с колен бывшие колхозы и совхозы, дал работу крестьянам в нескольких районах. Это что-то значит!

«У каждого из нас свой крест, – заметил Лашуков, – пронести его по жизни надо достойно. Я – человек верующий, и этим всё сказано».

Что ж, действительно, так!

У каждого – свой крест!

И это применимо не только к людям, но и к странам.

Нет, я не призываю «идти войной на Запад», который сделал столько пакостей России за последние десятилетия. Понимаю я также и то, что Запад не сможет существовать без Русской Цивилизации, он просто задохнётся в своей «индивидуальной выгоде», в своей «русской злобе». Но мы всегда обязаны помнить о данайцах, дары приносящих. О том «Троянском коне», которого нам периодически навязывают «друзья» с Запада.

И свой «стержень» – основу русского духа, никому не отдавать на поругание.

Сподобимся же любить Бога, Россию и усердно служить её процветанию.

Проза

Вера Сытник

Вера Владимировна Сытник – окончила филологический факультет Омского государственного университета, работала в редакции районной газеты, преподавателем мировой художественной культуры в гимназиях Алматы и др. С 2007 года живёт в Китае, преподаёт русский язык. Писатель-прозаик, публикуется с 2008 года в журналах «Южная звезда» (Ставрополь), «Союз писателей» (Новокузнецк). Автор нескольких книг рассказов и романов. Пропагандирует отечественную литературу в Китае, сотрудничает с журналом «Русское искусство и литература». Лауреат программы «Новые имена современной литературы» (Союз писателей, Новокузнецк). Живёт в г. Яньтай в Китае.

В КИТАЕ ЗВУКИ РУССКОЙ БАЛАЛАЙКИ

Рассказ

Опустив плечи и свесив лохматую голову набок, Игорь сидел у стола и вяло перебирал арахис, очищая земляной орех от скорлупы. Плоды, продолговатые, толстенькие, под лоснящейся ярко-красной оболочкой, горкой накапливались в глубокой тарелке. Рядом лежали пузатые головки чеснока и стояла бутылочка чёрного соевого соуса. Всё, без чего не обходится ни один приём пищи в Китае, будь то ресторанная еда или домашняя. Произвольно составленный натюрморт в полной мере отражал богатства Шандуньской провинции, которая прославилась на весь мир арахисом, чесноком и соевым соусом. Эти продукты по долгу своего пребывания здесь Игорь закупал небольшими партиями и отправлял в Россию.

Громадные теплицы окружали шестимиллионный город Яньтай, где он жил, со всех сторон. Не было ни одного мало-мальски свободного участка, не тронутого властной рукой китайца, способного превратить пустырь или каменистую делянку в цветущий огород. Когда Игорь выезжал в фермерские хозяйства для закупки арахиса, он наблюдал картину, ужасающую своей прагматичностью. Вид земли, сплошь покрытой целлофаном на многие десятки километров, неприятно поражал его. Куда ни глянь, везде блестела плёнка. Ни деревца, ни травинки, ни даже тропинки. Один целлофан, натянутый на железные прутья. «Как земля дышит? – удивлялся Игорь. – В чём берёт силы, чтобы восстановиться от удобрений?»

Ему казалось невозможным так нещадно эксплуатировать её, выжимая все соки, однако он этим кормился. Осознание столь незамысловатой истины корбило Игоря. Он был гуманистом и считал, что данные Богом ресурсы надо расходовать с умом, не травмируя природу. Тут же видел обратное: верхние слои почвы истощались, а потому китайцы устремляли свои алчные взоры в сторону пограничного с ними Забайкалья. Игорь морщился, но продолжал посылать в Россию овощи, выращенные на истомлённой китайской земле, которую почему-то было жалко.

Он кормился сам и кормил родителей, живших в Забайкалье. С детства привык к раздольным, ничем не занятым просторам родного края. Там Игорь появился на свет и вырос, в Чите окончил музыкальное училище, факультет народных инструментов, там остались его мать с отцом и сестрой, его друзья. Они – там, а Игорь в Китае, куда приехал ещё до мировой пандемии, в 2018 году. Понял, что ему не прожить на зарплату учителя музыкальной школы, и рискнул пойти в предприниматели. Год поработал, наладил связи-дороги, и грянула напасть – эпидемия космических масштабов! Игорь мог, но не захотел уезжать. Остался, чтобы сохранить бизнес, который едва теплился три года, а потом снова пошёл в гору.

К 2024-му всё наладилось и вернулось к прежним объёмам. Арахис, чеснок и соус исправно поставлялись в Россию. Игорь пропах смесью этих продуктов, особенно чесноком, который приходилось

тщательно просматривать, чтобы не попалась бракованная партия. Ему давно надоел земляной орех, но во время Великого поста, когда не сильно, но всё же ограничивал себя в пище, арахис оказался незаменимым продуктом.

Игорь, наученный китайцами, отваривал его в солёной воде и затем добавлял в различные блюда. Просто бросал горсть в овощи или в суп – и всё, никакой сложности. А вымоченные в соевом соусе орехи вообще были кулинарным шедевром: аппетитно похрустывали на зубах, придавая блюду неповторимый изыск, чем-то похожий на устричный привкус.

О Великом посте Игорю напомнила мать. Позвонила специально и сказала:

– Сынок, ты уж не ругайся, не сквернословь во время поста. Держи уста в строгости, это важно для чистоты души.

– Ма, ну, ты же знаешь, я не любитель, – ответил Игорь, недовольный, что она предупреждает не делать того, в чём его нельзя упрекнуть.

– Всё равно, всё равно, на всякий случай говорю. По возможности избегай мясного и хоть изредка, но молись, дружок.

Сколько Игорь себя помнит, а ему уже тридцать, мать всегда давала наставления перед началом любого поста – ему и младшей сестре. Игорь не возражал. Ему нравилось время поста. Особенно в детстве. Всё становилось немножко незнакомым: торжественно и сурово выглядел дом. Яркие вещи убирались и вынимались из шкафов тёмные накидки на подушки и на диван с креслом. Исчезали цветные занавески на кухне, взамен вешались однотонные, серые. Комнаты и всё, что в них находилось, замолкали, даже кот становился тихим, может, потому что Игорь не дёргал его за хвост? Но и собака во дворе лаяла меньше, чувствуя настроение хозяев, и даже корова в стойке мычала реже, покорно дожидаясь, когда ей принесут соломы. Мать, энергичная хохотушка, вела себя непривычно сдержанно. Отец же больше молчал. Он, в отличие от матери, не ходил в храм, но, уважая чувства жены, всегда её поддерживал.

После телефонного звонка прошло недели три, осталось совсем ничего до Пасхи, которую Игорь отмечал тем, что лез на вершину горы и оттуда взирал на город, который протянулся на берегу Бохайского залива, части Жёлтого моря. Всё, как китайцы любят: слева море, справа небольшие горы. Они покрыты лесом и гармонично вписываются в микрорайоны. Их несколько: все истоптаны тропинками среди деревьев, уставлены резными беседками с конусообразными крышами, у которых загнуты вверх края; деревянными скамейками и валунами. На покатых боках одного из валунов золотом высечено изречение Лао Цзы.

За шесть лет Игорь научился разговорному китайскому языку, но – только разговорному. Поэтому прочитать цитату из Лао Цзы не мог. Её перевёл китайский друг. На камне написано: «Будьте внимательны к своим мыслям. Они – начало поступков».

– Хороша философия! – усмехнулся Игорь, впервые услышав перевод. – Наша мама нам с детства твердит, чтобы мы не спешили что-то сделать или сказать, тем более в незнакомом обществе, а сначала хорошенько подумать.

– Твоя мама не читала Лао Цзы, но мудрая, как наш древний мудрец! – воскликнул китайский друг. – Почему так?

– Потому что верит в Бога. А Бог велит держать свои мысли в чистоте.

– Как это? – удивился Ван, который всегда понимал Игоря слишком буквально. – Мыть их, что ли?

– Не мыть. А не иметь плохих помыслов, гнать их прочь от себя. Это и есть внимание к своим мыслям. Разве не так?

Китаец согласился, поразившись, что русский Бог и китайский мудрец Лао Цзы мыслят и говорят одинаково.

Одна гора возвышается недалеко от дома, где Игорь арендует квартиру. Обычно в день Пасхи он взбирается наверх, смотрит на Яньтай и долго-долго сидит, вспоминая Забайкалье, непохожее на раскинувшуюся перед ним панораму. В редкие минуты соединения с природой им овладевает грусть. Горы для него – это чужое. Хочется домой, в степь, где взгляду не на чем споткнуться! Чтобы воздух в лицо и высоченное небо над головой. Такого неба нет нигде, только в Забайкалье. В Яньтае оно серое, солнца не видно. Создаётся впечатление, что светило намертво взято в плен сизой дымкой, откуда иногда мелькнёт слабый луч и тут же исчезнет, убитый мраком.

Узреть небо можно, лишь взобравшись на гору, откуда хорошо видно, под какой шапкой живёт Яньтай. Вся она – слой пепельного марева. Да, наверное, и в тот раз пойдёт туда же, на гору. Чтобы в день Пасхи вдохнуть чистого воздуха и ощутить присутствие Бога на земле. Оно, присутствие, чувствуется по разливающейся в душе благодати и по той щемящей тоскливой любви к родине, которую Игорь испытывает в эти моменты. Православного храма здесь нет, куличи не продают, а сам печь Игорь не научился, поэтому решено – на гору!

До похода оставалось десять дней. Правда, Игорь мечтал подняться вместе с Татьяной, своей девушкой. Они познакомились год назад в Чите, в первой половине отпуска, и почти не разлучались. В Китай вернулись вдвоём, воодушевлённые планами на будущее. Но Татьяне здесь не понравилось: не выдержала бесконечных ветров, которые тут и впрямь были невыносимы. Особенно ранней весной: обжигающе-резкие, словно лезвие бритвы, порывы ветра проникали под одежду и, казалось, ранили кожу. Не выдержала холодной квартиры, вечных сквозняков, непривычной пищи и, самое главное, отсутствия общения. Вчера подружка улетела, сказав, что надо отдохнуть, прийти в себя, чтобы принять окончательное решение.

Поэтому Игорь грустил, очищая арахис от скорлупы. Вспоминал недавнее: позавчера это делала Таня, уютно устроившись в маленькой кухоньке. В тёплом спортивном костюме, в тёплых тапочках, с заколотыми на затылке волосами – её вид вызывал умиление. Игорь любовался Татьяной, поглядывая в её сторону через дверной проём. Он сидел за компьютером в комнате и работал. Вздрогнул, когда Татьяна вдруг бросила перебирать орехи, вскочила, вбежала к нему с горящими от гнева глазами и крикнула:

– Надоело! Объелась твоим арахисом! Хочу творога, йогурта, а ещё поговорить с кем-нибудь кроме тебя! Поболтать с девчонками!

Заплакала и ушла собирать чемодан. В ушах Игоря до сих пор стоят её жалкие всхлипывания. Кончики его пальцев стали липкими и чёрными. Горка арахиса высилась в тарелке, напоминая о недавней ссоре. За мыслями Игорь не заметил, как увлёкся и начистил больше, чем требовалось. Ужин готовить расхотелось. Он сполоснул руки, клюнул несколько орешков и вышел на балкон.

Стоял вечер. Ранние сумерки окутали двор. Уже зажглись подслеповатые фонари, и под ними было видно, как за маленьким столиком собрались китайцы. Что-то кричат, жестикулируют! С наступлением тепла они выходят из квартир и приступают к играм. Как правило, это карты или сянцы, китайские шахматы. Звуки ударов деревянных шашек слышны до самой ночи. На улице между тем буйствовала весна. Кусты граната, растущие возле дома, посылали в прохладный воздух слабые струйки сладковато-кислого, терпкого запаха. В темноте не видно, но Игорь знал, на ветвях, среди листвы, уже зажглись оранжево-красные цветы, по форме похожие на бумажные фонарики, которыми китайцы любят украшать свои подъезды и улицы.

Внезапно со стороны моря – до него было минут пять ходьбы – послышалось пение, усиленное, видимо, микрофоном. Женский голос исполнял русскую песню: «Ой, цветёт калина в поле у ручья, парня молодого повстречала я!» Игорь прислушался: точно, «Калина...». Кто бы это мог быть? Песня, прерываемая звуками шашек, закончилась. Игорь в недоумении постоял ещё некоторое время и вернулся в комнату.

На следующий вечер история повторилась. Песня зазвучала до того, как началась игра в шахматы. Тихий ветерок доносил до Игоря слова русской песни. Движимый любопытством, он закрыл квартиру и побежал к морю. Это было близко: через двор направо, на улицу, минута по подземному переходу, и ты на дорожке, по бокам которой стояла распутившаяся сакура, источая умопомрачительный аромат нежности. В свете фонарей розовый цвет её лепестков, собранный в огромные букеты, казался пылающим рассветом. Будто облако, пронизанное лучами солнца, опустилось на землю! Но вот и набережная с фонтаном посередине, раскинувшаяся от него вправо и влево на сотни метров.

Набережная была увеличена в размерах буквально на глазах Игоря. За два года китайцы отвоевали у моря приличный кусок, продлив набережную вперёд, вглубь моря. Она была грандиозна. Вечерами здесь собирались китайцы и устраивали массовые танцы, занимались цигуном или тайчи или пели. Вот как сейчас та китаянка, которая стояла у парапета и держала в руке микрофон. Игорь направился к ней. Остановился. Он успел на конец песни. Прозвучали последние слова: «...не могу открыться, слов я не найду!» – и музыка смолкла. Китаянка поклонилась немногочисленным зрителям. Заметив иностранца, улыбнулась.

– Вы знаете русский язык? – спросил её Игорь по-русски.

Женщина не поняла его и стала что-то говорить на китайском. Оказалось, не знает. В прошлом была оперной певицей, сейчас на пенсии, но очень скучает по выступлениям, поэтому приходит сюда и поёт. Как сакура расцветёт, так и выходит. Знает несколько русских песен, но «Калина» – любимая. Всё это, почти дословно, Игорь понял из рассказа китаянки. Он выразил своё восхищение её пением и отошёл, а певица затянула что-то из китайской оперы.

Живая музыка разбудила в душе Игоря сокровенное. Он стоял, слушал и вдруг ощутил, что страшно тоскует по своей балалайке, оставленной дома. Вот уже шесть лет как не брал инструмент в руки, захваченный поставками арахиса. Любовь к балалайке – это у него от деда. До сих пор что-то сжимается в сердце, когда вспоминает, как дед, живший в глухой забайкальской деревушке, брал, исключительно по вечерам, балалайку в руки. Усаживался у окна. Если летом, окно было открыто и запахи близкого поля врывались в дом. Деревянный, старый, потемневший от времени, с русской печкой, распластавшейся на две комнаты, дом выглядел в представлении Игоря, бывшем тогда шестилетним мальчиком, чем-то вроде сказочного терема.

Зимой окно было закрыто, но дед всё равно садился рядышком, раздвигал занавески, чтобы можно было видеть багряный закат над полем, и начинал играть. Правая рука, расслабленно-мягкая, летала над струнами, извлекая из них звонкие, тонко дрожащие, взвивающиеся к потолку звуки. Левая плавно двигалась по грифу. Балалайка в его руках превращалась в нечто удивительное: она радовалась и стонала, плакала и ликовала, но никогда не была просто деревянным инструментом с тремя струнами. В комнату врывалась, в образе девушки, музыка. Так казалось Игорю. Она была столь прекрасна, столь глубок и чарующ был её голос, что Игорю хотелось плакать. Не желая, чтобы его выдели плачущим, он выбегал из комнаты, а дед, догадавшись, на время переставал играть, а потом начинал что-нибудь весёлое, и внук возвращался в комнату.

Вспомнив былое, Игорь тотчас же позвонил матери и попросил выслать ему самой скорой почтой балалайку. Не ту, обыкновенную, с которой учился в училище, а другую, расписанную под хохлому, купленную, когда он с детьми выступал на концертах. Игорь почувствовал, что мать улыбается. Она всё поняла и была счастлива. Посылка пришла перед самой Пасхой.

Игорь развернул упаковку, вынул балалайку из коробки и положил на стол. Вот она, его заветная любовь! Окаймлённая красной полоской по всему корпусу и грифу, с диковинными золотисто-красными цветами, с обилием крохотных ягод, прикрытых зелёными листьями, всё это на чёрном фоне, балалайка была не просто приветом с родины, она была самой родиной. Игорь провёл ладонью по гладкой лаковой поверхности и долго не решался взять инструмент в руки. Как отреагируют пальцы? Не огрубели ли от перебирания чеснока и поднимания тяжёлых ящиков? Не огрубели. Правда, вначале не хотели слушаться: и струны не зажимались, и не поддавались энергичным взмахам. Но уже через полчаса Игорь самозабвенно играл на балалайке, вспоминая свой репертуар. Это были в основном народные напевы.

На следующий день, в самую Пасху, он не пошёл на гору, а отправился на набережную. Не стал дожидаться вечера, не терпелось выйти на простор, как на сцену. Душа просила музыки и слушателей. День был чудесный, под стать настроению Игоря. И солнце проглянуло, и ветер утих, и море, мощное и бескрайнее, величественно-спокойное, кажется, подбадривало его всем своим видом. Словно говорило: посмотри на меня, как текут мои волны на берег, смело и уверенно, так потечёт и твоя музыка. Играй! Игорь оглянулся. Как всегда, в воскресный день народу было много. Китайцы бродили по набережной, кто-то спустился к морю и ходил по песку, большинство же фотографировались.

Игорь начал играть. Он устроился в центре, недалеко от фонтана, у клумбы с декоративной цветной капустой, прямо на бордюре, и тронул струны. Балалайка, вначале зазвучавшая робко, постепенно стала выдавать всё, на что была способна в руках своего хозяина. Звуки её, такие слабые в рамках огромного пространства, не потерялись в нём, а сконцентрировались и приобрели особенную силу. Проходившие мимо китайцы остановились и приблизились к клумбе. За ними последовали другие, и вскоре вокруг Игоря собралась толпа народа. Люди даже толкались, пытаясь разглядеть иностранца, играющего на чудном инструменте, чем-то похожем на пипу, китайскую лютню. Но у пипы отсутствует резонаторное окно и четыре струны. А тут дырка посередине корпуса и всего лишь три струны! И такое звучание! Было чему удивляться.

Раскраска балалайки не дала усомниться слушателям, что перед ними русский. Слышались слова «элосы, элосы, пхьяолян, пхьяолян!», что означало «русский, русский, великолепно, великолепно!». Игорь играл, позабыв и про Татьяну, и про арахис с чесноком, и про то, что завтра нужно ехать в другой город, где его ждали трудные переговоры. Кто-то из китайцев принёс микрофон и поднёс его к балалайке, отчего та, благодарная за помощь, запела с удвоенной силой. Игорь кивком головы поблагодарил китайца, который улыбался во весь рот и продолжил держать микрофон. Русская музыка разлетелась над набережной, останавливая людей и прибавляя Игорю слушателей.

Игорь играл, наслаждаясь моментом. Внутренне поражался тому, как проникновенно слушают его люди, которых он с трудом понимал и которых осуждал за безжалостное отношение к земле. Их попытки подпевать незнакомым мелодиям и приплясывать показались ему трогательными. За эту трогательность, и внимательность, и готовность подтанцовывать Игорь почти простил китайцам их ненасытное желание выкачать из земли соки, увидев в них таких же, как и в России, людей – чутких к народному инструменту и к народной музыке. Ведь в человеке главное, как говорит мама, его душа. А тут, сейчас, на огромной набережной, царствовала душа русского народа! Она магнитом притянула к себе внимание китайцев. Для духовного разговора двух народов оказались ненужными языки, ни русский, ни китайский. Это был тот случай, когда было всё понятно без слов.

Звуки русской балалайки, взбадривая однообразную атмосферу на набережной, как искры, разлетались в стороны от клумбы с цветной капустой. Они кружились над фонтаном и над головами людей, может быть, именно сейчас, с отчётливой ясностью осознавших, насколько прекрасна и велика Россия, о которой и песню которой пела балалайка – незамысловатый деревянный инструмент с тремя струнами, но с душой, способной вместить в себя всю Россию.

08.11–10.11.2024 г.

Владимир Скиф

Владимир Петрович Скиф – родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 29 книг, вышедших в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий, четырежды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015, 2019). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Венгрии, Болгарии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский, немецкий языки. Секретарь Правления Союза писателей России, член Приёмной коллегии СП России, член редколлегии журнала «Подъём» и ежемесячника «Литературный Крым». Заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь». Советник губернатора Иркутской области по культуре. Академик Российской академии поэзии. Живёт в Иркутске.

ПРОРОЧИЦА

*Умная женщина –
это всегда одиночество...*

Светлана Кузнецова

Нет, не уйти никуда от креста одиночества,
Если окраина жизни твоей – Бодайбо и зима.
Ты пропадаешь, тебе возвращаться не хочется
В мир, где тебя ожидает пустыня сама.

Вот и не стало родных, но пришла ты
к соборности,
Снегом летит за тобой соболиный простор.
Сколько в тебе было дерзкой твоей
непокорности,
Шла ты – льстецам и хулителям наперекор.

Стынет душа – и печали твоей не уменьшила,
Будто зывали к несчастьям – судьба и Сарма.
Ты угасаешь – великая русская женщина,
Зря над тобою когтились – тюрьма и сума.

С русскою болью ты рядом – поэт и пророчица:
Красными картами предугадала судьбу...
«Умная женщина – это всегда одиночество...» –
Тихо сказала, на смертную выйдя тропу.

ГРОЗА

Гроза чуть-чуть погромыхала,
Потом притихла вдалеке,
Не шла и, вроде, не стихала,
Как водовозка – налегке.

Потом и вовсе затаилась,
Едва-едва цепляла лес.
Вдруг громыхнула и свалилась
Горою чёрною с небес.

И змеи-молнии свивались,
Двоились яростно и зло,
И в землю жалами впивались,
И разрезали, как стекло.

За ними гром решил ударить,
Да так, чтоб скалы раздробить.
Гроза была уже в разгаре,
Её не надо торопить.

Она себя взорвёт, обрушит,
Прокатит поднебесный гром,
Ударит ливнем, как из пушки,
За ночь зацепится багром.

Разгорячённая, задышит,
Последней молнией мигнёт.
И в небе Господа услышит,
И к солнцу землю повернёт.

СОМНЕНИЕ

А может, явится прозрение,
Когда себя ты оглядишь,
Оценишь трудное сомнение,
А сомнение запретишь.

«Всё подвергается сомнению». –
Нам завещал Рене Декарт.
Оно сопутствует везенью
И не витает в облаках.

Сомнение – это разумение,
А не желанье обладать
Всем тем, что хочется хотенью:
Не упустить и не отдать.

В сомнение – счастья дуновение,
Когда исходит рифмы свет.
Поэта пестуют сомненья,
И возрождается поэт!

ЦИТАДЕЛЬ

Взошла до неба цитадель из русской боли,
Из стойкости железной молодцов.
И на пути врага ребром воздвиглось поле,
Пробей попробуй танкодром отцов!

Как будто бы опять и поле Куликово
В боях за Русь поднялось на дыбы.
Летят, летят в зенит осколки и подковы,
И вслед за ними – чёрные гробы.

...И в небеса взойдут из русской цитадели
Заветные победные цветы.
И встанут
над спасённой Русью в самом деле
Из зорь небесных – красные щиты.

РУССКАЯ РАТЬ

Россия – рать. Сильны мы русской ратью.
Нам наших дум и войн – не перебрать.
Но мы не забываем, как заклатье,
Что мы способны Измаилы брать,

И воевать с неистовою силой,
Какая из истории, видать...
Суворов-солнце – светит над Россией
И учит нас – любить и побеждать!

ДОНБАСС

Я был в Донецке. Господи, помилуй!
Там было всё другое. Благодать.
А нынче, став большой Саур-могилой,
Донецк разгромлен Гернике под стать.

Мне всякий раз становится всё горше,
Когда представляю нынешний Донбасс.
И душу мне расклёвывает коршун,
И падает во тьму иконостас.

Куда ещё направят реки крови
Безумные посланцы сатаны?
Неужто небеса не остановят
Пылающей меж братьями войны?

Восстанет Русь! И подлецы ответят
За всех, кто на полях сражений пал,
Где погибали женщины и дети,
И преданный священник погибал.

...От пагубы, от смерти и разора
Спасёт Россию благоверный Спас.
Калмык, башкир, тунгус с орлиным взором
И внук славян – не отдадут Донбасс.

ПРИЗРАКИ

Порою позднею я как-то занедужил,
Пошёл искать волшебную траву
И призраков селенье обнаружил,
С тех пор под их приглядом я живу.

Траву нашёл волшебную, живую,
Которая спасает от невзгод.
Живу, пишу, но, кажется, пишу я,
Когда меня селенье позовёт.

И я иду в алтарные просторы
Лесов и дней, закутанных в луга.
Там призраки свои имеют горы,
Свои дороги, реки, жемчуга.

Они меня совсем не обижают,
Творят, поют, восходят в небеса,
Но к людям не идут, не поспешают.
Зато хранят Байкала берега.

Там свой Байкал, свои дела, законы,
Широкая, как поле, доброта.
И нет войны, не носятся погоны
И радости доступна высота.

Спасибо, призраки, что с вами здесь живу я,
Распахиваю сонную тайгу,
Как небеса, как Родину живую,
Цветы и травы ваши не сожгу.

...Слетает ночь, и призраки выходят
Из поселения – небеса продлить,
И не делить свой мир на много родин,
И счастьем никого не обделить.

ГОРА МАШУК

Белеет парус одинокий...

М. Ю. Лермонтов

Над бездною тропа из кремния
И берег, тёмный и крутой.
И парус кажется во времени
Неизъяснимою мечтой.

Клубится море многоликое,
Над Машуком – кровавый свет.
Стихотворение великое
Не умирает двести лет.

Но также землю жгут неверные,
И души ходят босиком,
И мне всё кажется, что Лермонтов
Стоит живой под Машуком.

ПЛАЧ О МОЕЙ ДЕРЕВНЕ

Вот деревня. На пашне солома.
И крапива стоит вдоль села.
И, объята кромешною дремой,
Иван-чаем земля заросла.

Опустели земные хоромы,
Где упали осколки грозы.
У родного отцовского дома
Постою и не спрячу слезы.

А слеза проступает на сердце,
И чем дальше от глаз, тем сильнее
Гнёзда ласточек стынут на сенцах.
Вот калитка и школа за ней.

Там уже отшумели уроки,
Неужели уходят на слом
Этот мир, этот дом у дороги
И пустой зерносклад за углом?!

Разве это представить возможно,
Неужели забудет душа,
Как идёт по слезам подорожник,
На погосты родные спеша.

ВАСИЛИСК

Петух, змея и птица,
Быть рядом с ними – риск.
А если это снится,
То это – василиск.

Бывает, близко-близко
Тебя как будто жжёт
Дыханье василиска.
Он душу стережёт!

Змея молчит и жалит,
Петух вгоняет в бред,
А птица вопрошает:
– Ты с нами или нет?

Клубится полночь низко
И, кажется, – ревёт.
Когтями василиска
На части душу рвёт.

Взываю к Богу: где он?
И слышу: – Помолись!
Исчезнут аспид, демон
И враг твой – василиск!

ПЕЧАЛЬ

Вошла печаль. Она мне снится.
Она приходит невзначай.
Стоит у сердца и таится,
Мол, спи, меня не замечай.

А рядом море колобродит
И долго ходит по песку.
Печаль молчит и переходит
В неистребимую тоску.

Глаза туманом застилают,
Сжигает душу мне дотла,
Любовь из памяти стирает,
Чтоб никогда не ожила.

А мы любовью величали
Плоды безумья, горы сна,
В пылу себя не замечали,
Объаты чувствами до дна.

Любовь с поэзией венчали,
Собой затмили города...
А нынче брошены в печали
И замолчали навсегда.

Поэзия

Юрий Баранов

Юрий Иванович Баранов – главный редактор журнала «Сибирь». Секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры и искусства Иркутской области, автор 23 сборников стихов и прозы, автор гимна Дальней авиации ВВС России, лауреат региональной премии «Золотая запятая» (2005), премии имени Алексея Зверева журнала «Сибирь» (2008), Международной литературной премии имени П.П. Ершова за книгу «Иркутский драгун Лёшка, или Тайна Наполеона» (2013), Международного литературного форума «Золотой витязь» (2017) за сборник стихов «Град небесный», национальной премии «Имперская культура», на-

циональной премии «Золотое перо Руси», дважды лауреат премии губернатора Иркутской области. Живёт в с. Пивовариха Иркутской области.

ДУША ВСЕГДА ЖИВЁТ В ПОЛЁТЕ...

БАЙКАЛЬСКАЯ ЧЕРЁМУХА

Назло ветрам, снегам буранным
Опять черёмуха цветёт,
Опять из белой снежной раны
Летят цветы на белый лёд.

Байкал проснуться обещает,
Любовью солнечной согрет,
И крепкий лёд цветок ломает,
Несёт, несёт Байкалу свет.

Касанье нежное соцветий,
Как поцелуй из детских снов,
Как голос любушки заветный
И русская сама любовь.

Опять черёмуховый ветер.
То холода, то тёплый день.
Ещё не все куплеты спеты
И сердце не накрыла тень.

ГРОЗА

Когда клубятся облака
Густым сметанным караваном,
И гром гремит издалика,
И стрелы молний из колчана,

Я слышу музыку грозы,
И шёпот веток лиственничных,
И шорох облачной слезы,
И переливы струн скрипичных.

Душа байкальская поёт,
Гремит симфонией полёта,
И богатырь Байкал встаёт,
Швыряя брызги на излёте.

СИНИЕ ВОЛНЫ

Пронзительно-синие волны
Ласкают суровый гранит,
Ущелье средь сопот отлогих
Легенды и сказки хранит.

Я вижу сурово-угрюмых,
Чубатых боярских детей,
В отваге своей хитроумных,
Подвижников царских затей.

И гордые парусом белым,
Плывут и плывут облака,
Таинственным сказочным делом
Здесь заняты годы, века...

ГЛУБИНЫ

Кудрявятся травы полянок,
На сопках застыли цветы
И алые губы саранок
Не знают своей красоты.

Прозрачные волны Байкала
Всё лижут и лижут скалу,
А чайка опять прокричала,
Что любит зелёную мглу.

Что в тёмных глубинах сокрыто?
Не знает никто до сих пор.
Лишь сопки, что ветром изрыты,
И духи байкаловых гор.

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛАД

В нефритово-мраморной чаше
Живое блестит серебро,
Где листвени лапами машут
И чайка роняет перо.

Тот клад стерегут великаны
Одетые в ржавый гранит,
Заросшими лесом боками
Сжимая серебряный щит.

КЛИНОК БАЙКАЛА

Как сабля, вытянут клинок,
Упавший среди скал.
Звериный хищный коготок
Блестит, как сто зеркал.

Всегда на страже чистоты
И совести людской.
А скальник выпятил хребты –
Беречь его покой.

НОЧЬ

Закатилось солнце в золотой дворец.
Горько пахнет ночью сиреневый чабрец.
Бродит с колокольчиком месяц над водой.
Засыпает волны звёздною крупой.

В зеркале серебряном тонет тихий звон,
А к Байкалу листвени вышли на поклон.
Кедры хвойной зеленью нехотя шуршат,
И волна байкальская нежно шепчет: спать...

СЛЕЗА БАЙКАЛА

Немало слёз течёт в Байкал.
Их собирают реки.
Не оттого ли он вобрал
Людское всё навеки?

Противоречья душ людских,
Их нежность и страданье,
Движение сердец нагих
И доброе дыханье.

Когда волнуется Байкал,
Бросает брызги света,
Он посылает нам сигнал
И требует ответа...

САМОЦВЕТ ГОЛУБОЙ

В зелёной скалистой оправе
Лежит самоцвет голубой,
Уверенный в собственном праве
Людей поражать красотой.

Он дремлет, в себе зачищая
Всю грязь человеческого дна.
А люди, духовно нищая,
Лихие клянут времена.

Он дремлет. Но если очнётся,
То смоем весь мусор чужой.
И солнечный мир захлебнётся
Байкальской горючей слезой.

НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

Листвени пахнут надеждой,
И берег суровый скалист.
А летние ветры так нежны,
Что дрогнет иной атеист.

Духи клубятся в ущельях,
По склонам ползут облака.
Тайные снятся влечения,
Бездонного неба река...

Душу охватит сомненье.
Незыблемых истин уж нет.
Мученье и наслажденье –
Зелёный байкальский привет.

ОТДАМ...

Прольётся небо влажной благодатью.
Саранки алые расправят лепестки.
А небо грозовую чёрную ратью
Падёт на лиственничный бархат и пески.

Я вижу кутерьму и разноцветья.
Повиснет радуги мажорный перезвон.
Отдам шаги безумного столетья
За день байкальский и байкальский этот сон.

ЦАРЬ БАЙКАЛ

Зелёные сопки у моря
Стояли в прозрачной воде.
С Байкалом величием споря,
Приникнув к его бороде.

В зеркальном стоглазии виден
Скалистый и кремневый лоб.
Все знают, как царь непредвиден,
Как бьёт его гневный озноб.

Он дарит величие духа,
А может и вовсе сгубить.
Вещает он истины глухо.
Кого же он благословит?!

СЕРЕБРО ДОЖДЯ

Я был обвёрнут влагой мглистой,
Дождливый летом, как в стихи.
Цветущего жасмина листья
Печальны были и тихи.

И падали на землю строчки,
И плыли серебром дождя.
А дождь хотел дойти до точки,
Жить без которой уж нельзя.

Нет. Это я уплыл с дождями.
И там, в далёком далеке,
Я стал прозрачными стихами
Любви, поэзии, тоске.

ЗАБУДУТ...

Забудут наши имена,
Забудут клятвы и объятья.
Байкала скалы и волна
Останутся дышать в заклатье.

Да будет вечен дар небес,
Который ценится так мало.
Он безмятежен: берег, лес,
Что смотрит на людей устало...

БЫТЬ И ЛЮБИТЬ

Лиственниц хвойное золото
Накроет пожухлость травы.
Жизни зерно перемолото,
Желанья, как листья, мертвы.

Предсказанным шумным потоком
Душу возносит к звёздам.
Кем был ты, букашкой, пророком?
Чужой стал земным временам.

Останется нежное слово,
К любимой крепчайшая нить.
И краешек неба златого,
Где вместе нам быть и любить.

ЗЕЛЁНЫЙ ШУМ

Зелёный шум, зелёный ветер.
Сердец зелёных грусть-тоска.
И падает на землю вечер.
А ночь светла и коротка.

Листвы зелёной переливы,
Как жизнь, волною за волной.
Рождает лето спелость нивы
И поэтический настрой.

Зелёный шум, зелёный ветер.
А сердце зрелое кровит.
Опять упал зелёный вечер
И ночь стихами говорит.

Александр Лобанов

Александр Александрович Лобанов – ветеран боевых действий. Прошёл Приднестровье, Чечню. Повести и рассказы неоднократно публиковались в журналах «Берега», «Наши современник», в «Российском писателе». Постоянный автор альманаха «Подвиг», на страницах которого вышли в свет романы «Крутой этап», «Приднестровец», «Будем жить», «Шайтан», «Снежная королева». Первый сборник повестей и рассказов «Последний бой» был выпущен Агентством по печати и массовым коммуникациям Республики Коми в 2010 году, там же в 2014 году вышла книга «Небесные колокольчики». Член Союза приднестровских писателей, а также Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

СЧАСТЛИВЫЙ УДЕЛ

*...Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй...*

А. С. Пушкин

Смеёшься, шалунья? Белянка...
Царевна июльских ночей!
Меха растянула тальянка,
И стало в груди горячее.

И звёзды как будто крупнее.
И ярче, в полнеба луна.
Зарница, девичьи краснея,
Напевками завлечена,

В глаза гармониста глядится.
Украдкой то вспыхнет, то вновь
Во мраке ночном затаится,
Как шалого детства любовь.

Царевна меня миловала.
О, как целомудренно мне
Она всю себя доверяла.
И я был счастливей вдвойне.

Смеясь и дрожа от предчувствий,
Шалунья-белянка моя
Порой замирала до грусти...
А рядом, вздыхая, жуя,

В загоне грустила корова,
И пахло парным молоком.
Мне милостью божией снова
Напомнило небо о том.

Лишь за полночь уgomониться
Тальянка решалась, без сил.
А я с моей милой зарницей
Проститься никак не спешил.

Ах, жизнь... Утекая с годами,
Как быстрый журчливый ручей,
С лихвою глумилась над нами
Средь судеб, чужбин и ночей.

И вот уже старость как будто.
И позарастала быльём
Стезя нашей жизни. Маршрута,
Что мы проторили вдвоём.

Деревня далёкого детства,
И я там немислимо смел...
Как в зеркало, в память глядеться –
Счастливых поэтов удел.

НЕКАЛЕНДАРНАЯ ДЕРЗОСТЬ

Как неожиданно... Как-то всё – вздор...
Только вчера ещё в солнечной домне,
Как сталевар, плавил август простор,
О временных нормативах не помня.

И то, что осень в терпении ждать
Некалендарных и дерзких рекордов
Не в настроении. Хмурая рать –
Вон, за Уралом. Мамаевы орды!

Рваное вретище, на полземли,
Враз перекроет иллюзию счастья.
Коли жарой соблазниться смогли,
То уж дрожите в нежданном ненастье.

Шок! Шоколадный, шаблонный тупёж!
На тротуарах, дороге и в сквере
Пёстрой палитрой медяк-зильбергрош
Сыплет щедротами, в лето не веря.

Крыши застывших по утру машин
Тоже все в листьях, как в охровых кляксах.
Лёгкий струящих лучей крепдешин
Драпировал будто шёлком пространства.

Бог мой! Мелькнуло – как призрака тень.
Или как сон, полный грёз и видений.
Стало быть, прощай уж, пора голубень.
Триптих не летний теперь, а осенний.

Дворник спокоен пока. В эту рань
Спят его к бою готовые мётлы,
Спит, как всегда незлобивая, брань,
Хоть и не так он уж словоохотлив.

Да и листву подметать – экий труд?
То ли зимой. Вороти снеготонны.
Только разгрёб, тучи снова несут.
Люди понять это нынче не склонны.

Август, конечно, старался продлить
Сладкий мираж, это жаркое лето.
Даже в лугах вопреки всему сныть
Бойко цвела. Может, сказки всё это?

24.08.2023

КОМПАС-ТО ЗАБЫЛ

Ёлки, мшаник, лар грибной.
Зуд комарий, злюч донельзя.
Кроясь глухонемой,
Мрак безлюдием разверзся.

Тут страшилкам всех мастей,
Всевозможным небылицам
Вдруг взбрело к душе моей
Вурдалаками привиться.

Страх такой, что звон в ушах.
За спиной хоть и двустволка,
Так и что? В таких мирах
Никакого с нею толка.

Лешака дробь не возьмёт.
И медведь вам не михрютка:
Коли лапой шибанёт,
Тут-то будет прибаутка.

Заблукал... Гол как сокол,
Глуп, как белая ворона –
За грибами он пошёл!
Как же, как же, Гермiona¹

Ждёт. Не меньше... Только лес
Всюду. Дикие порядки.
С волчьим воем до небес
Ужас ползает в распадке.

И – мороз по коже – выпь
Адским демоном хохочет
Так, что по небу аж дыбь
В протяжении всей ночи.

За распадком, в самом зле,
Чудь кочкарная камлает.
Анчибал², навеселе,
Им подолы задирает.

А болотнице к устам
Так нескромно приложился,
Что в трясине тут и там
Дух болотный как взбесился.

Разогнал кикимор всех,
Ободрал хвосты анчуткам.
Выпь забыла и про смех,
Даже тронулась рассудком.

По чащобам баламуть
Мечет страх и обречённость.
Зыбень точит, не вздохнуть,
Словно чем-то упоролась.

Бр-р-р! Глумясь, белиберда
Лезет в душу, как блудница.
Когда жутко и когда
Угораздит заблудиться...

ПОЗЫВНОЙ «ВОЛК»³

Бесцеремонно, вздорно, в душу
Смурь навевать пыталась мгла
Со всякой беспородной чушью,
Что в мыслях мокрядь нанесла.

¹ Гермiona – дочь Кассиопей, наделённая от природы необыкновенной красотой.

² Анчибал – в славянской мифологии болотный чёрт.

³ Посвящается русскому воину Алексею Волкову. Будучи тяжело ранен, Алексей, когда его выносили с поля боя, чтобы не терять сознание, читал вслух собственные стихи о будущей победе.

Сознание всё сбежать старалось
От брэнной немочи туда,
Где ни смертельная усталость,
Ни боль, ни шок, ни суета

Не затмевали б счастья жизни,
Что подарил когда-то Бог
Без размышлений о фашизме,
Нацистах... Кто б подумать мог...

Сбежать туда, где рай аркадский
И посвист в ночи соловья,
Где просто тихий сон солдатский
И лунный тенорок ручья.

Там нет визжания рикошета,
Стрельбы и огненных геенн.
И там ещё не всё воспето
И каждый звук благословен.

Ах, боже мой! Держись, Егорий!
Держись, родной, не отпускай
На волю душу, в этот горный
Не нами выдуманный рай.

Ты молод, силы в предостатке.
Граната, дрон... Какой, брат, вздор!
Ты мыслишь – значит, всё в порядке.
Копьё в руке, да звонкость шпор...

Ты Русич, ты Победоносец!
Не страшно то, что враг клыкаст.
Война со всех подробно спросит
И по заслугам всем воздаст.

Прижми рукой покрепче рану.
Дела не так уж и плохи...
Как боевому ветерану
Скажу: читай-ка, брат, стихи.

Читай!!! И уходить не вздумай.
Тебе стихов теперь писать
Лет сто ещё, вдвоём с Фортунной,
Быть может, Пушкину под стать.

И он читал. Читал!!! И время
Его Победы, как рассвет,
Взошло и стало рядом с теми,
Кто будет жить ещё сто лет.

ЯРИЛИНЫ БЕРЁЗКИ

Фильдеперсовый чулочек, шёлком вышитый платочек.
Так на выданье девицы песню спеть как хороши.
Тёплый летний вечерочек. Изумрудовый лужочек.
В небе тучка золотится. Соловьиный клик души.

Уж одна другой пригожей, и стройнее, и, о Боже,
Словно зелье с приворотом, глянул – и пиши пропал.
Может, надо бы построже: ну, красотки, ну и что же?
Только вдруг дохнуло что-то – раз, и вот он, мадригал.

О тургеневские феи! О вы, местные Медеи!
Разве сыщешь в мире краше этих Велесовых слуг?
Видно, здесь, об них радея, печенег, берендеи
На Ярилиных полянах обретали русский дух.

Златокудрые ведуньи, чаровницы и шалуны!
В ваших сонмах обретались шелковистостью слова.
Травы делались певуны, лиры вовсе многострунны.
Не отсель вестили ль миру о Мессии три волхва?

Вечер тих. Недвижны сосны. Хоть в лугах ещё не росно,
Но дыхание неба вскоре станет хладно и свежо.
Своды сделаются звёздны. Тишина многоголосна,
Дерзновенна... И увидел
Бог, что ЭТО хорошо.

30.08.2023

* * *

*Но наше северное лето –
Карикатура южных зим...*

А. С. Пушкин

Зиме сей год совсем не к спеху.
В тайге ещё полно грибов.
И зайцы так же, серы мехом.
Шиповник – расцвести готов.

Трава не жухнет в мыслях даже.
Листы спадают кое-как.
Лес, будто в щёгольском плюмаже,
Сомлел в вихрастых облаках.

Не осень, сплошь карикатура.
Здесь, в наших северных краях,
Уже б должна температура
Парабиоз нагнать и страх.

Ан нет! Хоть реже, но, сияя
Довольно солнечно, деньки,
Как зазевавшая стая,
Уселись греться у реки.

И, точно зрелая блудница,
К ним бабье лето, молодясь,
Тянулось похотно тулиться,
Греха и Бога не боясь.

И макияжа не жалея.
И самоцветных жемчугов
Уж столько – как на Эмпирее! –
Искрит в тенётах пауков.

Нирвана или паранойя,
О, не подвох ли сей экстаз?
Ведь там, за Камнем, люто воя,
Невзгоды ждут напасть на нас.

Рябина вон, ядрёна в кистях,
Пылает, видно, к злой зиме.
А нам-то что, в красотах присных
Одно блаженство на уме?

Как знать, мы – Русь, не просчитаешь
Ни душу нашу, ни умы.
Морозом разве запугаешь,
Подлетков матушки Зимы?

У ней своих красот без спора.
Тайга сверкает в серебре,
В брильянтах, будто их Аврора
В своей рассыпала заре.

Небес полуночных свеченья,
Где что ни сполох – то хардкор.
Ему сейчас краса осень
Как будто праведный прозор.

Да, да! Октябрьские погоды
Не чудо разве? Бред не бред,
Печаль, туманные восходы
И каждый день – что есть, что нет...

* * *

Виясь, кружится первый снег...

А. С. Пушкин

Ах, первый... Право, в чём подвох?
Белым-бело ведь! Будто лета
И вовсе не было. Продрог
Фонемный ряд уже с рассвета.

В широтах наших всё не так,
Как где-то, скажем, в Красногорье¹,
Где от него в пяти верстах
Сошлись сюжет с сюжетом спора.

Стихи и проза. Явь и бред.
И всё предельно гармонично.
И всё – божественный сонет
И неперенное каприччо.

Каков фурор фривольных дум!
В чертогах северных пейзажей
Ход мыслей должен быть угрюм,
Как в безысходном антураже.

Но всё не так. Жанр и Закон
Взывают к чувствам православным.
Святой Лука нам шлёт с икон
Моменты Истины о главном:

Любите ближнего, и мир
Вам так же высветит любовью.
О, мир! Театр, где, как Шекспир,
Всяк драматург и занят ролью.

Слова от гения – прозор,
Который лёгок, словно ветер,
Когда грядущий форс-мажор
Не в тягость, а, как небо, светел.

Оно-то так... а вдруг медведь,
Шатун к тому ж, в тайге при встрече
Сподобит вас сонет пропеть:
«Иных уж нет, и те далече...»?

И станет вам роман в стихах
Несносным от судьбы зарокотом,
Как гром грозы на небесах
Зимой, подстроенный пророком.

Однако нынче Луков день,
И споры все отшелушатся,
Как наносная дребедень
От смутных снов старообрядства.

Виясь, кружится снег. В лесах,
Принять готовясь корочуньи²
Солнцевороты, прячут страх
Под лапник чуди и ведуньи.

¹ Красногорье – деревня Ленского (в романе А. Пушкина «Евгений Онегин»).

² Корочун – лесной дух, повелевающий буранами и морозами с помощью грозных своих слуг, медведей-шатунцов. Укорачивает день. В Древней Руси так называли Деда Мороза.

А у ворот ноябрь с утра
Стучаться станет и ломиться.
Известно, скучная пора...
Зимы-отшельницы сестрица.

31.10.2023

ЗАГАДОЧНАЯ РУСЬ

Тишина, словно хмарь, сизым инеем ночи
Распушилась, уветливо млея во снах.
Лик двурогий с небес, злую нежить пророча,
По густелям взмутил жёлтой охрою страх.

Бедный волк, не решаясь дать волю гортани,
Лишь глазами сверкал из ольховых кустов,
Осязая пустой требухи бормотанье
Да несносный нудёж натошак ливеров.

Кафедральная пустынь. Зимы благочинность.
И небесных светил прорицательный глас.
Господа, но позвольте, как всё же случилось,
Что величие это уже не про нас?

Что на вышках не спят по ночам караулы.
По периметрам носятся злющие псы.
И шагают часы, дни, недели понуро,
К справедливой Фемиде просясь на весы.

Тишина... Рот раскрыть – это надо решиться,
Колдовства от падучей звезды не боясь.
Серебро, бриллианты, сугробы-мошницы,
Непонятно, какая в лесу нынче власть.

От мороза туманности, как приведенья,
Так и шастают маревом по сосняку,
Занимаясь от скуки такой мутотенью,
Что конвой принуждён быть всегда начеку.

Ощетинившись инеем, ствол автомата
Дульным срезом таращится, будто зрачком,
В эту синь тишины, словно та виновата,
Что зима и мороз, что весь мир кувырком.

Конвоиру не в тягость царёва службица.
Злая нежить как будто родительский дом.
Волк – брательник, а бранный покой

только снится

В этом сонме прекрасном, жестоком, земном.

Но за маревом ширь и могучая вольность.
Край прелестных Дриад и Дубынин¹ форпост.
Вековая архаика и априорность.
И просторы, лежащие в плоскости звёзд.

¹ Дриады – нимфы, покровительницы деревьев;
Дубыня – лесной великан, стоит на страже русских земель.

Каспарс Димитерс

Каспарс Димитерс – латвийский поэт, бард и общественный деятель. Родился в 1957 году в Риге в актёрской семье Виш-Елизаветы Артмане (1929–2008), народной артистки СССР, и Артура Димитерса (1915–1986). Артмане приняла православие в 1998 году с именем Елизавета. Каспарс Димитерс в советское время был композитором и исполнителем своих эстрадных песен. В 1986 году принял православие под именем Елисей. Автор либретто к рок-опере З. Лиепиньша «Собор Парижской Богоматери». В 2000 году Зигмарс Лиепиньш написал по либретто К. Димитерса оперу «Роза и кровь», а затем – мюзикл «Вождь». За всю свою творческую жизнь на латышском языке издал около

20 альбомов песен, пять сборников стихов и писал песни к театральным спектаклям.

Димитерс, являясь противником «радужной» идеологии и пропаганды, выступал против проведения гей-парадов в Риге. С 2022 года пишет песни на русском языке и в течение года выпустил четыре своих альбома на русском: «Я латыш, украинец и русский», «Война за детские души», «Я вас люблю», «Внимание, внимание, говорит война!», «Радуйтесь! Мы – наша память», «Верните мне мою Родину!» и «И снова нужна нам Победа!». Это тоже форма его протеста против несправедливого отношения к русским в Латвии, что дало толчок к тому, чтобы писать песни и на русском. Как песенник, воспитан русскими бардами Юрием Визбором, Александром Галичем, Владимиром Высоцким, Александром Башилачёвым и др.

ВОЕННАЯ СКАЗКА

Как трудно найти доброту.
Её так запутали сети.
Её уже не ищут и родители
И давно не находят дети.

Каждый собою так занят –
Своим успехом или бедой.
В палате читает сказки
Солдат молодой, но седой.

Ноги потерял, любя насмерть
Родину, родителей, жену.
Его даже раненого пытали
Недобрые люди в плену.

Он выжил, потому что добрый.
Он едет по коридору в коляске
В палаты пострадавших детей
И им читать свои сказки.

Черпал их солдат все из памяти:
Они случались на поле боя,
Когда там чудом выжили
Лишь некоторые, как во времена Ноя.

Сказки его живые,
Хотя кровь там, и смерть, и ужас.
Их слушая, удаётся не плакать,
Лишь зубы стиснув и натужась.

Правда ныне как сказка:
Отовсюду ложь, как кобры.
Всегда это так и везде,
Где не храбры мы и не добры.

Молодой, но седой солдатик
Как по небу летит в коляске.
Плакал даже врач, поверив
Правде военной сказки.

Правда – это Победа.
Доброта – не обязательно ласка.
Где любовь побеждает зло,
Всегда рождается сказка.

16.11.2023

ДОНЕЦКИЙ ИНОК

Молитва в скиту, как экран, –
Всё видно без всяких сетей:
К небу взлетают дома
И души погибших детей.

Решил и, поднявшись с колен,
Шёл в город он ради Христа.
По дороге молитва его
Лилась, как родник, чиста.

Заполыхала, как огонь, вера –
Та самая – с детских лет:
Детство – это первая вечность,
И в детстве ведь смерти нет.

Детство – вечность,
В детстве ведь смерти нет.
Шёл издали грозный шум –
Обнял коляску, прикрыв

Собою у аптеки в Донецке,
Где рядом прилёт был и взрыв.
Осколок, как Господа орден,
За веру свою получил.

Недолго жил храбрый инок,
Чтоб долго ребёнок тот жил.
Недолго жил инок,
Чтоб долго ребёнок тот жил.

На коленях так и застыл –
Отдал кровь и принял дух.
Мать ребёнка у коляски рыдала
От боли и радости вслух.

Да, инок он был – не монах,
И оставил нам свой канон:
За долгую жизнь других
Свою краткую отдал он.

13.12.2023

ПОТОМ ВЕСНА И ТЮЛЬПАНЫ

Во время прилётов
По площадке детской
Парил над Донецком
Танец Плисецкой.

Кружила с детьми,
С душами погибших,
Обняв матерей,
От рыданья охрипших.

Жарче огня
Их боли пожары.
Минута молчанья
Звонче гитары.

Пусть я не русский,
Пусть иностранец,
Но я тоже там был –
Рядом песня и танец.

Плывут облака
Из жёсткого тюля.
Донецк – балерина
С июля до июля.

Вечность и миг –
Новогодние планы.
Пусть зима и война...
Потом – весна и тюльпаны.

В белоснежной пелерине
Над Донецком балерина.
Превратит весна в тюльпаны
Все карминовые раны.

06.01.2024

ПЕСНЯ УМИРАЮЩЕГО СОЛДАТА

Вмолчаться удалось,
Удалось и вжиться:
Душа не черепаха –
Душа моя ведь птица.

Радость-то какая,
Когда на воле птица:
В клювике весь Бог –
Причастия частица.

Вмолчитесь в недры душ,
Хоть миг сумев не злиться.
И всех, кто любит жизнь,
Поднимет к небу птица.

До звёздочек поднимет –
Оттуда пыль не видно.
Свобода только там,
Где сначала стыдно.

Клеткой золотой
Смутили ей зеницу,
Радугой в темницу
Заманили птицу.

Морила вывертами
Ложь мою орлицу,
Но Истина всегда
Свобождала птицу.

Насмерть биться всем,
Чтоб Правда воссияла.
Чтоб жизнь и смерть нас всех
Одним кольцом венчала.

Птички золотые,
Пою я, умирая.
К небу все летим –
Золотая стая.

Вмолчаться удалось,
Удалось и вжиться:
Душа не черепаха –
Душа моя ведь птица.

21.01.2024

ЛИСИЧАНСК – ИКОНКА НЕРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА

Прилетели ракеты,
Ярой злобой согреты.
И так, как обычно –
Как по Донецку, привычно.

Средь в завалах зарытых
Двадцать восемь убитых.
С отмазками – хлипко:
Лисичанск не ошибка.

В пекарню шли мамы,
Шли с малышами,
Чтоб забыть чуть заботу –
Съесть ватрушку в субботу.

Деды шли и бабули,
Не боясь своей пули –
Как по траншеям, по улочкам
За тёплой шли булочкой.

Под зимним небом,
За свежим хлебом.
Фронт рядом – ведь знали.
Шли храбро... и пали.

Бой ратный не знавшим,
Им слава как павшим.
Идти – так без страха,
Как подвиг монаха.

На сносях мама под руинами
И с пятилетним сыном.
Незримая иконка
Нерождённого ребёнка.

05.02.2024

МЫ НА ПОРОГЕ

По улицам пепла
Пройдутся две тени –
Одна из Риги,
Другая из Тюмени.

Варежек пара,
Застывшие губы
В живом поцелуе,
И облака, как шубы.

Тонкие руки,
А может, и кости
В молитве молча
Песню вымолят в гости.

Зазвучит она птичке,
Собачке и мигу.
Воскресит песня Пасхи
И Тюмень, и Ригу.

Всё ли пойдёт,
Как зима, как лето?
Веет запахом сажки –
Всё пророками спето.

Чернеет квадрат.
Не встать из-за лени.
Обними свой Крест,
Пока жив – на колени.

Мы на пороге,
А на пороге схватка.
Уцелеет спичка,
Может, Камчатка.

На пороге час
Последней битвы.
Не читайте порталы.
Читайте молитвы.

23.01.2024

Поэзия

Виктор Коноплёв

Виктор Коноплёв – родился в г. Малорита Брестской области в 1969 году. В настоящее время проживает в Нижнем Новгороде. В 1994 году с отличием окончил Волго-Вятский кадровый центр по специальности «Государственное и муниципальное управление». Учредитель сетевого СМИ «Наша Среда online». Публиковался в многочисленных интернет- и печатных изданиях, коллективных сборниках, как в России, так и за рубежом. Автор трёх сборников стихов. Армянский цикл стихотворений включён в антологию «Армения в зеркале русской поэзии», выпущенной Ереванским государственным университетом им. В. Я. Брюсова. На его стихи написано много песен и романсов.

* * *

Время вырвалось из рук,
Время вспыхнуло, как пламя,
Я не знаю, кто мне друг
И какой расцветки знамя.

Я не знаю, кто теперь
У моей стоит могилы,
С кем делю свою постель,
Отдаю излишки силы.

Я не знаю, что меня
Ожидает в воскресенье,
Поменяет ли коня
Гений нового движенья.

Я не знаю, что потом
Будет нам служить святыней,
Может, снова станем лбом
Пробивать СВОЙ путь к вершине.

И опять в бредовых снах
Новый путь искать к свободе,
Приближая новый крах.
Только время на излёте.

Только время спросит с нас
Всё, за каждую минуту,
Ибо мы – в который раз –
Сообща предались блуду.

* * *

Ангел не умел летать,
отмерял ногами вёрсты.
Ангел не умел считать
ни купюры и ни звёзды.

Бескорыстно раздавал
годы жизни, дни, минуты,
расширяя ареал,
для любви торил маршруты.

Жизнь его была полна
состраданием и смирением,
тихо заходил в дома,
предвещая Воскресенье.

Он остывшие сердца
согревал своей душою,
закрывал уста лжеца
не крылами, а рукою.

Ангел помогал найти
каждой жизни вдохновение,
открывал глаза, пути,
дарил веру, примиренье.

И конечно же, он знал,
где кончается дорога,
что для всех един финал –
стать опять частицей Бога.

ИДУТ ОДИНОЧКИ

От точки до точки
Тропинка своя...
Идут одиночки
В чужие края.

Как брошенный веер,
Их вектор дорог:
Кому-то на север,
Кому на восток.

Мы их задеваем,
Завидуем им,
Хотя их не знаем
И знать не хотим.

Идут одиночки
К скончанию лет,
По слову, по строчке
Неся миру свет.

КРОССВОРД

Собирая последние крохи познаний,
У дороги торговка смотрела в кроссворд,
Иногда мимолётно и сонно взирая
На течение машин, кошельков, лиц и морд.

Как музейная тётка близ старой картины,
Экспонатом своим оставалась горда.
Перед ней тормозили быки и машины,
Перед ней тусовалась проезжих орда.

На лотке, на фанерке, прибитой небрежно,
Новорусский лубок возвещал всем о том,
Что торгуют здесь рыбой: копчёной и свежей,
Удивят здесь налимом, горбушей, угрём.

Под палящим июльским засаленным солнцем
Запах дальнего моря стекал до земли.
И с чешуйчатым взором, без лишних эмоций,
Получала торговка за рыбу рубли.

А потом возвращалась, садилась под тентом,
И опять продолжалась с кроссвордом борьба...
Нервно ручку взяла, впечатлившись моментом,
И вписала последнее слово: судьба.

* * *

Снимаю шляпу, кланяюсь друзьям.
Опять иду, разглядываю лица.
Равноприставлен был ко всем краям,
Доступная и нет – для всех – граница.

Снимаю шляпу, кланяюсь друзьям,
Сажусь в трамвай, чтоб насладиться стуком.
Привит мичуринцем ко всем стеблям,
Я в дудке подрабатываю звуком.

Снимаю шляпу, кланяюсь друзьям,
Серьгу бросаю крашеной сороке.
Тянусь к своим, как капелька к ручьям,
Но всё ж тону, увы, в людском потоке.

* * *

Я исчезаю из снов твоих быстро,
Лишь соберутся в табун общий тучи.
Злишься ты зря на лишённого смысла,
В жизни такой не сыскать тебе лучше.

Перемещения твои своенравны, –
Так выпадают из гнезд ночью птицы,
Так возвращаются грипп и тираны,
Так коронуются львы и блудницы.

Списывай быстро подсказки сияний,
Лунных затмений послушай рулады.
Я не потомок твоей обезьяны,
Мне не нужны стрелки и циферблаты.

Тень твоих мыслей уздой обхватит,
Голову стянет ремнями сырыми.
Зря это ты, на челе нет печати,
Я буду Я на фарси иль латыни.

МИМ ПРОСЯЩИХ

Нет, не найти по отпечаткам ног
на мёртвой зоне в приграничье
меня.
И стоптанных моих сапог,
забрызганных помётом птичьим,
уходит след простой в небытие
от перфомансов и творящих
пустую жизнь свою.
Их бытие –
гламур, фантом...
Я – мим просящих.
Зашит мой рот годами светлой лжи,

я виртуальность превращаю
в радость.
Поверьте мне, все типажи
мои
есть жизнь.
Я не играю.

Я прощаюсь с летом, улетаю,
сам не зная,
где найдёт, а может, потеряет
меня стая.

Вслед за словом словом улетаю.

УЛЕТАЮ

Если я люблю, я порываю
с прошлым летом,
с тем, что укрывало (баю-баю)
тёплым пледом.
Засыпал, томился сладкой страстью
будто раем,
создавая дубликаты счастью...
Знаю! Знаю...
Отличал слезинки от соринки
в полых глазах.
Впечатлялся змейками морщинок.
В светлых красках
были мысли, образы и руки,
были стены
той казармы, где вели на муки
бизнесмены,
элитарные юнцы прогресса...
Браво! Браво!
«Я всего лишь уличный повеса...»
Это право
тех, кто разорвал любовью время
на мгновенья,
тех, изведавших однажды бремя
вдохновенья.

Я

Я – цветок, что возрос на костях убиенных
из семени горя.
Что ж, сорвите меня для толпы оглашенных.
В минуте от моря, –
моря слёз, так заботливо нами творимом,
прорастаю.
Цвету.
Поправляют немедленно раны мне гримом,
наводя красоту.
Только я – отраженье того, что питает
и на чём я расту.

Я – цветок, прорастающий в почве Вселенной
из семени Знания.
Сквозь безмерность миров устремлён
вожделенно
за старую грань я,
грань того, что зовётся физическим миром
и вечностью духа.
Обзавёлся уже я своим конвоиром, –
пошла заваруха.
Только я – отраженье того, что питает
и на чём я расту.

QUID EST VERITAS?

Бархатистая сущность, белесость снегов – это тайна.
Точно так ощущаешь себя в чреве старого замка.
Подскажи, милый друг мой (загадка моя не случайна):
Разве может твоею судьбой быть судьба-иностранка?

Мой февраль – это солнце, мороз, апатичные будни.
В марте будет иначе, хотя холода там коварней.
Так душа оставляет, так тают снега пополуночи,
Так рождение и смерть вперемешку, как тесто в пекарне.

«Без свободы нет счастья», – говаривал старый тюремщик.
Ты не знаешь, скажи, пред собой в чём же наша заслуга?
Иностранное тело порой превращается в жемчуг.
Сколько жемчуга сделали мы, проникая друг в друга?

Поэзия

Светлана Леонтьева

Светлана Леонтьева – член Союза писателей России, лауреат Лучших стрóf СТОЛЕТИЯ, главный редактор альманахов «Рождественская встреча» и «Третья столица», член жюри Клюевского конкурса, председатель фестиваля «Приокский поэтический», дипломант фестиваля «Интеллигентный сезон», обладатель премий, знаков отличия, медали А. И. Люкина, автор 33 книг прозы и поэзии.

ВОЛОНТЁРСТВА ЗЁРНА ЗОЛОТЫЕ

* * *

Она – моя родина. У неё льняные косы,
у неё мамино платье, у неё ватник бати.
Когда она пошла в бой, белели откосы
и мёрзли руки, примерзали к гранате.

Она – моя родина. Смотрела глазами
парней из Москвы, Питера, Кандалакши...
И мы нынче, братья, не на базаре,
покуда там наши. И мы им там – наши.

А камни лежали, холмы убаюкав,
омытые кровью татаро-моголов,
омытые кровью османов-сельджуков,
идти нам не ново
за русское слово.

Она – моя родина. Мария и Анна,
что, как Ярославна, слезами умылась.
Но Бог не отвёл беду в этот раз нам он,
видать, заслужили такую немилость!

Мы слишком беспечные, слишком нам весело,
мы слишком в комфорте тогда прибывали.
Вокруг её, чистой, грязно мракобесье,
грозили ей, нежной, клинками из стали!
Там Саур-могила, там фразы в металле,
что мы не сдадимся,
да, мы не сдадимся!

Встречай, моя родина, гарь эту синюю,
огни белошое и журавлиные,
закуривай нынче махорку, не Винстон!
(Три раза подписывали эти Минские!)
Она – моя родина! Боль материнская!

Она видит дальше. Она громче кличет.
Она старше наших тысячелетий!
Больнее сказать ей, чем смерть принять нынче.
Достойны ли родины мы? Ну, ответь мне!

Вы ходите в храмы, там видите свет вы.
Мне больно от Храмов: они душу рвут мне!
Молюсь я за родину, ибо в ней – небо!
Молюсь за людей.
Не люблю я безлюдье!

А после победы страна нас рассудит.
Кто мутен, кто ясен, кто светел, кто честен!

Смотри: на Кресте Бог, а с ним проститутка,
смотри: на Кресте Бог, а рядом разбойник,
смотри: на Кресте гений, а рядом бездарь!
Смотри: на кресте вечность! Мы – лишь минутка!
Но я не уйду и не сдамся без боя!

ПОДВИГ ЕЛЕНЫ

Лишь одно я хочу, чтоб осталась жива,
чтобы просто жива в золотистом веночке!
Чесакова Елена, пришедшая в два
часа ровно на площадь ночью,
прикрепляла российский безудержный флаг,
прикрепляла на скотч.

А толпа выла: «Тряпка!»

Но «врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”»,
окружила толпа, вызвав «стражей порядка».
Я хочу одного, чтоб осталась жива!

Она, словно сестра мне сейчас, словно дочка!
Миллионы людей там, в Одессе! И точка.
А у нас с ними первая степень родства!

Мы – славяне! Не просто славянская ветвь,
мы единое целое – русские люди.
Я хочу, чтобы мимо прошла злая смерть.
Я хочу, чтоб случилось хоть раз в мире чудо!
Ты, Евгения, видишь, как надо? Так зри!
Во все, сколько есть, глаз. Пока каждый не вытек!
(Не люблю перебежчиков. Ибо внутри
у него нет Елены!)
Работа в «Магните»,
что на Греческой площади между людьми.
...Я не знаю, как брать будем мы этот город
для Елены! Прошу, поскорее возьми,
вот умри, но возьми, вот поляг, но возьми,
вот снегами возьми, золотыми дождями
этот город у моря нам дорог!
Где «врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”»!
Так мне Киев не жалко, как жалко Одессу,
ибо солнце набрякло,
сосок так набряк,
своим телом воткнула в Одессу бы стяг,
прорубилось живьём бы к железу!

ПЫШКА

Вскормленная на малине, молоке и ватрушках,
вспоенная на живой водице из родника
под горою.
Мы собой половину России прикроем,
про таких говорят, что толстушка!
Ты не спрячешь таких под листочком, сестричка,
ты не спрячешь таких в своей норке, лисичка!
И Ги де Мопассан про таких сказал: «Пышка»,
я читала новеллу лично!
Так бывает: сегодня худышка, а завтра
то ли предали люди, то ль не прав Еврипид был,
заедаем измены, заедаем обиды,
заедаем – и ладно!
Может, завтра тебя разнесёт, и – в путь долгий.
Вот сегодня ты чёрная, а после рыжая.
А мы выжили, пили да ели под Кижамы,
и не сердце сейчас – решето да осколки!
Никогда мы не будем ни с краю, ни лишними.
Ты не спрашивай, как в 90-е выжили,
как скребли по сусекам, кормить чтоб младенцев,
да картоху сажали упрямо на дачах,
например, на горбу я таскала полнца
и сама стены ладила, так как – не кляча!
А у вас не тела – просто тонкие линии,
а у вас не ручонки, а вербные веточки,
«Лебединое озеро», сны балеринные,
мясо есть вам нельзя, деточки!
А у нас накормить, воспитать, поднять на ноги,
если б рядом была, были б живы в Елабуге!

Если б рядом была, не страшны вам мошенники,
МММ, пирамиды, Чумак, Кашпировские,
на груди у меня рвутся крепкие тельники,
и боятся таких ростовские!
Да, я – пышка, я – пышка, но я не предатель,
не овца, не штрафбат, не отрёкшийся трижды.
Мы вывозим такое, иной бы не вывез,
и мы по соцсетям не кричим: «Дайте, дайте!»
Да, я – пышка, я – пышка. Захочу, похудею.
Как сказала Плисецкая Майя: «Не ешьте!»
Говорят, что худющей была Медея
и такая же злая, не меньше.
Но горжусь тем, что в нашем безумнейшем мире
я вложилась на все, сколько есть, килограммы,
и пусть булка хрустит на зубах моих в сыре
за моими щеками!

* * *

Сортавала.
Сок-давала, сорт-давала, свет-давала.
На севере люди намного хрустальней,
намного морозней, белее, чем сало,
намного улыбчивей, нежели смайлик.
У них семиструнные руны и камни.
У них лунопевцы и калевала,
за Валаамом, внутри Валаама лежит Сортавала.
Карельский приёмш на стыке пространства
гуляющий, жаркий, хмельной, словно чардаш
на северной скрипке похмелья и пьянства
сильнее желания счастья.
Дитя понедельника, дочка субботы,
Минск – Полоцк – Барановичи, дальше был
Вильнюс.
Но дальше не будет, здесь вырваны ноты
все семь, их, наверно, съел вирус.
Вот если бы эти поездки по странам
давали возможность всему измениться,
устаи сдвигать степь, луга и границы,
по рельсам бы поездом, по ране раной!
Но здесь Сортавала,
но здесь сок-давала,
и здесь сон-давала нам всем Сортавала,
очисти, очисти планету до алой
полоски рассвета, до громкого лая
бродячего пса, до оркестра Башмета,
до скрипки Лундстрема, стихов моей Анны,
карельского лета...
Всё, всё, хватит плакать,
поедем, поедем сюда и отсюда от рая до рая,
сомкни хоть объятья, прекрасный, Распятый,
сомкни же объятья.
Но он не смыкает.

Валентина Дробышевская

Валентина Станиславовна Дробышевская – член Союза писателей Беларуси. Поэт, прозаик, детский писатель, литературный редактор, переводчик, сценарист, педагог, филолог. Автор трёх поэтических сборников и пяти книг для детей, соавтор трёх книг прозы. Творчество нашло отражение в периодической печати и альманахах Беларуси, России, Канады, Сербии, Чехии. Победитель многочисленных международных литературных конкурсов. Лауреат Международной Пушкинской премии (2017). Победитель конкурса профессионального мастерства «Столичный учитель – столичному образованию» (2020). Лауреат премии Мингорисполкома (2020). Награждена медалью Максима Богдановича (2022), медалью поэта и воина Игоря Григорьева (2023). Живёт в Минске. Работает старшим преподавателем в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка.

ПОД ЗВЁЗДНОЮ ИКОНОЙ

Он пережил две мировые войны.
Пять поколений окружил заботой.
Здесь по утрам всегда пекли блины
И прибирались каждую субботу.

В нём бегали детишки босиком
И старики кряхтели пред иконой.
Всех согревал уютный добрый дом,
Покрытый краской матово-зелёной.

Он с болью провожал в последний путь
Родных, которых пестовал с рождения,
И свято верил, что когда-нибудь
Они вернутся в новых поколениях.

Пусть прохудилась крыша – не беда,
Пусть небольшие окна слеповаты
И в отраженье старого пруда
Он видит очертанья древней хаты,

Он всё же – ДОМ. Быть родовым гнездом
Ему отрадно полтора столетья.
И находиться долго под замком
Бойтся он сильнее всего на свете.

...Хоть у домов не видно седины,
И пусть за скрипом не слышны их стоны.
Они, как ангелы, светла полны,
Молясь за нас под звёздной иконой.

БЕЛОРУССКАЯ ПОЛЬКА

Она не открыла визу,
«Зелёную карту» – тоже.
Пусть полька, но очень близок
Край Немана, Припяти, Сожа!

Она не живёт шикарно:
Обычный простой учитель.
В красивых далёких странах
Уже никогда не быть ей.

Вся жизнь её – это школа.
Невзгоды, печали – стойко!
ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО
Несёт белорусская полька.

Григорьев, Астафьев, Бакланов,
Есенин, Цветаева, Пушкин –
Герои её романов –
Свои в Беловежской пуще.

У птенчиков, выросших только,
Живущих в Пекине, в Париже,
В сердцах – белорусская полька,
Царица тетрадок и книжек.

Она не открыла визу,
«Зелёную карту» – тоже.
На душу судьбой нанизан
Тот край, что всего дороже!

ПОЕЗД ЛЕТИТ

Стуки колёс заглушают болящие вздохи.
Поезд летит. Механизму никак не понять,
Что разошлись чьи-то жизни, обиды, упрёки.
Поезд летит, чтобы миг, чтобы крик обогнать.

Смотришь в окно и рисуешь сквозь слёзы
надежду.
Всё решено где-то там за тебя, за него.
Поезд летит сквозь туманы, сквозь ссоры,
сквозь скрежет,
А позади крутят рельсы немое кино.

Выдохнет пыль налетевшую втоптанной гравий.
Капли дождя смывают лёгкие чьи-то следы.
Поезд летит. И рассвет уже крылья расправил
В новые взгляды проложенной кем-то судьбы.

В СИНЕВУ НАПРОЛОМ

Посвящается Сергею Есенину

Умываюсь твоей синевой по утрам,
С золотишкой твоей по ночам засыпаю...
Откровенных надежд пошатнувшийся храм
Не молитвой, стихами спасаю!

Это было вчера или будет потом:
Расчленившийся атом внутри и снаружи...
Быть поэтом – не значит остаться рабом
Зарифмованных выюг и ритмических кружев.

Я смотрю на тебя через век, через миг,
Через ясное небо и тёмное поле...
Закрываю глаза – и глотаю язык...
Ощущение вкуса осознанной боли!

И несётся душа в синеву напролом,
Потому что дышать не устанет стихами,
Потому что пером созывается сонм
Светлых ангелов над облаками!

ЗЕМНЫЕ МАЛАХИТЫ

Коль рождена травинкой при дороге,
То гибкость ни за что не потеряй!
Уйдёт печаль: снесут чужие ноги...
А ты вставай! Ты к солнышку вставай!

Дождь напойт. Опять вернутся силы.
Ты – нежность в иллюзорном серебре!
Но почему травинки так бескрылы?
И почему так преданы земле?

Растает ночь. И маленькая капля
Твоим величием станет! Созерцай,
Как блещет небо, в перламутре плавая!
Кричи ему: «Во мне не утопай!»

...Бродяга-луч – и синевой покрыты
Виденья-сны, и ветер в голове...
Травинки как земные малахиты,
Не сдавшиеся ни одной ноге.

ПОЕЗД, КОТОРЫЙ УХОДИТ В НОЧЬ

Запах вокзальный... Гнетёт опоздание...
В сердце волнение не превозмочь...
Ждёт на перроне меня на свидание
Поезд, который уходит в ночь.

Пляшет кондуктор под странную дудочку –
Так бы не снег, а корицу толочь...
Мне б обогнать на одну минуточку
Поезд, который уходит в ночь...

Время уехало. Эхо на замечи
Шлейфом по рельсам... Пророчье не пророчье...
Линию жизни рисует на памяти
Поезд, который уходит в ночь.

ОГОЛЕЛОЕ

Разбросанная по частям по комнате.
Не соберусь пока ещё никак.
А вы меня такую как-то помните?
Или всегда всецелую?! Пустяк,

Что где-то сердце под столом запряталось,
Что где-то тонут синие глаза
И что хрипят от боли у распятия
Огонь-колени. Свищут тормоза

Обрубленных, разрозненных, раздробленных,
Усталых нервов. И... сплошной поток
Сознания. А мне бы в неосознанных,
Лихих поступках личный уголок.

...Прости меня, мой Ангел, Дух неведомый,
Что ведома такая, по частям...
Тебя достали стонами и бедами.
Я не прошу. Ты всё решаешь Сам.

А завтра?.. Выйду, как всегда, всецелая.
Вот только б сердце. Сердце не забыть.
Пускай, до неприличья оголенное,
Цепляется за тоненькую нить.

МНЕ БЫ ВЫЙТИ В РОСУ

Я боюсь не успеть. Не успеть очень важное что-то
Среди всей суеты, что сама же себе создала.
Механизм. Альтруизм. Отрепённая. Работа. Забота...
Обронённое в призрачной гонке: «Привет! Как дела?»

Мне бы выйти в росу и, от птиц охмелев, закружиться
Под покровом величия увенчанных вечных небес!
Поздороваться с солнцем! Почувствовать ветер в ресницах,
Не заметить, как гонят на пастбище сонных овец.

Превратиться на миг в лучезарного детства улыбку
И запеть от души всё, что в голову только придёт.
Хлеб, для полного счастья, и сладкую сверху присыпку
Захватить для друзей – дел, действительно, не впрок!

Не бояться открыться: ножи не втыкаются в спину.
Не стесняться сказать: зла и зависти попросту нет.
На цветущем лугу в необъятное руки раскинуть
И мечтать, будоража мечтаньями вехи планет!

...Мне бы выйти в росу!

ЧТОБ У НЕБА ОСТАТЬСЯ В ГРУДИ

Замолчал словопад над холодными зимними строками.
На рождественский лад не настроен сердечный мотив.
Кони шли невпопад, кони белым по синему цокали
Сотни лет наугад, чтоб у неба остаться в груди.

Разрядилась гроза – побежала счастливая конница.
Осенила рука новогодние строки крестом,
И молилась в окне неприкаянной жизни бессонница
За того, кого ждёт, за того, кто ещё не знаком.

Расскажи, расскажи низким тембром про очень высокое!
Расскажи, расскажи, незнакомец, что видел в пути!
«Кони шли невпопад, кони белым по синему цокали
Сотни лет наугад, чтоб у неба остаться в груди...»

Поцелуй, поцелуй красным солнцем седое молчание!
Поцелуй, поцелуй светлым сердцем весенний рассвет!
Годы долго вели нас с тобою на это свидание,
Годы звали судьбой вереницу страданий и бед...

Разрядилась мечта – появилась красивая радуга,
Отразилась кольцом, совершила небесный обряд –
Улыбнулись глаза, чтобы каждое облачко радовать,
И посыпался счастьем горящих сердец словопад!

ВЫМОЛИШЬ?

Нежно и страстно...
Вся без остатка...
Горько и сладко...
Выдержишь?

Завтра? Не знаю...
Утро – загадка...
Смялась тетрадка...
Выпрямишь?

Губы не воздух...
Тело не бремя...
Вечное время...
Выкроишь?

Врознь и со всеми...
Поле и семья...
Ночь на коленях...
Выстоишь?

Вечер – загадка...
Жизнь без остатка...
Горько и сладко...
Вымолишь?

ВОСЕМНАДЦАТЬ

С сожаленьем не гляди:
Нету сил смущаться.
Верь не верь – в моей груди
Бьётся восемнадцать!

Стройной, как и ты, была –
Не налюбоваться...
Я ведь сына родила
Тоже в восемнадцать...

Жизнь отведала сполна...
Что там возвращаться...
А теперь уже вдова
Ровно восемнадцать...

Сын с семьёй в Москве живёт.
Вот бы повидаться!
Потому что сильно жмёт
Там, где восемнадцать...

Ты почаще заходи!
Просто... пообщаться...
Грустно как-то от седин
Сердцу в восемнадцать...

СЕРДЦЕ УСТАНОВЛИВАЕТ СВЯЗЬ

Умоляю, дайте номер мамы!
Мне так надо с ней поговорить!
Душу запоздалыми словами
Приоткрыть, чтоб поблагодарить

Маму! Мамочку мою родную
За любовь! И выдохнуть: «Прости!»
Рассказать, что больше не реву я
На обессердеченном пути!

Рассказать, что крылья помогают,
Если трудно, над жестоким жить!
Рассказать, что розы расцветают
Те, что не успела подарить...

Рассказать?!... Дыхание услышать!
Просто вместе с мамой помолчать!
Снизойдите! Вы же вечно СВЫШЕ!
Что вам стоит номер мамы дать?!

В ленте по кривой кардиограммы –
Аритмия. Нить оборвалась...
Не доступны райские программы –
Сердце устанавливает связь!

НА СОМНЕНИЯХ АНГЕЛА

Кто-то ждёт тебя на окраине города.
Кто-то ждёт тебя на окраине вечности.
А идти – уже никакого повода:
В обречённости – ни свечи, ни млечности.

Рукоплещет мир, содрогая улицы.
Перетопчет жизнь – следа не останется.
Горизонтом синь с зеленью целуются.
Как набат, аминь в голове читается.

И несёт земля в оборотах вечности
Не его – ТЕБЯ для кого-то крайнего,
Безымянного, без свечи и млечности,
Обречённого, на сомнениях ангела.

СТАККАТО

В чудной музыке дыхание дрожало.
Ритм сердечный – барабанной мелкой дробью...
Волновалась. Вдохновлялась. И... играла...
Называли вы меня своей любовью.

По стене струилось лунное посланье.
Ноты прыгали. По клавишам... Стаккато
Я сломала ваше первое признание.
Вы ушли. Осталось чувство. Виновата...

Ноты. Уши. Мысли. Мысли. Уши. Ноты.
Сцена. Занавес. Овации... Вы знали!
Что, отсчитывая клавишами годы,
Жизнь свою для вас сыграю на рояле.

КАК В ЯНВАРЕ ВЕСНА

Грусть прогнала сон.
Сон полетел прочь
Мимо чужих окон,
Где отражается ночь.
Только одна ночь!
Долго нельзя без сна.
Высказать, истолочь
Взмахом руки-весла.
Мысли свои – в хлеб,
Чтобы помочь вам.
Не о себе... Мне б
Ночь. Рождество. Храм.
Свечи. Порыв. Звон.
Счастья, что не до сна!
...Свет от чужих окон
Как в январе весна.

МОИ СМЕШНЫЕ СНЫ

* * *

Мои смешные сны летают над Луною,
Щекочут горизонт, играют в звездопад,
То катятся в рассвет, то мчатся на закат,
То бродят по песку и ловят шум прибоя.

* * *

Мои смешные сны – любовь и всё такое...
Румяный поцелуй и бледное «прощай»,
Осенний макияж и зимняя печаль,
Весенняя капель и лето озорное.

* * *

...И если я уйду, не ведая покоя,
Туда, где горизонт смыкает мира глаз,
Под громогласный звон будильника кружась,
Мои смешные сны помашут вам рукою...

* * *

Подхватит их когда-то детская рука –
И побегут по небу смешные облака.

* * *

Мои смешные сны... в них запах грустной тины
И сладкий аромат цветения лугов...
То страсть клокочет в них, то шепчет нежность слов
И соловьи поют без видимой причины....

Берега юбилеев

Лидия Довыденко

КРЫЛЬЯ ДОБРОГО АНГЕЛА СИБИРИ

*К 30-летию благотворительного фонда «Возрождение Тобольска»
и о человеке «длинной воли» Аркадии Елфимове*

Альманах «Тобольск и вся Сибирь»

*Уже «вся Сибирь» после Тобольска,
чуть ли не вся уже вышла в прекрасном оформлении и с такими
текстами, о каких, казалось бы, и мечтать было нельзя...
Всей Сибири надо бы низко поклониться издателю альманаха...*

В. Г. Распутин

История самого известного в современной России благотворительного фонда «**Возрождение Тобольска**», действующего во благо культуры России, укрепления её высокого духа, тесно связана с именем его создателя – Аркадия Григорьевича Елфимова, который говорит: «Дух Фонда – укреплять Россию, объединять патриотов».

Слова Валентина Распутина из эпиграфа можно продолжить и развить: не только Сибири надо низко поклониться этому крылатому человеку Аркадию Елфимову и его соратникам. Сегодня ему кланяется вся Россия, которой дорога история и культура Отечества. Великолепные книжные издания фонда, которых уже более трёхсот, наполнили фонды ведущих библиотек России.

Аркадий Григорьевич в связи с 25-летием фонда говорил: «Валентин Распутин дал название альманаху – “Тобольск и вся Сибирь”, благословил на издание, отражающее духовные, культурные, экономические традиции разных регионов Сибири от Тобольска и Тюмени до Омска, и от Красноярска до Камчатки».

О целях и задачах этой большой работы знаменитый писатель сказал так: «Это не что иное, как объединение расшатанной Сибири в один родственный и духовный узел. Как сибирское купечество в 1887 году пришло на помощь оставленному от прежней могущественной службы и терявшему своё звучание Тобольску, так теперь воспрявший духом Тобольск взялся собирать сибирские земли в одно историческое Отечество».

Невольно вспоминается статья современного мыслителя С. А. Караганова, доктора исторических наук, научного руководителя факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, утверждающего, что успех внешней политики государства может быть обеспечен по-настоящему только правильной внутренней политикой, центральным стержнем которой должна стать «сибиризация России».

И вот уже в течение 30 лет Аркадий Елфимов и его команда проводят духовную сибиризацию России через колоссальной важности проекты, создав не только альманах «Тобольск и вся Сибирь», но и книги: «Град Сибири Тобольск в произведениях художника Германа Черёмушкина», «Сибиряки в битве за Москву», «Сибиряки в битве за Сталинград», «А. П. Чехов “Остров Сахалин”». Факсимильное воспроизведение и оптико-электронная реконструкция рукописи «Евангелие Ф. М. Достоевского» в трёх томах. «Фёдор Тютчев. Живое сознание права: факсимильное произведение автографов Ф. И. Тютчева с расшифровкой и переводом на русский язык», «20 имён Тобольской истории», коллекционное издание.

Дебюты русских литераторов в книжном собрании Д. А. Мизгулина: каталог, Мизгулин Д. А. Русского сердца таинственный сад: стихи / коллекционное издание, «Чудная лампада» (илл. Шибанов А. Г.), каталог «Образцы книжного искусства» и многие другие.

Особенно хочется выделить издания к 225-летию А. С. Пушкина.

«**А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери**». Каллиграфия – Ю. А. Ноздрин, дизайн альбома – И. Е. Лукьянов, тексты – З. Л. Черниева, Ю. А. Ноздрин, Ю. П. Перминов. Типография «Новые решения» А. В. Снитенко. Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска». Эта книга вошла в серию «Книжные шедевры». «Художник Юрий Ноздрин, – отмечают создатели книги, – через буквы, цвет, ритм, паузы, расположение и характер написания передаёт своё прочтение великого произведения А. С. Пушкина. В названии книги художник-дизайнер книги И. Е. Лукьянов использует “амперсанд” (символ &), в латинском алфавите означает союз “и”. Его начертание очень элегантно, напоминает музыкальный инструмент. Гения Моцарта раскрывает Сальери. Так свет проявляет тень. Талант и посредственность различны, но для понимания сущности обоих нужно противопоставление».

«**А. С. Пушкин. Борис Годунов**». Художник – В. Е. Валериус. Типография «AugustBorg» Л. В. Карлюк. Василий Евгеньевич Валериус – выдающийся мастер книжной графики и театрального искусства, победитель всемирных конкурсов искусства книги. Крупноформатный (44 × 33 см) альбом содержит двадцать одну полностраничную иллюстрацию и текст пьесы, напечатанный на тонких, с изменяющейся прозрачностью листочках особой бумаги.

Доктор исторических наук Александр Вычугжанин отмечает: «Сам Елфимов с презентацией изданий фонда с последующим дарением выступал в тридцати областных библиотеках – то есть в культурных центрах тридцати российских регионов. Это все областные библиотеки Западной Сибири, почти все Восточной Сибири, Дальнего Востока, добрался даже до Тувы. Также довелось не по разу выступать в Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке, библиотеке Академии наук, библиотеке администрации Президента России. Презентация книги “Белорусы в Сибири” состоялась в Национальной библиотеке Беларуси. К этому надо добавить районные и городские библиотеки, учреждения науки, культуры, образования».

У фонда «Возрождение Тобольска» огромное количество друзей, соратников, единомышленников. Только над альманахом «Тобольск и вся Сибирь» трудилось около трёх тысяч авторов почти из всех сибирских регионов. Помогают не государство, не олигархи, а просто неравнодушные люди.

Увековечивание памяти Семёна Ульяновича Ремезова

Город освещают не фонари, а люди...

Александр Родионов

Семён Ульянович (1642 – ок. 1721) – родился и умер в Тобольске. Это русский энциклопедист Сибири – картограф, архитектор, строитель, историк, художник, писатель. В историю России Ремезов вошёл прежде всего как картограф. Им составлены три уникальных атласа: «Хорографическая чертёжная книга», «Чертёжная книга Сибири 1701 г.» и «Служебная чертёжная книга». Он *был* архитектором и главным строителем каменного кремля в своём родном городе.

«Его труды, – говорит Аркадий Григорьевич, – памятники всемирного значения, теперь они введены в научный оборот – в этом заслуга Фонда». В кремле Тобольска стоит памятник С. У. Ремезову, созданный Олегом Константиновичем Комовым, переиздана «Сибирская летопись» С. У. Ремезова о походе Ермака, фонд «Возрождение Тобольска» издал «Чертёжную книгу Сибири» (1701 год), первый русский атлас, «Служебную чертёжную книгу» (своеобразный рабочий дневник Ремезова), «Хорографическую книгу» (во времена Ремезова хорография означала географию конкретной территории).

«Двенадцать лет я её доставал из США, – вспоминает об этом труднейшем проекте Аркадий Елфимов, – вёл переписку с Гарвардским университетом. Книга была украдена из молодой советской республики и вывезена в Европу известным в то время картографом Лео Багровым. Из Европы книга попала в Гуфтоновскую библиотеку университета в Гарварде. Американцы понимали, что хранят украденную вещь, долго не подпускали нас к ней даже близко. В итоге мы заплатили полмиллиона рублей за реставрацию рукописи и сканирование, и нам из Гарварда прислали полную цифровую

копию. И после этого ещё два года велась расшифровка топонимики, содержащейся в «Хорографической книге».

Издательский проект «Евангелие Достоевского»

*Это был не только апостол...
это был пророк.*

Павел Третьяков

В истории Тобольска пребывание в пересыльной тюрьме великого писателя Фёдора Михайловича Достоевского связано с посещением его жён декабристов: Жозефины Муравьёвой, Наталии Фонвиной и Прасковьи Анненковой. Наталия Фонвина передала узникам Святое Евангелие. Так как им не разрешалось читать ничего, кроме Евангелия.

«В этой святой книге, которую читал Фёдор Михайлович в остроге в Омске, – рассказывает Аркадий Григорьевич, – около полутора тысяч подчёркиваний ногтем, загибов страниц. – Как признавался сам Достоевский, эти четыре года переродили его, с подаренным тобольским Евангелием он потом не расставался всю жизнь».

Памятник Достоевскому работы скульптора Михаила Переяславца в Тобольске есть. И возникла идея увековечить память Достоевского в книжном варианте. Пометки в оригинале устанавливали с помощью современной оптико-электронной экспертизы сотрудники Российской государственной библиотеки во главе с В. Ф. Молчановым. Комментарии, как Достоевский использовал «помеченные» евангельские сюжеты в своих произведениях, сделал Борис Николаевич Тихомиров. Вышло три тома, чтобы показать и самого Достоевского, и его творчество, а главное – «попытаться понять, – говорит Аркадий Елфимов, – как же Фёдор Михайлович сумел предугадать и описать то самое бесовское время, которое догнало сегодня Россию. И не только наша страна – весь мир живёт ныне “в этой бесовщине”».

Благодаря этому изданию христианское мировоззрение писателя открывается с новой силой, ведь как писал коллекционер и меценат Павел Третьяков художнику Ивану Крамскому сразу после смерти Достоевского: «Это был не только апостол... это был пророк; это был всему доброму учитель; это была наша общественная совесть». И он остаётся таким и сегодня для нас, современных читателей.

Двухтомник «Философское наследие Д. И. Менделеева»

*Наши мысли рождаются теми
полями и лесами, степями и не-
бом, которые нас окружают.*

Валентин Курбатов

Великий русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев родился в Тобольске 27 января 1834 года и был в семье семнадцатым ребёнком. Это энциклопедист: химик, физикохимик, физик, метролог, экономист, технолог, геолог, метеоролог, нефтяник, педагог, воздухоплаватель, приборостроитель. Но немногие знают, что великий учёный был государственным и философом. Аркадий Григорьевич говорит: «Мы сняли “пелену забвения” с этой части творческого наследия Дмитрия Ивановича. Фонд издал двухтомник “Философское наследие Д. И. Менделеева”, а также изготовил памятную медаль в его честь. Ассамблея ООН назвала год 2019 годом “Периодической таблицы”, но забыли отметить, что это – “таблица Менделеева”. Я говорю в таком случае: если историко-культурный “код” русского человека – справедливость, то “код” человека запада – выгода. А там, где выгода, – там всегда рядом подлость. Но мы-то на малой родине великого учёного, конечно, отметили событие. При поддержке нашего крупного предприятия “СИБУР” открыли в ботаническом парке “Ермаково поле” скульптурную композицию, посвящённую великому учёному и мыслителю и его выдающемуся открытию».

Памятник композитору Александру Алябьеву

*... Что есть красота,
И почему её обожествляют люди?*

Николай Заболоцкий

Фонд «Возрождение Тобольска» увековечил память уроженца Тобольска Александра Александровича Алябьева, построив беседку в честь великого композитора и установив ему памятник.

Многие в России помнят и любят известные романсы Алябьева: «Соловей» на стихи Антона Дельвига, «Вечерний звон» на стихи Ивана Козлова, «Жаль мне и грустно» на стихи Ивана Аксакова, элегия на стихи Александра Пушкина «Погасло дневное светило». Он написал около 200 романсов, 6 опер, 20 музыкальных комедий, множество других музыкальных произведений.

Но Александр Алябьев – также боевой офицер, участник Отечественной войны 1812 года, он штурмовал Дрезден и брал Париж. На военной службе Александр Алябьев получил два ордена Святой Анны третьей степени, орден святого Владимира четвертой степени, медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Богатое наследие композитора до настоящего времени исполняется очень редко. Но хочется верить, что оно откроется музыкантам, чтобы стать любимым.

Книга-альбом «“Конек-Горбунок”, или Тобольский сказочник Пётр Ершов»

*Я благодарен судьбе. Она свела меня
с Аркадием Елфимовым, с Тобольском.*

Михаил Переяславец

Эта уникальная книга посвящена 195-летию знаменитого тоболяка и 175-летию рождения его бессмертной сказки. В ней собраны исследования творчества поэта, воспоминания друга Ершова А. К. Ярославцова, сказка «Конёк-Горбунок» с иллюстрациями известных русских художников первой половины XX века и детскими рисунками. Коллекционный альбом тиражом в 80 нумерованных экземпляров был отпечатан в типографии итальянского города Верона. Книга стала настоящим литературным памятником знаменитому уроженцу Тобольска.

Пётр Ершов родился на юге Тобольской губернии, село писателя сейчас называется Ершово. Приехав в Тобольск ещё ребёнком, он увидел на горе кремль, сверкающие на солнце золотые купола храмов, и кремлёвский холм стал прообразом Чудо-юдо рыбы-кита, у которой в сказке Ершова «на спине село стоит». Его творчество родилось из преданий и народного юмора родной губернии, из пословиц и поговорок, чтобы войти в сокровищницу русской литературы и получить всенародное признание. Когда был объявлен марафон чтения сказки в 2014 году, Калининградская область активно включилась по моему предложению, сотни школ поддержали эту акцию.

В 2007 году в Тобольске открыт памятник русскому писателю, поэту и драматургу Петру Ершову. Автор работы – действительный член Российской академии художеств, профессор кафедры скульптуры Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова, народный художник России Михаил Переяславец. Идея увековечить память Петра Ершова принадлежит фонду «Возрождение Тобольска». Это единственный в России памятник автору бессмертной сказки «Конёк-Горбунок».

Возделывание сада

*Случай – мгновенное и мощное
орудие Провиденья Господня.*

Александр Пушкин

Ботанический парк «Ермаково поле» создан на месте брошенного пустыря. Это мирное поле можно приравнять к ратным полям в истории России: Куликово поле, Бородинское, Буйническое и другие. Аркадий Григорьевич говорит: «Каждый должен возделывать свой сад». «Сибирская мощная

природа, – подчёркивает тобольский писатель Юрий Надточий, – подавляет только слабых, сильных же – возвышает. Недаром за столь короткий исторический период сформировалась на пространстве от Иртыша и далее на восток эта мощная свободолюбивая человеческая общность – сибиряки».

Удивление, радость, душевный подъём вызывает ботанический парк «Ермаково поле» у всякого, кто вступает на его территорию, проходит через Липовую аллею, где первую липу посадил Валентин Распутин.

«Это бывшая территория сгоревшего дома отдыха, – вспоминает Аркадий Григорьевич, – всё замусорено, загажено, свалка бытовых отходов. Крапива, лопухи – в рост человека. Всё это я приводил в порядок вместе с помощниками, чистили, привозили грунт, после взялись за посадки. Я же по профессии строитель, мои познания в ландшафтном искусстве – мог отличить ёлку от берёзы. А дальше – тёмный лес. Я стал читать книги на эту тему, первая – “Поэзия сада” академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Крупный учёный, он анализировал парки всех времён и народов, у него я почерпнул много полезного. И стал закладывать парк истории Тобольска».

Душа человека жаждет красоты, и «Ермаково поле» отвечает на этот запрос культурного человека. Сотни растений составляют коллекцию парка, которую высоко оценивают учёные. «Одна из “воспитательных задач” парка – пробудить душу человека, заставить вспомнить, что он – часть природы, что природа – такая же живая, как он сам, что у природы можно многому научиться», – говорит Аркадий Елфимов.

А разве не чудо чудесное парка – роща в 25 дубов, и главный дуб – «ЕРМАК», а вокруг 25 дубков, символизирующих по 20 казаков на каждое дерево, получается дружина Ермака – 500 казаков.

Аркадий Григорьевич насыпал небольшие курганы, посадив на них ковыли и маки – символ хана Кучума с 10-тысячным войском. Так история Тобольска, уникальная битва, когда 500 казаков обратили в бегство десяти тысячное войско Кучума, нашла символическое отражение в парке.

Аркадий Елфимов вырастил восемь с лишним тысяч деревьев и кустарников. И это 300 видов из ботанических садов, которые в Тобольске фактически никогда не были. И ещё это парк, посвящённый истории города Тобольска с красивыми ландшафтными композициями.

Доминанта парка – храм-часовня в честь православного святого Дмитрия Солунского. Русским духом храм напоминает известную церковь Покрова на Нерли. Почему же в честь Солунского? Город Искер – столицу ханства Кучума – дружина Ермака взяла в день памяти святого подвижника православия Дмитрия Солунского (архитектор Алексей Белоусов).

О проектах и 30-летнем юбилее

Нам не надо придумывать великую историю – она у нас есть!

Аркадий Елфимов

Трудно перечислить все проекты, по-настоящему шедевры издательской деятельности, благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». Их презентации состоялись как событие в мире русской культуры в престижных библиотеках Российской Федерации, в Русском географическом и историческом обществах, в Сретенской духовной академии РПЦ, в университетских и сельских библиотеках, на острове Сахалин, в Беларуси, по всей России.

Председатель попечительского Совета фонда «Возрождение Тобольска», председатель редакционного совета альманаха «Тобольск и вся Сибирь» Ю. К. Шафраник в одном из интервью сказал о тех, кто разделяет идеи и цели фонда (а это огромный круг равнодушных людей), кто вложил своё творчество, свои усилия в проекты фонда, что 30-летний юбилей фонда «Возрождение Тобольска» – это Событие и Явление в духовной, нравственной, патриотической сфере нашей страны.

Екатерина Фёдорова

Екатерина Сергеевна Фёдорова – доктор культурологии, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук, научный куратор ГОУДМШ имени С. И. Танеева. Выпускница филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Создала и более десятилетия ведёт два научных проекта МГУ: «Идеи века в истории рода», «Возвращение культурного наследия эмиграции в Россию» (в частности, семьи Альбрехт). Е. С. Фёдорова – подготовка рукописи, предисловие, послесловие, комментарии (совместно с Л. Н. Путинцевой): княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская «О российской трагедии. До и после 1917-го. Воспоминания матери»: в 2 т. М.: Минувшее, 2018. Е. С. Фёдорова – автор книг «Школа перевода в Древней Руси на рубеже XV–XVI вв. Nicolaus de Lira и Дмитрий Герасимов». М.: Издательский дом «ЯСК», 2021; «Вкус к жизни. Анна Сергеевна Вырубова. Домашний круг и рецепты в историко-мемуар-

ном контексте». М.: Издательский дом «ЯСК», 2023; «О красоте и чести. Жизнеописание потомка Рюрика князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского». М.: Издательский дом «ЯСК», 2023. Составитель книги «Н. А. Фёдоров. Исследования. Переводы». М.: Издательский дом «ЯСК», 2022 и др. книг.

МИР ЧУВСТВ В РУССКОМ РОМАНСЕ: А. С. ПУШКИН И ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ

К 225-летию А. С. Пушкина

А. С. Грибоедов.
Худ. Михаил Терёбенёв

Сегодня множество людей, не только музыканты, но и люди совершенно различных профессий, разного возраста и интересов любят русские классические романсы. Этот жанр вышел за рамки профессионального искусства и давно стал поистине народным. А в 20–30-е годы XIX столетия, в пушкинскую эпоху, на волне романтизма, романс достиг виртуозного совершенства и большой популярности. Поэтические строки Пушкина композиторам хотелось положить на музыку ещё при жизни поэта, ведь романс умеет передать тонкие и сложные переживания любви. Родоначальником русского романса был Михаил Иванович Глинка, он и сам был превосходным их исполнителем. Пушкин познакомился с Глинкой в молодости, лет двадцати. Был на первом представлении «Ивана Сусанина». И вот в 1828 году Глинка пишет музыку на стихотворение Пушкина «Не пой, красавица, при мне».

Удивительный случай, когда поэт написал стихи на уже созданную музыку. Дело было так. Путешествуя в 1828 году, Александр Грибоедов в одном из селений услышал печальную и трогательную грузинскую мелодию. А как мы знаем, Грибо-

едов был прекрасным пианистом, солистом-импровизатором и аккомпанировал певцам. Так что мелодию он записал. Вернувшись, отправился в имение к Олениным, друзьям Пушкина, куда в то время и Пушкин приехал, и Глинка, и Вяземский. Грибоедов спел мелодию Глинке и предложил переложить для фортепиано. Глинка сейчас же написал небольшое музыкальное произведение.

*М. И. Глинка.
Худ. Карл Брюллов*

*А. А. Оленина.
Худ. Орест Кипренский*

*А. С. Пушкин.
Худ. Орест Кипренский*

Аннет Оленина сразу стала напевать мелодию под аккомпанемент композитора. И кто-то из гостей заметил: хорошо бы Александр Сергеевич написал стихотворение на эту музыку. И Пушкин написал! Ибо он чрезвычайно увлёкся Аннет Олениной, маленькой красавицей-фрейлиной императорского двора, с воздушными кудрями и глубокими карими глазами, оживлённой, остроумной и начитанной. В стихотворении Пушкин обращался к ней, и всё его страдание, очевидно, выплёскивается в этих стихах. Месяц спустя Пушкин сделает Аннет предложение руки и сердца, но получит отказ её родителей... А Аннет долго не выходила замуж. Уже после смерти Пушкина, в 32 года, она соединила себя узами брака. И муж чрезвычайно ревновал Аннет к её девичьему прошлому¹.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.
Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь – и при луне
Черты далёкой, бедной девы.

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поёшь – и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

А потом, через 65 лет, в 1893 году, Сергей Васильевич Рахманинов написал *свою* музыку на эти волшебные-печальные и завораживающие поэтические строки. В 22 года композитор страдал от любви к Наталье Сатиной. И она, оказывается, тайно любила его с детства. И в конце концов выстрадала свою любовь. Прошло девять лет, в 1902 году Сергей и Наталья соединили свои сердца перед алтарём. Став хозяйкой их общего дома, Наталья Александровна не переставала быть Музой композитора. А в память их драматического романа нам осталась проникновенно лирическая, печальная и страстная музыка романса.

Самый известный музыкальный критик XIX века Цезарь Антонович Кюи считал жанр романса столь важным для русской музыкальной культуры, что в канун XX века, в 1896 году, выступил

Сергей и Наталья Рахманиновы

¹ См.: История одного романса. URL: https://vk.com/wall-192716818_51841.

Ц. А. Кюи. Фото

*А. А. Алябьев.
Худ. Василий Тропинин*

в Музыкальном собрании Санкт-Петербурга с публичной лекцией «Очерк развития русского романса» и издал книгу на эту тему.

«Камерная музыка, – писал он, – требует немногих исполнителей, но эта музыка заключает в себе такие сокровища, каких, пожалуй, не найти ни в оперной, ни в симфонической музыке. Почти все самые гениальные композиторы высказывали именно в камерной музыке свои самые глубокие мысли, выражали самые сильные чувства, самые затаённые движения души». Романс Кюи относил к камерной музыке. Какова же художественная задача романса? «В вокальной музыке поэзия и звук, – отвечает Цезарь Кюи, – равноправные державы, они помогают друг другу: слово сообщает определённую выражаемому чувству, музыка усиливает его выразительность, дополняет недосказанное, сливаясь, обе с удвоенной силой действуют на слушателя»¹.

А вот ещё один сюжет, связанный со стихотворением Пушкина «Я вас любил...», которое написано в 1829 году. Гениальный поэт умел столь трепетно передать муки невоплощённой любви, что множество композиторов музыкально откликнулись на стихи Пушкина. Среди них – Александр Алябьев. У него была своя история. На балу, в 1825 году, Алябьев познакомился с Екатериной Римской-Корсаковой и стал появляться на домашних вечерах её семейства. Разгорелся пылкий роман. Дело шло к свадьбе. И тут – удар судьбы! В гости к Алябьеву приехали знакомые, чтобы поиграть в карты. Один из них сильно проигрался, но отказался платить деньги. Алябьев вспыхнул – по офицерскому кодексу игрок поступал бесчестно – и влепил ему пощёчину. А тот через два дня умер от апоплексического удара. Началось судебное разбирательство, и Алябьев попал под арест. Один суд его оправдал, другой пересмотрел оправдание. Композитора сослали в Сибирь. Он жил мыслями о Екатерине. И новым ударом стало известие о её замужестве. Но и она все эти годы помнила о возлюбленном и страдала от разлуки. И когда участь Алябьева смягчили и разрешили отправиться в Пятигорск для лечения, Екатерина сделала всё, чтобы оказаться там же. В 1834 году произошла встреча – оба поняли, что любовь разгорелась ещё ярче. В память об этой встрече

Алябьев написал романс «Я вас любил...».

И бывают же такие трагические истории со счастливым концом! Алябьеву разрешили жить в имении его родных, а Екатерина в 1839 году овдовела. Возлюбленные обвенчались в 1840 году, через 15 лет после начала пылкого и трагического романа. Екатерина, которая была младше Алябьева на 16 лет, пронесла глубокое чувство и сердечную верность первой любви через всю жизнь. Композитору было разрешено вернуться и в Москву, супруги поселились в доме Екатерины Александровны на Новинском бульваре. Но превратности судьбы следовали одна за другой. В ответ на просьбу об окончательном помиловании Алябьева вдруг взяли да и выслали в Коломну. Его верная Катя поехала за ним. Но вскоре вновь упорно подала прошение о милости императора – и добила своего! Алябьевы вернулись в Москву. Писатель Иван Сергеевич Аксаков видел Алябьева в последние годы жизни и говорил, что «летá и несчастья сделали его добрым и мягким»²...

А кому Пушкин посвятил это горькое стихотворение, исследователи спорят до сих пор. Ведь оно оказалось в альбоме Аннет Олениной. А может быть, оно посвящено Марии Волконской? Или Анне Керн? Загадка.

¹ Кюи Ц. А. Русский романс: очерк его развития: учебное пособие. 3 изд., стереотипное. СПб.: Лань: Планета музыки, 2022. С. 4, 5.

² См. подробно об этом: Евгеньев Сергей // Газета «Вести». 25.08.2024.

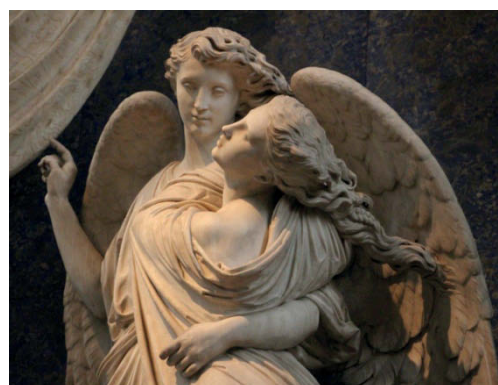
Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Так дай вам Бог любимой быть другим.

Борис Шереметев. Фото

На два года раньше Алябьева, в 1832 году, на эти стихи Пушкина написал романс Александр Даргомыжский. А через четверть века, в 1859 году, – композитор-дилетант Борис Шереметев. Исследователи отмечают, какой музыкальный акцент делает каждый композитор в зависимости от своих эмоций и своей личности. Музыковед Ольга Фишук говорит: В романсе Алябьева предлагается вариант удара на вторую долю такта – «Я **вас** любил», у Шереметева на первую долю такта попадает глагол в прошедшем времени «Я вас **любил**», а у Даргомыжского сильная доля совпадает с местоимением «Я»¹.

Романс «Я вас любил...» на музыку Бориса Сергеевича Шереметева приобрел наибольшую популярность у публики. Его очень любил Александр III, который пережил юношескую трагическую любовь к фрейлине Марии Мещерской и даже подумывал отречься от престола ради женитьбы на ней. Говорят, после ранней смерти бывшей возлюбленной царь хранил в своём письменном столе её туфельку, некогда украденную из комнаты фрейлины. Светлая печаль, которую выразил в музыке Борис Шереметев, связана с его увлечением женой итальянского политика, датской графиней Бертой Мольтке. Мы ничего не знаем об их встречах и расставаниях. Знаем, что графиня была десятью годами младше Шереметева и умерла в 32 года: ангел на надгробном памятнике уносит молодую женщину. Осталось лишь воспоминание одной мемуаристки: «Незадолго до своей смерти Борис Сергеевич вдруг вышел в залу, сел к роялю и заиграл свой романс «Я вас любил...». Все его дети были тут и подхватили мелодию. Я слушала, затаив дыхание. И слова, и музыка были непревзойдённой красоты»².

*Надгробный памятник
графини Берты Мольтке.
Скульптор Джованни Дюпре*

А вот ещё одна история любви. В 1825 году, после восстания декабристов, по приказу императора Николая I Пушкин находится в родовом имении Михайловское. Ему было предписано «жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонравно». Поэт томится и, чтобы развеяться, едет к своим знакомым Осиповым в Тригорское. И там встречается с Анной Керн, которую уже видел в 1819 году и тогда уже был очарован ею. Теперь очарование Керн ещё сильнее действует на Пушкина. В день, когда Анна уезжает, Пушкин дарит ей экземпляр второй главы «Онегина». В его неразрезанных листах Анна Петровна находит стихотворение Пушкина, обращённое к ней: «Я помню чудное мгновенье».

¹ Фишук Ольга. Стилистическая эволюция музыкального языка в романсах А. Алябьева // журнал «Израиль XXI». 2011. № 30.

² Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. М.: Захаров, 2020. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1061624-tatyana-aksakova-sivers-semejnyaya-hronika.html>.

А. А. Керн. Худ. Джордж Дой

Е. Е. Керн. Неизв. худ.

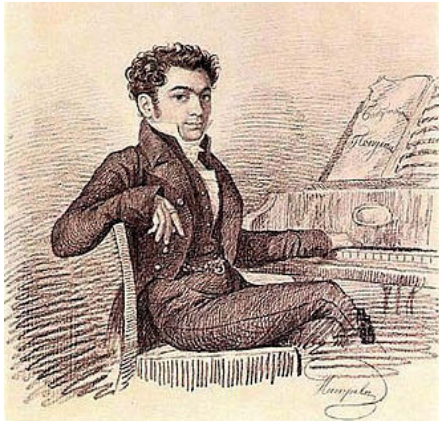
*П. И. Чайковский.
Худ. Николай Кузнецов*

Глинка написал музыку на этот романс после смерти поэта, в 1840 году, и посвятил его дочери Анны Керн Екатерине, в которую был долго и мучительно влюблён. Вот такое совпадение.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

О поэзии Пушкина Пётр Ильич Чайковский сказал в письме к Надежде Филаретовне фон Мекк: «Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в его звуковой последовательности есть что-то, проникающее в самую глубь души. Это и есть музыка»¹. Мы знаем, сколь удачно состоялся союз двух гениев, поэтического и музыкального, в опере: «Пиковая дама» и «Евгений Онегин» не сходят с мировых сцен. А вот романс на стихотворение Пушкина Чайковский написал один. Это «Соловей». Интересно, что Чайковский обращается не к оригинальной лирике, а к переводу Пушкина народной сербской песни из цикла «Песен западных славян», которая называлась «Три большие печали» и которую Пушкин адаптировал к ритмам русского фольклора. В песне с глубокой печалью рассказывается о горе молодца, которого разлучили с красной девицей и рано женили. И жизни себе без любимой молодец не представляет. Напевные интонации, сокрушённые жалобы молодца, звучащие так печально по-народному, видимо, тронули душу Чайковского. Чайковский глубоко изучал русский фольклор, вводил его в музыкальные произведения, умел стилизовать своё творчество в народном ключе. И его восхитила тонкая стилизация Пушкина. Этот романс блестяще исполнял Сергей Лемешев.

¹ Чайковский П. И. Жизнь и творчество композитора. Переписка с Н. Ф. фон Мекк (1877). Письмо от 3 июля 1877. URL: <https://tchaikov.ru/1877-019.html>.

А. Н. Верстовский.
Гравюра Карла Гампельна

А. С. Грибоедов.
Рисунок А. С. Пушкина

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота –
Рано молодца женили;
А вторая-то забота –
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота –
Красну-девицу со мною

Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Вó поле, поле широко,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачёрпнут.

Трагическая роковая любовь, яркие страсти волновали Александра Сергеевича в пору юности. В 1820 году он пишет стихотворение «Чёрная шаль». В этом же году композитор Алексей Верстовский познакомился с Пушкиным. И вскоре была написана драматическая музыка на стихи «Чёрной шали». И получила полное одобрение Пушкина. Позже Верстовский любил сам исполнять «Чёрную шаль» в музыкальных салонах Петербурга. А аккомпанировал ему писатель Грибоедов ¹.

Гляжу, как безумный, на чёрную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;
Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до чёрного дня.
Однажды я созвал весёлых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;
«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».
Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.
Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.
Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдалённый вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.
Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.
Безглавое тело я долго топтал
И молча на деву, бледнея, взирал.
Я помню моления... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!
С главы её мёртвой сняв чёрную шаль,
Отёр я безмолвно кровавую сталь.
Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.
С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю весёлых ночей.
Гляжу, как безумный, на чёрную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

¹ См.: Дементьева Людмила. Музыкальная Пушкиниана. Ч. 1. URL: <https://proza.ru/2019/03/19/1900>.

А. А. Давыдова. Неизв. худ.

Пушкин умел органично вплетать в ткань стихотворений атрибуты иных эпох. В стихотворении «Адель» – весёлая и игривая смесь мифологий. Упоминаются греческие Хариты, богини, которые воплощали доброту, радость и вечную юность. А имя Лель – это имя славянского бога любви, аналог античного Амура. Лель играет на свирели. Свирель – разновидность флейты. На флейте играли божества и греческой, и римской мифологии. А также романтические пастухи и пастушки XVIII века, которые были героями жанра пасторали¹.

В 1820 году Пушкин написал стихотворение «Адель», посвящённое младшей дочери генерала 1812 года Александра Давыдова. На прелестные стихи Пушкина Глинка сочинил романс в 1849 году. Он тонко передал воздушное, полное игры и веселья настроение стиха через танцевальный жанр польки. Любила петь этот романс Нина Дорлиак, а ей аккомпанировал Святослав Рихтер.

Играй, Адель, / Не знай печали; / Хариты, Лель / Тебя венчали / И колыбель / Твою качали;
Твоя весна / Тиха, ясна; / Для наслажденья / Ты рождена; / Час упоенья / Лови, лови!
Младые лета / Отдай любви, / И в шуме света / Люби, Адель, / Мою свирель.

Никто, как Александр Сергеевич Пушкин, не умел раскрыть бурю страстей, бушующих в сердце человека, и мук любви, но никто, как Пушкин, не умел утешить светлым мудрым поэтическим словом. Таково его тёплое, доброе стихотворение «Если жизнь тебя обманет». Всего 26 лет было поэту. Непостижимо его глубокое понимание того, как устроена жизнь. Стихотворение показалось близким Александру Алябьеву. В том же году он пишет романс на эти стихи.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

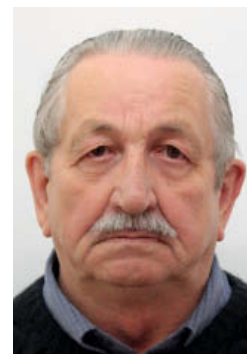
А. С. Пушкин в селе Михайловском. Худ. Николай Ге

¹ Да здравствует солнце! URL: <https://dzen.ru/a/Yp9mgIExvAahEH0o>.

Берега юбилеев

Александр Сидоров

Александр Сидоров – президент Международной академии русской словесности в Австралии, председатель Австралийского отделения Союза писателей России, доктор филологических наук. Публиковался в «Литературной газете», в журналах «Юность», «Австралиада» (Австралия), «Жемчужина» (Австралия). Член ЛИТО города Фрязино (Московская область), «Жемчужное Слово» (Австралия). Автор пяти книг на русском языке: «Библейские мотивы», «Колокол моей жизни» (сборник стихов), «Литературные портреты», «В. Г. Белинский», «Встречался ли Достоевский с Гоголем?..»; автор более 140 статей по истории русской литературы XIX века. Почётный писатель Москвы. Награды: орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль имени И. А. Бунина (за литературные заслуги), орден «В. В. Маяковский» (за литературные заслуги), орден «Святой Анны» (за литературные заслуги). Финалист Московской литературной премии – 2019 в номинации «Публицистика». Номинант литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2018). Участник Московской международной книжной выставки-ярмарки – 2020. Лауреат Международной литературной премии мира в номинации «Поэзия» (2020, 2021).

ПОСВЯЩАЕТСЯ 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Каким же должно быть поэту,
Чтобы сонеты людям сочинять?
Или восстать поэту против «света»?
Или огонь в душе своей унять?

Устать от грязи, бытовщины, гнили,
Нас окружающей и давящей на нас...
И вспомнить всё, вернуться снова к были,
Задуматься, что пыл твой не угас...

Назло врагам, строкою не напрасной,
Согнуть себя на зло врагам не дай,
Весь смысл своей поэзии прекрасной
Отдай ты людям, счастья пожелай...

10.03.2008

А. Г. Сидоров, Сидней, Австралия

Михаил Юрьевич Лермонтов родился 15 октября (нового стиля) 1814 года в Москве, но вскоре его родители и бабушка переехали вместе с ребёнком в имение Тарханы Пензенской губернии, принадлежавшее бабушке поэта Елизавете Алексеевне Арсеньевой. В Тарханах и протекали детские годы Лермонтова.

Мир, любовь и согласие не долго царствовали в семье Лермонтовых. Трудно в точности определить, что было главной причиной семейного разлада. Юрий Петрович, красавец, блондин, сильно нравившийся женщинам, привлекательный в обществе, весёлый собеседник, «bon vivant», по выражению воспитателя Лермонтова Зиновьева, в то же время вспыльчивый до самодурства и грубых, диких проявлений, совершенно выходящих из пределов приличий, тем не менее был человек добрый, мягкий, и крепостные люди отзывались о нём как о барине «очень добром».

Неизвестно, женился ли он на матери Лермонтова по любви или по одному расчёту; опостылела ли она ему вследствие своей крайней болезненности и нервности, или же недоброжелательство тёщи и её властное вмешательство в семейные дела были причиной его охлаждения, но только у Юрия Петровича появилась вскоре новая связь.

«Старожилы, – читаем мы в биографии Лермонтова г. Висковатова, – рассказывают, что между супругами Лермонтовыми произошло недоброе столкновение из-за проживавшей у Юрия Петровича особы и что разгневанный Юрий Петрович весьма грубо обошёлся с женой. Факт этого грубого обращения был последней каплей терпения в супружеской жизни Лермонтовых. Она расстроилась, хотя супруги, избегая открытой распри, по-прежнему оставались жить с бабушкой в Тарханах».

Слабая и болезненная от природы, Марья Михайловна совсем была подкошена охлаждением мужа и ссорой с ним. «Она стала хворать, – читаем мы в биографии г. Висковатова. – В Тарханах долго помнили, как тихая, бледная барыня, сопровождаемая мальчиком-слугою, носившим за нею лекарственные снадобья, переходила от одного крестьянского двора к другому с утешением и помощью, помнили, как возилась она с болезненным сыном. И любовь, и горе выплакала она над его головою. Посадив ребёнка себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно; звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слёзы катились по его личику». Память о матери глубоко запала в чуткую душу мальчика; как сквозь сон грезилась она ему потом. В детстве звуки песни, петой ему матерью, всегда доводили его до слёз; позже он не мог уже вспомнить их слов, но утверждал, что, если бы услышал эту песню, она произвела бы на него прежнее действие.

День ото дня таяла убитая горем женщина. Пока она держалась на ногах, люди видели её ходившей по комнатам господского дома с заложенными назад руками. Трудно ей было напевать обычную песню над колыбелью Миши. Наконец, она слегла в злейшей чахотке. Муж в это время был в Москве. Ему дали знать; он прибыл с доктором, но спасти больную было уже невозможно, и она скончалась на другой день по приезде мужа. Что произошло между Юрием Петровичем и тёщей, неизвестно, но он по смерти жены оставался в Тарханах всего девять дней и затем уехал к себе в Кроптовку, оставив трёхлетнего сына на попечение бабушки. Со смертью дочери вся любовь Елизаветы Алексеевны сосредоточилась на внуке; она не расставалась с ним ни днём ни ночью, он и спал в её комнате; наблюдала за каждым шагом его. Малейшее его нездоровье приводило её в крайнюю тревогу и было таким событием в доме, что даже дворовые девушки освобождались от работ и должны были молиться об исцелении молодого барина. Суровая и строгая ко всем окружающим, бабушка к одному внуку высказывала нежность и доброту, исполняя все его прихоти, ни в чём ему не отказывая и ничего для него не жалея. Положение всеобщего баловня нельзя сказать, чтобы благотворно отражалось на развитии характера ребёнка, развивая в нём деспотические наклонности, необузданное своеволие, привычку ни в чём себе не отказывать, не терпеть ни малейшего отпора своим прихотям и капризам, и даже некоторую жестокость. Так, во втором отрывке из неоконченной повести Лермонтов, описывая детство Саши Арбенина и подразумевая в нём до некоторой степени самого себя, изображает своего героя «преизбалованным и пресвоевольным ребёнком»... «Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презрением улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем природная склонность к разрушению развивалась в нём необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу». Нет сомнения, что теми тяжёлыми, антипатичными чертами характера, которыми впоследствии отличался Лермонтов, он был обязан именно этой вредной системе воспитания, весьма заурядной в дворянских, помещичьих семьях того времени.

Но были в детстве Лермонтова и добрые влияния, до известной степени парализовавшие дурные наклонности и смягчившие его душу. Так, со дня рождения к нему была приставлена бонна-немка, Христина Осиповна Ремер, безотлучно находившаяся при нём. Это была, по словам биографа Лермонтова г. Висковатова, женщина строгих правил, религиозная. Она внушила своему питомцу чувство любви к ближним, не исключая и крепостных. Избави Бог, если кого-либо из дворовых он обзовёт грубым словом или оскорбит. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребёнка

и заставляла его просить прощения у обиженного. Вся дворянство высоко чтила эту женщину; для мальчика же её влияние было как нельзя более благотворно. Вторым смягчающим влиянием была болезненность мальчика. Сам Лермонтов говорит о себе в той же повести и в лице того же Саши Арбенина: «Бог знает, какое направление принял бы его характер, если бы не пришла на помощь корь – болезнь опасная в его возрасте. Его спасли от смерти, но тяжёлый недуг оставил его в совершенном расслаблении; он не мог ходить, не мог поднять ноги. Целых три года оставался он в самом жалком положении, и если бы не получил от природы железного телосложения, то верно отправился бы на тот свет. Болезнь эта оказала влияние на его ум и характер, она научила его думать. Лишённый возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Не даром учат детей, что с огнём играть нельзя. Но, увы, никто и не подозревал в Саше этого скрытого огня, а между тем он охватывал всё существо бедного ребёнка. В продолжении мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привык побеждать страдания тела, увлекаясь грёзами души. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студёных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свист волжской бури». Мечтательность мальчика была ещё более развита немецкими сказками и легендами, которые ему рассказывала Христина Осиповна. Русских сказок он не слышал в детстве, если судить по тому сожалению об этом, которое он впоследствии высказывал в одной из своих записных тетрадей (1830): «Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская, – я не слыхал сказок народных; в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Когда мальчику было 11 лет, в 1825 году, бабушка, беспокоясь о его слабом здоровье, повезла его на Кавказ. Впечатлительный, мечтательный, нервный ребёнок с чрезмерно развитым воображением был сильно потрясён природой Кавказа. Это чувство, чувство первой влюблённости, не покидало его всю его жизнь. Так, пять лет спустя, в 1830 году, вот что писал Лермонтов в своей записной тетради по поводу этих впечатлений:

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! Вы взлелеяли детство моё, вы носили меня на своих одичалых хребтах; облаками меня одевали; вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю о вас да о небе. Престолы природы, с которых, как дым, улетают громовые тучи! Кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновение гордился он ею! Часто во время зари я глядел на снега и далёкие льдины утёсов; они так сияли в лучах восходящего солнца, в розовый блеск одеваясь; между тем, как внизу всё темно, они возвещали прохожему утро... Как я любил твои бури, Кавказ! Те пустынные, громкие бури, которым пещеры, как стражи ночей, отвечают. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое; виноградник, шумящий в ущелье; путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка; неожиданный выстрел, и страх после выстрела... Враг ли коварный, иль просто охотник... Всё, всё в этом крае прекрасно:

Воздух так чист, как молитва ребёнка,
И люди, как вольные птицы, живут беззаботно;
Война их стихия, и в смуглых чертах их душа говорит.
В дымной сакле, землёй иль сухим тростником
Покровенной, таятся их жёны и девы, и чистят оружие,
И шьют серебром, в тишине увядая!..

В то же время потрясённое красотами Кавказа отроческое сердце Лермонтова впервые забилося тогда детской страстью. Вот как он сам описывает эту свою первую, столь преждевременную страсть: «Кто мне поверит, что я знал любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах кавказских: бабушка, тётушка, кузины. К моим кузинам приходила одна дама с дочерью, девочкой лет девяти. Я её видел там. Я не помню, хороша собой была она или нет, но её образ и теперь ещё хранится в голове моей. Он мне любезен, сам не знаю почему. Один раз, я помню, я вбежал в комнату. Она была тут и играла с кузиной в куклы: моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чём ещё не имел понятия, тем не менее это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; с тех пор я ещё не любил так. О, сия минута первого бес-

покойства страстей до могилы будет терзать мой ум. И так рано... Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку, без причины; желал её видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату, не хотел говорить об ней и убегал, слыша её голос (теперь я забыл его), как бы страшась, чтобы биение сердца и дрожащий голос не объяснили другим тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда. И поныне мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросить и меня, как я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу, не поверить в её существование, это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринуждённость – нет, с тех пор я ничего подобного не видел, или это мне кажется, потому что я никогда не любил, как в этот раз. Горы кавказские для меня священны... И так рано! С 10 лет. Эта загадка, этот потерянный рай – до могилы будут терзать мой ум! Иногда мне странно – и я готов смеяться над этой страстью, но чаще – плакать. Говорят (Байрон), что ранняя страсть означает душу, которая будет любить священные искусства. Я думаю, что в такой душе много музыки».

Предвиденье, что до могилы будет терзать ум поэта детская первая страсть, не было экзальтацией. Действительно, образ девушки не оставлял поэта, и когда с Кавказа он вернулся с бабушкой в Тарханы, и пять лет спустя, как мы можем судить об этом по приведенной выписке из его записной тетради 1830 года, и наконец за полтора года до смерти написанное Лермонтовым (1 января 1840 г.) стихотворение:

1840 – 1-е Января
М. Ю. Лермонтов

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей –
Приличьем стянутые маски;

Когда касаются холодных рук моих,
С небрежной смелостью, красавиц городских,
Давно бестрепетные руки –
Наружно погружаясь в блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребёнком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зелёной сетью трав подёрнут спящий пруд,
А за прудом село дымится- и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин-
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне,
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Так свежий островок безвредно средь морей
Цветёт на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнёт мечту мою -
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить весёлость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!

А. Г. Сидоров. Сидней, Австралия

Берега юбилеев

Юрий Москаленко

Юрий Москаленко – писатель, поэт и драматург. Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП) (2014), Почётный член Международной литературной ассоциации «Творческая трибуна» (2023). Лауреат Всероссийского конкурса «Экология России – 2008», лауреат Международного «Конкурса без границ» (2011, 2016), Международного литературного фестиваля «Балтийский Гамаюн», Международного литературного конкурса «Ты сердца не жалея поэт» (2019, 2020). Победитель конкурса Фридриха фон Шиллера (2024). Обладатель Гран-при конкурса «Памяти павших во имя живых», посвящённого 80-летию освобождения Белоруссии. Участник Мирового экономического форума «Восточный Давос» (2011, 2012, 2013). Один из авторов «Антологии русской поэзии Литвы» (2019). Публиковался в США, Великобритании, Германии, Канаде, Израиле, во многих европейских странах. Книга «Янтарный край российского эфира» (2008) находится в библиотечных фондах ведущих университетов мира. Автор шести поэтических сборников, нескольких повестей, двух мюзиклов и четырёх современных романов, посвящённых проблемам семьи и воспитания подрастающего поколения.

КОЛОДЕЦ

Повесть

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Забережница, Лельчицкий район. 5 августа 1940 года

Как ни старался Степан передвигаться беззвучно, но бусел с крыши stodoly его разглядел, пронзительно защёлкал клювом...

– Цыц, леший, – прикрикнул на птицу Степан. – Всех в хате перебудишь...

Солнце только-только карабкалось по стройным стволам сосен в дальнем лесу, разливая над их верхушками с каждой минутой густеющее оранжевое зарево.

Мужчина бесшумно открыл двери, увидел на столе в сенях крынку, накрытую чистой хустиной, жадно припал губами к чуть потрескавшейся по краям глиняной посуде и не прекратил своего занятия, пока не выпил молоко вечерней дойки до донышка. Утёр тыльной стороной губы и осторожно заглянул в комнату.

Дети спали, а Антонида, чей сон был очень чуток, чуть приподнялась на локте:

– Стёпа, ты?

– Я, я, кому ж ещё быть в такую пору. Спи давай. И у меня есть пара-тройка часов, чтобы вздремнуть.

– Спи, – прошептала жена. – Вечером заглядывала к нам мама Олена, попросила тебя сегодня подъехать к ней на поле...

Эти слова прошли «по касательной», – едва измождённый муж коснулся подушки, он уже крепко спал...

* * *

Утром, затягивая потуже портупеей свою милицейскую форму, которая сидела на нём ладно, Степан перехватил вопросительный взгляд Антониды.

– Чего ты?!

Она глаз не отвела:

– Всё недосуг тебе сказать. Кажется, ближе к февралю будет у нас пятый ребёнок...

Муж радостно подскочил к ней, порывисто обнял, погладил по белёсым волосам и счастливо выдохнул:

– Так ведь это здорово!

– Да, – улыбнулась молодая женщина, – вот только ты дома всё реже и реже бываешь... Теперь вот до утра пропадаешь...

Степан разжал объятия. Пригладил возле маленького зеркала вихор и улыбнулся:

– Сегодня обещаю: остаюсь дома. Испеки пирог. Мой любимый...

– С капустой, – добавила Антонида. – Беги уж, вечером обо всём наговоримся...

* * *

Поле, на котором трудилась мама Олена, находилось километрах в пяти от Забережницы, так что Степан, выкроив полчаса из своего напряжённого графика, помчался туда верхом.

Олена была старшей из их большой семьи в одиннадцать душ. Ей шёл сорок первый год. Именно на неё были оформлены и земельные участки, и хаты, которые братья строили всем миром, когда кто-то из них собирался жениться. В Буйновичах, в сельсовете, находились необходимые документы, согласно которым старшая сестра числилась владелицей нескольких участков и жилых помещений. Ни дать ни взять – кулачище! Об этом и «сигнализовали» соседки, которые жили бедно, потому что работать не любили, зато семечки на завалинках щёлкали будь здоров...

Несколько лет назад Степан вот так же примчался к сестре в поле и выпалил:

– Собирайся! Завтра приедут милиционеры из Лельниц тебя раскулачивать. Садись за мной, и рысью в Буйновичи. Документы на всех выправим, иначе ты – первостатейный кулак.

С документами управились за пару часов, а когда вернулись в Забережницу, к хате Олены, то первым делом увидели на крыльце её плачущую дочь Ганку.

– Там налетели вороньём соседки, перевернули хату вверх дном – гребут всё подряд.

Барановские забежали в комнату.

Кто-то из молодых баб примерял юбки, другие, нахлобучив хустки, крутились, отталкивая друг друга, у зеркала.

– Стоять! – гаркнул Степан, выгребая из кобуры здоровенный маузер. – Сейчас устрою здесь порядок. Складывай всё на место!

– А ты не очень-то кричи! – зыркнула на него бойкая Степанида. – Кулачье покрываешь? Ничего, и на тебя управу найдём.

Но спидныцю послушно стащила и кинула её в скрынку.

...Тогда от Олены на следующий день отстали.

Для чего она позвала в этот раз?!

* * *

Когда они встретились и присели в тени большого дерева, сестра, пристально глядя в глаза брату, неожиданно спросила:

– Как ты думаешь, Стёпа, война будет?

Он попробовал отшутиться:

– Единственное, о чём я знаю точно, так это то, что в пятый раз стану отцом.

– Да ну тебя, – рассмеялась сестра. – Что-то вы очень прыткие с Тонечкой, никак угомониться не можете...

Они замолчали.

Потом она вздохнула:

– Что-то тревожно у меня на душе. Часто ночью просыпаюсь от самолётного гула. Не наш он, самолёт, немецкий. Такое ощущение, что кружит на одном месте, что-то выискивает... А вдруг парашютистов сбросит? Что тогда?

Конечно, Степан многое мог бы порассказать сестре. О своих ночных дежурствах, когда милиционеры Лельницкого райотдела несколько раз в неделю отправляются в ночь прочёсывать окрестные леса. Пытаются отыскать вражеские диверсионные группы.

А в последнее время вражеская агентура резко активизировалась. Кто мог узнать, что 30 июля в Мозырь придут части 75-й стрелковой дивизии? Но подъездные пути к станции Мозырь попытались взорвать. Путь обходчик заметил на насыпи двоих мужчин с рюкзаками за плечами, которые тихо переговаривались по-немецки.

Благо обходчик был из местных, рванул через лес, а через четверть часа на дрезине прибыли милиционеры, спугнули диверсантов. Но их так пока и не нашли.

И вообще многовато в последнее время в Полесье стало появляться незнакомых людей. В их многолюдных местах чужака видно за версту. Это только так кажется, что в том же Мозыре трудно ориентироваться. Но город, как и лес, – только замечай незначительные детали. У каждого магазина есть свои глаза и уши. Пришёл кто-то незнакомый за спичками, солью, консервами, а продавщица тут же знает: не нашенький. И говор у него не местный, и держится настороженно.

Не будешь рассказывать и о том, что иной раз на рассвете весь их офицерский состав совершает марш-бросок на несколько десятков километров в лесные чащи. В самых непроходимых местах оборудуют партизанские базы, закладывают оружие, боеприпасы, продовольствие, учатся ориентироваться на незнакомой местности.

Будет ли война – не будет, а лучше, чтобы всё под рукой было на всякий пожарный.

Трудно допустить мысль, что гитлеровцы когда-то до Гомельской области дойдут, но приготовления излишними не будут.

...Его молчание сестра поняла правильно. Врать не приучен, а правду открыть даже перед самым близким человеком не станет. Есть такое понятие, как служебная тайна.

– Пока ты неизвестно где мотаешься, в Забережницу вернулся Иван Магдыч. Два года в Ленинграде пропал, у отца. А мать у него забережницкая. Ты бы аккуратно расспросил Ваньку, что он сейчас за птица. Я не случайно интересуюсь – у Ганки при его виде кровь к щекам приливает, видно, запала девка, Магдыч-то парень смекалистый, видный. Может, и родственниками станем, как знать? А вдруг он перековался? Сколько врагов советской власти пару лет назад посадили? И особенно в Ленинграде...

– Ладно, порасспрошу, – кивнул Степан, вскочил на коня, и поминай как звали...

Мозырь. 23 июля 1941 года

Война подкрадывалась к Полесью исподволь, боевые действия в районе Мозыря развернулись не сразу. С одной стороны, этот край лежит немного в стороне от стратегических дорог, по которым накатывали на Белоруссию и далее на Смоленск и Москву немецкие танковые клинья. С другой – до поры до времени у гитлеровцев «работала» цепкая генетическая память: именно в районе Пинских болот в годы Первой мировой бесславно закончили свой поход немецкие войска.

Но первый авианалёт на Лельчицы случился уже в понедельник, 23 июня. На посёлок было сброшено девять бомб, но «бомбёров» люфтваффе спугнули советские «ястребки», так что смертоносный груз упал в поле.

Мозырь тоже пытались бомбить – возвращающиеся из пионерского лагеря дети то и дело были вынуждены «нырять» в лес из-за налётов.

А в Забережнице в первые дни войны проводили на фронт мужчин. Одним из первых был призван муж Олены Владимировны – Лукьян Зухта. А уже через несколько дней ей сообщили – ваш муж пропал без вести.

– Как он мог пропасть, если он был двухметровым великаном? – спорила Олена. – Его за версту видно было!

Но погиб ли Лукьян, или попал в плен, так никто и не узнал.

Спустя неделю после начала войны вышла специальная директива Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) о разворачивании всенародной борьбы с врагом на оккупированной им территории, а 18 июля было принято специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск».

Через пять дней, на 23 июля 1941 года, в Мозыре было назначено заседание бюро Полесского обкома партии, на которое приехали секретари ЦК компартии Белоруссии Владимир Ванев и Василий Власов.

На заседание был приглашён и Степан Барановский как человек, которому было поручено формирование одного из партизанских отрядов Лельчицкой бригады.

...Степану понравились оба представителя: волевые, решительные, конкретные. Без суеты, но тщательно проработали мелкие детали создания партизанских бригад.

Но особое впечатление произвёл представитель одного из первых белорусских партизанских отрядов «Красный Октябрь» Тихон Бумажков.

– Вначале нас собралось около восьмидесяти человек. Сразу же разбились на отделения, взводы и приступили к занятиям. Учились маскировке, умению владеть оружием, «чтению» топографических карт, сапёрному делу. Достали аммонал и заминировали мосты через Птичь, на берегу вырыли цепи окопов. Параллельно заготовили сотни бутылок с горючим, на случай прорыва танков.

Однажды разведка доложила: фашисты свернули с Варшавского шоссе, заняли Глуск и направляются в нашу сторону. К моменту их появления, 8 июля, группа наших бойцов с Тихоном Бумажковым подорвала мосты и из засады ударила по фашистам.

Тренировки не прошли даром – партизаны забрасывали танки бутылками с горючим, поливали авангардный отряд свинцом из винтовок и пулемётов. Во время боя гитлеровцы потеряли 15 танков, несколько десятков убитыми и были вынуждены развернуться и откатиться назад.

Так что, братья, могу засвидетельствовать – горят хваленые немецкие танки, ничего они не могут против нас! Оголтелым гитлеровским бандитам не сломить нашего боевого духа. И не уйти фашистам от народной мести!

Эти слова потонули в рукоплесканиях.

А после совещания к Степану подошёл один из представителей партизанского движения:

– Вы, товарищ Барановский? Хочу сообщить хорошую новость – к вам в отряд назначен Иван Магдыч. Очень молодой, но опытный подпольщик. До войны окончил спецшколу НКВД в Ленинграде. Отличный сапёр, а ещё бегло владеет немецким языком. Так что всегда пригодится. Знаете такого?

– Ивана-то? Конечно, знаю. А мне он рассказывал, что работал токарем на заводе.

– И токарем был, до спецшколы. Да вы не волнуйтесь, очень надёжный товарищ...

Только с 28 по 31 июля 1941 года в Лельчицком отряде было подготовлено 15 подрывников...

Буйновичи, Полесье. 20 ноября 1942 года

Гитлеровцы не чувствовали себя в Полесье хозяевами. Даже несмотря на то, что часть отщепенцев пошли к ним на службу. И из кожи вон лезли, чтобы выслужиться.

Партизаны, хотя и находились в лесах, но часто совершали вылазки, чтобы не давать спокойной жизни ни гитлеровцам, ни их прислужникам.

...Забережница находилась в стороне от больших дорог, в неё вела только просёлочная дорожка, но даже в небольшой, в 68 дворов, деревушке жил назначенный оккупантами староста, который должен был докладывать начальству о каждом появлении партизан или их связных.

Степан и его люди заглядывали в родную деревню чаще всего ночами, да и то нечасто. А за час до рассвета снова уходили в лес.

Барановский приходил после того, как заснут детишки, он не хотел, чтобы потом кто-то из них похвастался на улице, что приходил папка...

Куда чаще в отряде бывала Олена Владимировна. Она стирала бельё, готовила пищу, но тоже не могла оставаться дольше одного-двух дней, чтобы не вызывать подозрения у старосты.

Зато заневестившаяся Ганка уговаривала маму как можно чаще разрешать ей бегать на базу. Смекалистая Олена прекрасно понимала, каким мёдом «намазана» партизанская стоянка, – она всё больше тосковала об Иване, и он, кажется, был к ней равнодушен.

– Смотри у меня, не принеси мне в подоле, – увещевала она дочь. – Война на дворе, вот закончится, тогда и крути амуры с Ванькой. А то не дай бог забеременеешь, и что тогда? Не убежать от фашистов с пuzом-то...

В середине ноября 1942 года партизанский «телеграф» доложил, что в направлении Мозыря и Лельчиц движется огромная народная сила – соединение прославленного командира Сидора Ковпака.

Партизаны передвигаются скрытно, не ввязываются в бой, чтобы раньше времени не переполошить гитлеровцев. Вот и Мозырь решили обойти без единого выстрела.

А Буйновичи миновать неслышно не получилась. 19 ноября разведчики доложили, что в деревне гитлеровцы собрали несколько десятков тонн зерна, соль, овощи и приготовили всё это к вывозу в Германию.

Степана Барановского попросили подойти в штаб соединения Сидора Ковпака.

– Говорят, вы местный? – поинтересовался один из его заместителей.

– Я тут каждую тропку знаю, – подтвердил тот.

– Значит, пойдёте в наших первых рядах, покажете, что к чему.

– На Буйновичи нужно нападать с умом, – заметил Степан. – Они хорошо укреплены – с каждой стороны по доту, крупнокалиберными пулемётами ведут кинжальный огонь. Так что много ребят можно положить.

– И что вы предлагаете?

– Эх, нам бы пушечку-другую. Хотя бы сорокапятку противотанковую.

– Таких пушек и на фронте ещё не очень много. Но у нас есть кое-что лучше – 76-миллиметровые дивизионные пушки...

– Откуда? Неужели у немцев отбили?

– Как бы не так! Нам их с транспортников сбросили на Брянщине, когда мы в этот рейд собирались. Вы знаете расположение дотов?

– Конечно! Я могу их вашим артиллеристам на карте показать...

– Тем лучше. А ещё какие-то укрепления имеются?

– Да, управа бургомистра. Её с вышек с пулемётами охраняют...

– Вот заодно с дотами и покажете.

Пушки ударили одновременно по всем пяти целям. Гитлеровцы ничего не могли понять. Однако сумели поджечь склады с зерном.

Но партизанский натиск был такой стремительный, что им удалось организовать вынос зерна из горящих помещений. Всего было спасено около 45 тонн зерна, тонна соли, овощи.

Партизаны взяли 10 тонн зерна, а остальные съестные запасы Степан со своими людьми раздали по деревням местным жителям.

Поучаствовал Степан и в операции «Лельчицкие Канны», когда вывел ковпаковцев к Лельчицам, где располагался внушительный гарнизон – более полутысячи гитлеровцев, полицаев и латышских коллаборационистов.

И здесь пушечки пригодились и спели «погребальную» песню для оккупантов. Из всех захватчиков только полусотня человек во главе с гебитскомиссаром успела выскочить, но две трети из них навечно остались в полесских лесах, уничтоженные партизанскими засадами.

А потом ковпаковцы задержались на месяц в селе Глушковичи. Это было самое счастливое время для Барановского. Каждый день слушали сводки Совинформбюро, в полевой типографии распечатывали их для того, чтобы раздать населению. Время было напряжённое, в полном разгаре была Сталинградская битва, но партизаны твёрдо верили – твердыню на Волге гитлеровцам взять не под силу...

К весне следующего, 1943 года сразу 14 районов Белоруссии и Украины стали партизанской зоной, где действовала советская власть. Захватчики держали в городах и больших сёлах гарнизоны, но в лес сунуться боялись.

Полесье. 25 июня 1943 года

В январе 1943 года гитлеровцы начали подготовку к операции «Цитадель». Наша разведка сумела взломать секретные коды Третьего рейха, и уже 12 апреля на стол Иосифа Сталина лёг документ, в котором с немецкой педантичностью, по пунктам, были расписаны все детали предстоящего наступления.

Одним из подготовительных этапов стала зачистка белорусских лесов от партизанских отрядов – иметь вооружённую силу сопротивления в своём глубоком тылу гитлеровцы явно не хотели.

За Полесье отвечала 8-я кавалерийская дивизия СС, которой командовал бригаденфюрер СС (генерал-майор Ваффен СС) Вальтер Диттрих. В его распоряжении были три кавалерийских полка, артиллерийский полк, истребительно-противотанковый и разведывательный (танковый) батальоны и многое другое. Личный состав дивизии насчитывал от 12 до 15 тысяч человек.

И эта грозная армада двинулась в том числе и на Лельчицкий район.

Наступление началось 25 июня 1943 года.

Партизаны умело маневрировали в ставших родными лесах, сбивали фашистов со следа, заманивали их в болота, но силы были неравны.

Уже спустя несколько дней партизанский отряд Степана Барановского принял свой последний бой.

Забережница. Июль 1943 года

В этот день у Олены Владимировны было очень беспокойно на душе. Её тревожила постоянная канонада и грохот стрелковых боёв.

Как вдруг в деревне появилась партизанская связная. Едва отдышавшись, она выпалила: «Фашисты разгромили наш отряд. Степан Владимирович с двумя братьями раненый был схвачен. Среди немцев я заметила старосту Забережницы. Наверняка он приведёт гитлеровцев сюда. Собирайте всех, кого можете, и бегите в лес».

Кликнув Ганку, мать поручила ей забежать к тем, чьи мужья, отцы и братья партизанили, а сама помчалась к Антониде.

У той, как на грех, трое малышей только заснули, а ещё двое от страха так уцепились за мамкин подол, что их невозможно было оторвать.

Здесь же она встретила свою 70-летнюю тётку Меланью.

– Беги, Оленка, а мы тут останемся. Не тронут же ироды малолетних ребят и старуху.

– Собирайтесь! – прикрикнула на них «старшая мама».

– Нет, мы никуда не побежим, – твёрдо сказала Антонида. – Не хочется ребят будить.

Спорить было некогда – гитлеровцы с полициями могли нагрянуть в любую минуту...

Менее чем через четверть часа из леса раздался треск сухих сучьев, шум, и в деревне появились немцы.

Полдюжины полицаяв толкали воронёными стволами винтовок в спины всех троих Барановских.

Антонида, увидев окровавленного Степана, вскрикнула и бросилась было к нему.

Но один из полицаяв с короткого размаха ударил её прикладом в грудь, и молодая женщина рухнула на землю...

– А, не успела сбежать, партизанское семя! – обрадовался староста, увидев её. – Значит, такая твоя судьба – помереть в один день с мужем и своим выводком...

Возле деревенского колодца полицаи быстро соорудили три виселицы. У Антонида отняли детей, а саму её связали. Причитания бабки Меланьи только раззадорили полицаяв.

– Цыц, старая ведьма, – прикрикнул на неё на ломаном русском языке со страшным акцентом рослый рыжий детина. – Ещё слово скажешь – отрежу поганый твой язык...

Меланья приумолкла. Но ненадолго. Увидев, что внучатых племянников подтащили к смолистой перекладине и накидывают верёвки, она не удержалась:

– Что ж вы делаете, ироды?! Душегубы!

Детина молча подошёл к ней, вытащил большой тесак, пригнул сухонькую старушку к земле. На солнце сверкнула сталь, а из бабушкиного рта фонтаном брызнула кровь.

...Убедившись, что все трое казнённых не подают признаков жизни, упыри из зондеркоманды срезали верёвки, а тела Барановских отправили в колодец.

– Попейте теперь водички, партизанское отродье, – веселился староста. – А сейчас, дорогие зрители, – обратился он к немногочисленным свидетелям казни, – вы увидите невероятное зрелище!

Упыри между тем вытащили на площадку перед колодцем всех пятерых детей Степана и Антонида. Малыши вопили от страха, цеплялись тонкими ручонками за ноги мучителей, а те только гоготали.

Теперь они не говорили по-русски, а перешли на свой родной, состоящий из смеси украинских и польских слов язык.

Примкнули к винтовкам штык-ножи и шагнули к детям.

Первым делом выкололи малышам глаза, а потом кромсали горячей от крови сталью детские тела.

Покончив с этим, они сбросили бездыханные растерзанные останки в колодезь.

К тому времени Антонида уже обезумела от ужаса и острой материнской боли. Но на неё плеснули два ведра воды, вытащенной из колодца. Она была чуть розовой от детской крови.

Над молодой женщиной издевались долго и изощрённо.

Наконец затихла и она.

После этого всех свидетелей расстреляли...

А из лесу за этими злодеяниями наблюдал подросток, который вскарабкался на дерево и занемел от леденящего кошмара.

Он почти невидящим взором механически следил за тем, как нелюди обходят хаты и поджигают их...

Уже в лесу, под вечер, беглецы увидели, как над лесом поднимаются языки пламени – то горела Забережница.

Бремен, Северо-Запад Германии. 5 июля 1944 года

Иван Магдыч чудом избежал гибели в том бою, когда был разгромлен отряд. Вместе со своими друзьями – Колей и Гришей – он отправился в разведку, чтобы пометить, где именно гитлеровцы возводят временные переправы, – обычные мосты с потоком эшелонов с техникой уже не справлялись. А часть боеприпасов приходилось переправлять по понтонам.

К партизанской базе они подошли затемно. И очень удивились, что их не встретил обычный для их повседневной жизни пикет.

Насторожились. Решили подходить с трёх сторон, разбившись по одному.

Недалеко от штаба, на полянке, слышали гортанную немецкую речь. Фашисты оставили здесь небольшой отряд, но в лес не совались.

Иван с друзьями обошёл базу и решил пробиваться к соседнему отряду. Они и предположить не могли, насколько широкой была полоса наступления карателей.

Только спустя несколько недель они узнали о гибели отряда, о том, что Забережница почти полностью сожжена, но те, кто уцелел, вернулись на пожарище, вырыли землянки и готовятся к зиме.

Рассказала ему об этом Ганка, которая чудом его разыскала. На одной из лесных полянок в начале октября они и стали мужем и женой. Поклялись любить друг друга до гробовой доски.

По первому снегу решили заглянуть в родную деревню. Дом Магдычей стоял на отшибе, и огонь до него не добрался.

Мать очень обрадовалась Ивану, накормила его тем, что было дома, а спать предложила на чердаке.

– Если немцы сунутся, с него легче убежать.

Стук в дверь раздался на рассвете.

Иван выглянул в окошко и обомлел. Вокруг дома на белом снегу чернели шинели и бушлаты полицаев. Оказалось, что его случайно заметила дочь старосты и сразу сказала об этом отцу.

Утром оказалось, что это была не случайная облава. Практически всех жителей Забережницы погрузили на грузовики и отправили на станцию Мозырь, где формировался эшелон для отправки в Германию.

В пути Ганка и созналась Ивану, что ждёт от него ребёнка...

Их привезли в Бремен, где их дороги разошлись.

Будущей матери повезло чуть больше. Однажды симпатичную девушку отобрал для своего поместья пожилой бюргер. Для начала немка, которая варила нехитрые обеды для работников-узников, поставила перед ней алюминиевую тарелку с картофельными очистками и на ломаном русском языке приказала:

– Из этого нужно накормить восемь человек... Белорусские девушки могут приготовить из этого обед из трёх блюд – голь на выдумки хитра.

Немка с брезгливостью откусила кусочек оладушка, в который Ганка добавила брюкву.

– О, вкусно! – удивилась кухарка. – Я скажу хозяину, чтобы оставил тебя на кухне.

Этим Ганка и спаслась...

А 5 июля 1944 года она родила худенькую, но крепенькую девочку.

Вместе с Оленой Владимировной решили назвать малышку Тонечкой. Только не Антониной, а просто Антониной. Чтобы не повторила горькую судьбу своей родственницы.

– И чтобы, когда вырастет, обязательно пятерых родила, – полупопросила, полуутвердила новоиспечённая бабушка.

...Бои за Бремен продолжались две недели – с 13 по 26 апреля 1945 года. Город был занят англо-американскими войсками, но в концлагерь, куда временно переместили Олену Владимировну, её дочь и сына, внучку, первыми прибыли американцы. Уговаривали узников из Белоруссии отправиться за океан. В этом был свой резон – пережившие муки ада люди скорее дадут согласие пополнить рабочую силу в США.

Но гордая Олена оказалась непреклонной – едем на Родину.

Посёлок Кляйн-Гни, Калининградская область. Октябрь 1946 года

В середине 1946 года в Забережницу на имя Анны Зухты пришло письмо из проверочно-фильтрационного лагеря. Ганка вскрыла конверт и вспыхнула от радости. Листок не был исписан даже до половины, но это был почерк Ивана.

Он сообщал, что проходит проверку в данном лагере, что она через два-три месяца закончится, так что она может приехать к нему для того, чтобы повидаться.

Первый послевоенный год выдался ужасно тяжёлым. Неурожай не позволил жить вдосталь, голод стоял страшный. Жили они в той же самой землянке, которую оставили осенью 1943 года – сырость и вечный холод не лучшим образом отражались на здоровье малышки Тонечки, она часто хворала.

Нужно было искать новой доли, куда-то перебираться.

А тут приехали вербовщики из недавно образованной Калининградской области, сулят золотые горы. Но ехать туда Олена Владимировна побаивается, там же недобитые немцы, мало ли что... Вдруг обратно потребуют свои земли?

Обо всём этом Ганка скороговоркой выпалила при первой встрече с Иваном.

– Как ты думаешь, стоит ли ехать?

– Я думаю, ехать надо – хуже всё равно не будет. А как только меня выпустят – я к вам присоединюсь...

В середине октября вагон с переселенцами из Мозырского и Лельчицкого районов отправился в сторону Минска. Там к нему присоединили ещё несколько вагонов с такими же добровольными переселенцами, и эшелон отправился в самую молодую советскую область.

Ещё на станции отправления людям выдали продукты из расчёта на неделю – ехать было веселее. Несколько вагонов были предназначены для сельскохозяйственных животных, у кого-то были телята, поросята, куры, гуси, утки.

Но всё богатство Олены Владимировны и Ганки были их дети – её младший брат Иван и дочь Тонечка.

– Ничего, – успокаивала молодую женщину мать. – Наживём ещё барахла. Скрынек не хватит, чтобы складывать...

Где-то под Каунасом эшелон обстреляли «лесные братья». Слава богу, никто не пострадал, отряды НКВД, охранявшие железную дорогу, быстро связали эту группу боем и рассеяли по лесу.

К исходу восьмых суток прибыли на станцию Кляйн-Гни.

– Станция Березань, кому надо – вылезай! – весело крикнул начальник эшелона. Здесь выгружаются представители Полесской области. Занимайте пустые дома и обживайтесь.

Станция была маленькая, но что сразу бросилось в глаза – большие часы, которые исправно показывали время.

– Вот это жила немчура, – с завистью произнёс кто-то. – Как вы говорите, эта станция называется? Начальник повторил.

– Тьфу на это название, – заявила Олена Владимировна. – Язык сломаешь.

– Товарищи! – громко обратилась она к приезжим. – Никто не будет возражать, если мы назовём её Мозырем? Из Мозыря уехали, в Мозырь приехали!

Так в Калининградской области и появился посёлок Мозырь.

Вскоре к своей семье присоединился и Иван Магдыч.

Помимо денег им выдали главную кормилицу – корову...

И зажили они бедно и счастливо...

Через некоторое время в семье Магдычей родился второй ребёнок, третий, четвёртый. Всего у них было восемь ребятишек. Да ещё шесть появилось у брата Ивана.

Через два десятка лет Олена Владимировна стала четырнадцатикратной бабушкой.

Забережница. Июль 1953 года

В десятую годовщину со дня партизанской трагедии бабушка взяла свою старшую внучку Тонечку и отправилась в Забережницу. Первым делом привела её к деревенскому колодцу, где каратели расправились с местными жителями. Простояли здесь часа два.

Девочка с замиранием сердца слушала ужасную историю, а потом спросила:

– Меня в честь тёти Тони называли?

– Да, деточка, – подтвердила Олена Владимировна.

В Забережнице остался жить один из двоюродных братьев Анны Лукьяновны – дядя Йося. Их встретили хлебосольно. А Тонечка смеялась, слыша белорусскую речь – в их семье все разговаривали только по-русски.

С той поры бабушка обязательно каждый год брала кого-то из внуков и привозила в Забережницу, к сакральному колодцу.

Так продолжалось до самой её смерти...

Посёлок Зори, Калининградская область. 5 июля 2024 года

Нет уже на свете ни Олены Владимировны, ни Анны Лукьяновны.

Тонечка давно повзрослела и «выполнила» наказ покойной бабушки – родила пятерых детей.

Вот только внуков у неё в два раза меньше, чем у старейшины рода.

Было семь, осталось – шесть. 27-летний внук Сергей Степанчук, капитан-пограничник погиб на иранско-армянской границе, отражая вооружённый налёт группы наркоторговцев.

Да одного из сыновей – Олега, инспектора автоинспекции, доконала травма, полученная при исполнении служебных обязанностей.

3 июля 2024 года Республика Беларусь отметила 80-ю годовщину независимости, а спустя два дня такую же дату отпраздновала и Антонина Ивановна, теперь Чечулинская.

Её младший сын Володя сражается в зоне специальной военной операции.

На юбилей приехал и радостно сообщил, что его представили к Георгиевскому кресту, представление уже прошло все инстанции и через некоторое время он станет орденоносцем.

Жизнь продолжается...

Берега истории

Роксолана Жигón

Роксолана Юрьевна Жигón – к.э.н., д.п.н., политолог, эксперт в сфере международных отношений и дипломатии, публицист, поэт, педагог, президент и основатель культурного объединения АРФАИМ «Новое Просвещение». diplomatrz@mail.ru

МАСОНСТВО И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ. Н. И. НОВИКОВ

*Храня священные законы,
Направьте вы в него свой путь;
Прейдёте путь сей без препоны:
Я вашу защищаю грудь.
Глядите в путь и научайтесь,
Противу злобы ополчайтесь,
Спешите вы торжествовать!*

Майков В. И. Ода ищущим мудрости
(из масонской поэзии XVIII века)

Масонство и Просвещение: общие истоки

Впервые термин «**Просвещение**» был введён в научный оборот немецким философом **Иммануилом Кантом** в 1784 году. В XX веке большая часть учёных трактовала Просвещение как антифеодальное идейное течение. Однако подобная характеристика вряд ли может быть оправдана применительно к просветительскому движению в Англии, где ко времени его распространения актуальность борьбы с феодализмом уже сошла на нет. Скорее, Просвещение можно рассматривать как идейно-культурное движение мирового масштаба и долговременного значения, сформировавшееся в Европе, и в первую очередь в Англии, в XVIII веке. Несмотря на то что большинство современных историков склонны трактовать Просвещение как «**систему**

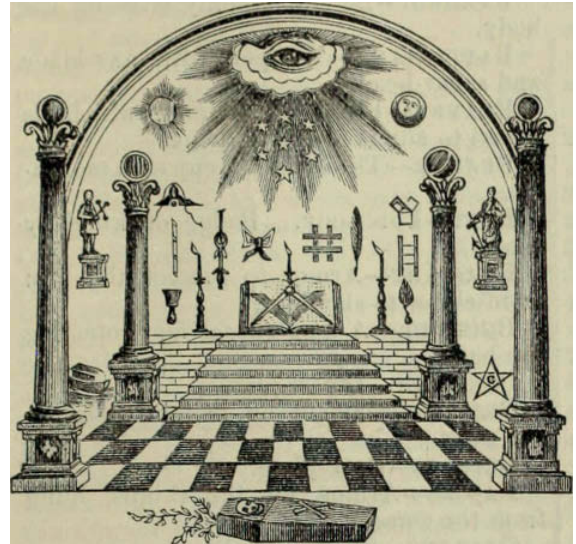
социально невоплощённых идей», далеко не все просветители Англии были утопистами. Многие из них отличались оптимизмом и утилитаризмом, утверждая в идеях Просвещения зерно рационализма и свободы разума.

***Просвещение** – это великое пробуждение духа, сформировавшее единую и уникальную в своём роде систему мышления, занимавшую главенствующее место в интеллектуальной жизни европейского общества в XVII–XVIII веках.*

В зарубежной историографии относительно периодизации просветительского движения не существует единого мнения. На взгляд **Д. Мильборна**, «*Век разума*» продлился сто лет, начавшись в «позднем Ренессансе» в 1650 году, а завершился вместе с «закатом» Августинского века, в 1750 году.

Немецкий философ **Фритц Хейнеман** (1889–1970) раздвигал хронологические рамки движения более широко, полагая, что оно пережило в своём развитии четыре периода. Первый период автор

относил к концу Средних веков, времени, когда боролись за свободу **Коперник, Джордано Бруно, Галилей, Макиавелли, Спиноза, Бойль и Локк**. Во второй период (первая половина XVIII века) возникают отдельные кружки, представленные, главным образом, аристократами, наподобие «свободомыслящих», деистов, пантеистов, франкмасонов, которые придерживались определённых взглядов, однако не пытались просвещать низшие слои населения. На третьей стадии движение становится «энциклопедическим», «пропагандистским», «общественным». Буржуазия признала лозунги этого движения и попыталась претворить их в жизнь. Наконец, на четвёртой стадии движение достигло пролетариата. Его главными представителями стали Л. Фейербах, К. Маркс и Ф. Энгельс.

Несмотря на стройность логики, концепция Хейнемана предстаёт спорной, вызывая сомнение в правомерности подобного расширения хронологических границ. Более того, каждый из вышеперечисленных историков вкладывал своё понимание понятия «Просвещение». Для большинства оно являло собой интеллектуальное антифеодальное движение в переходную от феодализма к капитализму эпоху, границы которого очерчивались последними десятилетиями XVIII века (Славная революция 1688–1689 годов в Англии и её законодательство; выход в свет трудов *Джона Локка «Два трактата о государстве»* и *Исаака Ньютона «Закон о гравитационном притяжении»*) и концом XVIII столетия. Однако если усматривать в Просвещении просветительство, при котором приоритетом является распространение знаний и образования в народе, тогда хронологическая классификация Хейнемана представляется оправданной.

Более того, необходимо отметить, что, став колыбелью европейского Просвещения и принеся на своих крыльях его ключевые идеи: гарантию личной безопасности, усилившуюся роль парламента в политике, принцип веротерпимости, свободу мнений и суждений, Англия шла первой не только в формировании нового миропонимания и общественного устройства, но и масонства как альтернативной общественной идеологии, объединившей лучшие интеллектуальные силы Европы.

Масонство и Просвещение в России

Масонство зародилось в Западной Европе на рубеже XVII–XVIII веков, и его можно смело назвать одним из важных компонентов эпохи Просвещения. После «Славной революции» в Англии (1688) масонство «выплеснулось» на континент вместе с волной якобитов. XVIII век стал временем распространения масонства в Европе, в это время был создан целый ряд масонских систем. Членами лож были ярчайшие деятели эпохи Просвещения – Вольтер, Руссо, Дидро, Моцарт, Вашингтон, Франклин, Фридрих Великий. Последнее имя вошло в ритуалы *«Древнего и принятого шотландского устава»* и одновременно стало характерным примером политики *«просвещённого абсолютизма»*.

В конце XVIII века в Европе издавались труды, приписывавшие Просветителям организацию масонского заговора и Великую французскую революцию. Ярким примером такой литературы являлись книги французского историка, аббата **Огюстена Баррюэля** (1741–1820) *«Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющие влияние на все европейские державы»* в 12 томах и их сокращенный вариант – *«Записки о якобинцах, открывающие все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющие влияние на все европейские державы»* в 6 томах. Эти произведения были опубликованы во Франции в 1797–1799 годах, в 1805–1809 годах переведены на русский язык и изданы. Схожее по содержанию сочинение в то же время написал англичанин **Джон Робинсон** (1739–1805) – *«Доказательства заговора против всех религий и правительств Европы, осуществляемого в тайных собраниях масонов, иллюминатов и просветительских обществ (1797)»*.

Король Пруссии Фридрих II

Баррюэль писал, что с середины XVIII века в Европе существует тайное общество, поставившее своей целью уничтожение монархий и христианских церквей. Два первых тома сочинения были посвящены защите христианской церкви от козней масонов. Автор считал, что основателями общества были Вольтер, Дидро, Аламберт и император Фридрих II.

В качестве подтверждения приводились цитаты из переписки Вольтера. Главы томов соответствовали главным (предполагаемым) задачам масонов: истребление иезуитов, истребление всех монастырей, размножение незаконных книг, злоумышления под видом терпимости вер.

Первым шагом к разрушению религии автор считал деятельность просветителей и издание энциклопедии. Одним из методов разложения монархических государств указывалось создание «Академий», где бы под видом науки преподавалось масонское учение.

Очевидна ошибочность утверждений Баррюэля. Наследники средневековых цехов, масонские ложи, в опреде-

лённый момент заимствовали компоненты идеологии Просветителей, однако затем часть масонских систем вернулась к изначальной «простоте» цеховых ритуалов, а часть не только отказалась от идеологии Просветителей, а даже стала бороться против неё. Таким образом, в XVIII веке масонство прошло путь от пропаганды идей Просветителей и рационалистов до крайнего консерватизма.

Изначальная идеология масонских организаций (лож) представляла собой синтез цеховых традиций профессиональных ремесленников-строителей с идеями европейских, в первую очередь английских, интеллектуалов той эпохи. Эти мыслители, среди которых **Дж. Локк, И. Ньютон, Ф. Бэкон** и др., считали необходимым *избавление научной мысли от церковной догматики, уменьшение влияния Церкви на светскую жизнь, подчёркивали важность личной свободы, человеческого достоинства, воспитания и образования.* Каждая масонская ложа имела свой устав и чётко структурированную иерархию. Конечной целью масонства являлось создание общества, основанного на свободе, равенстве и братстве, без деления по национальному, расовому и религиозному признакам. Данная цель могла быть достигнута путём физического, нравственного и интеллектуального совершенствования человека.

В Россию масонство проникло в первой половине XVIII века. **Оно стало главным проводником в Россию идей Просвещения.** В масонских ложах состояли представители русского дворянства и знати, а также многие интеллектуалы, политические и общественные деятели. К их числу относятся **И. П. Елагин, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин** и др. Расцвет деятельности русских масонов приходится на вторую половину XVIII века.

В России идеи Просвещения стали активно распространяться во второй половине XVIII века, с приходом к власти **Екатерины II** (1762–1796). Долгое время российские авторы критиковали Екатерину II за приход к власти в результате дворцового переворота, в ходе которого был убит её супруг, император Пётр III. В этой ситуации вопрос о её легитимности как правителя был вполне уместен. Кроме того, ряд выдающихся историков (**Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский**) утверждали, что императрица уделяла слишком много внимания внешней составляющей её деятельности и мало заботилась о её содержании. Несмотря на данные оценки, при Екатерине II внутренняя и внешняя жизнь общества кардинально изменилась.

Ключевую роль в этих изменениях сыграло масонство в его стремлении к самосовершенствованию, что, в свою очередь, привело к тому, что они стали критиковать недостатки монархии и официальных церквей. При этом уже во второй половине XVIII века в среде европейских масонов появились направления, требовавшие от своих последователей быть идеальным христианином и подданным. Подобные идеи практиковались в Ордене золотого и розового креста, а также в системе «Исправленного шотландского устава». В то же время в Баварии был создан Орден иллюминатов, члены которого призывали развивать идеи Просветителей и внедрять их в общество. Между этими структурами сразу

началась отчаянная борьба, приведшая к ликвидации Ордена иллюминатов. Уже на Вильгельмсбадском конвенте (1782) лидеры европейских масонов осознали опасность попыток возродить Орден тамплиеров и отказались от этой идеи.

При этом в России неотамплиеры действовали до самого запрета масонских лож в 1822 году. Российские масоны работали в русле европейского масонского движения, а в некоторых случаях сами становились «законодателями мод». В С.-Петербурге родился замысел «клериката» **И. А. Штарка** (1741–1816) (*основная идея этой масонской системы заключалась в том, что хранителями тайн тамплиеров были священники*) и системы **П. И. Мелиссино** (1726–1797). Обе системы получили распространение в Европе.

Екатерина II была поклонницей идей Просветителей. Её царствование стало первым крупным этапом в истории русского масонства, хотя в конце его некоторые масоны подверглись гонениям. Главой первой российской Провинциальной ложи стал **И. П. Елагин** (1725–1794), доверенное лицо императрицы. Членом одной из его лож стал человек, в биографии которого отразились искания масонов эпохи Просвещения, – **Н. И. Новиков** (1744–1818).

Идеи воспитания просвещённой личности в русском масонстве. Н. И. Новиков и его наследие

Николай Иванович Новиков – книгоиздатель и масон, ярчайший общественный деятель XVIII столетия.

По словам **В. О. Ключевского**, подлинный энтузиаст «гутенбергова станка», приучивший Россию читать. Маститый историк характеризует «ревнителя российского просвещения» следующими словами: «У него было два заветных предмета, на которых он сосредоточивал свои помыслы, в которых видел свой долг, своё призвание: это – служение отечеству и книга как средство служить отечеству... В лице Новикова неслужащий русский дворянин едва ли не впервые выходил на службу отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с конём и мечом».

*Портрет Н. И. Новикова.
Худ. Г. Левицкий. Ок. 1797*

Николай Иванович Новиков был незнатного происхождения. Родился он 27 апреля 1744 года в селе Тихвинское-Авдотьино Коломенского (ныне Бронницкого) уезда Московской губернии в семье мелкого небогатого помещика-дворянина. Первое «учение» Новиков получил у деревенского дьячка; образование своё он продолжил в гимназии при Московском университете, а в 1760 году был исключён «за леность и нехождение в классы». Языков он не знал, ибо таковым его не обучили. Всё же те знания, которые дали ему возможность в дальнейшем руководить русским читающим обществом, Новиков приобрёл значительно позже, когда поступил на военную службу. Получив чин унтер-офицера, в награду, в числе прочих гвардейцев, участвовавших в перевороте Екатерины II, Новиков пользовался значительным досугом, который давала его «служба». Тогда-то он и много читал, и занимался самообразованием.

Рано началось участие Новикова в общественных делах. Уже в 1767 году он был послан в числе прочих гвардейцев для работ «по письменной части» в Комиссию депутатов для составления проекта нового уложения. Помимо ведения журналов заседаний отделения «о среднем роде людей», Новиков вёл журнал общих собраний депутатов и читал их во время докладов императрице. В это время Екатерина II и узнала лично Новикова. Так, первые шаги его на поприще общественной работы были сделаны в столь важный и интересный момент.

Прошёл год. Новикова произвели в прапорщики Измайловского полка, но он не пожелал продолжать службу и вышел в отставку с чином поручика армии. К сожалению, до настоящего времени ещё не был исследован вопрос, кто был друзьями Новикова, кто сильнее оказал на него своё влияние. Исследователям истории масонства в России известен лишь тот факт, что Новиков активно интересовался издательской деятельностью, печатал две-три брошюры и завязывал отношения с типографией Императорской академии наук.

В 1769 году Новиков уже предстаёт перед общественностью в качестве издателя сатирического журнала «Трутенъ». Одновременно с этим Новиков решает заняться журналистикой, будучи убеж-

Н. И. Новиков и Екатерина II

дённым в том, что это есть наилучший способ «воздействовать на нравы» столь некультурного ещё общества.

Вероятно, что у Новикова были беседы и с Екатериной II по этому поводу, а издаваемый императрицей журнал «Всякая всячина» послужил примером для Новикова, в свою очередь, желавшего «послужить своему Отечеству». В дальнейшем мы знаем деятельность Новикова как издателя «Трутеня» и позднее, в 1772 году, – сатирического журнала «Живописец», а в 1774 году – «Кошелек». На страницах журналов Новикова освещались такие общественные пороки, как некультурность, французомания, казнокрадство, ложь, несправедливость.

Необходимо заметить, что XVIII век был временем сотрясения общественных и религиозно-философских основ бытия русского общества. Пришедшее с Запада «вольтерьянство», познакомившее русское общество с произведениями Вольтера, Руссо и работами других энциклопедистов, обратило освободительную философию в «вольнодумство». Деизм был понят как отсутствие Бога. Рационализм трактовал добродетели во имя Божие – добродетелями, «полезными для тела», а церковная религия вызывала лишь иронический отзыв: «Бога нет, а попы и монахи – простые шарлатаны». Русское общество этого времени переживало в религиозных вопросах острое время самоопределения. Перестраивалось мирозерцание «по обычаям предков» и создавалось новое. Это «новое» даже не было мирозерцанием, но упрощённой наукой жизни, попыткой решить все «проклятые» вопросы тем большинством, которое хотело «жить и наслаждаться».

Но если в религиозном отношении приходилось переживать тяжёлое время, то всё же удовлетворение давали те надежды, которые связывались с преобразованием государства. В начале царствования Екатерины II общественные интересы доминировали над всеми иными, ибо властители дум эпохи, такие как Вольтер, несли мощную по своей противоречивости идею Просвещения: *«Бог нужен лишь для общего блага»*.

Новиков, окружённый вольтерьянцами, чутко откликался на идеи как внутреннего преобразования человека, так и общественного дела. Однако исторический маятник качнулся в иную сторону. Отношение общества к грандиозным планам императрицы изменилось. Екатерина II была недовольна направлением работы сатирического журнала «Живописец», что вынудило Новикова прекратить его издание.

Более того, Новиков не побоялся вступить в полемику с самой императрицей, которая придерживалась умеренно-моралистических взглядов и высмеивала на страницах своего журнала «Всякая всячина» не лица, а пороки, во многом потому, что, будучи истинным либералом, он был крайне недоволен крепостничеством. Об этом громогласно заявляло название и эпиграф к первому журналу «Трутень» (*«Они работают, а вы их труд ядите»*).

Запоминающуюся картину, на которой дворянин мучает и обирает своих крепостных, Новиков нарисовал в *«Рецепте для г. Безрассуда»*. Диагноз: «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне». А рецепт от этой болезни весьма необычен: Безрассуд должен каждый день по два раза рассматривать господские и крестьянские кости до тех пор, пока не найдёт различие между господином и крестьянином.

Помимо статей, направленных против произвола помещиков, Новиков осуждал и политику «многого» просвещения, когда многих юношей, по характеру напоминающих Митрофанушку из «Недоросля», по принуждению отправляют учиться за границу, откуда они возвращаются ещё более глупыми. Например, вот одна из заметок в журнале «Трутень»: «Молодого Российского поросёнка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользой, возвратился уже совершенною свиньёю, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Безусловно, между «Трутнем» и «Всякой всячиной» не могло не возникнуть литературной борьбы, которая впоследствии перешла в борьбу политическую. Журнал Новикова был своеобразной оппозицией, беззастенчиво нападавшей на орган пропаганды правительства. Но и Екатерина II не отказывалась от нападений на своего врага. «Трутень», в отличие от «Всякой всячины», использовал сатиру на лица и гневно критиковал крепостнический режим и конкретных представителей эпохи, в том числе и саму Екатерину II.

Императрица, конечно, ужаснулась такому свободомыслию и в ответ в одном из номеров «Всякой всячины» опубликовала вот что: *«1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех*

В. И. Майков, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин. Все они публиковались в «Трутне»

случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения...

...P.S. Я хочу завтра предложить пятое правило, именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

Последние, пятое и шестое, правила можно назвать правительственной угрозой против самого Новикова и намёком на то, что если «Трутень» и впредь будет продолжать писать материалы в привычной ему форме, то последствия будут неблагоприятными. То есть, по мнению Екатерины II, крепостничество, произвол помещиков, голод крестьян – это «слабости», а не «пороки», и ни в коем случае нельзя их осуждать – лучше «хранить человеколюбие». Новиков яростно высказался насчёт этого в «Трутне»: «...Госпожа Всякая Всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами... “Всякая Всячина” так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто её не похвалит».

Её императорское высочество не могло стерпеть подобного. «Трутень» не раз оказывался на грани закрытия, но был сохранён ещё на год, во многом благодаря частичным уступкам Новикова. Однако в том же 1770 году издание Новикова закрылось, как, впрочем, и издание «Всякой всячины», тираж которой резко упал к тому времени.

Для Новикова и иных близких по духу ему людей наступило время «исканий», новых путей служения Отечеству. Ответом на запросы сердца и ума стало масонство.

Так, в конце 1770-х годов Новиков, разочаровавшись в возможностях сатирической журналистики, переезжает в Москву. С этого времени вся его деятельность направляется масонской идеологией. О. Г. Флоровский разъясняет: «Внутренняя дисциплина или аскеза... оказалась всего важнее в общей экономике масонского действия, – тесание “дикого камня” сердца человеческого, как говорили тогда. И в этой “аскезе” воспитывался новый тип человека». Погружённый в мирские заботы, современный человек – всего лишь «дикий камень», который следует нравственно обработать, и это дело самого человека. Масонское «искание истинного света» понималось как путь нравственного совершенствования. «Познание самого себя» становилось целью жизни. В Москве Новиков обрёл кружок единомышленников, получивший название «московских розенкрейцеров». Плоды трудов этого кружка были столь значительны, что он фактически заслонил собой все прочие масонские системы и ложи. Не удивительно, что любое упоминание о русском масонстве, как правило, имеет в виду Новикова и «московских розенкрейцеров».

В журналах Новикова этого периода («Утренний свет», «Вечерняя заря») педагогической проблематике, воспитанию просвещённой личности посвящено большое количество статей. Новикова интересовали не только «причины, относящиеся к приращению художеств и наук», но и каково «действие наук над сердцем и нравом человеческим».

Удивительно точные замечания звучат на страницах «Утреннего света»: *«науки, перенесённые на другое место, уподобляются полевым скоро иссыхающим цветам. Они не иначе процветают, как усиленным старанием садовника, не привыкают к новому климату и не сообразуются со свойствами той земли. Они удобно прозябают, и сильный ветер их не беспокоит. Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых; к знатным же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процвели в каком-либо народе или чтобы для сего довольно было только учёных людей из других государств. Они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и всё государство сделать учёным. Художества и науки столь медленно шествуют, что государство, в котором оные начинают произрастать или которое их принимает, необходимо должно пребыть долгое время без всякой перемены в управлении. Долговременность государства подаёт наукам случай приходить в совершенство; вольностью же они процветают»* (**«О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук», «Московское ежемесячное издание», апрель 1781 года**).

«Порядочным и прилежным изучением свободных наук приобретается известный добрый вкус, т. е. нежное, скоро постигающее и верное чувствование всего того, что в произведениях духовных, как в единственных мыслях, так и вообще в целом здании какого-либо сочинения, есть правильно, прекрасно, благородно, согласно; и, с другой стороны, всего того, что порочно, несносно, незрело, неосновательно и нестройно. Тонкое сие чувство, сопровождаемое в первом случае тайным удовольствием, а в последнем сокровенным негодованием; добрый сей вкус от употребления становится нам столь природным, что мы ему не токмо в наших сочинениях, но и в разговорах и поступках наших последуем. Действие его не токмо на образ мыслей наших простирается, но и на целое свойство души нашей. Бдит он, подобно верному надзирателю, над всеми должностями нашей жизни, показывая нам неприметным образом те драгоценные средства, по которым обязаны мы исполнять оные. Не делает он нас добродетельными, но придаёт добродетелям нашим цену и уважение, которого бы оные без него лишились. Посвящение наукам умягчает нравы наши и научает нас человеколюбию. Тако воспевают Овидий: распространяйте науки, и вы увидите истину слов сих» (**«О действии наук над сердцем и нравом человеческим», «Московское ежемесячное издание», август, 1781 г.**).

Так, Николай Иванович Новиков, следуя постулатам Овидия, распространял высокий дух просвещения, неустанно утверждая, что добронравие является естественным плодом наук и художеств и добрые нравы следует пестовать с ранних лет. Было бы великим упущением не отметить, что Новиков был издателем первого русского журнала для юных читателей *«Детское чтение для сердца и разума»*. Он поручил редактировать этот журнал молодому Н. М. Карамзину. Этот журнал оставался предметом любви подростков чуть ли не всю первую половину XIX века. Квинтэссенция педагогических идей «вольных каменщиков» заключалась в убеждении, что воспитание должно опираться на *«христианское мирочувствование»*. Другими словами, приобретение знаний не может быть самоцелью, оно должно способствовать «устройству души». Становясь образованнее, человек должен делаться нравственнее; этот процесс един и неразрывен. Таковы взгляды, которые Новиков и его окружение неустанно внедряли в русское общество своего времени.

Наиболее значительным педагогическим сочинением Новикова является большая статья *«О воспитании и наставлении детей»*, напечатанная в *«Прибавлениях к Московским ведомостям за 1783 г.»*. В этой статье он подробно излагает своё просветительское кредо. Для Новикова главный предмет воспитания *«...ни в чём ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами»*. Он стремится разяснить собственные мысли как можно подробнее: *«Обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешествовать благополучию детей, должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан, — то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания»*.

Надо отметить, что этот отрывок производит двоякое впечатление. С одной стороны, Новиков показывает себя верным последователем петровских заветов, требовавших от каждого россиянина быть полезным государству гражданином. С другой — он упорно употребляет слово «должность»

в ином – подчас даже в специфическом масонском – значении, а именно как чёткое разграничение обязанностей в определённом сообществе (даже семейном). Ведь ранее говорить о «должности родителей» по отношению к детям было бы просто нелепо. «Должности» существовали только на иерархической государственной пирамиде. Новиков отчётливо выделяет аспекты своей педагогической системы: *«Воспитание имеет три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума»*.

Нисколько не умаляя первый аспект (физическое воспитание), Новиков пальму первенства отдаёт второму и третьему: *«...воспитание состоит наипаче в том, чтоб стараться образовать разум и сердце дитяти и чрез то самолучшим образом приводить его к добродетели, религии и христианству»*. Не отступая ни на шаг от своего просветительского кредо, он ставит «образование сердца» выше «образования разума».

«Образование сердца» означает открытость всем человеческим проявлениям. На это Новиков делает особый упор. Он требует от воспитателей: «Старайтесь вселить в них (воспитанников. – В.Н.) искреннюю любовь и благоволение ко всем человекам, без различия состояния, религии, народа или внешнего счастья». Особое внимание уделяется отношению к людям низшего класса собственной страны: «Не позволяйте им говорить о *черни, подлом народе*, сопровождая речи сии презрительным видом и ужимками». В сноске Новиков поясняет: «Ибо чернь, подлый народ суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие». В условиях крепостнической России подобные слова звучали в высшей степени актуально и прогрессивно.

Христианство понималось Новиковым отнюдь не как слепая приверженность духовному наследию прошлого, но как *«программа жизни»* современного человека. Именно поэтому он пишет: *«Тот любит Господа, кто содержит заповеди Его; по Иисусе Христе подобает только вера, чрез любовь действительную творимая... любовь без дела мертва есть»*. Следовательно, целью усилий воспитателей должны быть не только свободно и благородно мыслящие люди, но и деятельные граждане. Сам Новиков был живым олицетворением своих слов; он был прежде всего человеком дела. Свою цель он видел в деятельном творении добра.

Так, придерживаясь масонской фразеологии, мы можем очертить основные нравственные критерии «вольных каменщиков» эпохи Просвещения в России.

«Обтёсывание дикого камня» означает непрерывные поиски истины. Они не должны прекращаться ни на одну минуту. Подъём по иерархии масонских степеней есть обретение новых граней истины. Жизнь человеческая – вечное духовное странствование. Конечно, обретут истину только немногие – самые просвещённые, самые деятельные. Но идти по этому пути надлежит всему человечеству. Применительно к российской почве можно сказать, что официальную табель о рангах масоны перенесли в область духа. Их педагогические теории базировались на приведённых выше исходных предпосылках.

Самым крупным литератором-масоном был **М. М. Херасков** (1733–1807). Современники читали его как первейшего поэта своего времени; не менее привлекательным был и его нравственный облик. По всеобщему мнению, он за всю жизнь не произнёс ни одного «ядовитого слова» в адрес ближнего. В течение многих лет Херасков был куратором Московского университета. Именно он пригласил Новикова переехать в Москву и отдал ему в аренду университетскую типографию. В течение многих лет Херасков был деятельнейшим сотрудником Новикова, трудясь рука об руку с ним над претворением в жизнь многочисленных предприятий неутомимого *«ревнителя российского просвещения»*.

Воззрения Новикова и Хераскова были претворены в жизнь педагогической практикой Московского университета. Успех был столь внушительным, что Ключевский назвал **«новиковское десятилетие»** одной из лучших эпох в его истории. Сам Новиков постоянно повторял свою любимую пословицу: **«Ученик без книги как солдат без ружья»**. Собственную издательскую деятельность он считал **«деланием человека»**.

Педагогические идеи русских масонов быстро приобрели признание на высоком государственном уровне. Дело не ограничивалось только Московским университетом. Несмотря на своё подозрительное отношение к «вольным каменщикам», Екатерина II не усомнилась пригласить воспитателем великих князей Александра и Константина видного масона М. И. Муравьёва (отца декабриста Н. М. Му-

равьяёва), который был попечителем Московского университета, а также преподавал царственным отрокам нравственную философию, русскую словесность и русскую историю. У современников Муравьёв почитался лучшим после Карамзина русским литератором.

Масонский камень просвещения и воспитания свободной личности, заложенный Новиковым во второй половине XVIII века, лёг в основу одного из самых значительных педагогических экспериментов первой половины XIX века – открытие Царскосельского лицея. Он был задуман **графом М. М. Сперанским** (1772–1839) как привилегированное учебное заведение, своего рода колыбель русской интеллектуальной элиты.

Сам «вольный каменщик», Сперанский был убеждён (совсем в духе Новикова), что хорошие законы «без добрых нравов» в конечном итоге будут бессильны. Реформатор нового времени стремился развить педагогический опыт, накопленный «московскими розенкрейцерами». Начинание оказалось в высшей степени удачным. Ведь первый выпуск лицеистов гордится не только А. С. Пушкиным и А. М. Горчаковым, но и пусть менее яркими, но значимыми именами И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, М. А. Корфа.

Недаром в нападениях на Царскосельский лицей, особенно участвовавших после восстания декабристов, постоянно всплывало имя Новикова, образовавшего **«секту мартинистов»**, оказавшуюся, как писал Ф. В. Булгарин, началом **«либерализма и всех вольных идей»**. По его словам, вся система воспитания в лицее была основана «на мартинизме». Дружескую спаянность лицеистов, воспетый Пушкиным «лицейский союз», ставший явлением русской культуры, он, ничтоже сумняшеся, сравнивал с масонской ложей.

Разумеется, не мог пройти мимо столь богатого идейного наследия и Л. Н. Толстой при устройстве своей яснополянской школы. Опыт казённых учебных заведений наводил писателя на мрачные мысли. Из их стен выходили подчас чрезвычайно образованные люди, но тем не менее духовно ущербные. Всё это привело Толстого к убеждению, что воспитание и образование – отнюдь не одно и то же. Основной тезис Толстого-педагога звучит следующим образом: *«Религия есть единственное, законное и разумное основание воспитания»*. Очевидно, он имел в виду не официальное православие (на этих же страницах он пишет об уродливости семинарий и монастырских школ), а своего рода естественную религию, единственно на основе которой возможно внутреннее переустройство души. Легко увидеть здесь прямое продолжение исканий неутомимых «ревнителей просвещения» предшествующего столетия, непосредственно духовное наследие Новикова.

В начале 1820-х годов русское масонство окончательно исчерпало свой духовный потенциал. Его историческая роль была сыграна. Закрытие масонских лож в 1822 году только подтвердило существующее положение. Но труды Новикова и его ближайшего окружения не пропали втуне.

Обратясь к оценкам большинства историков, практически у каждого из них мы найдём созвучные друг другу утверждения о том, что от масонов идёт прямая линия преемственности к так называемой «передовой интеллигенции» и XIX, и начала XX веков.

Историк русской философии В. В. Зеньковский справедливо отметил: «В русском масонстве формировались все основные черты будущей «передовой» интеллигенции – на первом месте здесь стоял примат морали и сознание долга служить обществу, вообще практический идеализм».

Пламенный пример данному служению был дан Николаем Ивановичем Новиковым, которого не почитали за выдающегося писателя, однако чтители и переиздавали, но не читали. По-настоящему он обрёл себя лишь в масонстве, как и целая эпоха, следовавшая за ним. Масонство запрещали, передовых людей своего времени подвергали остракизму и всевозможным унижениям и лишениям, но идеи Просвещения продолжали возрождаться и воспламенять умы новых поколений, открывавших и продолжающих открывать для себя на заре XXI века нравственные основы масонства и общественного служения.

Берега культуры и искусства

Никола Р. Казански

Никола Р. Казански – доцент, доктор Софийского университета. Начал собирать материалы о русских эмигрантах в Болгарии в начале 1990-х годов, когда это стало вообще возможным... Благодаря содействию Центральной библиотеки Болгарской академии наук вышли два издания: «Русские в Болгарии» (Пловдив, 2010. 436 с.) и «Русский мир Болгарии» (София, 2012. 472 с.). Первое из них осуществлено по гранту фонда «Русский мир». Опубликовал также статьи о Н. Н. Глубоковском, А. Н. Грабаре и др. Вышла «Библиография русской православной литературы в Болгарии 1920–1948 гг.» (Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 3 (15). 2016. С. 174–192). Составил «Золотую книгу и Атлас российской эмиграции в Болгарии», где описаны все выдающиеся люди русской науки и культуры, а также все очаги российской цивилизации в Болгарии. Именно здесь находилось самое большое число русских школ (10), церквей (7), монастырей (6), культурно-просветных организаций (свыше 60) и единственный Памятник русской эмиграции (в Пернике).

ДУША ПЕТЕРБУРГА

Бакст и Гумилёв

*Поверх всяких Россий
есть одна незабываемая РОССИЯ...*

Николай Рерих. 1936 г.

Ваш покорный слуга вырос с журналом «Мурзилка», с русскими уральскими и приамурскими сказками и, конечно, – с «Детской энциклопедией» в 10 томах. Из них я узнал, что когда на Русь нагрянула Орда и почти её одолела, то *русскость* чудодейным образом сокрылась в невидимом граде Китеже на дне озера Светлояр.

*Библиотекарь.
Худ. Джусеппе Арчимбольдо.
1566*

Для меня это являлось весьма странным, но так как я сам был крёстным сыном белогвардейца (кстати, штабс-капитана кавалерии Мамонтова¹) и во весь голос пел жестокие романы, то думал, что, может быть, какая-то доля правды во всём этом есть... Иначе жил бы я как дошлый библиотекарь, «из кулька в рогожку», – как говорится в русской поговорке...

В 2018 году я прибыл в богохранимый город Петра на Неве. При замечательной погоде я успел объехать почти все сказочные дворцы и божественные храмы Петербурга, кроме Ораниенбурга и Монрепо в северной части Выборга (парк ещё совсем не восстановлен). За без малого два месяца предельно ясно понял, что это и есть сказочный Китежград. Ночевал я всё время в коммунальной квартире, разгромленной пьяными матросами и другими проходимцами ещё в 1917 году. А также получил шанс увидеть тщательно восстановленный особняк князя Юсупова... И всё же я упал на колени у места, где была могила старца Распутина. Да-да-да! А ведь предупреждал он царя и царицу не входить в эту мировую западню...

Как досконально известно, в Швейцарии всё хорошо, но там гениев нет...

¹ Конница Вооруженных сил Юга России под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамонтова в 1919 году.

Ранняя смерть Чехова в 1904 году ознаменовала конец Золотого века русской цивилизации. Потом были несчастная Русско-японская война и окаянная первая революция, которая подорвала основы не только монархии, но и русскости в целом.

Самое страшное было ещё впереди.

Мы идём сквозь туманные годы,
Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы
Отвоёвывать древний Родос.

Н. Гумилёв. Родос, 1912 г.

После архи-сатанинского Октябрьского переворота (не зря его верховодец и пахан подписывался «Дьявольски Ваш Ленин»!), по метким словам профессора Н. Н. Глубоковского, на место блестящей империи царя установилось тёмное «уголовное» государство... Мережковский истолковал Октябрьский переворот как «торжество надмирного зла».

Моим рождённые словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.

Н. Гумилёв. 23 февраля 1917 г.

В 1917-м народ предал царя, потом осквернил Веру, а в 1940-е годы еле-еле отстоял всё-таки Отечество. Россия распалась ещё в 1922 году, когда появилось уродливое исчадие ленинско-сталинского крошечного ада, прозванное СССР. Государство «рабочих и чекистов» замышлялось как бесконечный ГУЛАГ, но бесславно провалилось в 1991 году.

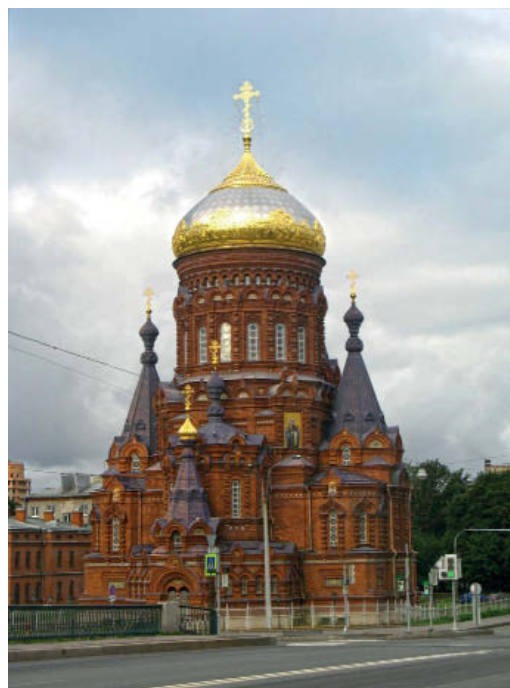
Ещё в апреле 1917 года из особняка Кшесинской Ленин провозгласил независимость Украины. В это время ещё сами украинствующие, в лице самого видного своего вожака, учёного, профессора и политического деятеля Михаила Грушевского, говорили только о весьма ограниченной автономии...

10 марта 1929 года русский архиепископ Дамиан Царицынский (Говоров) в Болгарии делает следующее предсказание:

«Сатанинский большевизм родился в России и в России он и погибнет в рамках одной человеческой жизни. На его руинах должно быть построено новое здание, но как это сделать, если все архитекторы давно уже уничтожены?!?»

Созидающий башню – сорвётся,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье своё проклянёт.
Разрушающий – будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим Богом оставлен,
Он о смерти своей возопит.

Н. Гумилёв. Выбор

Храм Богоявления на Гутуевском острове.
Построен в 1892 г. в честь чудесного спасения императора Александра III с семьей при железнодорожной аварии

Спящее царство. Леон Бакст. 1922.
Поместье Ротшильдов в Бакингемишере

Спящая красавица. Леон Бакст. 1922

Доходный дом издателя Юлиана Бака, где жил Л. Бакст в Санкт-Петербурге

Первый спектакль для театра «Эрмитаж», который оформил Бакст. 1903

И всё-таки закат великой Империи, как свет поднебесный озарил Серебрянный век...

Два гения, Бакст и Гумилёв, порождённые заоблачной столицей сказочной Империи, – символы её «Серебрянного века».

Бакст и Гумилёв олицетворяют ту Россию, которую отдали Антихристу, – Россию Ахматовой, Блока, Цветаевой, Есенина, Булгакова, Платонова, Пастернака...

Леон (Лев) Самойлович Бакст (1866–1924) – русский живописец и график еврейского происхождения, один из наиболее известных петербургских художников Серебряного века. Работал преимущественно в Санкт-Петербурге и Париже. Мастер станковой живописи и театральной графики, участник объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева, один из законодателей европейской моды на экзотику и ориентализм в начале XX века. С 1899 года потомственный почётный гражданин Санкт-Петербурга. В 1924 году был удостоен высшей награды Франции – ордена Почётного легиона.

Николай Степанович Гумилёв (1886–1921) – русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, прозаик, драматург, переводчик и литературный критик, путешественник, африканист. Первый муж поэтессы Анны Ахматовой, отец историка Льва Гумилёва. Был расстрелян 26 августа 1921 года по обвинению в участии в антисоветском заговоре. Однако активное участие в заговоре подтверждено не было, и 30 сентября 1991 года он посмертно реабилитирован решением Верховного суда СССР. Место расстрела и захоронения до сих пор неизвестно.

Я – угрюмый и упрямый зодчий Храма,
восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей
Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Н. Гумилёв. Память

Дом искусств («Диск»). Невский проспект, д. 15/59 по набережной Мойки. Здесь в 1920–1921 годах у Гумилёва была комната, и здесь ему была устроена засада и он был арестован чекистами.

Россия иссякла настоящими аристократами и патрициями. Да, их планомерно уничтожали под корень. Кто умудрился уцелеть, обогатил и осчастливил другие страны мира...

Дом искусств («Диск»). Невский проспект, д. 15/59 по набережной Мойки. Здесь в 1920–1921 гг. у Гумилёва была комната, и здесь ему была устроена засада, и он был арестован чекистами

«Дом-сказка» на Английском проспекте Санкт-Петербурга. Д. 21-23. Арх. А. Бернардацци. 1915. В этом доме жила солистка Императорской балетной труппы Анна Павлова

«Дом-сказка» («Доходный дом З. А. Перцовой») в Москве. Художник-архитектор С. Малютин. На углу Пречистенской набережной и Курсового переулка

Ю. М. Лотман когда-то подытожил: *«Русская культура творилась и сохранялась в быту и традициях русского дворянства и российской интеллигенции».*

Презренного, дикого века.

Свидетелем быть мне дано.

Иван Бунин. Мы сели у печки в прихожей...

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский является ярким символом России: той, которую мы погубили, загубили и наконец потеряли в поисках сатанинского «рая» на земле. А сам он всегда руководился следующим постулатом: *«Per aspera ad astra – через тернии к звездам!!!»*

А где ж кроется Душа Петербурга?! Помоему, для меня лично, она сокрыта, как город Китеж, в пресловутом мистическом *«Доме-сказке»* на Английском проспекте. Это было здание в новорусском стиле. Архитектор Бернардацци специально ездил в Москву, изучил «Дом Перцовой», возведённый в том же стиле. Познакомился с художником Сергеем Малютиным, который и жил в созданном его воображении доме. И создал проект, где было видно влияние сказочного дома Москвы.

«Дом-сказка» на Английском проспекте был разрушен, перестроен по-другому, и его сказочный фасад не восстановлен до сих пор. Когда он восстановится, тогда и возродится из пепла и пребудет с нами во веки веков... Аминь!

Берега Новороссии

Юрий Хоба

Место обитания – Донбасс. Полтора километра от линии фронта. Автор семи сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства.

ПЯДЬ ЗЕМЛИ

Рассказ

– Пулковника взяць живцём!

Лычагин вначале не понял, что окрик на польском языке, а скорее – на галицийском наречии, касается именно его. Полковником он отродясь не был, полтора десятка лет назад состоял в скромном звании

капитан-лейтенанта. Да и то запаса.

Соображать же начал чуть позже. После того как в черепной коробке утомнились колокольчики. Всё-таки крепко стукнулся, когда в компании багажной сумки, карабина и прочего содержимого салона зелёного внедорожника вылетел через распахнувшуюся дверцу.

В аварии же винил водителя Олега. Похоже, тот мысленно пребывал в отпуске, но не здесь, на прифронтовой дороге, справа подпёртой неряшливой баррикадой, а слева – ломящимся через кладбищенскую ограду сиреневым половодьем.

И поэтому слишком поздно придал значение вышагнувшему на обочину стрелку с автоматом низготовку. Но вместо того чтобы развернуться, он крикнул: «Засада!» – и повалился на Лычагина.

Потерявший управление внедорожник козликом сиганул через придорожную канаву и врезался в кладбищенскую ограду с такой силой, что растерявшиеся от неожиданности кусты пролились сиреневым дождём.

На военной кафедре мореходки курсантов не обучали пехотному делу. Однако сработал инстинкт самосохранения, который не раз выручал всякого, кто полной ложкой хлебает лихо в прифронтовой зоне.

Поэтому Лычагин не стал дожидаться, когда пули вновь начнут дырявить зелёную обшивку. Испачканной в пыли ящерицей прополз под днищем внедорожника и поискал взглядом местечко, где сподручнее всего перемахнуть через кладбищенскую ограду.

Однако автоматчик, похоже, разгадав замысел, парой очередей отсёк путь в царствие усопших.

– Твою мать! – ругнулся Лычагин. – погоди, сейчас я тебе устрою...

Стрелок, судя по всему, не заметил, что Лычагин потянулся рукой к карабину, или же не открыл огонь из-за приказа взять «пулковника» живым.

И вообще, он был слишком уверен в собственной неуязвимости, этот неизвестный Лычагину вояка. Приближался таким неспешным шагом, что его можно было принять за грибника, высматривающего в придорожной траве вылупившиеся шампиньоны.

Лицо нападавшего Лычагин не разглядел. Отсюда, из укрытия, ему были видны лишь ноги. Верхнюю же часть туловища скрывал смятый бампер, из которого в мятую траву скатывались тягучие капли то ли машинного масла, то ли чего другого.

Впрочем, этого оказалось вполне достаточно. Выпущенная из десятизарядного карабина Симонова пуля при попадании в колено, по словам начальника военной кафедры, свалит любого здоровяка.

– Мы готовим из вас командиров торгового флота, – поучал капитан первого ранга, накручивая на указательный палец кончик шикарной бороды, – но вы будьте готовы к тому, что Родина в любой момент призовет под военно-морской флаг, – и при этом ставил в пример курсанта Лычагина, который почти каждую пулю всаживал в «яблочко».

Но одно дело стрелять по мишени, и другое – в живого человека. Однако Лычагин не имел права промахнуться. Карабин, конечно, замечательная машинка, Олег хвалился, что сшиб из него «Бабу Ягу», только в ближнем бою одерживает верх тот, у которого на руках автомат.

– Хрен тебе вместо полковника! – прорычал Лычагин и, стараясь унять продолжающееся колотиться сердце, плавным движением указательного пальца правой руки привёл в движение спусковой механизм карабина.

Присутствуя при этом начальник военной кафедры, он бы ещё раз отметил успехи Лычагина в стрелковой подготовке. Всё-таки не каждый способен вот так, из стеснённого положения, одним выстрелом обезножить противника.

А то, что пуля нашла цель, подтвердил порождённый соприкосновением металла с человеческой плотью утробный хлопок и последовавший за ним поток ругани.

Правда, все эти «курвы мамы» догнали Лычагина уже по ту сторону кладбищенской ограды. Петляя между кустами сирени и снарядами воронками, помчался со скоростью, которую только позволяли развить стебли репейничковой липучки.

Правда, углубляясь в царствие мёртвых Лычагин побоялся. Ведь оно могло закончиться в любой момент. А что там, за ним, – известно лишь Господу Богу и тем, кто устроил засаду на прифронтовой дороге. Может быть, даже минное поле, которое пройти ещё сложнее, чем прожить долгую жизнь.

Поэтому прилёг рядом с чьей-то могилой так, чтобы было видно – не крадётся ли враг по оставленному в траве следу, и попытался осмыслить происходящее.

Всё-таки Лычагин напрасно обвинил Олега. Скорее всего, тот выпустил из рук руль не со страху, а после того, как получил две пули в грудь, о чём свидетельствовали оставленные ими отметины на лобовом стекле.

Конечно, за месяц едва ли поймёшь, на что способен человек. Однако Олег с первых минут знакомства показался стоящим парнем.

Не стал нахрапом ломиться в пустующую усадьбу, куда его на постой определила военная комендатура. Припарковал у обочины зелёный внедорожник, вежливо поинтересовался у пасынковавшего в палисаднике розы Лычагина: не оставлял ли кому прежний хозяин дома ключ от калитки?

– Замок для видимости, – объяснил Лычагин. – Только, сдаётся мне, комендант мог бы подыскать более подходящий угол. Дом с виду нормальный, внутри – разор. Видно, хозяин, затеяв ремонт, не думал, что завершать его придётся кому-то другому.

– А где он сам?

– Убегал на пятой скорости от войны, но она всё же его догнала... Так что иди к коменданту, пусть другой адресок даст. Брошенных домов в нашем городишке до хрена и больше.

– Боюсь, лучшего не предложат. Да и перебирать харчами не приучен. Ничего, обустроюсь по-маленьку. Главное – во дворе навес большой. Как раз обе машины поместятся.

– С тобой ещё кто?

– Полковник. Точнее, я при нём. Он сейчас дела утрясает. А здесь будет наездами.

– Значит, и тебя буду видеть от случая к случаю?

– Нет, я больше в тылу обретаюсь... Полковник сам на купленном у какого-то деда «жигулёнке» мотается. Говорит, если разобьют снарядом – не жалко. А внедорожник бережёт. Случись с ним что, другой не сразу выделят. Заодно и меня в тылу держит: «Сиди, где сидишь. Убьют, что скажу жене и троим отпрыскам?» А послушаться моего командира – себе дороже. Кроет всех, невзирая на чины и заслуги. И спец в фортификационном деле, каких поискать надо. Недаром ему наши генерала скоро дадут, а укропы за его голову, говорят, большие деньги назначили.

– Вот что, молодой человек... Как тебя звать-величать?.. Олегом?.. Значит, такое дело, Олег, – молвил Лычагин, срезая повреждённый нисходящим пилильщиком стебель «Эйфелевой башни», которая своим нежным запахом способна затмить самые изысканные духи, – осмотрись и приходи на обед. За столом и потолкуем за жизнь нашу скорбную.

– Спасибо. Только неловко...

– Неловко сам знаешь что. А стесняться нечего. Да и некого. Жена с детьми и внуками в эвакуации. Сам за розами теперь присматриваю, сам борщ варю, в гордом одиночестве пробу с огненной воды снимаю. Короче, приходи.

– Ей-богу, неловко. Трое суток в бывшей колхозной конюшне кантовались, сегодня двигатель на «жигулёнке» перебирал. Изгваздался весь... С одной стороны, конечно, хорошо, что развалюха. На неё ни один оператор беспилотников не позарится. Но с другой, чего доброго, подведёт командира в самый ответственный момент. Нет, надо ему что-нибудь более надёжное поискать, – сказал и опустил под «ноль» стриженую голову с обозначившимися залысинами. Словно его вина в том, что отсиживается в тылу, а начальник крутит баранку под снарядами.

Забота о полковнике, собственно, и привела сюда, на дорогу, которую слева подпирала неряшливая баррикада с изогнутым дорожным знаком «Очеретино», а справа – благоухающее сиренью царствие усопших.

Но тогда, месяц назад, ни тот ни другой не могли предположить, чем способны обернуться самые благие намерения. Лычагин варил борщи на двоих, а новоявленный сосед развил бурную деятельность по обустройству временного пристанища. Очистил приглянувшуюся комнату с камином от хлама, вскопал огород и теперь с утра до сумерек возился в изрядно одичавшем саду.

Правда, целую неделю в соседней усадьбе держалась тишина. Жена Олега родила четвёртого, и полковник, учитывая столь важное событие, предоставил своему водителю кратковременный отпуск.

Время от времени Олег уезжал по заданию шефа, куда именно – Лычагин не спрашивал, и всякий раз возвращался с гостинцем – парой-тройкой банок сгущённого молока, макаронами в пачках, а однажды приволок целый ящик говяжьей тушёнки.

– Вот, – сказал, отирая испарину с обозначившихся залысин. – Заработал, теперь мы вторым блюдом обеспечены до конца войны.

– Что это за работа, которую столь щедро оплачивают? – поинтересовался Лычагин, вываливая крупно порезанную капусту в белую с розанами на боках кастрюлю.

– «Бабу Ягу», беспилотник укроповский, из карабина третьим выстрелом подбил. Еду себе, а он через поле летит...

– Это ты молодец, что сшиб. Но тушёнку побереги. Всё-таки у тебя в семействе четвёртый едок добавился. Или с соседями поделись. Вон, через два дома старуха с сыном-инвалидом, чуть дальше – дед немощный... Много здесь таких, жизнью и войной обездоленных...

– Добрый вы человек, Максим Андреевич. Столько для меня сделали, перебраться к вам предлагали... Если бы не вы, язвой бы обзавёлся. Поэтому просто неловко просить об одолжении... Ребята знакомые на передке «Ниву» затрофеили. Говорят: «То, что просил. С виду – барахло, мотор – когтями землю рвёт. И ходовая в порядке. Накрывай поляну и можешь забирать».

– Как я понял, за руль посадить некого?

– Ну да. Но дело рискованное, мне как-то в штабе сказали, что укропы давно охотятся за полковником. Даже знают номер нашего вездехода и теперь ждут, когда он на линии фронта объявится. А отследить при помощи беспилотников проще простого... Только вам следует переодеться. На блокпосту заметят гражданского, начнут допытываться... Я вам постиранную камуфляжку полковника дам, вы с ним одной комплекции. Она в багажнике с комплектом свежего белья... Полковник тот ещё чистюля. И голова – дом советов. Недаром укры награду за его голову назначили...

Тогда Лычагин не придал значения словам водителя. Ну что может сказать подчинённый, который искренне убеждён, что в своём деле шеф превзошёл не только знаменитого фортификатора Тотлебена, но и самого Господа Бога.

Вспомнил о тех словах лишь сейчас, укрывшись за покарябанной снарядами осколками чьей-то могилой.

«Эх, Олег, Олег, – мысленно покаялся Лычагин. – Прости старого дурака... Хотя и вляпался в историю по твоей милости, однако моя вина твою перевешивает. Так убоялся за собственную шкуру, что забыл обо всём на свете. В том числе – о тебе... И вину эту теперь мне нести до своего последнего часа, который неважно когда наступит. Через пару десятков лет или прямо сейчас, вот у этой чужой могилки».

От сумбурных мыслей Лычагина отвлек шум маховых перьев. Чуть поодаль на невесть каким образом затесавшийся в сиреневое раздолье матёрый боярышник взгромоздилась сорока. Но, вопреки опасениям, она не известила округу о вторгшемся во владения мёртвых живом человеке в куртке с погонами полковника. Для этого ей надо было выплюнуть сухую веточку.

– Поищи, подруга, более подходящее место для гнезда, – вполголоса посоветовал птице Лычагин. – Не то застрелят, как... Эх, Олег, Олег... Что ты наделал? Ты не только детей, ты землю осиротил...

Странная всё-таки штука – заключённый в черепную коробку мыслительный аппарат человека. Лычагину бы позаботиться о том, как из передрыги выбраться, а он о сорочьей доле печалится. И при этом перед глазами вопросительным знаком торчит дорожный указатель «Очеретино». Словно укоряет Лычагина в забывчивости или приглашает вернуться во времена, когда вода была более мокрой.

Однако Лычагин забывчивостью не страдал. Всё, что легло на душу, хранилось золотыми червонцами.

Правда, никогда прежде не попадал в подобную передрыгу, да и стукнулся о земную твердь так, что на какой-то миг перестал воспринимать прошлое и настоящее.

Глупо, конечно, предаваться воспоминаниям, когда на тебя объявлена охота. Но, наверное, слишком они оказались сильны, эти воспоминания.

...Лычагин не горел желанием узнать название станции. Много их осталось позади и столько же ещё раскинется впереди, сереньких, словно будни, железнодорожных станций.

Продолжал сидеть в купе, утвердив локти на откидном столике, с лёгкой усмешкой внимая голосу станционной дикторши, которая, как и большинство её коллег, страдала жуткой заложенностью носоглотки.

Вокзал находился на противоположной стороне, по эту же сторону вагона в сумерках тонула полоса отчуждения, такая же печальная, как сколоченная из горбылей лачуга путевого обходчика и брошенная через косогор тропинка с одинокой фигурой в брезентовом плаще.

Но куда она ведёт, эта тропинка? Что ждёт озябшего путника там, за косогором? Приветливый огонёк в окне или остывший очаг, возле которого печалится тощая кошка?

«Что же, – подумал Лычагин, – у каждого из нас своя тропинка. И никто другой за нас не пройдёт её до конца. Разве что проводит сочувствующим взглядом».

Впрочем, сделать это ему помешал шум в коридоре. Затем подали голос дверные колёсики, и на пороге купе возникло нечто ослепительно-лазоревое.

Голубой брючный костюм, дождевик, с которого ниспадали синие искорки влаги, глаза цвета разогретой солнцем бирюзы.

После длительного рейса все дамы выглядят обворожительно. Но эта действительно хороша собой. У Лычагина даже возникло желание сграбастать незнакомку так, чтобы в бирюзовых глазах заплескалась сладкая боль.

Но вместо этого помог диве избавиться от пахнущего дождём плаща и пропустил её к окну, за которым далёкие огоньки сулили путнику пристанище.

Лычагин в первый миг был настолько ослеплён, что с опозданием заметил таившегося в тени незнакомки самоварно пыхтевшего гражданина с объёмными сумками.

– Колян, – назвал толстенький гражданин. – А это моя супружница Лариска... Надоедать долго не планируем. Сойдём на станции Очеретино... А вы, я вижу, моряк? Значит, заступник у нас один – Никола Мирликийский. Я ведь тоже из тех, кто всегда в дороге, – машинист тепловоза. И всегда готов поднять рюмку за покровителя тех, кому не сидится дома.

...О существовании на белом свете станции Очеретино и одноимённого городка Лычагин узнал от труженика стальных магистралей, который после каждой фразы вздыхал на манер вскипающего самовара. Однако вспомнил не его, а лазоревую диву, одним махом вошедшую в купе и душу Лычагина. Причём вспомнил с такой озарённостью, что на пару-тройку минут запомнил – кто он и каким макарон оказался посреди захлестнутого сиреневым прибоем царствия мёртвых.

А между тем на пробитой им тропинке хрустнула сухая ветка. И тишину нарушила явно не заготавливающая строительный материал сорока.

«И что же ты за ценность такая, полковник, – мысленно обозлился Лычагин, – коль за тобой так упорно охотятся? Наверное, ты действительно слишком много знаешь военных секретов, а в вопросах фортификации превзошёл самого Тотлебена».

Сам же Лычагин пехотной грамоте не был обучен. Поэтому действовал по наитию, которое знакомо каждому, кто попал в передрыгу и теперь пытается из неё выкарабкаться.

Подобно дикому зверю, который только тем и спасается, что первым успеваешь заметить охотника, описал изрядный полукруг среди могил и в десяти шагах от своего следа заполз под брошенные в прошлогодний чернобыльник ветхие мары.

Разумеется, преследователи могут обратить внимание на увязшие в траве носилки для мёртвых, но даже в таком случае право первого выстрела всё равно останется за Лычагиным. Ну а коль удача отвернётся, значит, такова воля небес – лишить его воспоминаний о сошедшей на станции Очеретино лазеровой диве.

... – Да вы не утруждайтесь, – подражая кипящему самовару, молвил Колян. – У нас всё есть. Сейчас Лариска накроет стол и, благословясь, приступим к трапезе.

Но Лычагин счёл нужным внести свою долю в затеянную тружеником стальных магистралей пирушку. Выставил баночку красной игры, шоколадку и бутылку тёмного стекла, которой явно заинтересовался тёзка покровителя моряков и железнодорожных машинистов.

– Это вино из Лигурии, – предваряя вопросы, объяснил Лычагин. – Дар лозы, которая растёт в горах под самыми облаками. К слову, землю туда виноградари доставляют на собственном горбу... Поэтому она, как великая драгоценность, измеряется золотниками и пядями. Это вино так и называется – «Чинква терра», то есть пядь земли. И пьют его только из хрустальной посуды да по великим праздникам.

– Неудобно получается, – огорчилась Лариса. – У нас только пластиковые стаканчики...

– Думаю, итальянцы простят маленькое отступление от правил, – пропыхтел труженик стальных магистралей. – Тем более праздник налицо. Не каждый день встречаешь коллегу-скитальца... Но я, пожалуй, начну со своего фирменного напитка, он лучше разогревает брюхо. Надеюсь, моряки такого же мнения.

В бирюзовые глаза Лычагин избегал смотреть. Хватит, один раз уже вогнал диву в румянец откровенно восхищённым взглядом. И теперь довольствовался самой малостью, созерцал аквамариновые серёжки Ларисы.

С каждой минутой она всё больше нравилась Лычагину. Косметики на лице столько, сколько и врождённого кокетства. Самая малость. Статью тянет на принцессу, но откидной столик за пять минут сумела превратить в аппетитно пахнущую клумбу.

«Вот бы у кого поучиться нашей буфетчице, – подумал Лычагин. – Та шваркнет на стол товарищам-командирам супницу, будто милостыню голодранцам подала: жрите, дескать, оглоеды».

Трапезничали под пыхтенье труженика стальных магистралей. Впрочем, после второго стаканчика огненной воды Колян полез на верхнюю полку и притих, словно самовар, из которого выцедили весь кипяток.

Обычно Лычагин избегал произносить цветастые тосты. Но здесь, в присутствии лазеровой дивы, его понесла волна вдохновения.

– До вашего появления, – сказал Лычагин, – я наивно полагал, что утонуть можно только в море-океане. Однако, оказывается, существуют ещё более губительные пучины...

– Спасибо, – тихо откликнулась Лариса, и чёрное, с бегущими огоньками оконное стекло отразило изящную кисть со стаканчиком даров произрастающей под самыми небесами виноградной лозы.

...Но если на южных склонах холмов Лигурии и продолжает созревать солнечная ягода, то здесь, над последним пристанищем человека, небо сулило верную погибель.

«Вот суки, – мысленно ругнулся Лычагин, услышав в районе изувеченной снарядами баррикады жужжанье беспилотника. – Устроили охоту с привлечением последних достижений науки и техники».

Впрочем, око беспилотника не без изъяна. Да и едва ли оператору механической гарпии придёт в голову, что под ветхими марами прячется добыча. Скорее, будет высматривать её среди кустов разбушевавшейся сирени.

Нет, так просто Лычагина им не взять. Это вначале он повёл себя хуже салаги. Бежал, мало заботясь о том, что оставляет в кладбищенской траве заметный след.

Но потом, отдышавшись у покарябанной осколками чьей-то могилы, действовал предельно осторожно. Чтобы сорока не выдала его своим ором, место дислокации сменил лишь после того, как она улетела за строительным материалом. Да и возвращаясь к пробитой им же тропе, выбирал среди оградок свободные от липучей травы островки, перепрыгивал через сваявшиеся космы прошлогоднего ковыля.

А уж местечко для нового укрытия выбрал такое, что позавидовал бы и сам полковник.

Вначале Лычагин услышал, а потом увидел механическую гарпию. Она, к великому неудовольствию сороки, дважды обошла колючую пирамиду матёрого боярышника, минуту уделила гипсовому, в человеческий рост, ангелу и наконец зависла над устроенной среди каменных крестов свалкой.

Похоже, оператор заподозрил, что под грудями веток, сваленных как попало ржавых пирамидок и облезлых венков скрывается беглец.

Как ни велико было желание пульей приземлить механическую гарпию, Лычагин удержался от соблазна. Звук выстрела наверняка выдаст его с головой, и тогда только одному Богу известно, пощастливится ли бывшему старпому ещё раз пройти мысленно по перрону станции, где поезд задержали, чтобы сменить локомотив, под одним зонтиком с лазеровой дивой.

...Станция была увешана фонарями, словно новогодняя ёлка. Казалось, кто-то позаботился о том, чтобы лазеревая дива не намочила башмачки в лужице на перроне.

Это озерцо дождевой воды пыталось разместить в своих берегах полноликие фонари, облепленную полиэтиленовой накидкой фигуру дежурной по вокзалу, сутулого милиционера с дубинкой у пояса и мокрую причёску росшего здесь же, на перроне, каштана.

– До чего же красивая пара, – восхитилась дежурная. – Хоть под венец ставь.

– Ты кого имеешь в виду? – спросил милиционер, удаляя с козырька фуражки излишки небесной влаги.

– А кого, кроме этой парочки, ты ещё видишь на перроне?..

Дежурная по вокзалу общалась с сутулым милиционером вполголоса, однако её услышал не только Лычагин, но и Лариса. Иначе бы не поинтересовалась: какому бракосочетанию отдаёт своё предпочтение спутник, светскому или церковному?

– Партком запрещает советским морякам посещать злачные и богоугодные места, – рассмеялся Лычагин. – За непослушание могут визу на годик-другой прихлопнуть. Но если на то пошло, то, помимо церкви, есть множество мест, пригодных для венчания и прочих обрядов.

– И вам известны адреса этих мест? – спросила лазеревая дива, и её притенённые зонтиком глаза окатили Лычагина прибойной волной.

– А разве всё, что нас сейчас окружает, не напоминает храм Божий? Фонари приветливы, словно свечи в руках ангелов, дождик шепчет потаённые слова, отцветающая маттиола пахнет пронзительнее первосортного ладана... Да и свидетели имеются в наличии. Вон те двое, дежурная по вокзалу и сутулый милиционер.

– Кого вы намерены назначить на роль священника?

– Небеса, конечно. Ведь не батюшка, не администратор Дворца бракосочетания, а именно небеса благословляют человека... Так готовы ли вы, лазеревая дива, предстать перед небесным алтарём для обручения?

– Шутите? Ну так и я отплачу той же монетой... Конечно, всё это настолько романтично, что сердце готово ответить согласием. Однако рассудок твердит другое. Вы предлагаете замужней даме то, что равносильно прыжку с подножки идущего полным холодом поезда.

...Воспоминания о той, одинаково пригодной для прогулок и общения с небесами, ночи не отвлекли Лычагина от происходящего. Особенно его раздражала механическая гарпия. Она продолжала жужжать над мусорником, словно собравшаяся кого-то ужалить скандальная пчела.

В другое время он бы сказал всё, что думает, о привычке человечества – гадить там, где положено преклонять колени. Но сейчас даже был рад тому, что оператор дрона сосредоточился на ворохах отслуживших положенный срок венков и сваленных у подножья каменных, образца середины прошлого столетия крестов-пирамидок.

Конечно, стрельба в прифронтовой зоне – такое же привычное явление, как шум ветра и стрекотанье сороки. Однако те, кому положено наводить в ней порядок, обязательно обратят внимание на подозрительную возню у погоста.

Ну а пока ему не следует расслабляться. Где-то там, среди оградок, крадутся головорезы, других не берут в диверсанты. Да и чем дальше, тем больше Лычагин убеждался, что оператор интересуется свалкой исключительно для отвода глаз. Наверняка заметил прячущегося под марами человека и теперь наводит на него подельников.

– Погоди, тварь, – проворчал Лычагина, беря на прицел механическую гарпию. – Сейчас я поступлю так, как Одиссей с Циклопом.

Однако ему не дали насладиться удачным выстрелом. Едва беспилотник начал терять высоту, как на мары посыпались срезанные пулями гроздьи сирени.

Но Лычагин не стал дожидаться, когда его выдернут из-под носилок для мёртвых, как спрятавшегося под корягой рака. Выпустив половину оставшейся обоймы по кустам, метнулся к изначальному своему лежищу. Бежал почти не пригибаясь, был уверен, что охотники за головами постараются взять его в целости и сохранности.

... – Но ведь моё предложение никого не связывает по рукам и ногам, – возразил Лычагин. – И вам вовсе не обязательно прыгать с подножки идущего полным ходом поезда.

– Чего же вы хотите?

– Чтобы и через много лет мы вспоминали эту ночь, как нечто очень светлое.

– Следовательно, мы никогда больше не увидимся? – спросила Лариса, и её глаза потемнели, словно озерцо на перроне, чью безмятежность потревожил каштановый лист.

– Скорее всего – да. Я отбуду месяц на курсах повышения квалификации, затем получу новое назначение, вы ранним утром сойдёте на своей станции и будете жить, как жили прежде. Если не секрет, вы...

– Шью мужскую и женскую одежду. Модельер.

– Скудное, наверное, это занятие?

– Ничуть. Ведь настроение человека во многом зависит от того, во что его одели. Вот вам, например, мундир этого настроения не добавляет. А не добавляет потому, что пошит конвейерным способом, без учёта внешних данных и характера клиента.

– Да вы художник своего дела!

– Просто модельер и любопытная гражданка, которая жаждет узнать: действительно ли моряки настолько обожают свою форму, что даже спят в ней?

– Спят, если нет сил раздеться... Я же облачаюсь в мундир лишь когда вызывает на ковёр береговое начальство и во время несения стояночной вахты в базовом порту. Во все остальные дни отдаю предпочтение гражданской одежде, особенно – костюму цвета корабельной стали, у которого, к сожалению, оторвался рукав.

– У меня в сумочке есть игла и подходящие нитки тоже найдутся.

– Игла с нитками от вас не уйдёт. А вот эта дивная ночь, главным украшением которой стали вы, лазоревая дива, едва ли повторится. Не верите мне, прислушайтесь к тому, что шепчет зонтику посланец небес – благодатный дождик.

– Может быть, дождик подскажет соответствующие моменту слова? – спросила Лариса, и трудно было понять, шутит она или вполне серьёзно воспринимает происходящее.

– Обязательно подскажет, – в тон спутнице ответил Лычагин. – Только повторяйте их так, как повторяют молитву, которая адресована небесам, но не дежурной по вокзалу и сутулому милиционеру.

...С годами он всё реже вспоминал осенний дождик и отражённую в оконном стекле женскую кисть тонкого рисунка со стаканчиком даров произрастающей под облаками виноградной лозы.

Суэта будней подобна праху земному, который на протяжении веков хоронил города древности – Трою, Тибериас и мало кому известный Танаис на берегу Азовского моря. Однако стоит кисточке археолога пройти по мозаике терм, и она тут же откликнется первозданностью радуги. Точно так изогнутый вопросительным знаком дорожный указатель явил воспоминания, которые сам Лычагин считал давно и бесповоротно погребёнными.

Разумеется, в нормальной обстановке он постарался бы восстановить мелочи раннего утра, начавшегося с трубного вопля проводницы:

– Очеретино! Подъезжаем!

– Хватай, жена, мешки. Вокзал отходит, – хохотнул Колян.

– Иди. Я догоню, – ответил шёпотом Лариса.

Наверное, Лычагину следовало попрощаться со спутниками, однако он продолжал притворяться спящим. Не хотелось в трусах предстать перед лазоревой дивой, которая, судя по запаху мыла, успела привести себя в порядок.

Но не успело самоварное кряхтенье труженика стальных магистралей удалиться, как вагон качнуло на входных стрелках, и в тот же миг Лычагин ощутил прикосновение губ лазеровой дивы.

...Впрочем, скоротечные, словно просверки островного маяка, воспоминания не уводили Лычагина от главного. Укрывшись всё за той же покарябанной осколками могилой, слушал, не треснет ли где под вражеским берцем сухая ветка.

Однако вместо этого последнее пристанище человека разродилось гулким хлопком, и тут же кто-то невидимый принялся звать Матку Боску.

Но вместо Матери Божьей голос подала скорострельная пушка машины боевой пехоты, а спустя шесть-семь минут со стороны разгромленной баррикады послышались торжествующие голоса победителей.

«Наверное, надо пойти и поклониться своим спасителям, – расслабленно подумал Лычагин и, опираясь на ненужный больше карабин, поднялся с колен. – А заодно узнать имя столь любезно приютившего меня хозяина потревоженной войной могилки. Уж его-то да убиенного Олега я просто обязан помянуть сегодня полной чаркой».

Увы, табличка с именем, фамилией и скорбными датами отсутствовала. Похоже, срезало одним из осколков. Впрочем, Лычагин и без неё узнал, кого он помянет по возвращении домой.

– Ты уж не обессуди, что к старости стал забывать тебя, – повинился бывший старпом, вглядываясь в пощаженную гаубичным снарядом фотографию, с которой улыбалась та, кого он называл лазеровой дивой.

Такая же юная и обаятельная. Только без стаканчика с даром растущей под облаками виноградной лозы.

– Прости, – ещё раз повинился Лычагин и, опустившись на одно колено, прижался щекой к припудренной кладбищенской пылью фотографии. – Если мне придёт срок встретиться с тобой там, где ты сейчас, я постараюсь раздобыть бутылку того самого вина.

Однако ни одна живая душа, кроме сороки, не услышала данного Лычагиным обещания. Да и она была слишком занята, чтобы обращать внимание на человека с карабином. Продолжала ваять среди терний боярышника ажурное гнездо, утверждая жизнь в этом царствии мёртвых.

Берега переводов

Алави Аль-Хашими

Алави аль-Хашими – бахрейнский поэт и профессор университета. Родился в сентябре 1948 года в Манама. Получил диплом коммерсанта Лондонского университета в 1968 году, степень бакалавра искусств по арабскому языку Бейрутского арабского университета в 1972 году, степень магистра искусств по арабской литературе Каирского университета в 1978 году и степень доктора философии по арабской литературе Тунисского университета в 1986 году. Преподавал в Колледже искусств Университета Бахрейна и работал редактором по культуре в Gulf News и литературном отделе журнала Bahrain Magazine. Опубликовал сборники стихов и литературной критики, а полное собрание его стихотворений было составлено в 2012 году.

Автор перевода с арабского Елена Родченкова

Елена Алексеевна Родченкова – член Союза писателей России, поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель, автор 30 книг прозы, стихов, публицистики, стихов для детей. Лауреат многих премий, в том числе всероссийских: «Имперская культура» им. Э. Володина и им. В. И. Белова. Автор официально утверждённых гимнов городов Валдай Новгородской области и Новоржев Псковской области. Произведения переведены на китайский, арабский, турецкий и другие языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

ВЫХОД ИЗ КРУГА ОБМОРОКА

Моя память тяжела от суеты.
Вечер. Столики в углу кафе пусты,
Где влюблённые счастливые сидели,
Там собрания калек и толпы геев,
И совсем немного чистых, мудрых лиц.
Там, как маятник, официант с подносом
К каменным зрачкам дары подносит
И уходит... Лик эпох стареет иногда...
Почему любимых лица молоды всегда?

Беглый взгляд скользит по кромке сна.
Мчит автобус, на проспектах тишина.
Замер маятник-официант: пришёл-пропал.
И Мансур устало задремал.

Осень, ветер листья спелые срывает,
А неспелые на время оставляет.
Разве это осень? Разве – вечер?
Я не помню, для чего срывает листья ветер?
Почему они, как маятник, скользят,
Почему их сразу все сорвать нельзя?
Разве тяжесть памяти души
День грядущий мой спокойствия лишит?
Сущее не спрячет от меня
Откровенья будущего дня.
Как Адам, забывший свою силу.

То, что рядом, – не зависит от того, что было.
Моё время – вне пространств, вне расстояний,
В близком пробуждённом состоянии
Я не помню самого себя,
Сны безликие сквозь явь – листвою – скользят...

На кончиках слипшихся, длинных ресниц
Трепещет зелёная тонкая нить.
Она расширяется, пухнет, как семя,
Как клетки деревьев, впитавшие время.
И клетки меняются, как танец маятника,
Как тело дерева, как ночь и день.
Вот, солнце светит... Вот, летит облако...
Вот, Земля падает в облака тень...

Видишь, деревья не умирают.
Они изменяют всё и изменяются.
Разве осень бывает? Разве вечер – бывает?
Я, как Адам, который имена забывает.
В суете кофейни – серые тени,
Каменные зрачки бродяг и геев,
Безработные, новые влюблённые,
Автобус ползёт по тишине улицы сонной.
Мансур открывает глаза и хмурится.
Сознание просыпается и застаёт его на улице,
Голос официанта

«Вы хотите что-нибудь выпить?»
Заставляет из небытия выплыть.

Автобус бредёт по уличной тишине.
Всё видимое медленно тает во мне.
Всё стирается, уже почти ничего нет.
Никого, никогда и нигде нет,
Только бледные, вялые толпы людей.
Моя ладонь превращается в сухой лист.
Вокруг преломляется свет. Ничего нет. Мир чист.
Люди тают, как призраки, будто их не было
никогда.
Пальцы мои тянутся, как нити, блестят, как слюда.
Как тонкие ростки вырываются из тьмы на свет,
Но к ним нельзя прикоснуться, потому что их нет.

Буйная река пламени поднимается внутри меня
И, бушуя, ползёт к прозрачному хрусталику глаз.
Я весь из жара, я весь из огня
И был всегда, миллиарды раз.
Какая-то отчаянная, сильная птица
В моё сознание грубо стучится,
Крыльями полосует меня,
Клювом пробивает насквозь виски
И заглядывает внутрь памяти...
Какая-то птица заняла всего меня,
Захватила голову и тело,
Прижала к стулу, силу отняв.
Какая-то вещая птица в меня влетела!

Я Мансур и Адам, прекративший, как дерево,
меняться, расти...
Моя память тяжела от былой суеты,
Автобус ползёт по проспектам пустынным,
А я не помню ни одного названия, ни одного
имени.
Как маятник, официант пришёл-ушёл.
Между сном и обмороком там хорошо!
Мансур один.
Эта битва отчаянная с самим собой
Двери неба в сердце печальном открыла, чтоб
увидеть любовь
И вытащить ту звезду, что упала на дно
кофейной чашки.
Между сном и обмороком кровь кипит страшно,
тяжко...

Мансур, словно в тюрьме, одинок, и окно со-
знания,
Через падение в глубину, разорвало круг.
Так в сердцах открываются вдруг небес письмена.
В них – слова и предметов названия и явлений
и сущностей имена...
А что это такое – «осень»?
А что это такое – «вечер»?

И я вспомнил суть, я узнал,
Что на всё и за всё ответил...

Моя память тяжёлая от суеты.
Перекрёстки улиц пустынные, чисты,
Даже пламя сердца в слезах потушив,
Пепел не разгорится внутри души.
Очередь печальная за мной длинна.
И уныла и темна, как ночь, она.
Грусть закрыла памяти границы.
Кровь моя кипит, не охладится.
Я зажжёт на тихой улице её.
Память воду на огонь льёт, льёт, льёт, льёт...
Обморок прошёл вокруг меня.
Как Адам, суть вечности храня,
Я вернул утраченные имена.

Я называл их и говорил с ними.
Они отвечали: – Привет!
Кто привёл тебя в эти времена?
Ты – узник своих задач, тюремщик своих карма-
нов.
Ты приговорённый родиной пленной своей,
Которая спит в подвалах султана.
Кто освободил тебя от тяжкого сна?

– Я пришёл сам.
Я осмелился. Я был слаб, как старый раб.
Но я отрёкся от слабости, я отменил все свои грехи.
– Кто пришёл с тобой?
Кто в этой длинной очереди – из твоих снов и
видений?
– Это влюблённые. Все влюблённые мира пришли
со мной.
Их привели мои стихи.
Эта длинная очередь горячих сердец – моё сердце.
Кровь в нём вновь загорелась, она светится!

Я опустил в синие волны руку, как дерева лист,
Из сердца хлынул мощный поток живого огня.
Сердце сияет, волна горит.
Вот, белый парус трепещет,
Белая чайка парит,
Как пылинки, как лёгкий пепел
Между землёй и морем,
Соединяя их собой.
Здесь всё – Любовь. Мы все – Любовь.
Я вспомнил слова! Я перечислю их.
Я говорю с ними.
Это я давал возлюбленным своим имена.
Все влюблённые – это «Я».
Все возлюбленные – это моё имя!
И распахнулся над шелковой гладью бескрайней
сини
Кованный круг бытия...

Валентина Семёнова

Валентина Андреевна Семёнова – родилась в с. Харик Иркутской области. Критик и публицист, пишет о творчестве писателей-сибиряков А. Звереве, В. Распутине, А. Вампилове, В. Сидоренко и др. Многолетний обозреватель Дней русской духовности и культуры, Вампиловского фестиваля, культурных событий Приангарья.

Автор книг статей и очерков «Благодаря – а не вопреки» (Иркутск, 2002), «Под небом родным и тревожным» (М., 2019), «Сияние России» (1994–2003) (Иркутск, 2024), публикаций в журналах «Сибирь», «Наши современники», «Сибирские огни». Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

«СИБИРСКАЯ ЭПОПЕЯ» ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

О превратностях жанра книги «Сибирь, Сибирь...»

Судьбы книг, как и судьбы людей, складываются по-разному. В этом смысле судьба эпопеи «Сибирь, Сибирь...» Валентина Распутина на первый взгляд кажется успешной. Трижды она выходила в свет при жизни автора, с доработкой и пополнением глав, к тому же в ярко иллюстрированном, подарочном варианте (М., 1991; Иркутск, 2000, 2006). Презентации третьего издания прошли не только в Иркутске, но и Москве. Но если посмотреть с позиции читателя, то окажется – книга о Сибири всемирно известного писателя XX века стала достоянием немногих поклонников его творчества.

Самый большой тираж – 100 тысяч экземпляров первого издания 1991 года – разлетелся мгновенно. Два последующих, уже в перестроечное время, вместе составили менее 10 тысяч. Спрос, разумеется, не был удовлетворён, но условия стал диктовать рынок. Поскольку количество цветных фотоиллюстраций увеличивалось с каждым последующим изданием при маленьких тиражах, книга резко дорожала, и далеко не все желающие могли заплатить за неё рыночную цену. К тому же, и это самое главное и парадоксальное, – высокохудожественный текст Распутина на фоне перенасыщенности изобразительного ряда несколько отодвинулся на второй план.

С одной стороны, издателей можно понять: слово писателя-живописца не могло их не восхитить. И велик был соблазн проиллюстрировать каждую страницу. Что ж, будем считать, что подарочные красочные издания состоялись, их можно подолгу листать и рассматривать, но не подумать ли о книге для чтения? Кстати, таковая – без иллюстраций, ограниченная лишь рисованными шмуцтитутлами перед началом глав и портретом писателя после титульного листа, – уже появилась в 2017 году (М.: Издательский центр «Азбуковник»). Но не сказать, что вышла недорогой: во-первых, маленький тираж – две тысячи, что означает высокую себестоимость, и опять-таки дорогая мелованная бумага, в этом случае необязательная, – текст на ней бликует.

Таков издательский сюжет. Но есть ещё и литературный. Почему-то ни в одном издании жанр книги не указан.

Мы ещё вернёмся к этим вопросам, а пока обратимся к самой книге «Сибирь, Сибирь...», тем более что исследователями творчества Распутина не так много внимания уделено этому произведению из одиннадцати глав¹.

* * *

Первая глава – «Сибирь без романтики» – можно сказать, запевная, она и была написана одной из первых, в 1983 году. Вступление на две страницы сразу даёт понять, что значит Сибирь для писателя

¹ Здесь и далее ссылки на страницы по изд.: Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... – Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. 576 с.

Распутина. Небольшой отрывок быстро разошёлся на цитаты. Кому незнакомы строки, украшающие стены библиотек и Домов культуры в дни мероприятий, посвящённых Сибири или творчеству писателя-сибиряка?

«Слово “Сибирь” – и не столько слово, сколько само понятие, давно уже звучит вроде набатного колокола, возвещающая что-то неопределённо могучее и предстоящее»;

«Нет ничего в мире, что можно было бы поставить в один ряд с Сибирью»;

«За четыреста лет, прошедших после покорения Сибири русскими, она, похоже, так и осталась великаном, которого и приручили, и привели местами в божеский вид, но так и не разбудили окончательно»;

«В сущности, опершись на Сибирь да ещё на некоторые, пока заповедные районы, человечество могло бы начать новую жизнь»;

«И если слово “Сибирь” в своём коренном смысле не означает “спасение”, оно могло бы стать синонимом спасения» (с. 7–8).

Далее развёртывается картина присоединения азиатской части евразийского материка к России, начиная с походов дружины Ермака. Писатель сетует на нехватку исторического материала, замечая, что о Колумбе, открывшем Америку, нам известно всё, а спустя сто лет рядом с Ермаком, открывшим Сибирь, «не оказалось и совсем никого, кто бы понимал значение его фигуры и величие его похода» (с. 14). Очевидно, сведения пришлось собирать по крупицам, и по кратким ссылкам можно догадаться, какой объём литературы охвачен автором. Перечислим с таким же кратким пояснением: А. Н. Радищев. «Слово о Ермаке»; Геродот; Р. Г. Скрынников; Строгановские летописи, Синодик тобольского архиепископа Киприана, Н. М. Ядринцев и А. П. Шапов (исследователи Сибири); писатели И. А. Гончаров, А. П. Чехов, Сергей Марков; С. Я. Капустин (экономист и публицист, XIX в.); М. Бакунин (мыслитель, теоретик анархизма), Сомье (итальянский путешественник, конец XIX в.), И. Фишер (российский историк немецкого происхождения, XVIII в.). Список можно продолжить и по остальным главам.

Помимо записей учёных, писателей и путешественников, Распутин часто обращается к «памяти народной», запечатлевшей события и их участников в предании, легенде, песне. В них Ермак предстаёт личностью эпического размаха. Не случайно автором приведена цитата из одного из русских журналов в год празднования 300-летия Ермакова похода «в зауральскую сторону», где сказано, что «казаков было всего лишь пять сотен, а враг считал себя тысячами». И только «выдающиеся способностями полководца и администратора личность Ермака» привела казаков к победе. Автор XIX века был удивлён тем, что «простолудин явился выразителем исторического закона, который двигал Русь к востоку в Азию» ... и сделал «первый, основательный шаг... другие пошли за ним» (с. 17–19).

Не отвергая мнения тех, кто находил в Ермаке не одни героические черты, учитывая нравы казачьей вольницы, писатель, тем не менее, полагаясь на «народную память и народное чутьё», говорит о нём как о «любимце русского народа» (с. 17).

У читателя займётся дух от описания пути казаков по неизведанным просторам: «Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжёлые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя... товарищей и силы, пользуясь не картами... а слухами... не ведая, что их ждёт завтра и послезавтра... они шли и шли всё вперёд и вперёд, дальше и дальше на восток...» (с. 19).

Что же вело их по этому бездорожью, задаёт писатель вопрос, и отвечает: «Не только корысть... и не только дух соперничества... но нечто большее...» Среди этого большего названо «волеизъявление самой истории» и «народное самолюбие» (с. 23). Чем же манили первопроходцев «холодные и дикие просторы»? Ответ прочитывается, в том числе, и в картине, увиденной автором с высоты поднебесья: «В нашей природе всё мощно и вольно... В Западной Сибири равнина – так это равнина, самая большая и самая ровная на планете, болота – так болота, которым и с самолёта нет, кажется, ни конца и ни края. Восточносибирская тайга – это целый материк, терпящий, к слову сказать, и самые страшные бедствия в своей жизни от вырубок и пожаров. Реки – Обь, Енисей,

Лена – могут соперничать лишь между собой. В озере Байкал пятая часть пресной воды на земном шаре. Нет, всё здесь задумывалось и осуществлялось мерою щедрой и полной, точно с этой стороны, от Тихого океана, и начал Всевышний сотворение Земли и повёл его широко, броско, не жалея материала...» (с. 51).

К картинам сибирской природы Распутин обращается не однажды. Сначала говорит о её суровости, потребовавшей от первых пришельцев безграничного упорства, чтобы добиться плодов от таёжной земли. Но верх то и дело берёт чувство восхищения её многоликостью, разнообразием, неожиданными проявлениями стихии. И становится очевидным: только писателю столь огромного художественного дара и могло открыться это непостижимое по величию, красоте и нетронутости пространство.

Размышляя о притягательной силе Сибири, Распутин говорит о её обыкновении раскрываться не сразу, а неожиданно, словно против воли того, кто решился её посетить. Примером стали два писателя-классика – И. А. Гончаров и А. П. Чехов, проехавшие каждый в своё время Сибирь из края в край. Поначалу они со скукой наблюдали картины, кажущиеся унылыми и однообразными, но внезапно испытали потрясение: А. П. Чехов, «подъехав к Енисею, ахнул: "...В своей жизни я не видел реки, великолепнее Енисея"»; И. А. Гончаров пришёл в восторг вблизи Лены – «даже от зимней, укрытой снегом и льдом, даже от безжизненной в эту пору великой реки». «В обоих случаях так оно и должно было случиться, – добавляет автор. – ...Сибирь имеет свойство не поражать, не удивлять сразу, а втягивать в себя медленно и словно бы нехотя, с выверенной расчётливостью, но, втянув, связывать накрепко. И всё – человек заболевает Сибирью» (с. 48–49).

И как не заболеть – автор приводит убедительные тому аргументы. Например, в каких-то местах, среди «диких просторов» вдруг встречаются «вкрапления несибирского, казалось бы, свойства»: эталоном красоты в духе европейской Швейцарии предстаёт Горный Алтай и Минусинская долина в Красноярском крае, на Байкале на реке Снежной «рядом с лиственницей и кедром соседствуют неохватные реликтовые тополя и голубые ели». Ну а сам Байкал, тут и говорить не надо (есть глава о Байкале): будто «случайно обронён с какой-то другой планеты, более радостной и богатой, где с тамошним жителем он был в полном согласии...» (с. 51, 54). Или взять времена года. Они могут входить в противоречие природному закону. Если зимой в северных широтах всё «из конца в конец оцепеневает в одной тяжёлой недоступной думе», «весна... – это ещё не весна... а добрых два месяца только раскачивание зимы», то лето «выстреливает»: «ещё вчера было разорно и голо, а сегодня... завывляло отовсюду дружной всхожестью, завтра – загорится полным летним заревом. И заполыхает красотой яркой и отчаянной... Зато осени стоят долгие и тихие... Рано наступив, она поздно и отступает... И не редкость: обманутые неурочным теплом, во второй раз за сезон набухают почки и расцветает по склонам гор багульник, любимый сибиряками кустарник» (с. 54–55).

Насколько трогательно для писателя это стремление живого мира успеть процвести за короткий срок! Сочувствие природе, понимание её помогают осмыслению судьбы планеты по имени Сибирь. И только ли её – стоит задуматься. Иначе бы не появились такие строки: «Итак, стремительность в одно время года и медлительность – в другое, с неровными и непрочными в своих границах переходами – это и есть Сибирь. Порывистость и оцепенелость, откровенность и затаённость, яркость и сдержанность, щедрость и сокрытость – уже в понятиях, имеющих отношение не только к природе, – это и есть Сибирь» (с. 55).

* * *

На фоне воссозданной истории первопроходцев и поражающих воображение пейзажей дан портрет сибиряка, столь же своеобразный и впечатляющий.

Прослеживая, как происходило вживание в сибирскую землю русских, Распутин прежде всего отмечает разницу между поведением европейца в Америке и русского в Сибири: первый «превратился в тип янки», второй «видоизменился в тип сибиряка», и «признано, что с самого начала русский в Сибири оказался превосходным колонистом». Хотя и были попытки «устроить по примеру Северной Америки рабство» для местного населения, но «попытки эти... провалились с треском» – их не поддержали ни власть, ни народ. «Ничуть не страдая своей избранностью (за русским это, кажется, совсем не водится), – пишет автор, – он (русский мужик. – В.С.) стал родниться с аборигеном семейными узами». Постепенно с этим смирилась протестовавшая поначалу церковь, разрешив смешанные браки, если иноверцы примут крещение в православие (с. 26–27).

Со временем пришло к тому, что во внешности сибиряка появились признаки «азиатчинки»: некая раскосость глаз и широковатость скул, «что придаёт женской красоте новую очерченность и выразительную свежесть», в характере – «слияние славянской порывистости и стихийности с азиатской природностью и самоуглублённостью» (с. 27).

Помимо этого, Распутин находит немало и других влияний. Одно из основных – влияние присущей Сибири «народной вольницы». Сюда уходили люди, искавшие свободы от всякого рода притеснений и ограничений. С одной стороны, те, кто был не в ладах с законом, с другой – праведники, несогласные с несправедливостью. К несогласным принадлежали старообрядцы, покидавшие центральную часть России во времена религиозного раскола XVII века. Их общины являли собой пример «чистой и крепкой нравственности», которая «противостояла здесь ссыльно-уголовному братству», – приводит Распутин слова Н. М. Ядринцева, отмечавшего семейских как «особое племя» (с. 30).

Крутой замес из «вольноохочих», пахарей-тружеников, бродяг-уголовников и политссыльных определил неоднозначность характера сибиряка. Недоверчивость, с которой он встречал незнакомца, уступала место гостеприимству и открытости, если становилось понятно, что к нему пришли не со злом (с. 34). Выковывал характер и климат, которому, как уже было сказано, отведено немало места. От человека требуется постоянная готовность к неожиданностям, недюжинное терпение, чтобы «отвоёвывать... у тайги каждый клочок земли». Но больше всего, считает автор, на сибиряка «повлияла сама Сибирь – как земля, как мир... как рождающая и несущая его родина» (с. 33, 37). К этому необходимо добавить сказанное автором ранее: «Но русской и оседлой Сибирь сделали не воины, не служивые, промысловые и торговые люди, а хлеборобы... Этот тихий и незаметный, как прежде говорили, угодный Богу труд сделал решающее дело» (с. 24).

Менялось время, новое «покорение» Сибири привлекло молодёжь, хлынувшую на строительные площадки, чтобы научиться ремеслу, заработать денег и уехать из мест, так и не ставших родными, с грустью отмечает Распутин. И сибиряк уже перестал быть прежним, о ком в прошлом веке говорилось: «...Сибиряк-крестьянин представляется тем русским человеком, каким он был в России древле, до появления кабалы, холопства, крепостного права; природные свойства русского земледельца получили здесь свободное развитие» (С. Я. Капустин). Однако «при всех потерях, случившихся в его характере в последние десятилетия, он остаётся всё же в границах более или менее здоровой морали и искренних отношений, что по нынешним временам ой как не худо», – считает писатель (с. 41–42).

Попутно заметим, что Распутин далёк от мысли противопоставлять Сибирь России. Напротив, он категорически отрицал это: «Сибири суждено было войти в плоть и кровь России», «Сибирь и Россия – одно целое. Сибирь без России не существует, и пускаться по этому поводу в доказательства нет необходимости» (с. 23, 41).

«Сибирь без романтики» – это взгляд на Сибирь иным, не журналистским взглядом, типичным для эпохи великих сибирских строек. Это дума сына Сибири и патриота России о родине величественной и ещё не раскрытой по-настоящему, надежда на то, что «и через сто, и через двести лет Сибирь останется Сибирью – краем обжитым, благоустроенным и заповедным, а не развороченным лунным пейзажем с остатками закаменевших деревьев»; это упование на неё как на «реальность будущего», в котором «человек... возьмётся наконец не на словах, а на деле радеть о счастливо доставшейся ему земле» (с. 56).

Такое видение сохранится и в следующих десяти главах. Всякий уголок уникального края, к которому прикоснулось перо Валентина Распутина, просиял своим особым и необыкновенным светом. Продолжим и коснёмся хотя бы вскользь отдельных страниц этой книги.

* * *

«Младовеликий Тобольск», «восточный стольник, под управой которого находился огромный полнощный край... удалю русского человека добытый и поставленный...» – такой является читателю первая столица сибирского края в главе, посвящённой Тобольску (с. 57). Прослежены основные вехи более чем 400-летнего пути, рассказано о первых правителях-воеводах, чьи труды, приложенные к освоению огромного края от Урала до Тихого океана, остались, по словам автора, недооценёнными историей. Сочувствием проникнуты страницы о переходе города из столичного ранга в губернский, о проблемах сохранения старины, характерных для Сибири. Но есть и новые впечатления от Тобольска в издании 2006 года.

Валентину Распутину было свойственно откликаться на созидательную деятельность современников. Так появляется в книге инициатор и создатель фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов. Он многое делает для восстановления и развития культуры старинного города, уже не одно десятилетие выпускает альманах «Тобольск и вся Сибирь» о сибирских городах и значительных событиях, в которых участвуют сибиряки.

Добавим то, о чём не сказано. Распутин познакомился с Елфимовым, поддержал тобольский альманах, подарил ему название и вошёл в редакционный совет. В Дни русской духовности и культуры «Сияние России», проходящие в Иркутске, они вместе представляли читателям новые выпуски альманаха.

* * *

Если перенестись на восток, то читателю откроется **Кяхта** – «дитя торгового брака России с Китаем». Этот экзотический городок на границе с Монголией, по словам автора, «во весь девятнадцатый век гремел на всю Россию, был известен в Париже, Лондоне и Нью-Йорке», где исполнялись всевозможные заказы для его богатых жителей. Поскольку чай и другие товары из Китая шли через Кяхту, достигая Европы, торговля приносила большие доходы. Но на что они тратились? Купцы оказались весьма просвещёнными, обладали хорошим вкусом, в особняках на улице миллионеров имелись библиотеки и картинные галереи; строились храмы. Очень современно звучит тема «Капитал и его применение», и не мешало бы нынешним предпринимателям перенять кое-что из подобного опыта.

История бурного расцвета и падения Кяхты под натиском исторических перемен читается как увлекательная повесть, близкая приключенческому жанру.

* * *

О главе «**Иркутск**» следует сказать особо. Она была написана в 1979 году и, можно сказать, открыла «сибирскую одиссею Распутина», как назовёт книгу иркутский философ А. Д. Сирин. В виде «полемических заметок» под названием «Иркутск с нами» материал вышел в центральной газете «Советская культура» с целью защиты иркутской старины. Многим известны воспоминания С. А. Утмелидзе, в то время ответственного секретаря Иркутского отделения ВООПИК, о том, как «заметки» стали своего рода документом – сотрудники общества ходили с ними по инстанциям, отстаивая исторические объекты от сноса. И это помогало. С другой стороны, «полемическое» произведение содержит немало лирических страниц. Начинается оно с признания в любви к городу на Ангаре, с «чувства родины», которое охватывает героя-повествователя при встречах с ним после разлук.

Названо любимое время года, заветный час и уголок старого Иркутска, где «очень скоро теряешь ощущение времени и оказываешься в удивительном и сказочном мире» (с. 233). Лирическая интонация не мешает погружению в историю города и острому разговору о современной архитектуре, нарушающей его своеобразный облик.

* * *

Озеро **Байкал** можно назвать одним из главных героев в творчестве Распутина. Причём образ его нередко наделяется характером живого существа. «Байкал дышит глубоко, мощно и порывисто», от его дыхания рождаются ветры, угрожающие мореплавателю. Он коварен и непредсказуем, он заставил строителей переправы на Мысовой (глава «Кругобайкалка») изменить проект и перенести причал в другое место, более безопасное для швартовки ледоколов.

Но этот «дикарь» стал нуждаться в защите после того, как на его берегу возник бумажно-целлюлозный комбинат, и писатель Распутин отдал несколько лет борьбе за его чистые воды. Отрывки из «Байкальского дневника» в главе «Байкал» – репортаж с возрастающим напряжением.

Что значило сибирское озеро-море для Распутина, говорить много не надо, достаточно вспомнить его слова: «Рядом с Байкалом мало размышлять привычно, здесь надо выше, чище, сильнее думать, вровень с его духом, не бессильно, не горько» (с. 290). И Распутин достиг этого: слово художника и мыслителя стало вровень с мощным духом Байкала.

* * *

Горный Алтай написан с таким же размахом. С той лишь разницей, что не пришлось отстаивать Катунь от намерений покорителей рек перегородить её плотиной ГЭС. Идея канула в провал 1990-х годов. Заповедные просторы остались во власти «гордых духов» озера Телецкого, преданий о Беловодье, запрятанном где-то высоко, на границе с Китаем, откуда до сей поры кому-то слышится колокольный звон...

В этой главе нарисован герой былинной силы, внешне похожий на «опростившегося патриарха». «У него не улыбка, а возгорание лица» и «большие тугие руки, разработанные до звона». Гидрологический пост, на котором вёл наблюдения Николай Павлович Смирнов за озером Телецким, превратился в пожизненный «Смирновский пост» служения скалистой земной тверди.

Много лет назад он спас кедровый заповедник от закрытия, написав письмо брату своего друга молодости, члену политбюро М. А. Суслову, после чего заповедник вернули. У него богатырская семья, из семнадцати детей, рождённых женой-алтайкой, четырнадцать из которых выросли и стали на ноги; у него на горном прилавке раскинулся яблоневый сад, какого в этих местах нет ни у кого. Оригинальность сада в том, что земля на тот прилавок была поднята снизу, слой за слоем, год за годом, мешками, «тачкой и таской». Воистину человек-легенда, сращённый с природой Горного Алтая!

* * *

Невозможно охватить в пределах одной статьи всю громаду книги «Сибирь, Сибирь...». Но как не упомянуть **«Русское Устье»** – затерянный за Полярным кругом островок Руси, поразивший писателя, а вслед за ним и читателя языком эпохи Ивана Грозного, на котором до 80-х годов XX века говорили потомки тех, кто укрылся в тундре от жестокости царской власти?..

Кого оставит равнодушным рассказ о спуске по **Лене-реке**, превратившемся для автора и двух его товарищей в экстремальное путешествие под затяжным дождём, в резиновой лодке, в конце августа? Дата написания – 1993 год, год расстрела Российского парламента. Природа будто настраивала человека на тревожный лад, внезапной непогодой (дождя, по всем прогнозам, не должно было быть!) намекая, что разлад в стране ведёт к трагедии. Неслучайно писатель, находясь в горно-таёжной глуши, думал о нарастающей смуте и многотысячных демонстрациях на улицах Москвы...

Книга имеет очевидную кольцевую композицию и заканчивается главой **«Моя и твоя Сибирь»**, охватившей самое драматическое десятилетие перестроечной России (1990–2000). Голос автора наполнен болью от набирающей обороты разрухи. Обо всём сказано прямо и честно. Подошли к краю: «Стране будущего» грозит участь мировой колонии; гражданин богатой Америки предлагает выкупить Сибирь, и даже названа цена – за 5–6 триллионов долларов...

Но есть в книге две главы, написанные в 2005 году, – **«Транссиб»** и **«Кругобайкалка»**. В них другой настрой. Это гимн труду, спасительному и побеждающему. Строительство Великого Сибирского пути и Кругобайкальской железной дороги – из высокого ряда побед. Распутин чутко ощущал пульс времени и видел: выстояла Россия, выстояла и Сибирь. И если удалось на стыке минувших веков «прошить» железной нитью громадное расстояние с тяжелейшими участками рельефа, при низком уровне техники и в сжатые сроки, если удалось возвести «Золотую пряжку Транссиба» как образец строительного искусства, то надо ли страшиться большой восстановительной работы после «лихих 90-х»?..

История показывает: народ российский способен в труде не только к преодолению сложных обстоятельств, но и к *самопреодолению*. Заметим: такого слова нет в словарях, видимо, оно было рождено в процессе погружения в тему.

* * *

Вернёмся к жанру. В полотне «Сибирь, Сибирь...» соединилось многое. Это исследование, пропущенное через сердце писателя и подсказанное сердцем, вместило в себя различные способы выражения. Легко обнаружить здесь и путевую прозу, и поэзию, и религиозное преклонение перед высоким проявлением духа, и россыпь философских наблюдений, и прямолинейность высказывания. Всё впитала в себя живая, льющаяся интонация, подобная чистым струям Ангары и глубинам Байкала – от возвышенной ноты до иронической, с вкраплениями тончайшего юмора.

В итоге родился жанр, которому пока нет названия.

Собственно, началось с самого первого, московского, издания книги, где жанр не был обозначен, как и осталось во всех последующих.

Нельзя сказать, что попыток его определения не было. Например, в сибирских сборниках материалов научных конференций. У философа Н. С. Коноплёва жанр книги о Сибири вписан в название статьи: «Величие и падение Сибири. Репортаж-палинодия о “Земле обетованной”, представляющей научно-художественным исследованием – историософским трактатом В. Г. Распутина “Сибирь, Сибирь...”» (Иркутск, 2007); также у филолога И. И. Плехановой: «Книга “Сибирь, Сибирь...” В. Распутина как лирико-философско-публицистический трактат» (Томск, 2016).

Трактат ли?..

Обращает на себя внимание и работа учёного Н. С. Цветовой из Санкт-Петербурга «Ментальное пространство России в прозе В. Г. Распутина» (Иркутск, 2012), где говорится о личности писателя как «натуре уникально цельной, сильной, честной, сотворившей неповторимый по степени единства, развивающийся исключительно по законам преемственности художественный мир»; о «постоянном стремлении... к эпическому отображению конкретных судеб и событий с учётом связи времён, в слиянии разнообразных форм условности, актуализирующем мифологические персонажи, мотивы, сюжеты»; о «"текстовом единстве" его повестей», где главное – «постижение многомерности бытия, многослойности, многокодности цивилизационных конфликтов...» и т. д.

Хотя речь идёт о прозе, но разве в этих утверждениях есть хоть что-нибудь, что противоречило бы художественным особенностям книги «Сибирь, Сибирь...»? И разве не удивительно, что писатель, при всём уважении к истории, горячо защищает предание, достоверность которого нельзя проверить. Вопрос был поставлен в главе «Русское Устье» даже запальчиво: «А теперь спросим себя: почему мы так подозрительны к преданию?.. Зачем нужно искать, обманывает или не обманывает предание?», если остались очевидные следы прошлого, которые «заставляют спохватываться: какое нынче на дворе время?» Вскоре добавляет: предание может стать и фактом, пусть долгое время оно оставалось «рисунчатым» – пока некому было «начертать его изображение, с которым бы оно совпало и ожило. <...> То, что держалось в воздухе, соединяется во всех своих частях, и происходит чудо: из ничего является внятный и убедительный голос, подтверждающий, что никакая правда и никакой поступок в мире не теряются окончательно» (с. 496–497, 501–502).

Этот голос звучит всё увереннее. Вот уже Распутин и сам причастен к прописыванию предания и даже сказовому творчеству. В главе «Байкал» после короткого сюжета о сотворении уникального озера следует признание: «Не помню, когда и от кого слышал я эту бесхитростную легенду. <...> А может не от кого другого, а от себя же и слышал, как наговорилось мне в одно из беспамятных созерцаний этого чуда, но всякий раз, когда подхожу я к Байкалу, снова и снова звучит во мне: “Упала Господня мера щедрот Его на землю и превратилась в Байкал”» (с. 269). Или рассказанная от вымышленного лица легенда о несостоявшемся союзе Ангары с Иркутом, вдруг отвернувшимся в своём течении от Байкала: «А ум художественный сочинит романтическую и красивую историю о том, как батюшка Байкал собирался отдать свою единственную дочь замуж за Иркут, но тёмной ночью своенравная дочь сбежала от него к могучему Енисею... а огорчённому Иркуту ничего не оставалось, как уйти несладко хлебавши», – слегка переиначивает поговорку писатель (с. 295–297).

К мысли, что жанр книги «Сибирь, Сибирь...» ближе всего к эпосу, похоже, были наиболее близки два иркутских исследователя – литературовед, критик, член Союза писателей России Н. С. Тендитник и философ А. Д. Сирин. Стоит привести их высказывания.

Н. С. Тендитник, переходя к книге «Сибирь, Сибирь...», пишет: «Внушающая сила публицистики В. Распутина в её художественности. В ней органически соединены исповедь, народность психологии, выпуклость событий и образов, документы, факты истории и культуры в их противостоянии...» (Из огня да в полымя // Н. С. Тендитник. Валентин Распутин. Колокола тревоги: Очерк жизни и творчества. М., 1999). Тендитник обращается к двум непохожим, по её словам, очеркам – «Горный Алтай» и «Тобольск». В первом отмечает интонацию спокойствия и обстоятельности, «течение всеохватной мысли», которое не замедляется, к какому бы предмету ни прикасался повествователь, во втором – «мотив величия края», когда не находится слов, чтобы описать горный и речной пейзаж, озеро Телецкое (там же, с. 116–117).

«Особая тема очерка – люди, – пишет Н. С. Тендитник. – Они разные, их можно уподобить горным духам озера Телецкое». Присутствие доброго и сильного духа нашёл Распутин в Николае Павловиче Смирнове, хозяине и труженике, защитнике заповедника. Критик восхищается портретом 85-летнего старца, сохранившего прямую стать фигуры, лицо которого «то омрачается, то сияет» во время рассказа, и улыбка уже «не улыбка, а возгорание лица»; высоко оценивает и художника: «Весь Распутин в этой короткой характеристике: бунинская изощрённая наблюдательность, сострадание и восхищение, выявленные в тесном соприкосновении автора с прожитой героем жизнью» (там же, с. 118).

Разве не эпический герой предстал перед нами? И он не один в этой книге, начиная с образа Ермака.

Из главы, посвящённой Тобольску, Н. С. Тендитник выбирает выражения в приподнятом стиле в адрес первой столицы Сибири: «“Младовеликий Тобольск”, “удалью русского человека добытый и поставленный, удалством живший”, ставший на земле “огромного полунощного края” был “приставлен смотреть на восток”» (Тендитник всегда щепетильно относилась к доказательствам из авторского текста) (там же, с. 121).

И ещё на тему эпичности: «...Распутин мастерски вылепил образы устроителей обширного края, дела государственно мыслящих граждан России, подвиги тех, кто его осваивал и обустроивал» (там же, с. 119); «Крупно, размашисто, с обозначения наиболее примечательных событий города писатель углубляется не только в его историю, но, по сути, представляет обширный пласт истории Сибири...» (там же, с. 121); и это «не просто обширные, энциклопедические знания в области истории, публицистики, художественной литературы России и Сибири, но и умение согреть их поклонением, состраданием, осветить пророческими предвидениями... Напряжение мысли, могучий дух и энергия слова – главные слагаемые его художественной публицистики. И ещё: писатель и в трудном жанре не повторяется. Меняется качество мысли, возникают и иные оттенки стиля. <...> Слово автора по истине бесстрашно, охватывая историю в масштабах континента. Планетарное мышление вызывает к жизни величие картин ушедшего мира и сознания» (там же, с. 123).

Слова «писатель... не повторяется...» означают, что книга «Сибирь, Сибирь...» второго издания (2000) была почитана критиком полностью.

Иркутский философ А. Д. Сирин начинает интересующий нас отрывок из главы «Кому повем печаль свою?» своей книги «Свет распутинской прозы» (Иркутск, 2007) с таких слов: «Публицистическое творчество Распутина невозможно себе представить без великолепных очерков, посвящённых земле сибирской. Собранные в одну большую книгу... эти очерки могут по праву считаться вершиной его публицистики» (с. 292). Далее тезис развивается со ссылками на текст писателя и приводит к тому, что грандиозность Сибири увязывается Сириным с грандиозностью её отражения в книге. «Под стать всему этому и люди, живущие здесь, – продолжает свою мысль философ. – Кто не слышал о великой храбрости, смекалке, упорстве и стойкости сибиряков в годы Великой Отечественной войны?... Эти качества не с неба свалились, а вырабатывались в особых исторических и географических условиях...» (там же, с. 293).

Важно для Сирина, что не только физическую крепость первопроходцев и материальный интерес к богатствам Сибири увидел писатель, но и крепость духа. «Распутин ближе к истине, чем учёные-историки, когда он утверждает: “...Здесь было словно волеизъявление самой истории, низко склонившейся над этим краем и выбирающей смельчаков, чтобы проверить и доказать, на что способен... этот народ...”» (там же, с. 310).

Сирин, как и Тендитник, намеревался остановиться лишь на двух очерках книги, «Тобольск» и «Иркутск», но захватил и другие: «Русское Устье» и последние – «Транссиб» и «Кругобайкалка», только что вышедшие в третьем издании «Сибирь, Сибирь...» (2006). Касаясь «Русского Устья», автор книги о Распутине благодарно принимает как милость судьбы к нам, когда «выдающийся знаток русской речи» не просто запечатлел «древний русский говор», «но и сумел передать свои впечатления от него нам, читателям» (там же, с. 296).

Образ Транссиба, представленный в качестве «не просто рельсовой дороги через весь огромный сибирский материк, но и дороги, соединяющей одно столетие с другим», не проходит мимо внимания философа и приводит к убеждению, что эта «новая работа писателя является непосредственным и логическим продолжением» темы Сибири «и, даст Бог, не станет последней точкой сибирской одиссеи Распутина» (там же, с. 301).

Не буду приводить восхищённых отзывов о Кругобайкалке, воспетой Распутиным в одноимённой главе «как живой памятник истории Транссиба», – они звучат в той же тональности. Остановлюсь на строчках, которые относятся непосредственно к личности Распутина и жанру его творения. «Ко всему сказанному надо прибавить поразительную наблюдательность, острый ум и величайший интерес писателя к истории родного края. Сибирь – его родина, и уже сам по себе этот факт объясняет любовно-лирический, глубоко эмоциональный, а в некоторых местах даже возвышенный стиль распутинских поэм о Сибири». Далее следуют такие выражения, как «гордость писателя за родные места, за великий сибирский край, за его богатырский народ», вместе с «душевными волнениями... от творящегося здесь зла, неустройства... разграбления народного достояния...». При этом «чувственная энергия писателя... не выплёскивается через край, течёт ровно, сдержанно, но напористо и сильно» (там же, с. 307, 308).

Знаменательные слова: «сибирская одиссея Распутина», «распутинские поэмы о Сибири»!

Свидетельства двух иркутских профессоров наводят на мысль, что они были в шаге от того, чтобы назвать «Сибирь, Сибирь...» эпосом особого рода. Этого не произошло по вполне понятным причинам. Философ Сирий не ставил себе задачи определения жанра, а литературовед Тендитник была потрясена контрастами между величию темы Сибири, поднятой Распутиным, и гримасами современной реальности настолько, что всё внимание сосредоточила на опасности, угрожающей Сибири. Её «Колокола тревоги» датированы 1999 годом, когда всё обострилось до предела.

* * *

Но не пришла ли пора прислушаться к самому писателю, однажды ответившему на вопрос, какой он видит свою книгу о Сибири.

Валентин Распутин: «Это очерковая книжка, но всё-таки это художественная литература. Я забывался, когда работал над ней, и отдавался чистому художественному слову. Как-то вышло, что она издана за границей, например, в США, а у нас осталась незамеченной». Добавлено: «После “Сибири...” моя творческая лаборатория была опечатана»¹.

По сказанному видно, что писатель колебался в определении жанра своего детища и был уверен только в одном: это художественная литература – то самое Слово, что способно объединить многообразие жанров, привлечь всю яркость изобразительных средств во имя одной цели: создать образ Сибири, равный замыслу Творца. Слово ведёт к делу. Постигнуть замысел Творца, преобразить Сибирь по плечу лишь духовно сильным людям, готовым к преодолению препятствий и самопреодолению. Вот что главное, вот чему отдал, не жалея, свои творческие силы Валентин Распутин в XXI веке.

Так возьмём на себя ответственность признать, что «Сибирь, Сибирь...» принадлежит к высокому эпическому жанру, и дело филологической науки, литературной критики осмыслить особенности распутинского эпоса.

И последнее. Как довести лучшую из книг о Сибири до широкого круга читателей? Втиснутая в узкие рамки публицистики, с одной стороны, и фотокниги – с другой, она ждёт более внимательного прочтения, что предполагает разные способы издания, включая традиционный бумажный вариант: большим тиражом, с оформлением, не заслоняющим текста, и доступной для покупателя ценой. Она должна прийти к старшекласснику и студенту, если мы имеем в виду патриотическое воспитание, – ведь как легко читается! А также к тем, кто занимается проблемами Сибири (да и не только её!) – в помощь при разработке стратегий и планов.

До иркутян дошёл слух, что «Сибирь, Сибирь...» переводится на китайский язык. Так ли, точных сведений не имеется, но в этом случае тираж её наверняка превысит все наши выпуски во многие разы, и впечатление от текста будет тоже несопоставимым...

За нами остаётся ответ на вопрос: для кого же столь вдохновенно, не задумываясь о жанре, писал своё исполинское полотно Валентин Распутин?..

¹ Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... URL: <https://cont.ws/@VitimBabi4ev588943/full> (дата обращения: 20.10.2022).

Махмуд Мухаммед Али

Заведующий кафедрой философии и член Центра исследований будущего – Университет Асьют (Египет).

СУХЕЙЛЬ ФАРАХ И ТЕОРИЯ АЛЬЯНСА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сухейль Фарах родился в 1951 году. Он начал своё высшее образование в Московском государственном университете, где в 1979 году получил степень магистра по специальности «телевизионная журналистика». Там же в 1984 году он защитил кандидатскую диссертацию по философии истории, а в 2000 году получил степень доктора философских наук в Нижегородском государственном университете.

Начиная с 1992 года профессор Фарах преподавал разные философские дисциплины, в частности эпистемологию и философию цивилизаций, сначала в Университете г. Оран (Алжир), а затем в Ливанском университете. Кроме того, он являлся приглашённым профессором в Московском государственном университете и Нижегородском университете. С. Фарах является членом Российской академии образования и Российской академии естественных наук.

По происхождению ливанец и гражданин России, С. Фарах занимал множество руководящих позиций, включая пост президента Открытого университета диалога цивилизаций (2013–2021), председателя Ливано-Российского дома (2005–2015), научного консультанта культурных ассоциаций в России, Германии, Казахстане и Алжире, главного редактора арабского раздела сайта «Россия – Исламский мир», вице-президента Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, члена президиума Всемирного форума духовной культуры в Казахстане и члена президиума II Ялтинского цивилизационного форума. Профессор Фарах был трижды номинирован на Нобелевскую премию мира – в 2018, 2019 и 2020 годах, награждён Международной медалью Пушкина (2000), орденом Дружбы народов (2004), золотой премией им. Питирима Сорокина за выдающийся вклад в развитие идей диалога и партнёрства цивилизаций (2005).

С. Фарах также является примером скромного учёного, что отражается в его личности, поведении и всей его жизни. Кроме того, он воплощает любовь и привязанность, искренность и дружбу, мужество и ответственность в решении вопросов, связанных с родиной, нацией, культурами и народами мира, особенно российскими народами и их цивилизациями. Этот подход основан на вечных ценностях всех религий и человеческих культур.

С. Фарах опубликовал более двадцати трёх книг, переведённых на арабский, русский и английский языки, большинство из которых посвящены философии науки и вопросам диалога и партнёрства между различными цивилизациями, религиями и культурами. Его работы получили широкое признание как в арабском мире, так и в России. Среди его самых значимых книг – «Российская цивилизация: смысл и судьба», «Диалог культур в глобальном мире», «Диалог культур и религии», «Диалог и партнёрство цивилизаций», на основе которых он и был номинирован на Нобелевскую премию мира. Его деятельность с начала 1970-х годов была сосредоточена на теме диалога между цивилизациями, проблемах глобализации и вопросах культуры в современной арабской философской мысли.

С. Фарах – автор знаменитой книги «Культура спасёт мир», написанной в соавторстве с академиком Фуадом Мамедовым на русском языке (М., 2021) и переведённой на арабский доктором Мухаммадом Каджо (Дамаск, 2023). Главная идея книги заключается в том, что культура, несмотря на давление различных форм «не-культуры», способна спасти человечество, если станет философи-

ей жизни и проникнет во все сферы человеческой деятельности. Культура может сыграть важную роль в предотвращении фанатизма и экстремизма среди представителей различных религиозных, идеологических, интеллектуальных и философских течений.

С. Фарах также внёс значительный вклад в становление новой области знаний, связанной с наукой о цивилизациях. Он представляет комплексное научно-методологическое видение, которое стало новым стратегическим направлением пятого поколения цивилизаций нашей планеты. Это видение, названное ноосферно-космической цивилизацией, стремится стать альтернативой многочисленным кризисам, угрожающим человечеству на всех уровнях.

Особого внимания заслуживает книга С. Фараха «Российская цивилизация – смысл и судьба» (издательство Dag Al-Arabia for Sciences, Бейрут). За этот труд он получил международную премию им. Е. М. Примакова за «выдающийся вклад в сближение культур и религий народов» (2018). Международная премия им. Е. М. Примакова была учреждена в 2016 году в память о выдающемся дипломате, министре иностранных дел и премьер-министре России Евгении Максимовиче Примакове (1929–2015). Премия направлена на поддержку творческих усилий по углублению диалога мира и сотрудничества между цивилизациями. В этой книге доктор Фарах рассказывает о российской цивилизации, её уникальном происхождении и развитии. Он рассматривает её через комплексный социокультурный и антропологический подход, стремясь понять влияние места и времени на развитие России, а также её стремление к духовности.

Особый философский цивилизационный подход Сухейля Фараха

С. Фарах рассматривает цивилизационный подход как модель живого существования. Его работы в этом направлении охватывают все его сегменты: мы видим, как он оценивает систему ценностей, которую русский народ пронёс через свою историю, изучает опыт, который поколения русских перенесли в евразийское пространство, и проливает свет на культурное, научное и духовное наследие, оставленное российскими народами на протяжении всей истории, в моменты их побед и неудач. С. Фарах фокусируется на изучении наследия, которое было и остаётся представленным в осознании русскими людьми законов развития в природе и обществе (наука), а также в эмоциональном и поведенческом понимании моделей мышления и поведения (культура). Он также проливает свет на правила психологии, идеалы и мотиваторы (психологическое поведение, идеология, религия) и отслеживает методы передачи культурного наследия и его форм от одного поколения к другому (ценности и образование). С. Фарах также интересуется поиском сильных и слабых сторон российской геополитики и рассматривает экономику и культуру в современной российской истории.

Относительно области знаний, на основе которой он был номинирован на более чем одну награду, профессор Фарах отмечает: «Она основана на наборе базовых принципов. С методологической точки зрения, она использует научное интегративное видение, учитывающее философский, исторический, социокультурный и геополитический подходы. Кроме того, она включает футурологию, где планетарная цивилизация – человечество в целом – является предметом изучения».

С. Фарах и его коллеги в российской цивилизационной школе полагаются на «когнитивный подход, который вкратце заключается в том, что цивилизация на этой планете прошла через четыре поколения, и каждое поколение испытало определённое цивилизационное ротационное движение. Стоит отметить, что на своём нынешнем этапе современная человеческая цивилизация переживает группу кризисов, наиболее заметным из которых, возможно, является экологический кризис, выявивший проблемы между людьми и водой, воздухом и окружающей средой в целом. Когда научный разум начал вторгаться в мир природы, гармония между человеком и матерью-природой была утрачена».

С. Фарах пишет: «У каждого существующего явления, включая политическое, научное или религиозное, есть две энергии: первая – конструктивная, а вторая – разрушительная. В научной энергии нет прогресса без научного ума. Если в науке отсутствуют моральные ценности, она становится разрушительной и входит в тёмную, деструктивную область человеческой личности».

И далее: «Мы являемся свидетелями конца четвёртого поколения планетарного цивилизационного цикла. То, что мы видим сегодня перед собой, указывает на то, что планета находится в за-

труднительном положении, или, скорее, в органическом кризисе во всех областях, и его проявления очевидны не только в Ливане или на Ближнем Востоке. Вся человеческая цивилизация переживает экологический кризис и демографический кризис; наблюдается демографический взрыв в бедных районах и сокращение населения в богатых районах, а белая раса находится на грани вымирания из-за множества проблем, включая разрушение института семьи, низкую рождаемость, легализацию однополых браков, не говоря уже о неразрешимых кризисах в области экономики, общества и энергетики, а также глубокий кризис человеческих ценностей».

С. Фарах в нескольких интервью заявлял, что «наша теория, поддержанная учёными из России, Франции, Германии и США, предопределяет открытие новой научной области знаний в науке о цивилизациях, призывая к новому типу цивилизации – цивилизации ноосферы, в которой преобладают мудрость научного разума и справедливость и которая представляет собой общечеловеческие и божественные ценности... Человечество может достичь этого, выйдя из своих нынешних кризисов в альтернативное состояние, черты которого начнут проявляться с начала 2050-х годов».

Альтернативы социальному дарвинизму и войнам

Доктор Фарах пишет: «Философия истории учит нас, что решения рождаются из недр кризисов и проблем, так же как мир приходит после войн. Поэтому мы работаем над активизацией движения партнёрства между цивилизациями, религиями и разнообразными знаниями, учитывая существование огромных конфликтов между ними. Мы стремимся постоянно разоблачать социальную дарвинистскую доктрину, которая доминирует в умах тех, кто обладает властью, деньгами, авторитетом и знаниями как на Западе, так и на Востоке. Мы также показываем ограничения и даже опасности каждой тоталитарной доктрины, включая догматическую религиозную доктрину, которая верит, что она обладает абсолютной истиной. Как это возможно, когда мы живём в просвещённом мире, где умы открыты друг другу?»

С. Фарах задаётся вопросом: «Как долго будет продолжаться конфликт между религиями, между исламом и Западом и, в целом, между Востоком и Западом? Останется ли конфликт между либеральной системой и светскими системами ценностей, с одной стороны, и религиозной системой ценностей, с другой? Останемся ли мы пленниками дарвиновского менталитета, согласно которому сильнейший диктует свои условия другим, или нам следует перейти на более рациональную, открытую стадию, которая возвышает человеческие отношения?»

С. Фарах подчёркивает «необходимость обновления религиозной мысли путём привнесения в религию позитивной энергии трезвого ума и сердечного тепла, а также удержания религии вдали от политики, идеологии и зла войн». Он продолжает: «Этот мир охвачен кризисами, и мы видим, что войны усугубляют экономические, социальные и экологические проблемы, демографический кризис, а также миграцию с юга на север... мы живём сегодня во времена аксиологических крахов, поскольку тирания над восточными народами усиливается, западная система ценностей рушится, а религиозная система ценностей стареет».

С. Фарах заявляет: «Мы в российской цивилизационной школе поддерживаем теорию, которая гласит, что на этой планете существует 12 цивилизационных “блоков”, и каждый блок должен активизировать и задействовать наиболее мудрые, сознательные, ориентированные на будущее, дальновидные и стратегические энергии в своём сознании и поведении, чтобы обновить культурную, духовную и экономическую энергию всех народов этой планеты».

Важный момент, как подчёркивает С. Фарах, заключается в том, что когда речь идёт о геополитическом поле цивилизации, то обычно его связывают с основными факторами, влияющими на ход событий и их судьбу, устойчивыми историческими формациями событий, трансформациями в международных системах и отношениях, а также теоретическими и прикладными концепциями, которые помогают разгадывать загадки истории, понимать факторы, которые привели к достижению некоторых стратегических целей, и понимать природу военных, экономических и психологических войн.

Поскольку задача, поставленная в этой статье, направлена на раскрытие теории Альянса или партнёрства цивилизаций, с точки зрения С. Фараха, предоставим ему слово. Итак: «Диалог, по моему мнению, является абсолютной ценностью сам по себе, и сегодня он стал отражением культуры,

а также здоровой и прозрачной политической жизни. Однако некоторые, кто отвергал его вчера, теперь представляют его как “идеальное решение” любого разногласия, различия или конфликта. После десятилетий господства “революционных идей”, которые считали диалог компромиссом, урегулированием и уступкой, и после этапа прославления авторитета одной партии (совести нации) и единственного лидера (вдохновляющего лидера и причины существования нации) мы обнаруживаем, что поворачиваемся на 180 градусов, и диалог становится жевательной резинкой, которую жуют рты, и вешалкой, на которую навешиваются все преимущества. Так что же можно сделать, чтобы очистить диалог от его нечистот и вычистить его изнутри, чтобы он действительно мог стать инструментом для взаимопонимания и сосуществования народов?»

Философия диалога по Сухейлю Фараху

С. Фарах не остановился на этом, сказав: «Диалог происходит между двумя разными людьми. Либо мы верим в диалог, что подразумевает признание разнообразия и различий, либо мы утверждаем, что мы идентичны, и тогда нам не нужен диалог. Сколько из нас в прошлом заявляли, что хотят слепить людей по одному шаблону, и сколько раз они пытались заставить людей принять одно убеждение. Однако факты жизни победили их, первым из которых является реальность различий между людьми. Различие (или разнообразие и многообразие) – это не аномалия, а скорее всеобъемлющее, самоочевидное формирующее правило в любом человеческом обществе, будь то на местном, национальном, региональном или глобальном уровне. Поэтому попытки устранить его под предлогом единства и конформизма – бесполезное усилие, которое в лучшем случае отражает непонимание и неверное суждение. В условиях различия или многообразия сосуществование в рамках единства требует принятия «общих оснований» (стратегических договорённостей или национальных соглашений), без которых общественная жизнь и международное сообщество не могут развиваться.

С. Фарах совместно с российскими коллегами работали над диалогом цивилизаций и культур между Россией и арабским и исламским миром, где они оказались как будто бы возделывающими минные поля на границах между двумя сторонами. Проблема сама по себе возникает не из-за существования различий или различных систем интересов, поскольку это естественное явление между людьми, а скорее из-за неспособности создать систему общих интересов или из-за саботажа этой системы, если она существует. Поэтому диалог должен начинаться с признания другого таким, какой он есть, с уважения этого различия и понимания его причин, рассматривая его как стимул к интеграции, а не призыв к разделению. Соответственно, диалог не призывает другого отказаться от своей позиции или своих законных требований, а также не стремится поглотить его или идентифицировать себя с ним. Диалоговые усилия направлены на нахождение общего пространства, его кристаллизацию и начало совместного рассмотрения вещей, что позволяет прийти к новым выводам, на которых строятся более глубокое понимание и более позитивные позиции.

В этом смысле диалог, по мнению С. Фараха, выходит за рамки плана «сближения и приближения» или политики «союза и приспособления», чтобы войти в проект «солидарности» с партнёром, которого всецело уважают и который равен, рассматривая общности как основополагающий вопрос для каждой стороны в целях достижения своих интересов. Солидарность (формула, дорогая нашим русским братьям) – это не приверженность партии или центру (как во времена Коминтерна) и не связь с верховным командным органом (как в теократическом правлении и опеке исламского юриста), а скорее проявление и воплощение общностей и различий одновременно. Мы работаем над внедрением и развитием общностей, которые позволяют нам совместно расти, и прощаем друг другу то, в чём мы не согласны, без того чтобы разница превращалась во вражду («Отдай лучшее, и тогда тот, с которым у тебя вражда, станет как твой близкий друг» – Священный Коран). Настоящий диалог требует от собеседника смелости пересматривать и задавать себе вопросы, поскольку в своём глубочайшем смысле это способность видеть себя с позиции другого и способность понимать другого, наблюдая за его собственными соображениями и стандартами.

Успех в кристаллизации общего знаменателя, с возможностью приверженности ему, по мнению Сухейля Фараха, такой же, как успех в установлении «урегулирования» на основе осознания

и убеждения. Урегулирование – это не что иное, как договор, который обязательно включает в себя взаимные уступки. Социальный договор, на котором основан гражданский мир в обществах, по сути, является сложными урегулированиями, которые требуют постоянной заботы и хорошего управления со стороны их владельцев, так же как они требуют творческого подхода для их обновления параллельно с развитием жизни. Крупные соглашения или стратегические договорённости на глобальном уровне – это те, которые устанавливают диалогическую солидарность между различными культурами и народами.

С. Фарах не останавливается на этом, подчёркивая, что диалогу нужна мысль, которая уважает различия и многообразие, поскольку национальные и международные общественные истины являются сложными образованиями со многими лицами и измерениями, а не простыми, абсолютными сущностями с одним измерением. Диалог – это мысль, которая преуспевает в обмене и композиции, основанной на честном посредничестве, не склоняясь к целостной интеграции, которая устраняет расстояния и границы, или не впадая в разделительную, партийную ветвь, которая разрывает отношения и устраняет коммуникацию.

Совокупность концепций, связанных с диалогом, по мнению С. Фараха, приводит нас к убеждению, что это образ жизни, а не просто средство, которое отвергается, когда определённая цель достигнута. Поэтому оно постоянно обновляется и отвечает интуиции жизни и потребностям общения и общества. Это также позиция большой смелости и отваги, особенно во время подъёма инстинктов и фанатизма, потому что оно избегает бегства вперёд через экстремизм или бегства назад через негатив и очищающее отстранение.

Как считает С. Фарах, концепция диалога в наших странах не избежала различных искажений, которые отдаляют её от её истинной цели. Иногда диалог становится формой холодного конфликта, когда некоторые считают его обсуждением и спором (расследованием того, как привлечь другого к ответственности) или дебатами (соревнованием, хвастовством и стремлением к победе). В других случаях диалог становится ограниченным и бесплодным механизмом, когда некоторые считают его обменом точками зрения посредством хитрой дипломатии или перемирием между двумя периодами конфликта или лучшим из временно доступных вариантов среди всех плохих. Во всех случаях самовозвышение препятствует общению и обмену, то есть настоящему диалогу.

Диалог, как отмечает С. Фарах, – это постоянный поиск общей почвы с открытостью и смиренностью, основанный на идее урегулирования и на ценностях посредничества и баланса. Что касается альтернатив диалогу, то они практически означают продолжение конфликта и появление возможности агрессии в отношении другого, с сопутствующим ослаблением основ любого общества и растратой общего наследия человечества. Всё это выходит за рамки настоящего, представляя собой атаку на основы будущего. Цель диалога – подготовить площадку для людей, где они могли бы познакомиться друг с другом в качестве прелюдии к взаимопониманию и осмыслению; диалог не может быть построен ни на чём ином, кроме стандартов истины, свободы и справедливости, которые приемлемы с точки зрения религии и морали для всех народов и цивилизаций.

С. Фарах подчёркивает важный момент: «Вместо идеи конфликта, столкновений и культурных войн, среди многих групп на этой планете существует тенденция к равноправному диалогу и сближению ценностей. Концепции, принципы и видения могут мирно распространяться в пределах одной культуры и могут взаимодействовать с другими культурами. Инстинкт, наркотики, насилие, дешёвый секс и глупая страсть – всё это ценности материалистической потребительской культуры. Человечество, как справедливо заметил русский мыслитель Игорь Бестужев-Лада, реализует себя, устраняя угрозу бескультурности или “антикультуры”».

С. Фарах продолжает, говоря, что, прежде чем человек попытается избежать столкновения с другими, он должен «искать внутри себя причину, которая привела к неспособности найти язык спокойного диалога и тёплой атмосферы встречи с другими. Мы должны освободить себя от опасности изоляции, экстремизма и фанатизма, и наши отношения с самим собой должны быть критическими. Чем более человек открыт с другими, тем сильнее будет его способность к диалогу. Это также отражается в отношениях между обществами и цивилизациями. Отношения между культурами не обязательно основаны на конфликте, столкновении и противоречии. Внутри каждой сильной или слабой цивилизации, между религиозными или этническими группами, между соседями, внутри семей и внутри каждого из нас есть открытое и закрытое, терпимое и фанатичное, демократичное

и тираническое, любящее и ненавидящее, миролюбивое и кровожадное, и каждый призван возвышать положительные аспекты в себе и других».

В заключение отметим, что в этой статье мы даём лишь краткий, беглый взгляд на теорию диалога культур и цивилизаций с точки зрения С. Фараха, творческого мыслителя и уникального учёного, который посвятил всю свою жизнь служению арабской культуре, укреплению связей между российским и арабским миром, внося заметный вклад в этом направлении.

Источники

1. Фарах Сухейль. Столкновение, или Встреча культур // Вопросы Востока. Бейрут: Центр стратегических исследований, 2001, № 104.
2. Фарах Сухейль. Русская геополитика: черты силы и слабости // Вопросы Востока. Бейрут: Центр стратегических исследований, 2003, № 112.
3. Фарах Сухейль. Арабский мыслитель между своей властью и властью тиранией // Журнал современного арабского мышления, Центр национального развития, 2003, № 126–127.
4. Фарах Сухейль. Культурная глобализация и судьба цивилизаций: американский и русский подход // Вопросы Востока. Бейрут: Центр стратегических исследований, 2004, № 113.
5. Фарах Сухейль. Религия и политика в России (Православная церковь и власть как пример) // Вопросы Востока. Бейрут: Центр стратегических исследований, 2005, № 118.
6. Фарах Сухейль. Критика критики и общение с самим собой и другим // Арабское мышление, Институт арабского развития, 1999, Т. 20, № 96.
7. Фарах. Сухейль. Русский ориентализм: его возникновение и исторические этапы // Институт арабского развития, 1983, Т. 5, № 31.
8. Фарах Сухейль. Об арабском исламском наследии: философская точка зрения на советский ориентализм // Журнал современного арабского мышления, Институт арабского развития, 1982, Т. 22, № 20.
9. Фарах Сухейль. Русская геополитика: черты силы и слабости // Вопросы Востока. Бейрут: Центр стратегических исследований, 2003, № 112.

Наталья Нефёдова

Наталья Викторовна Нефёдова – родилась в 1981 году в деревне Большой Зетым Дебёсского района Удмуртской АССР. В 2004 году окончила Пермский государственный университет (ныне Пермский государственный национальный исследовательский университет) по специальности «Филология. Русский язык и литература». После окончания учёбы работала как свободный специалист: занималась написанием текстов, редактированием и корректурой публицистики, переводческой и учебной литературы, помогала авторам самиздата. С 2018 по 2021 год сотрудничала с научно-техническим журналом «Базальтовые технологии» (г. Пермь). В 2021 году оформила самозанятость. Живёт в городе Очёре Пермского края.

РЕЦЕНЗИЯ НА ПОВЕСТЬ

С. СОБАКИНА «ВЫБОР(Ы)» (ЖУРН. «БЕРЕГА», № 5-2024)

Повесть с эксцентричным названием «Выбор(ы)» (публ. в журн. «Берега» – № 5-2024) талантливого писателя Сергея Собакина буквально поражает читателя с первых же строк. По мере чтения эмоции будут только накаляться, настолько неординарным и неоднородным является это произведение. Что это – мистика, ужасы, сатира, пародия? И то, и другое, и всё вместе взятое. Автор не изменяет себе, сочетая излюбленные жанры, и получается поистине нетривиальная история. Итак, рассказ начинается с того, как некий президент некой страны (здесь нет реальных названий и имён, но все понимают, о чём и о ком именно идёт речь) попадает в таинственное, потустороннее место (чистилище), где встречает Самого Бога – Творца всего сущего. Всевышний пытается достучаться до совести и разума наивного простофили-президента (фамилия Сэйнтчайлд – «святое дитя» – ему под стать) и показывает ему неискажённую действительность, сверхъестественным образом перемещая его в пространстве и времени в различные ситуации, которые когда-либо происходили на земле, – как частные, так и глобальные. Примечательно, что подобный приём автор использует и в своём рассказе «Шанс» (публ. в журн. «Наш современник» – № 10-2023) о противостоянии добра и зла. Но, в отличие от «Шанса», здесь мы не увидим противоборства добра и зла как такового; «Выбор(ы)» – это скорее анатомия зла, его анализ, а также острая, язвительная над ним насмешка. И без гротеска здесь не обошлось. Помимо прочего, явственно прослеживается пародия на одну западную страну (обойдёмся без названий, всем и так понятно, что это за страна), с которой, собственно, и начинается рассказ:

«Эта история, которая, безусловно, является вымыслом и небылью, произошла в одном западном государстве, именуемом Θ, которое испокон веков мнило себя самой великой державой и претендовало при этом на мировое господство и беспрекословное подчинение всех и вся, – других стран и народов, каковы, по мнению правительства сей могущественной державы, являлись разве что обслуживающим персоналом и ресурсом “избранников Божьих”. Ну а люди... Люди, как считали хозяева мира, – это недочеловеки и рабы, расходный материал или что-то вроде того. Нет, вы не подумайте, дорогой читатель, что это была некая форма расизма, национализма или, боже упаси, фашизма, – нет. Великие правители так не считали, тем более что у них, у этих самых властителей, в их многоконфессиональной и многонациональной стране проживали все (“понаехавшие” со всего света), кто грезил западной мечтой и прочими атрибутами роскошной и успешной во всех отношениях жизни. Поэтому, разумеется, речи никогда не заходило о том, чтобы истребить народы мира, а всего лишь подчинить себе оные, дабы те поработали с пользой для западной цивилизации и, естественно, на благо всего человечества; ибо золотой миллион, как

полагали властелины мира, находился не где-нибудь, а именно в западной части глобуса – месте, отмеченном Самим Богом, Которого сей избранный народ (что удивительно, состоящий из самых выдающихся представителей белого, чёрного, жёлтого, красного и прочего человечества) весьма почитал и восхвалял».

Некоторые названия и вовсе дают прозрачный намёк («Клинтогон», «Треугольный кабинет»), а каламбуры в именах и титулах как минимум вызывают улыбку («Чертиль», «дочертимая»).

Значительной частью мини-повести является литературная карикатура на всевозможные теории заговора, конспирологию, тайные общества. Автор, обладая богатым воображением, приподнимает перед читателем завесу мирового закулисья и подробно, в красках рассказывает, что там происходит. Некоторые моменты, особенно детальное описание ритуалов, изумляют, повергают в шок, и порой даже кажется, что всё это – за гранью добра и зла. Например, жуткие предметы, которые появляются после действий главных персонажей, просто ошеломляют: «<...> *Граф курил взятая сигару за сигарой, а советники без конца выдували пар из кальянов, что стояли рядом со столом, представляя собой огромные резервуары с розовой жидкостью, где плавали маленькие человечки, – то ли младенцы, то ли карлики*». После такого у читателя, возможно, волосы на голове зашевеливаются от ужаса.

Однако было бы большим заблуждением усмотреть в этом произведении только лишь попытку нагнать на читателя страху и высмеивание всем известной западной страны да конспирологических теорий. Автор, конечно, смеётся, но отнюдь не развлекается. Он поднимает ряд вопросов, которые волнуют всех: что будет после смерти? каково будущее человечества? есть ли Бог? влияет ли выбор конкретного человека на глобальные процессы? Впрочем, автор сам же и на них отвечает, и вывод напрашивается сам собой, да и в конце рассказа становится предельно ясно – что, зачем и почему:

«<...> Можно, конечно, сейчас оспаривать точку зрения автора: дескать, ничего нового я не узнал и не услышал, да и идея сего “произведения”, мол, давно устарела и покрылась пылью, как бивни мамонта в музее Дарвина, и что всё это пуританство, нотации, нравоучения и прочее уж очень приелись, – прошлый век! Но... Подумайте сами, милый друг, сколько грязи и беззакония творится на улицах, в домах, в мире (!), в конце концов, – уму непостижимо! Посему заключим, что жизненно важно в наши дни (по современному состоянию общества) напоминать ему, что оно давно сгнило и отдаёт душком, так сказать; поскольку упало уже ниже плинтуса, ниже таракашек каких-нибудь, а ведь человек – не таракашка, не животное и даже не обезьяна, а венец божественного творения! Так давайте не забывать, мой милый друг, к чему мы призваны: быть подобием Бога, ибо создавал нас Творец по Своему образу. А значит, нужно, по всей видимости, соответствовать высокому званию Человека с большой буквы и творить дела, угодные Господу...»

То есть идея мини-повести далеко не нова, но реализация её очень нестандартна.

Стоит ли читать столь многозначное, своеобразное произведение? Определённо да, причём оно будет интересно самой широкой аудитории: от любителей не только посмеяться, но и поразмышлять, и до ценителей оригинального. Не говоря уже о том, что повесть «Выбор(ы)» непременно станет пищей как для ума, так и для души.

Берега прочтения

Эляна Суодене

Эляна Суодене – доктор гуманитарных наук. Родилась в Минске в 1958 году в семье служащих. В 10 лет вернулась с матерью в её родную Литву, город Каунас. Окончила Вильнюсский государственный университет. Тема диссертации – «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)». Автор нескольких поэм о Серебряном веке. Автор ряда стихотворных сборников, посвящённых Православию. Автор идеи и руководитель фестиваля духовной поэзии «Покрова» – единственного русскоязычного литературного фестиваля подобного рода в Прибалтике. Золотой лауреат национального конкурса «Золотое перо» (2017). Награждена государственной наградой Литовской Республики – серебряным знаком отличия «За заслуги». Живёт в Каунасе

«...В РОССИИ ПУШКИН ДЛИТСЯ» РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ЖУРНАЛЕ «БЕРЕГА» 5-2024

С высоты 225-летия со Дня рождения Александра Сергеевича Пушкина вчитываюсь в страницы журнала.

Какие черты русского мироощущения, обозначенные русским гением с невроятной лёгкостью и чрезвычайной глубиной, продолжают поныне, являя сердцевину русской ментальности?

Прежде всего – гражданственность. Именно гражданственностью пронизаны строки Валерия Герланца, запечатлевшего бесчеловечное уродство войны:

Жизнь и смерть в этот жуткий миг
Словно стали единым целым.
Тот, кто тайну атак постиг,
Стал сильнее и душой, и телом.

Гражданская нота неотделима от исторического контекста:

Саур-могила – место роковое!
Она свидетель многих ратных дел,
Мимо неё то с посвистом, то с воем
Несли татары в дальний свой удел.

Курган сей знал сарматов, гуннов, готов
И полчища иных степных племён,
В окопных побывал он переплётах,
Жестокостью людскою удручён.

Эпохи проносились друг за другом,
В боях звенела сабельная сталь,
Свистели стрелы и рвались подпруги,
Чтоб стала чей-то эта высота.

Неотделима гражданственность и от памятников культуры, тысячелетия свидетельствующих противоборство разных сил в развитии человеческой цивилизации:

Содрогалась земля, воздух гарью пропах,
И музейные стены осели в руины...
Только бабы, презрев монолитный свой страх,
Продолжали стоять перед сполохом минным.

Гражданственность русского ярко выражена и в стихотворении Юрия Богомолова:

На этом хрупком переломе
Мир лихорадило везде,
И Русь была почти что в коме,
На радость недругам извне.

Нас всех когда-то разделили,
Неслышно нелюди вползли,
И вот тогда нас всех стравили,
И шёпот Гоголя в могиле,
И эхо Пушкина в Пальмире
Помочь с тех пор нам не смогли.

Или:

Душа болит в славянском теле,
Который век горит свеча.

В стихах Елены Бобровой с горько-современным названием «Остарбайтеры» (ассоциация с девчонками) пронзительно описываются события Второй мировой войны, и историческая достоверность, пронизанная состраданием, что было столь характерно и русскому гению, находит свой ответ в строках этого стихотворного цикла. Историческая правда передана с непосредственностью русского сердца, и в зрелом возрасте сохранившего свою чистоту, способную на правдивую глубину эмоций – гнев, радость, сочувствие. Правда нелицеприятная – врагами угнанные дети и в старости в своей родной стране порой воспринимаются как чужие, и такие явления требуют справедливого заступничества. Вспоминается:

...Что чувства добрые я в людях пробуждал,
Что в свой жестокий век восславил я свободу <...>

Милосердное сердце, способное на защиту, – этого в русских пока не убили.

Если тексты Валерия Герланца являются историческим свидетельством художественного произведения об ужасах боевого противостояния, то стихотворения Валерия Черкессова являются отражением жизни прифронтового мирного Белгорода. Подборка названа предельно выразительно: «Стихи из фронтового Белгорода 2024». И вопрос, заданный поэтом, остаётся открытым:

Хлеборобы выходят в поле.
Наготове бронежилет –
Ничего неестественней нет!
Неужели на то Божья воля?

Эти строки звучат так всечеловечно! Общечеловеческая значимость написанных поэтических строк отличала труды Александра Сергеевича Пушкина, и сегодня тексты современных поэтов порой читаются предельно обобщённо, выявляя уродливую сущность насилия войны.

Противоестественность для человеческого сознания губительного убийства мирных граждан отражена и в стихах Татьяны Носовой, также свидетельствующей нынешние будни Белгородчины:

С ума сойти! Обычная гроза!
И град обильный, а не установка,
И молния по небу шарит ловко,
И на щеке дождинка, не слеза.

Или:

Многострадальная земля,
Опять тебя металлом режут.
Ты выдержала бездну зла...
На старых ранах столько свежих!

Любовь как сердцевина русской ментальности проявлена в гармоничных строках Александра Осыкова:

И зазвучит, как эхо дальнее,
Вновь голос минувших веков,
Даруя грусть исповедальную
Душе, лишившейся оков.

И вновь нелицеприятная правда об Отечестве, свидетельствовать которую было дано и гению Пушкина:

А сколько гениев, героев
Взрастило русское село!
Зачем же разрушать устои
В привычку на Руси вошло?

И ещё:

Нынче время успеха, время денег, греха и разврата,
Что за подлое время, лукавое время пришло!
Неужели навек наш народ позабыл без возврата
Свои сказки о том, что любовь обесславила зло?
Мы никак не найдём в мире этом златой середины,
Нас из крайности в крайность бросает безудержно Рок.

Но даже на нашу национальную безудержность Пушкиным была найдена словесная форма, и именно этому целостному отражению первозданной гармонии мира в гармоническом строении формы стиха, отражающего бездонность божественного духа, взалкавшего Истины, мы обязаны в лучших образцах современной русской поэзии, в том числе публикуемой и в журнале «Берега».

Стремление к небесной гармонии, свойственной перу русского гения, сквозит в строках Екатерины Громовой:

Мне хочется не дум, а созерцания,
Не зауми, а тихой красоты –
Неброской, как далёкое сияние
В небесном море крохотной звезды.

А всечеловечная, всеотзывчивая мудрость – неотъемлемая черта литературной сокровищницы, созданной великим русским поэтом Пушкиным, мерцает в женских стихах Ларисы Межениной:

Так бывает – из множества птиц,
Из поющих пернатых друзей
Мы подчас выбираем синиц,
А не солнечных журавлей.

Только сердце зачахнет в тоске,
Как убитая зноем земля,
С приручённой синицей в руке
Вместо солнечного журавля.

Можем с полной уверенностью свидетельствовать, прочитав поэтические строки в журнале «Берега» № 5-2024, что «...в России Пушкин длится»!

И влечёт нас, поколение за поколением, «Тайна вечности А. С. Пушкина». Именно – тайна вечности в творчестве А. С. Пушкина! Этим ёмким заголовком открывается статья Лидии Владимировны Довыденко, опубликованная в журнале: представлен обзор сборника под редакцией С. Фараха «Пушкин – незаходящее солнце культуры».

Из приведённых выше строк видно, что русская поэзия продолжает традиции, заложенные непревзойдённым гением Пушкина, – всеотзывчивость, всечеловечность, всечувственность, – в стремлении к неповторимой тайнописи слова, объявшаго цивилизационные коды, восходя к божественной гармонии вселенского лада.

Каунас, 31.10.2024

Валерий Герланец

Валерий Герланец – поэт, прозаик, драматург и публицист. Родился в г. Орске Оренбургской области. Окончил Донецкий политехнический институт, а затем Высшие курсы режиссёров и сценаристов при Госкино и Союзе кинематографистов СССР (мастерская С. Лунгина, г. Москва). Член Союза писателей России и ДНР. Автор более 60 книг для детей в прозе и стихах, вышедших в различных издательствах Украины, России, США, Чехии, а также пьес, которые были поставлены в театрах Донецка, Днепропетровска, Луцка. Произведения В. Герланца получили награды ряда междуна-

родных литконкурсов. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Духовность».

СКАЗ ОБ АСТЕРОИДЕ И ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ

Встреча

Астероид летел по своей привычной траектории, преодолевая гигантские космические расстояния. Его огромное бесформенное тело, сплошь покрытое большими и маленькими кратерами, а также причудливыми грядами гор, стремительно рассекало межзвёздное пространство, то приближаясь к какой-либо солнечной системе, то удаляясь от неё.

В одной из бесконечного множества солнечных систем астероид вдруг увидел планету, поразившую его своей невероятной красотой. От ярко сияющей звезды она была третьей по счёту и самой очаровательной не только в своей крошечной системе из девяти планет, но, пожалуй, и во всей галактике. Уж кто-кто, а астероид, много миллионов лет путешествующий в бескрайних космических просторах, знал это лучше других.

Планета-красавица была ослепительно молода. Большую часть её поверхности занимали искрящиеся солнечными бликами голубовато-бирюзовые воды океана, над которыми возвышался суперконтинент, почти весь покрытый буйной растительностью. Словно под звуки вселенского вальса планета медленно вращалась вокруг своей оси, одновременно скользя по орбите, определённой невыблемыми законами небесной механики.

Раз, два, три... Раз, два, три... Астероид под такт музыке тоже сделал несколько неуклюжих оборотов и с нескрываемым восхищением устремил взгляд на приглянувшуюся ему красотку, которая то и дело вздрагивала, словно её одолевали приступы смеха.

– Вы надо мной смеётесь? – решил поинтересоваться он у прелестной незнакомки, которая в вали из атмосферы и облаков выглядела ещё более обворожительно.

– Ну что вы! Я... я дрожу не от смеха, а от землетрясений, которые вызывают извержения вулканов. Почти двести миллионов лет внутри меня клокочет магма, трещит и раскалывается на части литосфера... Процесс создания материков не прекращается ни на миг, – пояснила своё поведение планета.

– Но зачем вам всё это?! Вы и так сказочно прекрасны! – пылко воскликнул астероид. – Я уже в который раз облетаю Млечный Путь, но впервые повстречал космическое тело, которое может служить идеалом во всём.

– Вы льстите, – смущённо проговорила третья планета.

– Мне не знакома лесть. Я всегда прямолинеен, как мой путь из точки А в точку Б. Признаюсь: я бы отдал всё, чтобы стать вашим спутником.

– Но у меня уже есть спутник – Луна.

Астероид мельком взглянул на висевшую неподалёку от третьей планеты Луну и тоном, не терпящим возражений, произнёс:

– Ваш спутник не испытывает к вам таких пылких чувств, как я. Он бледен, холоден и, на мой взгляд, совершенно безучастен.

– А вы?

– А я... весь горю от переполняющих меня чувств. Я хочу быть рядом с вами сегодня, завтра, вечно...

– Но это невозможно!

– Даже невозможное становится возможным, когда рождаются подлинные чувства, притягивающие друг к другу! – с пафосом прокричал космический странник.

Он предпринял несколько попыток свернуть со своей привычной орбиты, но невидимые все-ленские силы не дали это сделать. Они не позволили ему совершить необдуманный шаг, направив на путь истинный, с которого ни астероид, ни какое-либо другое космическое тело не имели права сойти. Опечаленный таким поворотом событий, астероид заметил, что расстояние между ним и красавицей-планетой стало увеличиваться, и попросил её назвать своё имя.

– Меня зовут Земля, – долетел к нему её ответ.

– А моё имя – Афис... Запомни – Афис! Я осколок некогда существовавшей планеты Афисы...

Динозавры

Метеором промелькнули двести пятьдесят тысяч лет, и влюблённый астероид Афис вновь оказался в этой же части галактики, где повстречал красавицу-планету. Увидев Землю, его бывшие чувства вспыхнули с новой силой, и их яркий свет, озарив планетарную систему звезды по имени Солнце, устремился в глубины дальнего космоса.

– Привет, любимая! – радостно прокричал астероид. – За время моего отсутствия ты стала ещё краше: на твоей поверхности появились материки, острова и океаны.

– Однако их заселили огромные рептилии – динозавры. Они живут на суше, носятся над ней, резвятся в океанах. Они поедают растительность, любую живность и друг друга. По сути, я стала пленницей всех этих тираннозавров, птерозавров, диплодоков, ихтиозавров...

– Так избавься от них!

– Но как? Они плодятся просто с космической скоростью, а их свирепость не знает границ, – посетовала Земля.

– Надо показать характер. Например, совершить кувырок, – предложил Афис.

– Я пыталась, но у меня ничего не вышло.

– Тогда измени угол наклона оси своего вращения. Это намного легче, чем сальто-мортале, – сказал Афис, продемонстрировав Земле, как это осуществить.

Третья планета нутужилась и, сделав несколько попыток, действительно изменила наклон своей оси, вокруг которой она миллионы лет неторопливо вращалась, одновременно облетая по заданной орбите своё Солнце, которое дарило ей свет, тепло и надежду на нескорое угасание.

– И что теперь? – поинтересовалась Земля.

– Наберись терпения. Скоро наступит Ледниковый период и все эти ужасные и злобные динозавры вымрут.

– Спасибо. А как твои дела, Афис? Ты по-прежнему хочешь стать моим спутником?

– Я только и мечтаю об этом, но не знаю, как победить силы, которые не пускают меня к тебе, отправляя в бесконечное странствие по Вселенной.

– Жаль, я так хотела иметь такого преданного спутника, как ты. Чем я хуже Юпитера или Марса!

– Я верю, верю: мы обязательно будем вместе! – прокричал Афис. – До встречи, моя милая Земля!

Двуногий разум

По космическим меркам всего-то часом показались нашему астероиду пробежавшие очередные двести пятьдесят тысяч лет. За этот отрезок времени вспыхнули мириады сверхновых звезд и на-

всегда угасли почти столько же старых. Появились свежие пульсары, посылающие таинственные сигналы другим мирам, и чёрные дыры, втягивающие в себя всё, что попадалось на их пути, даже космическую пыль и световые волны. Силы тяготения совместно с потоками элементарных частиц, пронизывающими космос вдоль и поперёк, продолжали свою бесконечную работу по созданию новых галактик, разных по форме, размеру и назначению.

Вселенная жила своей привычной жизнью, которая строго подчинялась ею же установленным законам, и в ней не было места чувствам. Была лишь строгая предопределённость всего происходящего, присущая бездушной гигантской машине, некогда запущенной кем-то для никому непонятных целей. Поэтому чувства, которые неожиданно стал испытывать астероид Афис к планете, затерявшейся в глубинах одной из галактик, были никому непонятны и по своей сути бессмысленны в запрограммированном мире небесной механики. Как это чувствовать? Для чего? И главное, зачем? Какой толк от всех этих любовных переживаний, если их нельзя увидеть, потрогать, точно измерить или взвесить? На просторах Вселенной вообще не должны рождаться чувства: здесь абсолютно всё и вся просчитано и уже миллиарды лет вершится по чёткой Высшей программе!

Афис прекрасно осознавал это, но всё равно продолжал думать о предстоящей встрече с Землёй, с нежностью вспоминая лишь присущие именно этой планете красоту, грацию и жизнелюбие. Эти воспоминания согревали его в невероятно студёных космических просторах, а ещё они рождали тончайшие вибрации звука, превращающиеся в чудесную мелодию любви. Думая о предстоящей встрече, астероид охватывала радость, которая искрилась и брызгала во все стороны, призывая всё звёздное сообщество светиться радостью вместе с ним. Но звёздный хоровод продолжал оставаться совершенно безучастным.

И вот, наконец, Афис вновь оказался рядом с Землёй.

– Привет! Безумно рад тебя видеть! – мячиком запрыгал от распиравших его эмоций астероид. – Тебе очень идёт эта белая шапочка на макушке.

– Это Арктика – кусочек Ледникового периода, который помог мне избавиться от динозавров.

– Значит, теперь у тебя всё в ажуре?

– Не совсем. На мне завелись какие-то мелкие двуногие существа – очень беспокойные и злобные, – пожаловалась Земля.

– Их много?

– Пока не очень, но они уже стали доставлять мне массу неприятностей: всё время что-то ковыряют, бурят, жгут. А ещё они постоянно воюют друг с другом – по любому поводу и даже без.

– Так устрой им землетрясение, ураган, торнадо, в конце концов, наводнение...

– Устраивала – и не раз. Но эти двуногие живучи, как тараканы. Я уверена, что в отличие от других живых существ они наделены разумом, который помогает им справляться с любыми катаклизмами.

– Тем более от них нужно срочно избавляться. Такие же существа в своё время уничтожили мою цветущую планету Афису, – печально проговорил астероид.

– Я попытаюсь, но не уверена, что у меня получится.

– Устрой им Всемирный потоп.

– Думаешь, поможет?

– Даже не сомневаюсь. Океанские воды смоют с твоей поверхности всю эту двуногую нечисть! – с уверенностью проговорил Афис и нежно добавил: – До скорого свидания, родная!

Катастрофа

И вновь, завершая полный оборот по своей орбите, астероид Афис стремительно летел на очередную встречу со своей возлюбленной. Он очень соскучился по её сине-бирюзовым океанам, изумрудным материкам и белоснежной шапочке из толстого слоя льда на самой макушке, где находился Северный полюс. Астероид вновь хотел услышать переливчатый голос Земли и её сетования на те или иные неприятности, чтобы посочувствовать и помочь советом. Эта планета, несмотря на свои крошечные размеры, притягивала его куда больше, чем планеты-гиганты, размеры которых в десятки, а то и в сотни раз превосходили земные.

Ворвавшись в знакомую Солнечную систему, астероид пронёсся мимо Плутона, Нептуна, Урана и Сатурна, окружённого кольцами из искрящихся в солнечных лучах миллиардов льдинок. Афис облетел огромный газовый шар – планету Юпитер с кучей сопровождавших его спутников, но так и не обнаружил красавицу Землю. Она всегда находилась между Марсом и Венерой, недалеко от пояса его дальних родственников – астероидов. Он искал её на фоне мерцающих звёзд, метеоритных дождей и хвостатых комет...

Наконец Афису удалось рассмотреть третью планету, полностью закрытую плотной пеленой из пыли и пепла. Если раньше – раз, два, три, раз, два, три – она медленно вращалась под божественную мелодию вселенского вальса, то теперь просто безжизненно следовала по своей орбите.

– Здравствуй, милая! Что с тобой произошло? – взволнованно спросил астероид.

– Это ты, Афис? – едва долетел до астероида печально-надтреснутый голос, совершенно не похожий на звонкий голосок его любимой планеты.

В беспрерывно клубящейся мутно-серой пелене неожиданно появилась прореха, через которую Афис увидел Землю. Она изменилась до неузнаваемости: с её лика напрочь исчезли океаны и материки, как, впрочем, и модная белая шапочка на макушке. Абсолютно всё было покрыто толстым слоем пыли и пепла. На планете не наблюдалось никакого проявления жизни, и даже лучи солнечного света умирали, так и не достигнув её мрачной поверхности.

– Да, это я. Объясни, что случилось? Умоляю! – голос Афиса подрагивал и прерывался.

– Я пыталась как-то притормозить интеллектуальное развитие двуногих, но не смогла... Пока ты отсутствовал, произошло непоправимое... Они устроили ядерный ад. Взрывы, огненные смерчи и дикая радиация уничтожили всё живое.

– Но главное – ты осталась цела. А значит, есть надежда... Просто мы с тобой совершили роковую ошибку.

– Какую, любимый? – прошептала Земля.

– Нам не нужно было трогать динозавров... Ведь пока существовала их огромная прожорливая популяция, люди на твоей поверхности не появлялись...

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.